

ΛΕΟΝΤΟΣ ΔΙΑΚΟΝΟΥ

ΙΣΤΟΡΙΑ

ЛЕВ ДИАКОН

ИСТОРИЯ

ΠΕΡΕΒΟΔ

М. М. КОПЫЛЕНКО

ΣΤΑΤΥΑ

М. Я. СЮЗУМОВА

ΚΟΜΜΕΝΤΑΡΙЙ

М. Я. СЮЗУМОВА, С. А. ИВАНОВА

ΟΤΒΕΤΣΒΕΝΝΗЙ ΡΕΔΑΚΤΟΡ

ЧЛЕН-ΚΟΡΡΕСПΟΝΔΕΝΤ АН СССР

Г. Г. ЛИТАВРИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО 'НАУКА'

МОСКВА · 1988

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

*К. Э. Ашрафян, Г. М. Бонгард-Левин,
В. И. Буланов (заместитель председателя),
Е. С. Голубцова, С. С. Дмитриев, В. А. Дунаевский,
В. А. Дьяков, М. П. Ирошников, Г. С. Кучеренко, Г. Г. Литаврин,
А. П. Новосельцев, А. В. Подосинов (учебный секретарь),
А. Н. Пушкирев, В. И. Ругенбург, А. М. Самсонов (председатель),
В. А. Тишков, Э. В. Удальцова (заместитель председателя)*

Редактор перевода

С. А. ИВАНОВ

Рецензенты:

Я. Н. ЩАПОВ, М. В. БИБИКОВ

ББК 63.3(0)3

ОТ РЕДАКТОРА

Лев Диакон — один из крупнейших византийских авторов второй половины X в. В десяти книгах своей «Истории» он описал современные ему события внутренней и в особенности внешнеполитической жизни империи. Его повествование охватывает преимущественно 959—976 гг., хотя в ряде экскурсов он сообщает факты, относящиеся к более позднему времени (вплоть до 992 г.).

Труд Льва Диакона, близкого к придворным кругам и весьма осведомленного автора, — ценный и интересный источник не только по истории Византийской империи, но и Болгарии и Древней Руси: балканские войны киевского князя Святослава в 968—971 гг. составляют один из основных сюжетов его сочинения. Сообщаемые им при этом сведения нередко уникальны. Важно, что историк не просто излагает ход событий, а пытается их осмыслить, дать им оценку. В отличие от предшественников — хронистов-компиляторов IX—X вв., Лев Диакон создал свое сочинение в жанре исторического повествования. Между тем «История» Льва Диакона была переведена с греческого на русский язык только раз — в 1820 г., через год после первой полной публикации греческого оригинала. Исполненный ошибок и неточностей перевод Д. Попова не только безнадежно устарел — он давно стал поистине библиографической редкостью. Русский (советский) читатель, в том числе и историк, не владеющий языком оригинала, до сих пор вынужден знакомиться со Львом Диаконем лишь по хрестоматиям. На другие языки «История» переводилась преимущественно также выборочно. Полный латинский перевод был опубликован в 1828 г., немецкий — в 1961 г. Греческие ученые давно работают над новым изданием Льва Диакона, но оно еще не появилось.

Необходимо дать краткие пояснения в связи с тем, что книга выходит в свет после смерти М. Я. Сюзюмова.

Профессор Уральского университета, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков, Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893—1982) был одним из крупнейших советских византистов. «Историей» Льва Диакона он заинтересовался еще на заре своей научной карьеры, опубликовав в 1916 г. не утратившее до сих пор значения исследование об источниках, использованных византийским историком при написании своего сочинения.

Замысел ученого — подготовить русское научное комментированное издание «Истории» Льва Диакона — приобрел конкретные формы за несколько лет до знаменательной даты — тысячелетия

походов князя Святослава на Балканы. По просьбе М. Я. Сюзюмова перевод памятника был сделан профессором Алма-Атинского университета эллинистом М. М. Копыленко, а сам Михаил Яковлевич занялся вступительной статьей и комментарием. К 1972 г. работа в общих чертах была завершена, и рукопись представлена «на суд» коллег-византинистов.

Однако выход книги в свет задержался на полтора десятилетия, так как статья и комментарий требовали дополнений, а сделать их Михаил Яковлевич не успел. Найдя силы для завершения ряда проблемных статей, имевших принципиальное значение для обоснования собственной концепции истории Византии, М. Я. Сюзюмов уже не возвращался к труду Льва Диакона.

После смерти ученого некоторые его не опубликованные работы были подготовлены к печати. Доработку рукописи «Истории» мы с С. А. Ивановым взяли на себя. Внимательное ознакомление с ней убедило нас в том, что статья и комментарий, несмотря на незавершенность, сохраняют научную значимость и несут яркий отпечаток исследовательской индивидуальности и таланта автора, принесших ему широкую известность в мировом византиноведении. Перевод «Истории» после внесения в него ряда уточнений был также признан вполне соответствующим греческому оригиналу.

Редактируя и дополняя рукопись статьи и комментария (который обновился на треть), мы стремились максимально сохранить основные идеи М. Я. Сюзюмова, манеру его интерпретации источников и стиль изложения. В тех случаях, когда какая-либо мысль автора нуждалась в конкретизации, мы обращались к другим его трудам, в которых эта мысль звучала определеннее. За последние пятнадцать лет появились многочисленные исследования, критические издания ряда византийских источников, имеющие значение при анализе текста «Истории» Льва Диакона. Это ставило перед нами серьезные научные и этические проблемы. И все же мы старались сохранять оригинальный текст М. Я. Сюзюмова.

Проявив инициативу в деле завершения подготовки к печати «Истории» Льва Диакона, мы нашли всемерную поддержку у сотрудников сектора византиноведения Института всеобщей истории АН СССР и кафедры истории древнего мира и средних веков Уральского университета. Мы благодарны сотрудникам сектора византиноведения, обсуждавшим рукопись перед сдачей ее в печать и сделавшим ряд полезных замечаний и рекомендаций. Хотим выразить особую признательность профессору П. О. Карышковскому за великодушную и бескорыстную помощь. Собственную же работу мы расцениваем как вклад в увековечение светлой памяти М. Я. Сюзюмова — ученого, оставившего яркий след в развитии марксистского византиноведения и современной византистики в целом.

Г. Г. Литвинин

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Если и имеется какое-либо из благ, приносящих пользу в жизни, то во всяком случае не меньше, а больше всего оказывает нам услугу, является необходимой и полезной историей¹. Она вскрывает разнообразные и многообразные деяния, которые возникают и естественным порядком, под влиянием времени и обстоятельств, и в особенности по произвольному решению лиц, занимающихся государственными делами², и учит людей одно одобрять и ставить себе в качестве образца, другого же гнушаться и избегать, чтобы не осталось в неизвестности и проводилось в жизнь все полезное и ценное и чтобы никто не делал попыток свергнуть себя в ужасные и вредные начинания.

Таким образом, история словно воскрешает или вдыхает новую жизнь в умершее, не позволяя ему погрузиться и исчезнуть в лучине забвения, и признана важнейшей среди всех полезных людям вещей. В мое время произошло много необычайных и чудесных событий: па небе являлись устрашающие видения, случались ужасные землетрясения, разражались бури, проливались неистовые ливни, бушевали войны и по всей вселенной бродили вооруженные полчища, города и страны сходили со своих мест, так что многим казалось, будто наступает перемена жизни и к порогу приближается ожидаемое второе пришествие Бога-спасителя³. Я решился не умолчать о полных ужаса и достойных удивления событиях, по повелению о них в назидание потомкам, если providению не будет угодно уже теперь привести паром жизни к пристани смерти и изменить образ мира сего⁴.

Берясь за труд, превышающий мои силы, я хочу, чтобы меня не постигла в усердии моем неудача, хочу приблизиться к величю всего случившегося⁵ и подобающим образом о нем рассказать. Постараюсь изложить свою историю по возможности подробно. Я, составитель ее, Лев, сын Василия⁶, родина моя — Кафола⁷, прекраснейшее селение Азии⁸, расположенное у холмов Тмола⁹.

близ истоков реки Каистра¹⁰, которая, протекая мимо Кельваниана¹¹, доставляет своим видом усладу зрению и, разлившись, впадает в залив знаменитого и славного Эфеса¹². Но приступим к рассказу об общественных делах, стараясь как можно ближе держаться истины, ибо правдивость больше всего причаствует истории. Люди, сведущие в науке, говорят, что риторике присуща сила выражения, поэзии — мифотворчество, истории же — истина¹³.

Я полагаю, что мне не следует касаться событий, происшедших в царствование василевса¹⁴ Константина¹⁵, прозванного Багрянородным, сына Льва, перед рождением и смертью которого была, говорят, видна на небе комета¹⁶, предвещавшая его появление на свет и кончину, — об этих событиях достаточно писали другие¹⁷. Я представляю в своем сочинении, что случилось после его царствования, и опишу то, чему я сам был свидетелем (ведь глазами, как утверждает Геродот, следует больше доверять, чем ушам¹⁸), и то, о чем я слышал от очевидцев.

2. Когда в ноябре месяце 3 индикта 6467 г.¹⁹ упомянутый василевс Константин покинул жизнь и обрел покой в ином мире²⁰, самодержавную власть принял его сын Роман, уже вышедший из юношеских лет²¹ и приближавшийся к зрелому возрасту. Это был муж прекрасный лицом, приятный в общении, приветливый, полный всяческих достоинств, добрый и благосклонный ко всем подданным и вообще доблестный во всех отношениях. Но он чрезмерно предавался юношеским страстям и забавам и всех, кто его побуждал к такому [времяпрепровождению], приглашал к царскому столу, чего делать не следовало²². Этому василевсу Роману пришла на ум испровергнуть с божьей помощью могущество критских арабов²³, не в меру возгордившихся и замысливших погубить ромеев. Радуясь недавно случившемуся с ромейской державой несчастью²⁴, они часто разоряли ее приморские области. Я расскажу кратко о бедствии, постигшем ромеев.

Василевс Константин, будучи более не в силах сносить дерзость критян и их внезапные набеги, собрал боееспособное войско, снарядил большое число огненосных триер²⁵ и отправил их к Криту, надеясь одним ударом овладеть островом. Но из-за трусости и неопытности полководца, жалкого бездельника родом из лафлагонцев²⁶, бывшего евнухом при дворе, хотя и украшенного славным достоинством патрикия²⁷ (имя его было Константин, а прозвище Гонгила²⁸), все собранное войско было, за исключением нескольких человек, разбито и уничтожено варварами.

3. Желая возместить ущерб, нанесенный этим поражением, василевс Роман²⁹ назначил стратигом-автократором³⁰ для ведения войны против Крита Никифора Фоку³¹, достойнейшего из магистров³², командовавшего тогда войсками Востока (ромей эту должность называют домашником схол³³), как человека несокрушимой силы, предприимчивого, деятельного и опытного в военном

деле. Этот Никифор, по приказу василевса собрав войско Азии, посадил их на корабли³⁴, отправился в плавание и прибыл к Криту с большим числом быстроходных огненосных судов (ромей именуют их дромонами). Когда наступило время высадки, он на деле показал свою опытность в ведении войны. Он привез с собою на судах сходня, по которым, спустив их на берег³⁵, перевел с моря на сушу вооруженных всадников³⁶. Пораженные новым для них и удивительным зрелищем, варвары стояли на месте по отрядам, соблюдая неразрывный строй, ожидая приближения ромеев. Расчленив фалангу на три части, стратиг ромеев Никифор велел воинам сомкнуть щиты и выставить копья, приказал вынести вперед знамя с изображением креста и, возгласив боевой клич³⁷, двинулся прямо на варваров. Завязалась ужасная битва³⁸, стрелы сыпались градом; варвары не смогли устоять против натиска ромейских копий, ряды их расстроились, и они, обратясь в бегство, изо всех сил устремились к своему укреплению. Ромей, преследуя их, перебил несметное число. Так успешно окончилось для ромеев их первое нападение и сражение. Когда варвары заперлись, как было сказано, в своей крепости³⁹, стратиг созвал войско и разбил перед городом критян лагерь⁴⁰; триерам и прочим фортидам⁴¹ он приказал находиться всем вместе в безопасной гавани, охраняя подступы с моря и преследовать, сжигая жидким огнем, всякий замеченный варварский корабль, который попытается отплыть⁴². Тщательно все предусмотрев и подготовив, он вверил отряд отборных воинов стратигу Никифору по прозванию Пастила, человеку мужественному, участвовавшему во многих войнах; много раз бывал он пленен агарянами⁴³ и столько же раз убегал из плена; на лице и на груди его было множество рубцов от ран, полученных на поле брани. Ему-то, бывшему в то время стратигом [фемьи] Фракисиев⁴⁴, было поручено обойти во главе отряда остров и обследовать его. Никифор Фока наказал ему бодрствовать и трезвиться⁴⁵, не предаваться бездействию и праздности⁴⁶, чтобы не навлечь на себя беды со стороны неприятелей; обходя страну и совершив какой-либо славный [подвиг], Пастила [должен был] возможно скорее вернуться в лагерь.

4. Но благо никогда не дается людям в чистом виде, к нему всегда присоединяется зло; успехам сопутствуют неудачи, удовольствием — огорчения, и невозможно в полной мере насладиться счастьем⁴⁷. Так случилось тогда и с ромеями. Вступив в страну цветущую и во всем изобильную (земля там богата прекрасными плодами и разными соками, пастбищами и скотом), они, вместо того чтобы строго следовать, как это положено, наставлениям стратига, полностью пренебрегли ими, забыли о них, предались праздности и неге. Прятавшиеся в удобных для обороны лесистых горах варвары увидели, что [ромей] невооруженны и беспечны, вышли из лесов и ущелий, построились в боевой порядок и напали

на них сомкнутым строем. Ромен, хоть и были совершенно пьяны и не твердо держались на ногах, все же выступили против варваров и мужественно им сопротивлялись. Стратиг Пастила отважно сражался и сокрушал ряды варваров, но конь его, пораженный в грудь стрелами и копьями, упал и испустил дух. Он быстро соскочил с коня и, отражая некоторое время натиск варваров мечом, многих из них перебил. Истекая кровью, израненный множеством стрел, он пал мертвым на пространстве между сражающимися войсками. Когда он погиб, ромен обратились в бегство, а преследовавшие их варвары перерезали почти всех, будто жертвенных животных, так что очень немногие из этого отряда вернулись невредимыми в лагерь⁴⁸.

Когда Никифор узнал о постигшем ромеев несчастье, он осудил неразумие и беззаботность погибших. Опасаясь превратности и непостоянства судьбы⁴⁹, он признал необходимым не мешкать более, не тратить попусту времени и во что бы то ни стало завершить войну, пока варвары, осмелев, не стали нападать из засад и выступать против них соединенными отрядами.

5. В то время как Никифор Фока все это обдумывал и принимал решение (а он был мужем изобретательным и предпринимчивым, из всех известных нам людей наиболее способным задумывать и совершать полезные дела, благоразумным и не склонным к наслаждениям; сверх того он отлично умел использовать время и обстоятельства, обладал непобедимой силой и крепостью тела: говорят, что однажды, когда на него упал один из храбрейших варваров, обычно начинавший бой, Никифор направил в его грудь копье и нанес обеими руками удар такой силы, что оно прошло тело насквозь, пронзив переднюю и заднюю стенки панциря)⁵⁰, так вот, ему пришла в голову мысль обойти кругом город и тщательно все осмотреть, чтобы выбрать наиболее подходящее для приступа место. Завершив обход, он убедился, что будет трудно [не только] вернуться в город, [но] и подойти к нему: с одной стороны надежной преградой служило море, с другой стороны возвышалась ровная и гладкая скала, на которой были воздвигнуты стены, представлявшие собою необычное и удивительное строение. Они были сооружены из земли, перемешанной с плотно сваленными свинными и козьими волосами, ширина стен была такова, что по их гребню по всю длину свободно могли проехать две колесницы; высота их также была вполне достаточной; помимо этого, вокруг стен были вырыты два очень широких и глубоких рва⁵¹.

Увидев, как мы уже сказали, что город укреплен и совершенно неприступен, Никифор придумал следующее средство. Он выстроил стезю на всем протяжении от южного берега до противоположного и запер таким образом город критян у моря. Варвары уже не могли теперь безопасно совершать вылазки на берег, а он получил возможность начинать или не начинать сражение

по своему усмотрению. Стена была построена быстро, и Никифор устремился к новой победе, о которой мы сейчас расскажем. Он созвал всех военачальников к своему шатру и громко провозгласил следующее:

6. «Я думаю, что никто из вас не забудет жестокости и зверства потомков рабыни, агарян, которым этот остров достался благодаря злостному попусшению судьбы, не забудет и то, как они нападали и уводили в рабство людей и как губительно отразилось это на ромеях. Разве не превратилось в пустыню почти все морское побережье из-за их разбоя? Не из-за их ли набегов опустела большая часть островов?⁵² Вот почему провидение не позволило этим леждам, этим несчастным зверям, этим праздным обжорам⁵³ истребить до конца христианский народ. Воля властителя направил нас сюда, чтобы мы всемерно воздали за причиненные нам страдания. Доказательством сказанному служит недавняя [наша] победа. Мы едва успели завершить плавание и выйти на остров, нас еще мутило от путешествия по морю, а мы уже с помощью Всемогущего⁵⁴ обрели большинство варваров мечу, остальных же без труда заперли в городе. Закаиню вас, соратники, не склоняться к праздности и неге, пусть недавнее наше несчастье послужит вам примером. Если бы отправившиеся с Никифором Пастилой для обозрения страны не преобрегли мои наставлениями и не предались издешествам и наслаждениям, они не погибли бы столь ужасно. Нарушив мои предписания, они понесли заслуженную кару за свое неразумие. Остерегаясь бедственной участи товарищей, нам следует быть воздержанными и бдительными, со всем рвением и усердием разведать и выследить притаившихся здесь, подобно зверям, варваров, выгнать их из пещер и берлог и уничтожить. Не станем же тратить время в праздности и пьянстве, но будем ромеями и докажем в сражениях мужество и благородство нашего рода!»⁵⁵

7. Стратиг кончил свою речь, воины приободрились и начали рукоплескать. Обнажив мечи, они выказали готовность повиноваться ему и следовать за ним, куда он пожелает. Но он убедил их не двигаться и сохранять спокойствие до тех пор, пока он, выбрав удобное время, не прикажет им вступить в бой. Отобраз из [всей] армии наиболее храбрых и ловких воинов, он вышел из лагеря глубокой ночью. Не произведя никакого шума, чтобы варвары не заметили его ухода и не причинили беды оставшемуся войску.

Выйдя таким образом из лагеря и пройдя часть страны, он узнал от пленных, что на высокой возвышенности собирается варварское войско числом около сорока тысяч и что оно намеревается внезапно напасть на ромеев, прогнать их с острова и освободить осажденных в городе критян. Раздобыв эти сведения, стратиг дал шедшему с ним отборному войску день отдыха, а поздним вечером, взяв с собою проводников из местных уро-

женщ⁶⁶, выступил в поход; он шел весьма быстро при ярком свете полной луны и, не сбавляя шагу, окружил возвышенность, на которой глубоким сном спали варвары. Затем, приказав трубить в трубы и бить в тимпаны, он стал взбираться на гору. Услышав ляг оружия, раздетые, застигнутые врасплох, уstraшенные неожиданным нападением, варвары обратились в бегство. Но спастись было невозможно, так как все склоны горы были заняты ромейской фалангой.

Таким образом, за короткое время состоявшее из сорока тысяч варварское войско стало жертвою ромейских копий и было полностью истреблено⁶⁷. К этому новому трофею полководец присоединил еще и другой трофей: он приказал отрубить головы у всех убитых и нести их в походных сумках в лагерь; каждому, кто принесет голову, он обещал денежную награду. Все воины с радостью стали выполнять этот приказ, в особенности отряд армян⁶⁸. Они отрезали головы варваров и укладывали их в сумки⁶⁹. Ночью стратиг вернулся в лагерь.

8. На следующий день, как только лучезарное светило поднялось над горизонтом и устремилось к вершине небесного свода, [Никифор] приказал насадить часть варварских голов на копья и расположить рядами на возвышенном им валу, другую же часть бросать камнями в город. Когда хитяне увидели строй копий, утыканных головами, и убедились, что эти головы и другие, что летели по направлению к городу и ударялись о зубцы стен, принадлежали их соотечественникам и родственникам⁶⁹, их охватил ужас и безумие: они оцепенели от неожиданного душераздирающего зрелища. Раздавался вопль мужчины и рыдания женщин, и казалось, что город, где все рвали на себе волосы и плакали горячо любимых близких, уже взят.

Но они совсем не собирались уступить ромелм и признать себя побежденными⁶¹: надеясь на неприступность своих укреплений, они старались не терять мужества и в полном вооружении ожидали натиска ромеев, намереваясь дать отпор каждому, кто приблизится к ним. Стратиг же [велел] трубить к сражению и, побуждая войско встретить опасность грудью, двинул его на стены. И вот завязалась битва, во время которой взору предстало множество подвигов силы и отваги; повсюду свистели копья, снежным вихрем проносились стрелы, из метательных орудий беспрестанно летели камни, ударявшиеся о зубцы стен. Необходимость вынудила варваров сражаться мужественно. Упорно защищаясь, они стреляли со стен из луков, метали секиры⁶² и низвергали огромные камни. Они не пренебрегли ни одним средством обороны и причинили [ромелм] не меньше вреда, чем испытывали сами. Опасность надвинулась на них вплотную, а надежды на спасение не было, поэтому они напрягли последние силы и отважно сопротивлялись противнику.

9. Ромейский стратиг Никифор убедился в том, что стены

города надежно укреплены, совершенно недоступны и неодолимы (их нельзя было захватить с одного натиска, так как они были очень высоки и опоясаны двумя рядами, глубина которых равнялась высоте стен); [он видел] также, что варвары сопротивляются отчаянно, сверх всяких сил, и решил не сражаться более с обезумевшими, идущими на верную гибель людьми, прекратить бесплодные попытки овладеть стенами снизу, под градом стрел, не подвергать напрасно уничтожению войско ромеев, а обречь осажденных на голод, до тех пор пока не будут в достаточном количестве изготовлены «черепахи» и другие осадные орудия⁶³. Он отложил сражение, протрубил фалангам воинов сигнал к отступлению и вернулся в лагерь. Свой стан он окружил валом и обвел его надежным рвом, после чего стал упражнять войско и укреплять ежедневными учениями военную опытность фаланг⁶⁴. По его приказу искуснейшие техники строили осадные машины. При каждом удобном случае он устраивал нападения и обстрелы: в этом месте [Никифор] со всем войском провел у стен города зиму.

КНИГА ВТОРАЯ

1. Таким образом, ромейский стратег Никифор, как уже упоминалось, переправил свое войско на остров Крит, вступил в борьбу с тамошними варварами, часть из них сделал добычей меча, а остальных очень скоро и без особых усилий подверг осаде в городе, подле которого он провел зиму¹, ежедневными учениями готовя воинов к предстоящим сражениям. В это время Хамвдан², предводитель живущих по соседству с Киликий³ агарян⁴, муж образовательный и предприимчивый, с юных лет несомненно превосходящий

всех соотечественников в военном искусстве, узнал о морской экспедиции ромейского войска против критян и решил, что настало удобное время безнаказанно ворваться в восточные владения ромеев и, не потеряв ни капли крови, разорить их, захватить большие богатства и снискать себе вечную славу⁵. И вот, собрав самых сильных и мужественных арабов и агарян, Хамвдан вступил в ромейские пределы, сжигая и грабя все на своем пути⁶.

Узнав о нападении [Хамвдана] и о его наглом, насильственном продвижении, самодержец Роман послал против него Льва Фоку, родного брата Никифора, начальника воинских сил Европы (ромей именуют эту должность domestik Запада)⁷. Лев был мужем храбрым, доблестным, необычайно разумным, из всех известных нам людей наиболее способным находить правильное решение в затруднительных обстоятельствах; я полагаю, что в сражениях ему содействовала некая божественная сила⁸, побеждавшая всех его противников и делавшая их покорными.

2. Много битв разразилось во время его начальствования над войском, и ни в одной противник не одержал над ним верх, всегда на его стороне была полная победа. Случилось как-то, что через Истр⁹ переправилось скифское войско (народ этот называют гуннами)¹⁰; стратег Лев не мог вступить с ними в открытый бой — враги похвалялись неисчислимостью своих отрядов, а войско, которое он привел с собою, было незначительно и неспособно

к сражению, поэтому он решил не подвергать себя и своих воинов явной опасности, но напасть на скифов скрытно и свершить нечто мужественное и отважное, снискав себе этим громкую славу. И вот, подкрavшись незаметно лесом и гушиам, он из засады осмотрел их расположение и точно подсчитал число врагов, затем глубокой ночью, разделив фалангу на три части, подступил к скифам, внезапно напал на них и в течение короткого времени учинил такую резню, что лишь немногим из огромного числа неприятелей удалось ускользнуть¹¹.

Именно этого стратега Льва самодержец Роман переправил в Азию, чтобы он всеми доступными ему средствами воспрепятствовал разбойничьим устремлениям варваров и отразил их дерзкие, бесстыдные набеги. Как только Лев переправился из Европы в Азию, до него стали доходить слухи о наглости и жестокости Хамвдана; он увидел сожженные храмы и деревни, разрушенные укрепления и опустевшие селения, из которых все жители были насильственно уведены в плен. [Полюбоудец] решил не подвергать воинов явной опасности и не вступать в открытый бой против многочисленных, хорошо вооруженных, одержавших не одну победу, гордых неожиданными удачами варваров свое малоисчисленное, плохо подготовленное, напуганное благополучием агарян и каждодневными их успехами войско. Он предпочел устроить засады на ключевых горных склонах, откуда было удобнее следить за продвижением врагов, и, когда они будут проходить по скользким ненадежным тропам, напасть на варваров и стойко с ними сражаться¹².

3. В то время как стратег Лев все это обдумывал и принимал решение, ему пришло на ум ободрить своих воинов речью, побудить их выступить в случае нужды против варваров и смело действовать в бой. Выйдя вперед и помолчав немного, он стал воодушевлять воинов такими словами: «Сратинки! Знаю вашу отвагу, воинскую доблесть и опытность, общий наш господин и государь послал нас под моим верховным командованием и изурчленную набегами и грабежами Хамвдана, поверженную на колени Азию. Вот почему я склоняю вас не к тому, чтобы вы храбро сражались, — я полагаю, что незачем поощрять речами к мужеству тех, кто с юных лет отличается доблестью и отвагой, — но хочу, чтобы вы побеждали врага [благоразумием и] рассудительностью. Ведь военный успех зависит обычно не столько от силы натиска на противника, сколько от мудрой прозорливости и умения вовремя и с легкостью одержать победу. Вы сами ясно видите многочисленность, несметные ряды врагов, рассыпавшихся по близлежащим долинам: о нашем же войске я скажу, что оно бесстрашно и могуче силой и духом, однако никто не может утверждать, будто оно велико и фаланги его готовы к сражению. Поэтому нам как истинным ромеям следует хорошо подумать и посоветаться о том, как найти выход в затруднительных обстоятельствах, как дей-

ствовать не во вред себе, а на пользу. Не будем же, проявляя отчаянную храбрость, безрассудно устремляться к неизбежной гибели; необузданная отвага сопряжена обычно с опасностью, а рассудительная медлительность может привести к спасению тех, кто к ней прибежит».

4. «Исходя из этого, воины, я советую вам не подвергать себя опасности, безудержно устремляясь на варваров, расположенных на равнине: не лучше ли, устроив засады в неприступных местах, ожидать приближения врагов, а затем уже [всей силой] обрушиться на них и храбро сражаться? Так, я думаю, мы с божьей помощью победим неприятеля и отберем все награбленное им у наших соотечественников. Часто удается уничтожить врага неожиданным нападением: внезапным приступом легко сокрушить бахвальство и смель. Сохраняя юношескую отвагу и приобретенное в боях благородство, начинайте сражение, когда я по дам знак трубам!»

Вот какую речь произнес стратиг¹³. Войско криками и рукоплесканиями выразило свое одобрение, признало его советы наилучшими и изъявило готовность следовать за ним повсюду. Он обложил засадами всю дорогу, проходившую по крутым, отвесным, расщелинам ущельям вершинам и вдоль изрезанных оврагами склонов, обильно поросших деревьями и различными кустарниками. Заранее заняв скрытые места, стратиг ожидал приближения варваров.

Хамвдан же кичился и чванился своими многолюдными отрядами, хвастался бахвалился обилием добычи и многочисленностью пленников: он все время уклонялся в сторону от дороги, сидя на крупной необыкновенно резвой кобылице, и появлялся то перед войском, то позади него, потирая копытом, которое он то устремлял в пространство, то, трещащее, снова притягивал к себе. Когда кончился доступный для лошадей путь, варвары сгрудились на труднопроходимых, узких, неровных тропинках: их строй рассыпался, и каждый стал как попал взбираться по кручам. Вот тогда-то полководец протрубил сигнал и, подняв из засады своих воинов, устремился на варваров.

5. Все они [до этого момента] держались за рукоятки мечей и [теперь], обняв их, стали налево и направо истреблять вражеское войско, утомленное тяжелым переходом, тогда как сами были исполнены сил. Сам Хамвдан едва не попал в плен к ромеям, но, будучи весьма изобретательным и очень находчивым в трудных обстоятельствах, он отвлек ромеев от преследования тем, что велел рассыпать по дороге золото и серебро, которое в изобилии вез с собою. Ромеи стали подбирать золото, а ему с немногими телохранителями удалось тем временем бежать от опасности. В этом бою ромеи истребили такое число варваров, что и теперь еще повсюду видны там, говорят, груды человеческих костей¹⁴.

Таким образом, стратиг добился с помощью оружия и хитрости победы, уничтожил многолюдное войско варваров и обратил в бегство Хамвдана, сбив с него спесивое чванство, обняв его постыдное малодушие и трусость. Затем он [приказав] снести в одно место доставшуюся в бою добычу, а также награбленное варварами у ромеев, созвал всех воинов и раздал большую часть постыдные малодушие и трусость. Затем он [приказав] снести в одно место доставшуюся в бою добычу, а также награбленное варварами у ромеев, созвал всех воинов и раздал большую часть между ними¹⁵. Пленных [варварами жителей] он снабдил всем необходимым на дорогу и отправил по домам, а захваченных в этой войне агарян заковал в цепи и, вознеся благодарственные молитвы PROVIDENIU, с победным гимном отправился в путь к самодержавному властителю, готовясь к торжественному въезду в Византию¹⁶. Воины рукоплеская полководцу, заслуженно восхваляя им, и прославляли мужа, равного которому не породило живущее поколение; видя, что ему всегда сопутствует удача в битвах, они почитали его счастьем божественным даром.

Когда Лев достиг Византии и вошел в город с обильной добычей и множеством пленников агарян, самодержец Роман принял его с честью; во время триумфа в театре¹⁷ Лев изумил зрителей огромным числом рабов¹⁸ и [количеством] захваченного добра; государь по достоинству оценил наградами и почестями его ратные подвиги. Так благодаря полководцу Льву, была спасена Азия¹⁹, а побежденный Хамвдан стал беглецом и скитальцем.

6. Родной брат Льва, о котором шла речь, Никифор Фока (следует повторить в главных чертах рассказ о нем и продолжать последовательное изложение нашей истории) подступил к городу критян и провел там зиму, готовя войско к сражению и соорудив осадные машины. Он успешно выполнял все согласно своим намерениям, а когда зимнее положение солнца стало понемногу изменяться к весеннему, вооружил своих воинов, расположив их глубокой фалангой и под звуки труб и шум тимпанов двинулся приступом на город. В то время как стратиг укреплял передние ряды и выстраивал воинов в четырехугольник, из-за [вражеского] вала высуналась, ломаясь и кривляясь, какая-то беспутная девка и стала самым наглым и бесстыдным образом ворожить и распевать заклинания²⁰. Среди критян, говорят, в большом ходу приручения, колдовство, вымогательства у алтаря и суеверия, проникшие к ним давно от манихеев и Моамета²¹. Но наглая девка не только чародейством обнаружилла свое распутное бесстыдство: подняв выше дозволенного платя и обняв тело, она осыпала проклятиями и насмешками стратига. Тогда один меткий лучник, натянув тетиву, пустил в разнузданную бабенку стрелу. Свалившись с башни на землю, она расширилась и испустила дух, поплатившись жалкой смертью за дерзость. Сразу запылавшая жаркая битва, и критяне некоторое время сопротивлялись; стоя на стенах, они упорно отражали натиск ромеев и многих раняли.

7. Увидев это, стратиг быстро подвел камнеметы и приказал бросать в варваров [камни]. Затем он придвинул к стенам осад-

ную машину (ромеев называют это изобретение «бараном», потому что железо, насаженное на бревно, пробивающее городские стены, действительно напоминает по форме баранью голову). Под градом тяжелых камней, извергаемых камнеметами, варвары стали поспешно отступать. Когда «баран» уперся в стену и стал наносить по ней сильные удары, множество воинов, вооруженных камнеметными орудиями, спустились в ров и начали подкапывать укрепление, вырубая и выламывая камни, служащие ему основанием. Камень в этом месте оказался, к счастью, песчаным и потому довольно легко уступал и поддавался [усилиям воинов]. Тем временем «баран» не переставал бить по стене и постепенно сокрушал это прочно сложенное, трудноразрушимое сооружение. Пославшие в ров воины подрыли часть стены так, что под ней образовалось достаточное углубление и она стала нависать; затем они подперли стену прямыми бревнами, натащили сухого, легко воспламеняющегося дерева, положили его и вылезли из подкопа. Пламя разгорелось, подпорки обуглились, и две башни вместе с находящейся между ними частью стены, внезапно расстрескавшись, осели и рухнули, обвалившись на землю²².

Измученные неожиданным арлецием и устрашенные сверхъестественностью происшедшего, критяне некоторое время уклонились от сражения. Но вскоре, вспомнив о том, что им грозит пленение и рабство, враги плотно сомкнули строй, с поразительным мужеством встретили устремившуюся через пролом в стене фалангу ромеев и, презирая опасность, с нечеловеческой яростью вступили в бой за свою жизнь. Но в конце концов множество [варваров] пало на поле битвы, новые отряды обрушились на них с тыла — и наступление [ромеев] стало непреодолимым; не было больше возможности сопротивляться столь сильному натиску, и враги обратились в бегство, рассыпавшись по узким проходам между домами. Ромеев преследовали их и нещадно истребляли. Те, кто уцелел, избежав гибели в сражении, побросали оружие и стали молить о пощаде. Увидя это, стратег пришилориа коня, пустил его во весь опор и, примчавшись в город, стал сдерживать ожесточение воинов²³, убеждая их не убивать людей, брошенных оружием, не поступать безжалостно и свирепо с безоружными и беззащитными. Бесчеловечно, увещевал он, губить и уничтожать как врагов славившихся и покорившихся. Этими словами полководцу с трудом остановил кровожадный порыв своего войска.

8. Взят, таким образом, город приступом²⁴, стратег отобрал для себя лучшую часть военной добычи и поработил самых сильных пленников; все это он сохранил наилучшим образом для предстоящего триумфа, а остальное отдал на разграбление войску. Воины разбрелись по домам и захватили много ценного имущества. Говорят, что в городе критян были собраны огромные, неисчерпаемые богатства, — ведь они долгое время благоденствовали, пользуясь милостивым расположением судьбы и не испы-

тывая никаких бедствий, которые, подобно керам²⁵, несет с собой переменчивое течение времени. Опустошая пиратскими разбойничьими набегами берега обеих материков, [критяне] накопили неисчислимые сокровища. Так силою ромеев был покорен и захвачен вражеский город.

После того как все ценное было вынесено из города, Никифор приказал разрушить окружавшие его стены и, проломив их во многих местах, вывел свое войско в новые области. Разграбив их, обратив жителей в рабство, он без кровопролития подвинул всякое сопротивление и, войдя на крутой высокий холм, находившийся недалеко от разоренного города, приказал всем воинам строить там небольшую крепость. Это место показалося ему безопасным и удобным для укрепления; оба склона холма были отвесны, перепадались глубокими оврагами и орошались неиссякаемыми ключами, текущими с вершин.

Воздвигнув прочное, неприступное укрепление, Никифор поместил в нем достаточный гарнизон и дал городу имя Теменос²⁶; затем замирив он весь остров, насадил его, собрав в общины армян²⁷, ромеев и других переселенцев. Оставив для охраны острова огненосные суда, он погрузил на корабли добычу и пленных и отплыл²⁸ в Византию. Самодержец Роман принял его с великими почестями²⁹, весь город собрался на его триумф в театре, изумляясь обилию и великолепию добычи. Там можно было увидеть груды золота и серебра, варварские монеты из чистого золота, вытканые золотом одежды, пурпурные ковры, всякого рода драгоценную утварь тончайшей работы, сверкающую золотом и камнями; в неисчислимом количестве были там самые разнообразные доспехи: шлемы и мечи, золоченые панцири и копыля, щиты и тугие луки; всего этого было такое множество, что казалось, будто река изобилием втекает в город, и всякий находившийся в театре мог бы сказать, что туда снесено все богатство земли варваров. Следом шла собранная в несметном количестве толпа обращенных в рабство варваров.

9. После того как Никифор при восторженном изумлении всего народа справил триумф, самодержец Роман преподнес ему роскошные дары и вручил ему власть над Азией. Будучи, таким образом, вторично удостоен звания домашнего, он переправился через Босфор, собрал войско, выстроил его в неприступную, несокрушимую фалангу и вступил в землю агарян. Узнав о наступлении Никифора, варвары сочли невозможным оставаться на месте и устраивать засады либо сражаться в строю; они решили отражать нападения ромеев, укрывшись в крепостях и ведя при всякой возможности перестрелки. Они очень боялись столкнуться лицом к лицу со стойкими, непоколебимым мужем. А он, подобно буре, сметал все вокруг, опустошая поля, поработывая многолюдные селения. Предав огню и мечу все на своем пути, он устремился против крепостей и с первого приступа овладел мно-

гими на них. Те же укрепления, которые имели прочные стены и охранялись множеством воинов, [Никифор] осаждал при помощи машин и вел непримиримую войну, побуждая своих воинов к опору в сражениях. Всякий ревностно выполнял его приказы — ведь он возбуждал и поощрял храбрость воинов не только словами, но и примером, всегда с удивительным мужеством сражался вперед фаланги, идя навстречу опасности и доблестно отражая ее. Взяв и разрушив в короткое время более шестидесяти агарянских крепостей³⁰, он захватил огромную добычу и увенчал себя такой блистательной победой, какая до него еще никому не доставалась³¹. Воинов, собравших неисчислимые богатства, он вывел из [земли агарян]³² и распустил по домам³³, а сам поспешил к самодержцу, чтобы получить награду за свои подвиги.

10. Как раз на половине дороги стратегия встретило известие о том, что повелитель Роман переселился в иной мир; ошеломленный неожиданной вестью, он не стал продолжать путь и остановился. Говорят, что самодержец Роман ушел из жизни следующим образом. Взяв власть в свои руки, он проявил себя как крохотный, скромный и заботящийся о подданных правитель, но затем какие-то негодяи, рабы брюха и того, что под брюхом, втерлись к нему в доверие и подчинили его своему влиянию, развратили добродетельный нрав юноши, приучили его к роскоши и необузданным наслаждениям, возбудили в нем склонность к противоположным страстям. И вышло так, что во время постов, предназначенных боговдохновенными людьми для очищения душ и устремления к возвышенному, эти погубители, захватив с собою Романа, отправлялись охотиться на оленей³⁴, скача по неприступным горам. [Однажды], когда они возвращались оттуда, самодержец был совершенно разбит и едва дышал. Некоторые передают, что у него от неумеренной верховой езды начались смертельные спазмы, большинство же подозревает, что его опоям ядом, принесенным из женской половины дворца. Но, так или иначе, Роман оставил жизнь в цветущем возрасте после трех лет и пяти месяцев самодержавной власти³⁵.

Вслед за смертью василевса царская власть перешла³⁶ по решению патриарха Полнекта³⁷ и синклита³⁸ к малолетнему его сыновьям Василию и Константину, которые находились еще на попечении кормилиц, и к их матери Феодано. Хотя она была из незнатного рода, но превосходила всех женщин своего времени красотой и соразмерностью телосложения, поэтому самодержец Роман и взял ее в жены³⁹.

Никифор же — я снова возвращаюсь к нити своего рассказа, — узнав о перемене верховной власти, не мог ни на что решиться, его приводили в сомнение различные мысли. Неопределенность обстоятельств, превратность и непостоянство судьбы не давали Никифору покоя: он сильно подозревал, что здесь не обошлось без влияния Иосифа⁴⁰, питавшего к нему вражду. Этот спух имел

большой вес при дворе василевса и кичился чином паракимомена⁴¹.

11. Никифор хотел было тотчас же поднять мятеж, но у него не было наготове достаточного числа воинов⁴² — ведь войско по его же приказу разошлось по домам. — и он побоялся вступить немедленно в столь трудную борьбу. Поэтому он предпочел по-времененно с выстулением, решив войти в Византий, отпраздновать триумф и в том случае, если правители верят ему войско (а ведь он знал, что, кроме него, никто не отважится противостоять натиску варваров), вновь собрать воинов⁴³, взвесить все обстоятельства и уверенно вступить в борьбу за верховную власть. Пораазмыслив таким образом и приняв решение, Никифор направился в Византий, [где был] поспешно встречен народом и синклитом; во время триумфа он показал всю захваченную добычу, отдал отобранные у варваров богатства в государственную казну и удалился в свой дом на покой.

Иосиф опасался пребывания Никифора в столице, потому что тот, пользуясь благодаря своим победам и доблести в сражениях горячей любовью войска и восхищением народа, мог поднять мятеж против правителей. Именно поэтому он пригласил полководца во дворец, чтобы [теперь, когда] он остался без войска, схватить его, ослепить и отправить в изгнание⁴⁴. Полководец был удивительно пронырателем и легко постигал коварные замыслы людей; он разгадал мерзкую хитрость Иосифа и отправился в великую церковь⁴⁵, чтобы посоветоваться с патриархом Полнектом, мужем, в совершенстве изучившим божественную и мирскую премудрость, с юности выбравшим путь монашества и лишений, превосходившим всех людей откровенностью суждений, которая была дана ему, скопцу, достигнутому глубокой старости, не только природою, но также нестяжанием и простым безукоризненно скромным образом жизни.

Придя посоветоваться с Полнекту, Никифор сказал ему: «Прекрасную награду получаю я за все мои подвиги и труды от того, кто верховодит во дворце: он думает укрыться от великого и всевидящего ока, беспрепятственно пытаясь причинить мне смерть, — а ведь я множеством всевышнего расширил ромейские пределы, никогда ничем не погрешил против державы и оказал ей больше благодеяний, нежели кто-либо другой из людей нашего времени, разорвав огнем и мечом обширную страну агарян и сравняв с землей столько городов. А я думал прежде, что всякий муж совета благосклонен, справедлив, не питает постоянно и беспричинно злых умыслов».

12. Выслушав эту речь, патриарх возгорелся усердием, отправился вместе с Никифором во дворец, созвал синклит и обратился к нему с такими словами: «Несправедливо поносить и подвергать позору тех, кто не щадил себя для счастья ромейской державы, претерпевал опасность и труды, проявлял честность и

непритязательность по отношению к соотечественникам; [таких людей надлежит] скорее прославлять и награждать. Если вы верите, что я посоветую вам наилучшее, я сейчас же выскажу свое мнение. Мы — ромей, и нами управляют божественные законы, поэтому мы должны в честь праотцев наших беречь детей самодержца Романа, которых мы вместе со всем народом провозгласили самодержцами; мы обязаны владеть им такие же почести, как их предкам. И так как варварские племена не перестают разорять ромейскую землю, я советую вам этого мужа (он указал на Никифора), отличающегося пронзительным умом, доблестного в битвах, одержавшего множество побед, — вы ведь и сами это признаете, почитал его среди прочих людей как бы богоподобным, — назначить автократором-стратигом и вручить ему командование войском Азии, чтобы он предотвращал и сдерживал натиск иноплеменников. При этом следует взять с него клятву, что он не станет злоумышлять против властей и синклита. Самодержец Роман еще при жизни воздал достойному мужу такую честь и определил в заведании, чтобы его как человека благомысленного не отстраняли от этого командования».

Таково было мнение, высказанное патриархом, и совет согласился с ним, присоединился к нему и сам паракимомен Иосиф, но отнюдь не по доброй воле, а под сильным давлением синклита⁴⁶. Сбравшиеся обязали Никифора страшной клятвой никогда не отвергать власть малолетних государей и не замышлять ничего нечестивого против их правления. В свою очередь [члены синклита] поклялись не смещать и не назначать никого из стоящих у власти на высшие должности без его согласия и управлять государством, сообразуясь с его советами, по общему разумению. Никифор был провозглашен стратигом-автократором Азии, после чего собрание закончилось, и все, выйдя из дворца, разошлись по домам.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. Когда наступила середина весны и лучезарное светило, постепенно склоняясь на северный край небосвода, направило свою колесницу к созвездию Тельца¹. Никифор выступил из Византии и переправился на противоположный берег в землю Азии. Он прибыл в Каппадокию² (тамешний) изрод назывался раньше троголдами, так как скрывался в пещерах, расщелинах и подземных лабиринтах, имевших вид нор) и, разбив там лагерь, стал повсюду рассылать письма, призывая войско отовсюду направиться к нему.

Пока сходилось войско, он обучал бывших при нем военному искусству, необуждал и укреплял их дух ежедневными упражнениями и часто, приказывая трубить в трубы, бить в тимпаны и бряцать на кимвалах, обучал их круговым движениям и поворотам в полном вооружении, заставляла вскакивать на коней, стрелять из луков в цель и метко бросать копье. Он не пренебрегал ничем из того, что было изобретено для ведения войны. Таким образом стратиг учил войско³ и ожидал прибытия остальных юнгов, намереваясь вести войну главным образом против Хамидана и тарсийцев⁴.

В это время паракимомен Иосиф, зная изобретательный, рассудительный, отважный и доблестный князь Никифора, опасаясь, как бы он, собрав войско, не затеял выступления против него. Сердце его содрогалось, и он порицал себя за неразумие, из-за которого не только не уничтожил воинственного мужа, как бы попавшего живым в его сети, но позволила ему окружить себя такой воинской силой. Он погрузился в глубокое раздумье, лишился покоя и считал свое существование невыносимым. Размышляя, он перебирал множество средств лишить стратига могущества и вот придумал хитрость, давшую ему надежду избавиться от власти Никифора, которую он ощущал как секиру, повисшую над его затылком⁵.

2. Он призвал к себе Мариана⁶, который был облечен достоинством патрикия и начальствовал над италийскими войсками,

но отличался непостоянным и горячим нравом. Вступив с ним в укромном месте в беседу, Иосиф раскрыл свои сокровенные мысли, он сказал: «Если ты, положившись на меня, примешь начальство над Востоком, я в скором времени провозглашу тебя самодержцем и возведу на царский трон». На это Марян возразил: «Перестань поощрять и подстрекать обезьяну на борьбу против вооруженного великана⁸, перед которым трепещут не только соседние племена и народы, но все, на кого взирает солнце от восхода до заката. Однако если ты, находясь в затруднении и печали, хочешь выслушать мое мнение, то я его тебе сейчас сообщу. Ты ведь знаешь Иоанна, именуемого Цимисхием⁹, мужа тщеславного, чрезмерно честолюбивого и искусного в военном деле, которого воины уважают и почитают вторым после стратига? Вот ему, если желаешь, предложи начальство над войском. Я полагаю, что он как муж необыкновенно сильный и отважный справится с этим; воины последуют за ним, куда бы он их ни повел, а ты добьешься того, чего желаешь. Иначе не думай пошатнуть эту неразрушимую и неколебимую башню».

Воспользовавшись этим советом, Иосиф сместил с должности и отправил в изгнание всех родственников Никифора и других близких ему людей¹⁰; затем он послал скрепленное печатью письмо упомянутому патрикию Иоанну, стратигу фемы Анатоликов¹¹, мужу крепкому и храброму, отличавшемуся непреодолимой, непрезойденной силой. Письмо было следующего содержания: «Подозревая Фоку в недоброежелательстве и коварстве, желая пресечь злодейский замысел, который он скрывает в своем сердце, я решился посвятить твою светлость в тайну, чтобы с твоей помощью остановить его необузданные стремления. Со дня на день собирается он произвести переворот и захватить царскую власть. Но я, предупреждая это предательское намерение, немедленно отнимаю у него попечение над войсками и передаю его твоему великодействию¹². Спустя некоторое время я возведу тебя на самое высокое место в государстве, закуй только поскорее в цепи чванливого, тщеславного Фоку и пришли его к нам».

3. Как только Иоани получила, распечатал и прочел это письмо, которое, как я уже говорил, сулило ему (если он отстранит Никифора от начальствования и удалит его от войска) командование на Востоке, а впоследствии высшую власть и обладание всей державой, он снялся с того места, где находился, и поспешил к стратигу. Войдя в шатер Никифора и усевшись рядом с ним (он приходился Никифору двоюродным братом со стороны матери), Иоани сказал: «О благородный, ты спишь глубоким сном, более глубоким, как говорят, чем Эндимий¹³, а управляющий двором василевса, почтенный Иосиф, с неистовым и кровожадным усердием готовит тебе гибель; насколько это от него зависит, непобедимый стратиг ромеев уже убит, кровь его уже пролита, и кем? О труды! О битвы! О доблесть! Двумичным чело-

вчишкой, в котором нет ничего мужского, женоподобным кастратом, искусственно созданной бабой, не знающей ничего, кроме того, что происходит на женской половине. Проснись же, друг, сделай милость, обрати все наши мысли на то, чтобы не погибнуть, подобно рабу, но совершить нечто благородное и мужественное! Пусть знает Иосиф и всякий, кто окажет ему предпочтение, что они вступают в борьбу не со слабыми, варажденными в неге женщинами, а с воителями, силы которых неодолимы, перед которыми дрожит в страхе варвар!» С этими словами он вынул письмо, хранившееся у него на груди, и вручил его стратигу.

Прочитав послание Иосифа и выкинув в его убийственный и злодейский смысл, Никифор притих и на мгновение потерял сознание (ему в то время нездоровилось), а затем, придя в себя, обратился к Иоанну: «Скажи, о доблестнейший, что нам теперь придумать?» — «Как! — воскликнул Иоани, — ты еще думаешь, что предпринять? Ты не протыкаешь, хотя уже слышишь поздно, не хочешь стряхнуть этот крепкий сон со своих глаз, но спрашиваешь, что нам, коль скоро мы попали в тиски неминуемой гибели, делать? Мы — предводители столь многочисленного вооруженного войска, преисполненного мужеством духа, пышущего жаром телесной силой; мы должны, я полагаю, решиться на опасную борьбу за верховную власть. Несомненным и невинным кажется мне, чтобы жаккий евуух, пробравшийся из пафлагонской пустыни¹⁴ к управлению государством, руководил стратигами ромеев, чтобы он волка их за нос, как раба! Так следуй же немедля моему совету, если не хочешь, чтобы тебя схватили и обрекли на тяжкие беды».

4. Выслушав этот совет, Никифор обрел бодрость духа, надел на себя вооружение и поспешил вместе с Иоанном и всем бывшим в его распоряжении войском в Кесарию¹⁵, там он расположился лагерем и стал дожидаться остальных воинов. Через несколько дней все войско Азии собралось вокруг него; в один из первых дней июля, на рассвете, когда солнце уже проливало свои лучи на землю, предводители войска вместе со стратигом Иоанном обнажили мечи¹⁶ и, обступив шатер Никифора, провозгласили его самодержцем и всемогущим василевсом ромеев, пожелав ему править долгие годы. Стратиги и лохаги¹⁷ сделали это по приказанию Иоанна, которому казалось ужасной обидой, что безродный скопец с малолетними детьми помыкает, как ему заблагорассудится, воинственными мужами.

Сначала Никифор отказывался от столь высокой власти, опасаясь той зависти, которую вызывает она к себе, при этом он ссылался на смерть супруги¹⁸ и сына Варды, вступившего юноши, у которого на щеках едва успел засверкать золотистый пушок¹⁹. Не так давно двоюродный брат Варды, юноша по имени Плевас²⁰, во время игры поранил ему копьем шею; Плевас, испугавшись

раны, выпустил копье из рук, и оно, ударившись древком о землю, подскочило с такой силой, что насквозь пронзало череп Варды, который тотчас же, не издав ни звука, свалился с коня. Выставляя в качестве предлога смерть жены и сына, Никифор отказывался от власти, уступал эту честь Иоанну Цимисхию и предлагал ему домогаться скипетра²¹. Однако его никто не поддерживал из войска, да и сам Иоанн воспротривался; единодушно желая ему счастья, все провозгласил Никифора августейшим василевсом ромеев. Наконец и он, мало заботясь о страшных клятвах, которыми он связал себя перед патриархом Полиевктом и синклитом, принял власть и надел красную обувь — высший знак царственного достоинства²².

Никифор не упускал из виду непостоянства и неопределимости судьбы, не забывал он также и о праждебности и вероломстве Иосифа. Он поспешил опередить злую волю этого человека и упрочить таким путем как можно лучше свое положение. Поэтому он предпочел свою безопасность прежним обязательствам и пренебрег клятвой. Приняв, таким образом, царскую власть, Никифор вышел из шатра, препоясанный мечом и опираясь на копье; став под открытым небом на видном со всех сторон возвышении, он произнес следующее:

5. «Не потому, о соратники, надел я на себя это царское облачение, что стремлюсь к узурпаторству, но принужденный вами, войском. Вы сами тому свидетели: ведь я отказывался от столь тягостной заботы о государстве, а вы заставили меня принять ее на себя против моей воли. Я хочу уверить вас всех, что я решился подвергнуть себя такому испытанию и ради собственной безопасности, и особенно — из-за любви к вам. Призываю в свидетели всемогущее провидение, что я готов отдать за вас душу, и никакие неудачи не заставят меня изменить мое намерение. Коль скоро вы не допустите, чтобы вероломное безумие и неистово наглая дерзость еunuха достигли своей цели, коль скоро вы, свергнув этого сумасбродного правителя, избрали меня своим государем, я покажу вам на деле, что сумеею с божьей помощью так же хорошо управлять, как умел повиноваться. Я расположен к вам, как отец к детям, и советую вам, как любящим сыновьям, не предаваться неге и роскоши, соблюдать воздержанность и бдительность и достойно встретить все, что выпадет нам на долю. Я полагаю, что это дело не решится без пролития крови²³; чем труднее достигнуть высоты царской власти, тем острее зависть и вражда между теми, кто к ней стремится. Вам предстоит борьба не с критянами, не со скифами и не с арабами, сраженными вашей доблестью, а со столицей ромеев, куда отовсюду течет изобилие, которую нельзя взять приступом, как какую-нибудь крепость. Море омывает ее со всех сторон: она переполнена сильными мужами опоясывают ее со всех сторон: она переполнена сильными мужами и превосходит всю вселенную обилием золота, драгоценностей и

всякого рода богатств. Поэтому вам надлежит, укрепившись в благородной доблести, с которой вы побеждали в сражениях неприятелей, [бороться] сверх своих сил и устремиться теперь с еще большим рвением на врагов. Я убежден, что Всемогущий будет мне содействовать в этой борьбе; ведь договоры и клятвы нарушены не нами, а вероломством Иосифа, который без всякой причины отравил моих родственников в изгнание, а мне, ничего не подозревавшему²⁴, уготовил жестокою, бесчеловечную смерть; нарушившими условия следует считать не тех, которые первыми берутся за оружие, но тех, которые, принеся клятву, злоумышляют против сограждан. Так вспомните же о моей славе, благодаря которой вы одержали бесчисленные победы, и если верно то, что вас в былые времена возбуждала природная ваша доблесть, шествуйте непреклонно туда, куда ведет вас провидение и куда я сам прикажу вам идти!»

6. Своей речью, хорошо слышной всем воинам, Никифор вселил в них такую бодрость духа и столь неизъяснимую отвагу, что никакая воинская сила не могла бы, казалось, устоять против их порыва. Ведь войско любило его всей душою, и каждый гордился его славою. Вся жизнь его с самых юных лет прошла в битвах; он внушал ужас своим подвигами в стычках и сражениях и слыла умелым, непобедимым воином не только благодаря своей силе, но и потому, что был необыкновенно умен и не знал равных себе во всякого рода добродетелях.

Без промедления отправился он в одну из кесарийских церквей и, вернувшись оттуда в свой шатер, почтил Иоанна достоинством магистра и провозгласил его местником Востока. Затем он разошел по всей ромейской державе указы и распоряжения, назначил стратигов и отравил их к Евксину²⁵, по всему побережью, и в Авнаос²⁶, приказав мчаться как на крыльях. Я думаю, что он предпринял это для того, чтобы занять все морские пути и переправы прежде, чем распространится молва о его провозглашении василевсом.

Таким образом, Никифор полагал, что все свершится согласно его предначертаниям; он надеялся, что судьба не проигрывается на него, что она благосклонно и ласково улыбнется ему²⁷, если он заблаговременно укрепится в наиболее удобных местах. Закончив все приготовления, Никифор построил войско плотными, неразрывными рядами, надежно вооружил его и направился из Кесарии к столице. Составив послание к стоявшему у кормила церковной власти Полиевкту, к Иосифу, бывшему тогда дворцовым управлюющим, и к синклиту, он отправил его с епископом Евхантиским²⁸ Филофесом. Суть этого послания была примерно такова: пусть они примут его как самодержца, а он будет заботиться о делах повелителя Романа и воспитывать их до зрелого возраста; помимо этого, он принесет государству огромную пользу, умножая могущество ромейской державы браанными подвигами; если же

они не соглашались на это, то станут раскаиваться в своем неразумии впоследствии, когда дело будет решаться железом и кровью и нельзя будет оправдаться тем, которые предпочли худший исход наилучшему.

7. Иосиф воспринял это письмо так, как если бы оно было послано скифами⁴², как будто стрелою или жалом поразило его в самое сердце; он заковал епископа в цепи и отправил его в темницу. Склонив на свою сторону известных горячностью патриков Мариана, Пасхалия⁴³ и Торникиев⁴⁴ и верив им македонскую фалангу⁴⁵, он подготовил сильное сопротивление Никифору и преградил ему вход в Византий.

В то время в Византии находился брат Никифора Лев, о военных победах которого упоминалось попутно выше. Видя, что исход предприятия становится сомнительным, он, уловив удобное время, переодетый ремесленником, пробрался через подкоп за стену, сел в челнок и отплыл к Никифору, который приблизился уже к Иерийскому дворцу⁴⁶ и расставляла там свое войско. В то время и магистр Варда, отец их, достигший глубокой старости, также опасался, [что может погибнуть] от руки Иосифа. Охваченный страхом, он нашел себе защиту в великом храме⁴⁷, этот муж всю свою жизнь с самой юности провел в войнах и сражениях и долгие годы был почтен достоинством доместика⁴⁸.

Мариан⁴⁹ и Пасхалий, беззаботные и исполненные густого хвастовства, передвигались по улицам с отрядами македонян, не переставая вызывать все новые и новые возмущения, так что разъярившийся народ в конце концов прибег к силе и, сразившись с ними в рукопашной схватке, обратил их в явное бегство⁵⁰, будто слабых и неопытных в битве мальчишек. Говорят, что в то время как это случилось, какая-то женщина бросила в Мариана с крыши глиняный горшок, наполненный землей, из тех, что употребляют в садах, и угодила ему прямо в висок. Удар оказался настолько сильным, что был проломлен череп и поврежден мозг; на следующий день Мариан умер⁵¹.

Все это придало смелости внуку Василию, побочному сыну императора Романа Старшего⁵² от скифянки, который и сам во времена самодержца Константина был удостоен звания паракимомена⁵³. По причине своего смешанного происхождения⁵⁴ Василий был предприимчив и весьма искусен в исполнении своих намерений. К Иосифу он вообще был нерасположен, а в то время относился враждебно. Вооружив своих дворовых, числом свыше трех тысяч, панцирями, защитными поясами, шлемами, щитами, дротиками и мечами, он вместе с народом⁵⁵ напал на дома Иосифа и его сообщников. Предав их разграблению, разорению и разрушению, [Василий] поспешил к месту снаряжения кораблей, где при содействии народа и синклита⁵⁶ вооружил огненосные суда для отправки к Никифору. Тотчас же погрузившись на эти корабли, Никифор причалил к монастырю Авраамитов⁵⁷, который

называется также Нерукотворным; оттуда он выслал воинов для захвата царского дворца⁵⁸.

Увидев их приближение, Иосиф, охваченный неудержимым страхом, задрожал (ведь вся его охрана перешла уже на сторону Никифора), покинул дворец и прибежал в храм. И вот он, которого еще незадолго перед этим видели надменно вадмавшим брови, стал жалким образом умолять о защите, страшась даже мольбы и собственным примером утверждая, что в человеческой судьбе нет ничего постоянного и нерушимого, что все в ней преходяще, тленно и наподобие игральных костей рассыпается в разные стороны, изменяя свое положение. Когда Иосиф убежал в храм⁵⁹, отцу Никифора Варде представилась возможность освободиться и невредимым прийти к сыну.

8. Видя благоприятное стечение обстоятельств, Никифор снял и отбросил в сторону свое обычное платье, облачился в царственное одеяние самодержца и предстал в наиболее подобающем государю виде. Сидя на горячем белом коне, украшенном царской сбруей и пурпурными коврами, он въехал в Золотые ворота⁶⁰, восторженно встречаемый и приветствуемый народом и вельможами. Это произошло в шестнадцатый день месяца августа, шестого индикта 6470 г.⁶¹ Вскоре затем Никифор вступил в знаменитейший храм господень и принял достойные почести от причта священнослужителей, а патриарх Поланевт увенчал его царской диадемой; [Никифору] исполнился в то время пятьдесят один год.

Вот какая у него была наружность⁶². Цвет лица более приближался к темному, чем к светлому; волосы густые и черные; глаза [также] черные, озабоченные размышлением, прятались под мохнатыми бровями; нос не тонкий и не толстый, слегка крючковатый; борода правильной формы, с редкой седью по бокам. Стан у него был округлый и плотный, грудь и плечи очень широкие, а мужеством и силой он напоминал прославленного Геракла. Разумом, целомудрием и способностью принимать безошибочные решения он превосходил всех людей, рожденных в его время.

Итак, украшенный царственным венцом, он вошел в сопровождении народа и вельмож во дворец и воссел на царский трон. И тогда можно было видеть, как сама судьба радуется и гордится произведенным ею и тем, что все дела человеческие зависят от нее и ничто из земных благ не достается кому бы то ни было без ее участия⁶³.

После того как Никифор, взойдя на престол, спокойно и уверенно овладел делами правления, он возвел своего отца Варду в достоинство кесаря⁶⁴, Иоанну, прозванному Цимикским, ввешенному вместе с ним с самого начала движения, даровал звание доместика Востока и магистра, брата своего Льва сделал куропалатом⁶⁵ и магистром, а Василия, который, как уже было сказано, разрушил замыслы Иосифа, удостоил почести преедра⁶⁶.

9. Никифор обещал соблюдать обычно для него благоразум-

ное целомудрие — уклоняться от сожительства с женщиной и воздерживаться от употребления мяса⁵⁴. Но люди, которые веши уединенный образ жизни и оказывали влияние на его поведение (он очень уважал монахов), не позволяли ему укрепиться в своем решении, побуждали его вступить в брак⁵⁵ и не избегать мясоедения как чего-то недозволенного. Они опасались, как бы он, приобретя склонность к роскоши и разгулу, не погряз в противостественных наслаждениях, которым обычно необдуманно предается самодержавный и самовластный правитель, когда достигает власти⁵⁶. Наставления монахов убедили [Никифора] оставить обыкновенный для его возраста образ жизни. Он сочетался браком с суровой Романа, прекрасной обликом чистокровной лакедемонянки⁵⁷ и, перейдя от умеренного стола к более обильному, начал употреблять в пищу мясо. Пошли, однако, слухи о том, что брак Никифора нельзя считать вполне законным, ибо он восприимчив детей самодержца Романа и Феофано от священной купели⁵⁸.

С быстротою крыльев достигли эти слухи ушей владыки Пеласгита, и тот всеми силами стремился не допустить правителя к святым оградям. [Патриарх] был мужем, исполненным усердия в служении Богу; отличался вселчскими познаниями и непревзойденной добродетелью, не боялся он порицать даже государей. Но владыка отчасти просьбами, отчасти же уверениями, что не он, а отец его Варда был восприимчивом детей августы⁵⁹ Феофано при крещении, заставил патриарха переменить свое мнение и настоялко склонил его на свою сторону, что тот с радостью утвердил его брак с августой Феофано⁶⁰.

Когда все свершилось таким образом, согласно с намерением Никифора, он, собрав огромное число царских сокровищ и отделив обширные участки плодородной земли, изобилующей разнообразными соками и множеством различных плодов, подарил все это своей супруге и владыкиссе Феофано. Сам же он провел в Константинополе зиму, в течение которой не переставал оказывать благосклонность должностным лицам, устраивал конские состязания, всякого рода аренаща и дружеские пирушки, обычные у самодержцев. Всех поступивших в его подчинение стражей и телохранителей он ежедневно самым усиленным образом настаивал в военном искусстве, учил их умело сгибать лук, отводить стрелу к груди, метко поражать цель, ловко размахивать и вращать во все стороны копьем, уверенным движением вращать в воздухе⁶¹ меч, легко вскакивать на коня. [Никифор стремился к тому], чтобы во время сражений враги не могли превзойти [его телохранителей], — ведь им первым надлежало встретить опасного и выстроиться в боевой порядок.

10. Когда унылую зиму⁶² сменяла спокойная, приятная весенняя погода, [Никифор] объявил поход против агарян и выступил из Византии⁶³. Он провел некоторое время в стране каппа-

докийцев, [откуда], собрав боеспособное войско, отправился на тарсийцев, гордившихся в то время своей многочисленностью, доблестью и военным искусством; они открыто, с непомерной дерзостью совершали часто неожиданные набеги. Подойдя к городу, Никифор расставил со всех сторон дозоры, соорудил укрепленный лагерь и приступил к осаде. Осажденные агаряне были тогда в изобилии снабжены припасами и надеялись на мощь городских укреплений: стены Тарса были недостижимой вышины и двойным кольцом окружали город. Был там также вырыт очень глубокий ров, выложенный тесными белыми камнями и составлявший со стенами одно целое. Укреплением служила и река Киди⁶⁴, которая разделяет город на две части. Эта река, полноводная уже у истоков, холодна и прозрачна на всем своем протяжении; она служит неплохой защитой для Тарса; берега ее соединены внутри города тремя мостами. Когда на тарсийцев обрушилась война, они открывают реке доступ в ров, и уже через час вода в нем выходит на берегов. Вот на что надеялись варвары, когда они насмехались над всилею осады, оскорбляли его без всякого страха и, совершая вылазки и нападения, убивали многих ромеев.

Пробы у стен города достаточно времени и увидев, что его предприятие не имеет успеха, самодержец Никифор отступил. Уклонившись в сторону [от Тарса], он устремился против близлежащих крепостей и взял с первого же приступа Адау⁶⁵, Анавару⁶⁶ и свыше двадцати подобных им укреплений. Затем он напал на Мопсуэстию⁶⁷, обложил ее со всех сторон и горячо припился за осаду этой крепости, обстреливая ее со всех сторон из метательных орудий. Жители [Мопсуэстии] оказали отважное сопротивление; они защищались изо всех сил, сбрасывая с башен на ромеев огненные стрелы и тяжелые камни.

11. Однако владыка был изобретателем и удивительно легко находил выход из затруднительных положений. Обойдя вокруг и обследовав стены, отыскав наиболее удобное место, он привел глубокой ночью к башням воинов и приказал им подкапывать, начиная от берегов протекавшей в том месте реки Пирам⁶⁸, так, чтобы варвары ничего не заметили и столь большие усилия ромеев не пропали. Воины начали рыть, а землю относили и сбрасывали в речной поток. В конце этой работы две башни совместно с заключенной между ними частью стены повисли без всякой опоры; для того чтобы все строение не обрушилось, его подперли бревнами.

Как только солнечные лучи озарили окрестность, агаряне в белых одеждах высунулись, как обычно, из башен, втянули луки, приготовили другие орудия и стали осматривать бранью государя. Никифор приказал поджечь укрытые внутри подпорки башен, а сам построил фаланги и в полном вооружении двинулся на приступ. Подпорки быстро сгорели, а затем вся подрытая и висевшая часть стены заколебалась и рухнула на землю, увлекая за собой стояв-

ших на ней агарли. Многие из них разбились и тут же испустили дух, а другие были захвачены в плен ромеями и оплакивали постигшую их судьбу. Когда разрушенная стена открыла достаточно широкий проход, самодержец вступил в Мопсуэстию со всем войском.

Покорив город, Никифор обратил всех оставшихся в живых варваров в рабство, отобрал лучшую часть добычи и отложил ее для царской сокровищницы, запретив войску разграблять город. Когда же с переходом солнца от созвездия Стрельца к созвездию Козерога⁶⁰ зимние холода стали оказывать сильное действие, он снялся оттуда и отошел в пределы ромейской державы. Вступив в Каппадокию, [Никифор] одарил надлежащим образом своих воинов и приказал им разойтись по домам. При этом он напомнил им, что они должны привести в порядок оружие, востричь мечи, позаботиться хорошенько о лошадях и с наступлением весны воротиться к нему. Итак, войска его разошлись по домам, а сам император с оставшимися воинами провел зиму в Каппадокии, готовясь к войне.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1. Я рассказал, как засилев Никифор взял Мопсуэстию и овладел расположенными вблизи от нее укреплениями: сам же он провел зиму в Каппадокии, испытывая горе и досаду. Его терзала мысль о том, что он не взял одним приступом Тарс, что он был отброшен от стен этого города, как тупая стрела¹, попавшая на крепкий предмет, — не свершив ничего благородного или мужественного. Обидою, прямым бесчестьем и неагладимым позором представлялось ему то, что он, Никифор Фока, будучи сначала стратигом,

а потом назначенный domestikом схол, разрушал и сжигал, обращая в пепел, бесчисленные города, завоевывал цветущие страны, заставлял убегать с поля битвы воинственные племена и устрашал их так, что они не смели противостоять его силе и непреодолимому вооруженному натиску. — теперь, когда его мужеству и разуму покорилась ромейская держава, когда он ведет за собою войско, достигающее 400 тысяч², сразился столь безуспешно и был отброшен — отброшен не от Вавилона, который Семирамида³ укрепила семью стенами, не от древнего Рима, который был воздвигнут римской мощью, не от иудейских стен, столь плотных и виссоких, что рассказ о них может показаться тем, кто их не видел, лишеной истины басней⁴, а от Тарса, небольшого города, расположенного на доступной для конницы равнине, [населенного] и местными уроженцами, и пришельцами. Вот над чем размышляя и что обдумывая [Никифор], беспрестанно сокрушался и негодовал. Неужели, думал он, одни только тарсийцы избегнут своей участи, насмеялась над его мужеством и презирая его военную опытность? Ведь все окрестные жители перебиты в боях, а те, которые уклонились от острия меча, сменили свободу на рабство... Вот почему он в ожидании [удобного] времени года усиденно готовил к военным действиям находившихся при нем [воинов].

Как только засияла весна⁵ и зимняя стужа совершенно растворилась в летней теплоте, к нашествию стали по его приказу

стекаться войска. Он припоспешно вооружил воинов, число которых превысило 400 тысяч, поднял знамя и вступил на дорогу, ведущую к Тарсу.

2. Во время похода один из легко вооруженных воинов, утомленный трудностью пути (войско проходило в то время по глубокому ущелью, замытому между утесами и обрывками), сбросил с плеч свой щит и оставил его на дороге. Государь, проследив мимо, увидел этот щит и велел одному из сопровождававших подобрать его. Едва только войско прибыло на привал, как он стал доискиваться, у какого воина находится в подчинении воин, который прежде сражения, не встретившись еще с опасностью, бросил щит и лишился своего оружия⁵. Виновный не прятался и был немедленно обнаружен. Устремив на него грозный и суровый взгляд, государь произнес: «Скажи-ка, негодный, если бы на нас сейчас неожиданно напал неприятель, каким оружием ты, бросающий щит на дороге, стал бы обороняться от врагов?» Воин застыл от ужаса и стоял с раскрытым ртом. Василевс приказал воину отстегать его, обречьего себя на смерть, розгами, отрезать ему нос и водить на показ всему лагерю. Но воины, то ли охваченные жалостью к этому человеку, то ли смягченными дарами, отпустили его невредимым. На следующий день государь увидел этого воина, позвал к себе воина и обратился к нему с такими словами: «О упрямый наглец, как посмеешь ты не выпознать мой приказ? Или ты думаешь, что я меньше тебя забочусь о войске? Ведь я велел наказывать того, кто бросил свое оружие, в наказание прочие. Пусть никто не подражает его беззаботности и слабости и не повторяет его проступка, чтобы не оказаться безоружным на поле боя и не погибнуть тотчас же от руки неприятеля!» Затем он жестоко наказал воина розгами и отрезал ему нос, чтобы все войско остерегалось впредь небрежного отношения к своему оружию⁷.

3. Вскоре [Никифор] подошел к окрестностям Тарса, разбил лагерь и возвел вокруг города укрепление. Он приказал вырвать цветы и срубить деревья, которыми обильно поросли поля и луга, чтобы сражение происходило на открытом месте и чтобы воины не имели возможности, устраивая в лесистых местах засады, внезапно нападать на ромейское войско. Вся округа лишилась своей природной красоты; она была раньше плодородна, богата пастбищами и украшена разнообразными растениями, плоды которых давали различные соки.

Жители Тарса, гордые прежними своими победами над ромеями, обнаружили вначале свое бесстрашие и горячность; они не смогли удержаться, вышли из города и выстроились смелыми, сомкнутыми рядами, выказав себя сверх всякой меры смелыми и дерзкими перед лицом военной опасности. Василевс же вывел из укрепления наиболее стойкую и смелую часть войска и построил фаланги на пространстве между двумя лагерями; впереди

он поставил одетых в броню всадников, а сзади [расположил] стрелков и пращников, приказав им оттуда поражать неприятеля. Во главе правого крыла стал он сам, ведя за собой бесчисленное множество всадников; на левом крыле сражался Иоанн, прозванный Цимикхем, возведенный в достоинство дукса⁸. Он был муж горячего нрава и как никто другой выказал себя сверхъестественно смелым и пылким [в бою], несмотря на то, что, подобно баснословному богатырю Тидесу⁹, был очень небольшого роста; в маленьком его теле таилась храбрость и сила героя. Когда Василевс приказал трубить к сражению, показались двигающиеся в превосходном порядке ромейские фаланги, и все поле засияло блеском оружия. Тарсийцы не устояли перед таким натиском; поражаемые градом копий и оружием стрелков и пращников, поставленных позади, они тотчас обратились в бегство и постыдным образом залепались в стенах города, потеряв в этой стычке немалую часть своих сограждан. Безудержный страх охватила их, когда они увидели столь многочисленное, искусно наступающее войско; они расположились на городских стенах, укрепив их металлическими орудиями, и, оказавшись недостижимыми, стойко ожидали вражеского нападения.

4. Самодержец Никифор увидел, что прямо к городу подойти и подступиться невозможно, что овладеть им приступом нельзя, и решил не подвергаться опасности, [отказавшись от] безрассудного стремления к битве и обречь [тарсийцев] на голод, который своей жестокой необходимостью поневоле заставит их сдаться. Приняв такое решение, он окружил город надежной охраной. Пока голод еще не истощил до конца тарсийцев, они оборонялись, бросая с башен колья в ромеев; когда же голод изнурил их жалким образом, когда недостаток пищи ослабил их тела, гнетущая печаль охватила город, и жители, покрытые смертной бледностью, ничем не отличавшиеся от призрачных теней, впади в ужасное отчаяние. Ведь бедствие, причиняемое голодом, наиболее губительно и достойно сожаления; тело теряет свою стройность, холод гасит его теплоту, кожа превращается в некое подобие паутинки, обтягивающей кости, и постепенно приближается смерть¹⁰.

Когда [тарсийцы] уже не в силах были совладать с нестерпимым голодом и не могли более сражаться со столь большим войском, они заключили мир с василевсом, прекратив сопротивление при условии, что каждому желающему будет дозволено свободно уйти во внутренние области Сирии. [Никифор] согласился с этим условием, и, когда мир был заключен, он приказал им немедленно выйти из города, имея с собою из всего необходимого только одежду¹¹. Итак, он овладел городом¹², собрал неисчислимно богатую добычу, разделил ее между воинами, поставил надлежущую охрану и, взяв с собою золотые кресты, украшенные драгоценными камнями, — эти кресты были захвачены тарсийцами в разных битвах, бывших неудачными для ромеев¹³, — отправился

в столбу. По прибытии он был восторженно принят народом; поместив захваченные кресты в знаменитом божьем храме, он долгое время¹⁴ развлекал народ состязаниями колесниц и другими играми — ведь византийцам более других людей пристрастны к зрелищам.

5. Как раз во время этих развлечений к Никифору явились послы мисий¹⁵. Они заявили, что их властитель требует обычной дани, за которой они и посланы теперь к василевсу¹⁶. [Никифор] был спокойного нрава, и его нелегко было вывести из себя, но [речь послов] против ожидания чрезвычайно его рассердила; исполнившийся гнева, он воскликнул необычным для него громким голосом: «Горе ромеям, если они, силой оружия обратившие в бегство всех неприятелей, должны, как рабы, платить подати грязному и во всех иных отношениях низкому скифскому племени!»¹⁷ Находясь в затруднении, он обратился к своему отцу Варде, — случилось, что тот, провозглашенный кесарем, был тогда при нем, — и спросил у него, как следует понимать то, что мисяне требуют у ромеев дани: «Неужели ты породил меня рабом и скрывал это от меня? Неужели я, самодержавный государь ромеев, покорюсь нищему, грязному племени и буду платить ему дань?» Он тут же приказал отхлестать послов по щекам и сказал им: «Идите к своему вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу, и передайте ему: великий и могучий государь ромеев в скором времени придет в твою страну и сполна отдаст тебе дань, чтобы ты, трижды раб от рождения, научился именовать повелителей ромеев своими господами, а не требовал с них податей, как с невольников».

Сказав так, он приказал им убираться в свою землю, а сам, собрав боеспособное войско, выступил в поход против мисий¹⁸ и с первого же приступа овладел всеми пограничными с ромеями укреплениями. Осмотрев страну, Никифор убедился в том, что она гориста и покрыта лесами. Говоря поэтическим языком, в стране мисий «беда за бедою возстала»¹⁹; за лесами и кустами следуют стремнины и скалы, а затем болота и топи; местность эта обильна водою и густыми рощами, залерта со всех сторон непроходимыми горами; она расположена у Гема и Родопа²⁰ и орошается большими реками. Видя все это, василевс Никифор решил, что не следует вести неподготовленное войско по опасным местам и допустить, чтобы мисяне перебили воинов, как скот²¹. Утверждают, что ромей часто терпели поражения в теснинах Мисии и подвергались полному уничтожению²².

6. Таким образом, он решил не подвергать опасности [своих людей] в непроходимых и опасных местах. Поэтому он отозвал войско и вернулся в Византий. Затем, возведя в достоинство патрикия Калокира²³, мужа пылкого нрава и во всех отношениях горячего, он отправил его к тавроскифам²⁴, которых в просторечии обычно называют росами²⁵, с приказанием распределить между

ними врученное ему золото, количеством около пятнадцати кентинариев²⁶, и привести их в Мисию с тем, чтобы они захватили эту страну²⁷.

Итак, Калокир поспешил к тавроскифам; а сам [Никифор] отправился в театр и сел наблюдать за проводимыми конскими ристаниями. [До начала состязаний] он приказал бывшим при нем воинам сойти на арену, разбиться на противостоящие отряды, обнажить мечи и шутя наступать друг на друга, упражняясь таким образом в военном искусстве. Но жители Византия были незнакомы с военным делом. Их ослепил блеск мечей, напугал лягающий натиск устремившихся друг на друга воинов; пораженные необычным зрелищем, они ринулись из театра и побежали по домам. Вследствие давки и беспорядочного бегства немало их погбило, многие были жалким образом растоптаны и задуманы²⁸.

Это происшествие послужило началом вражды Византии к василевсу. К этому присоединялись и злоупотребления его брата, куропалата Льва, который сменил мужество воина на корыстолюбие горожанина; своей жадностью и деньгам он без всякого милосердия лишал жителей хлеба и других необходимых припасов: покупая хлеб дешево, он продавал его за дорожную цену²⁹. В городе стали шептаться: со стороны горожан посыпались обвинения в том, что оба брата обращают бедствие народа себе на пользу и туго набивают мешки общественным добром. Ведь и василевс, утверждал, что ему необходимы большие средства на военные нужды, безжалостно разорял своих подданных и выдумывал новые несамыханные налоги³⁰.

Василевсу стало, как говорят, известно от какого-то человека, то ли из тех, что наблюдает небесные светила, то ли из тех, что избрали монашеский безбрачный образ жизни³¹, что он умрет в царском дворце, убитый собственными соотечественниками. Устрашенный этим предсказанием, он построил высокую и крепкую стену, которая соединила оба крыла дворца³², обращенные к морю. [Государь] полагал, что этой стеною, видимой еще и теперь, он обезопасил свое жилище.

7. В праздник вознесения Спасителя³³, когда государь совершал по обычаю шествие за стены [города] к так называемой Пиги (там был построен храм удивительной красоты в честь богородицы³⁴), произошло побоище между жителями Византии и армянами³⁵, во время которого армяне ранили многих горожан. А к вечеру, когда государь возвращался во дворец, жители Византия открыто поносили его. И одна женщина со своей дочерью дошла до такого безумия, что, наклонившись с крыши дома, бросала в повелителя камни. На следующий день она была схвачена претором³⁶ и вместе с дочерью поплатилась за свою вину, став добычей огня в проастиах³⁷, называемом Анарата³⁸.

В то время я мне, пишущему эти строки, допелось, будучи юношей³⁹, жить в Византии с целью обучения и приобретения

знаний⁴⁰. Я видел, как вассилевс Никифор шагом проезжал на коне по городу, невозмутимо сносил жестокие оскорбления и соблюдая присущие духа, как будто не происходит ничего необычайного. Меня удивляло спокойствие этого человека, сохранившего бесстрашие и благородство при самых ужасных обстоятельствах⁴¹. Впрочем, с наступлением ночи маетеж прекратился. Государь нелегко поддавался гневу и вообще был человеком великодушным; поэтому он предал забвению обиду, причиненные ему накануне горожанам, приказав их скорее объявлению⁴², чем движению возмущенного народа.

После этого он послал⁴³ в Сицилию огненосные триеры, надежно нагрузив их балластом, и огромные корабли с войсками и вооружением. Стратигом над флотом он назначил патрикия Никиту⁴⁴, мужа благочестивого и почтенного, хоть и свиуха, а командование конным войском [поручил] своему двоюродному брату Мануилу⁴⁵, также отмеченному достоинством патрикия, мужу горячего нрава, своевольному и подверженному безрассудным порывам. Переплыв Адриатическое море, они достигли Сицилии, сошли с кораблей и выстроились в фалангу. Вначале им так благоприятствовала удача, что они с одного приступа овладели знаменитыми, прославленными Сиракузами и Гимерой⁴⁶, а следом того без кровопролития заняли Тавромений⁴⁷ и Леонтины⁴⁸. Но завистливая судьба не пожелала направить к цели паруса их успеха⁴⁹, с легкой жестокостью она стала дуть в обратную сторону и погрузила их предпринятие в пучину гибели. Нижеследующий рассказ это разъяснит.

8. Сицилийцы не могли сопротивляться силе и непреодолимому мужеству ромеев; покидая города, они укрывались в горных ущельях и собирались в наиболее удобных местах. Ведь остров этот богат горами и лесами, на нем очень легко, если понадобится, возводить на скорую руку укрепления. Поэтому Мануилу следовало охранять важные города, а также пастбища и проезжие дороги по всей стране, чтобы лишить беглецов корма для животных и других припасов; таким образом, у истощенных голодом сицилийцев было бы только две возможности: либо сдаться ромеям, либо погибнуть от недостатка средств к существованию.

Но пылкому, кипевшему отвагой и храбростью и сверх меры гордому своими прежними победами Мануилу недоставало предпримчивости и опытности — он устремился по опасным путям преследовать беглецов. В одной из теснин фаланга рассыпалась и стала беспорядочно продвигаться по расщелинам и ущельям; скрывавшиеся в засаде варвары появились внезапно с шумом и ужасными криками и напали на ромеев. Пораженные неожиданностью, они, не видя солнечного света в густой чаще деревьев, обратились в бегство. Обрушившиеся на ромеев варвары убивали их нещадным образом, как обреченных на жертву животных; тогда только прекратилась их истребление воинов, когда силы и

гнев их всеякали. Там был убит и сам Мануил; тех же из ромеев, которые избежали меча, агаряне захватили в плен живыми. Сокрушив пешее войско, варвары устремились к берегу, где стояли на якорях ромейские корабли, и большинством из них сразу же овладели. Сам патрикий Никита был схвачен и отправлен плавником к котирхонту афров⁵⁰. Из такого множества воинов лишь малая часть спаслась и явилась к императору Никифору⁵¹.

Весть о гибели столь многочисленного войска глубоко задела вассилевса; он был очень опечален этим неожиданным и безжалостным ударом судьбы. Но [Никифор] обладал твердым характером, он умел сохранять присутствие духа в трудных обстоятельствах, размышляя о непостоянстве людских дел, он мужественно переносил несчастье. И вот позднее он снова спарядил войско против агарей, наслышавших Сирию⁵².

9. В это самое время, когда летняя пора года переходила в осеннюю, бог сильно потрясло земю, так что разрушились дома и целые города⁵³. И случилось так, что богатейший город галатов Клавдиополь⁵⁴, разрушенный непреодолимым движением и сотрясением [земли], внезапно превратился в могилу для своих жителей; там же во мгновение ока погибла многие пришельцы из других мест. Причиной такого сотрясения и движения являются, согласно измышкам ученых, легкие дымления и испарения, скрытые в недрах земли; уносясь выходов не дает им возможности сразу вырваться наружу, и они образуют бурные вихри. Эти вихри наполняют пустоты земли, кружатся и носятся с огромной силой, сотрясая все, что находится над ними и вокруг них, до тех пор, пока не прорываются сквозь преграду, выходя на поверхность и растворяясь в среднем им воздухе. Но так объяснило это явление пустословие алмаинов. Я же полагаю вслед за божественным Давидом, что столь сильное сотрясение возникает от промисла Божьего, который неуменно следит за нашими увлечениями от божественного завета; он хочет, чтобы люди, страдая от этой бедствия, отвращались от порочных дел и обращались к достохвальным⁵⁵.

Клавдиополь, таким образом, разрушенный до основания и уничтоженный землетрясением, испил полную чашу гнева Господня. В том же году, в середине лета, как раз в то время, когда солнце приближалось к созвездию Рака⁵⁶, на Византий и соседние земли обрушилась такой ливень, какого никогда прежде еще не бывало. Начавшись к концу дня, в пятницу⁵⁷, это бедствие продолжалось до девятого часа; дождь выпал такой силы, что не видно было, как обычно, капля, лилась сплошные потоки воды, как из труб. Не было ни одного храма либо богатого дома, не заполненного водой, которая текла сверху, сквозь крышу, хоть жители усердно отчерпывали ее на улицу. Сколько ни пытались они, столько же наливалось снова, и никак нельзя было помочь беде. Три часа подряд лился дождь, и видны были развалившиеся

по улицам города реки, в которых погибали уносимые водой животины. Люди горько рыдали и вопили, боясь, что на них снова обрушится потоп, подобный уже бывшему, знаменитому, но сострадательное, человеколюбивое провидение пронзило тучу радугой⁶⁵, рассело ее сиянием пыльным дождь и привело природу к прежней соразмерности. Вслед за тем снова выпал дождь, но мутный, как бы смешанный с золой, похожий на печную сажу, и теплый для всякого, кто ощущал его на своей коже⁶⁶.

10. Василевс Никифор (рассказ снова возвращается к тому месту, откуда он пошел по другому следу), набрав римейское войско, поспешил к городу Антиохии⁶⁷ в Сирии и разбил там лагерь. У [жителей] Антиохии были в избытке необходимые припасы, и они сардально и высокомерно сразу же отвергли всякую возможность примирения, а [Никифор] не хотел разрушать город стенобитными орудиями, так как был уверен, что в скором времени понудит его к сдаче своими победами и осадными хитростями. Поэтому он, пробыв у стен Антиохии недолгое время⁶⁸ и в иссамой степени устроив ее жителей образцовым строем своего войска⁶⁹, ушел отсюда и отправился в счастливую страну, центр земли⁷⁰, называемую также Палестиной, которая, как гласит Священное писание, течет миадом и медом; справа от него остаются Кникии и [другие] приморские области. Заняв Эдессу [Никифор] вошел в храм святых исповедников, помолился богу и дал своим войскам До него дошли слухи, что в этой крепости хранится отпечатанное на черепице изображение Спасителя.

Разулавив, что это изображение запечатлелось [на черепице] следующим образом. Апостол Фаддей был послан Спасителем с изображением Божочеловека к топарху⁷¹ Эдессы Ангару⁷², чтобы избавить его от продолжительной болезни. У стен города лежали черепицы, и Фаддей, проходя мимо, спрятал среди них полотно⁷³, на котором Христос неслыханным образом запечатлел свой лик; он намеревался взять его оттуда на следующий день. На протяжении трех ночей черепицы сияли чудесным светом. Утром Фаддей взял полотно и пошел своей дорогой, а на черепице, к которой полотно прикасалось, отпечатался совершенно точно богочеловеческий образ Спасителя. Варвары подобрали черепицу и с восторженным почитанием хранили ее в крепости. Заняв город, император Никифор взял священную черепицу и благоговейно уложил ее в изготовленный из золота и драгоценных камней лапидар, отдал на хранение в храм богородицы, находившийся при дворце⁷⁴.

Затем он занял крепость Мемпетте⁷⁵, перешел лежащие на пути Ливанские горы и приблизился к Триполи⁷⁶. Он увидел, что этот город укреплен и взять его труднее, чем другие, а кроме того, запаздывали задержанные противными ветрами корабли. Поэтому он прошел мимо и решил осаждать крепость Арку⁷⁷, в которой были собраны неисчислимые богатства. Опоясав ее

тремя рядами укреплений, он приступил к сильнейшей осаде и, разрушив башни стенобитными орудиями, целых девять дней опустошал город, вывозя несметные сокровища. Едним патиском овладел он и многими другими крепостями.

11. Между тем как усилился вершиться это в Сирии, во время динего солнцестояния произошло такое солнечное затмение, какого прежде еще не бывало, кроме случившегося тогда, когда Господь страдал из-за греховного безумия иудеев, пригвоздивших творца вселенной ко кресту. Вот как протекало это затмение. В двадцать второй день декабря, в четвертом часу дня⁷⁸, при спокойной погоде тьма покрыла землю, и на небе выступили во всем блеске звезды. И виден был млечный блеск и сияния диск солнца — только край его слабо светился, как бы окруженный узкой лентой. Постепенно солнце выдвинулось из-за луны, которая, как было видно, заслоняла солнце, став перпендикулярно к нему, и снова распростерла свои лучи, наполняя светом землю. Устрашенные этим новым и необычным зрелищем, люди, как подобает, обратились с мольбами к богу. В то время я сам находился в Византии, проходя курс энциклопедического образования⁷⁹. Но следует вернуться к нити нашего повествования и возобновить рассказ о василевсе.

Взяв без труда [ряд] неприятельских крепостей, он подошел со всем войском к Антиохии, разбил у ее стен лагерь, собрал стратегов и дожагов, стал на возвышенном месте под открытым небом и обратился к ним с речью:

«Соратники, волею провидения и благодаря своей опытности, соединенной с мужеством, мы, как вы знаете, против всякого ожидания захватили лежащие за этим городом крепости. Горячо благодарю вас за то, что, полагаясь на меня, нашего предводителя, вы не склонились перед многочисленными гнетущими трудностями, обычными на войне, и сражались с таким воодушевлением и с такой разумной отвагой, что ни одна из крепостей, на которые мы устремились, не устояла перед вашей доблестью и не осталась незахваченной. Я знаю, войны, как вы жаждете внистровернуть этот город, с какой неукротимой страстностью стремитесь вы разрушить и опустошить его огнем. Но я буду опечален, если город, который занимает третье место во вселенной⁸⁰ по кратоте и величине стен (вы ведь видите, какой высоты они достигают), по многочисленности жителей и по удивительной отделке домов, будет превращен в развалины, как жалкая крепость. Мне кажется, что неразумно расточать силы римейского войска на разрушение этого города, уничтожал и разорял уже завоеванное нами. Я сказал бы, что наиболее предусмотрительный полководец тот, который своими нападениями на страну и длительным пребыванием в ней обесснивает ее и губит; а того, кто совершает набеги и тут же возмущаясь домой, разоряет и истощает свое отечество, я не премину назвать безрассудным и в высшей степени

аммеренным. Такой полководецу подобен осмеянним в притче рыбакам, которые должны отгонять от овечьего стада волков и охранять его от нападений, но не только не исполняют этого, а сами худые волков терзают и разрывают на части [овцы].¹⁰ Итак, если вы согласны со мной и доверите мне, нам надлежит тотчас же уделить вот этот с виду надежный и обтекаемый подою холм, расположить на нем по отряду конницы и пехоты, а затем ежедневными вылазками, набегами, расхищением съестных припасов смирить антиохийцев, поставить их в затруднительное положение и принудить против воли покориться ромеям».

Закончив речь, василевс взымаем на плечи камень (в такого рода делах он был прост и скромн), взошел на холм и приказал всему войску последовать его примеру. И через три дня на холме появилась мощное вполне надежное укрепление. Он оставил в этой крепости отряд в пятьсот всадников и тысячу пехотинцев¹¹, снабдил их достаточным количеством фуража и приказал совершать ежедневные набег на Антиохию, предавая мечу и разграблению все на своем пути. Сам же он съехал оттуда и отправился в столицу, где, торжественно встреченный горожанами, пребывал [некоторое время].¹²

КНИГА ПЯТАЯ

1. Таким образом, как я уже рассказал, василевс Никифор прошел всю Сирию до приморских ее областей, победил на своем пути всех противников, сделал их добычею меча¹, разрушил множество городов, воздвиг и вооружил в три дня мощную крепость на самых выгодных подступах к Великой Антиохии и вернулся в Византию. Оттуда он отправил посольство к правителю карфагенян², передал ему в дар меч мерзкого, несчастивого Моамеда, который стал его добычей в одной из захваченных крепостей Палестины. Взамен он потребовал возвратить патрикия Никиту, который, как уже говорилось выше, был захвачен в плен во время поражения ромеев в Сицилии и отослан к этому катархонту афров. Никифор угрожал в письме, что того ожидает непримиримая война, разорение и опустошение всей его страны ромейским войском, если он не поспешит опустить патрикия, не освободит его немедленно от оков и не отправит к нему.

Итак, испуганный этими вестями, слобно иным, согласно повелениям, скифскими повелениями, карфагенянин отправил в дар василевсу Никифору и патрикия Никиту и тех, которые были взяты в плен вместе с ним³, и всех других ромеев из разных мест, которых он содержал закованными в темницах, — столь велик был его страх, когда он услышал о сухопутных и морских походах василевса. Несокрушимость этого мужа, непревзойденная в боях, непобедимая сила, благодаря которой он быстро, без всякого труда, как будто по Божьей воле, побеждал любого неприятеля, страшила и приводила в изумление все народы, и они стремились к тому, чтобы он был им не врагом, а другом и господином⁴. Итак, патрикий Никита и другие ромейские пленники, освобожденные из оков и тюрем, вернулись в Византию. Василевс Никифор был очень рад; он отметил этот день празднеством и возгласил благодарственные молитвы Богу за спасение соплеменников.

Тем временем, пока император совершал все это в Сирии и в Византии, патрикий Калокир, посланный к тауроскифам по его

царскому приказу, прибыл в Скифию, завязал дружбу с катархонтом тавров⁵, совратил его дарами и очаровал льстивыми речами — ведь все скифское племя необычайно корыстолюбиво, в высшей степени алчно, падко и на подкупы, и на обещания⁶. Калокир⁷ уговорил [его] собрать сильное войско и выступить против мисян с тем, чтобы после победы над ними подчинить и удерживать страну для собственного пребывания, а ему помочь против ромеев в борьбе за овладение престолом и ромейской державой⁸. [За это Калокир] обещал ему огромные, несказанные богатства из царской сокровищницы.

2. Выслушав слова Калокира, Сфендослав⁹ (таким именем он назывался у тавров) не в силах был сдержать своих устремлений; возбужденный надеждой получить богатство, видя себя во сне владельцем страны мисян, он, будучи мужем горячим и дерзким, да к тому же отважным и деятельным, поднял на войну все молодое поколение тавров. Наборав, таким образом, войско, состоявшее, кроме обоза, из шестидесяти тысяч¹⁰ двустуших здоровым мужей, он вместе с патрирхом Калокиром, с которым соединился узамы побратимства¹¹, выступил против мисян¹².

Узнав, что [Сфендослав] уже подплывает к Истру и готовится к высадке на берег, мисяне собрали и выставили против него Фаламгу в тридцать тысяч вооруженных мужей. Но тавры стремительно выпрыгнули из челнов, выставили вперед щиты, обнажили мечи и стали направо и налево поражать мисян. Те не вытерпели первого же натиска, обратились в бегство и постыдным образом заперлись в безопасной крепости своей Дористогле¹³. Тогда, говорят, предводителя мисян Петра¹⁴, мужа боголюбивого и благочестивого, сильно огорченного неожиданным бегством его войска, постиг эпилептический припадок, и спустя недолгое время он переселился в иной мир.

Но это произошло в Мисии позднее. А самодержец ромеев Никифор, который вообще был на протяжении всей своей жизни деятелем, бдителем и предусмотрителем, никогда не становился рабом наслаждений и о котором никто не мог сказать, что видел его хотя бы в юности предававшимся разврату, узнав о происходящем у тавров, занялся в одно и то же время множеством дел¹⁵. Он снаряжал пешее войско, вооружал отряды, [приучал] конницу к глубинным построениям, одея всадников полностью в железо¹⁶, изготовляла метательные орудия и расставляла их на башнях городской стены. Затем он выковал тяжелую железную цепь и протянул ее на огромных столбах, расставленных в Босфоре, прикрепив одним концом к башне, которую обычно называли Кентинарий, а другим к башне Каstellай, находящейся на противоположном берегу¹⁷. Будучи наиболее предпринимчивым и предусмотрительным из всех известных нам людей, он считал, что невыгодно было бы начинать войну против обоих народов¹⁸. Ему показалось, что полезно склонить один из этих народов на

свою сторону. Он решил, что таким образом легко будет одержать верх над другим и быстрее его победить.

3. Так как Никифор не надеялся более договориться с таврами и знал, что нелегко будет подчинить своей воле окончательно уклонившегося от истинного пути патрикия Калокира, который вышел из-под его власти и возмел большое влияние на Сфендослава, он предпочел отправить посольство к единоверцам мисянам¹⁹, назначив послами патрикия Никифора, прозванного Эротиком²⁰, и проедра Евхаитского Филофея²¹. [Никифор] напомнил мисянам об их вере (ведь мисяне без всяких отклонений исповедуют христианскую религию²²) и попросил у них девиц царского рода²³, чтобы выдать их замуж за сыновей василевса Романа²⁴, укрепив посредством родства неразрывный мир и дружбу между ромеями и мисянами.

Мисяне с радостью приняли посольство²⁵, посадили девиц царской крови на повозки (женщины у мисян обычно разрезают на повозках²⁶) и отправили их к василевсу Никифору, умоляя его как можно скорее прийти к ним на помощь, отвратить повисшую над их головами секuru тавров и обезвредить ее. И если бы [Никифор] пошел защищать мисян, он одержал бы победу над таврами, как и над другими племенами, против которых он выступал с ромейским войском, но небольшой толчок может поколебать [судьбу] человека; она, я бы сказал, висит на тонкой нити²⁷ и часто обращается в противоположное. Справедливо полагают некоторые, что какой-то гнев божества и людская зависть противостоят знаменитейшим и сильнейшим мужам, вводя их в заблуждение, сокрушают и обращают в ничто. То же самое случилось тогда и с василевсом Никифором, хотя все совершалось согласно его желанию и достиг он большего, нежели кто-либо из тех, которые правили до него. Я утверждаю, что Всемогущий с удивительной предусмотрительностью обращает благополучие людей в противную сторону, тем самым напоминая им, что они смертны, недолговечны и не должны возноситься выше положенного²⁸. Ведь были уже люди, которые, достигнув успеха и отключившись в битвах, оскорбляли провидение тем, что осмеливались провозглашать себя богами. Примерами могут служить сыновья Алоаз От и Эфиальт, которые, согласно мифу, пытались взойти на небо²⁹, Навуходоносор Вавилонский, воздвигший сам себе статуя, а также сын Фиваппа Александр, повелевавший, чтобы его называли сыном Аммона³⁰. Итак, деяния людей по справедливости непочвы и превратны³¹. Это испытали тогда и ромеи, которые вскоре лишились такого предводителя, какого прежде не было в ромейской державе. Если бы рок со смертью [Никифора] не обернул судьбу ромеев вспять, то ничто не помешало бы им при его жизни расширить границы своего владычества на востоке до Индии, а на западе до самых пределов обитаемого мира³². Но возвратился снова к тому месту, где мы уклонились от нити повествования.

4. Итак, мисие простирали с мольбою руки, заканная императора прийти к ним на помощь. Но пока он готовился к походу, пришло известие о взятии Великой Антиохии³⁶; она была взята в точном соответствии с приказами, которые были даны оставшемуся для ее покорения войску³⁸. Вследствие ежедневных набегов [Антиохия] была обесилена и испытывала крайний недостаток всего необходимого. Тогда, рассказывают, патрикий и стратопедарх³⁹ Петр³⁶, который, хотя и слеп, был, однако, мужем деятельным и весьма храбрым, пришел туда с войском, пройдя через всю Сирию, и отрядил своего таксинарха³⁷ Михаила, по прозвищу Вурда³⁸, для обозрения города. [Михаил] с несколькими отборными воинами подошел вплотную к крепости, осмотрел удобное место в стене, вернулся назад в лагерь, соорудил лестницы, соответствующие высоте башен, и погрузил их на вьючных животных. В середине ночи он с отрядом смельчаков своих подкрался к стенам Антиохии; пристраив лестницы к стене, они бесшумно взобрались по ним и пролезли мечами спавших глубоком сном стражей-агария. Овладев таким образом стенами, ромей спустились с башен и подожгли город со всех четырех сторон. Антиохийцев, пораженных неожиданной [бедой], охватило страшное отчаяние: они вопили и рыдали, не зная, что предпринять. Наконец они решились положиться на свое мужество и отважно сразиться вплотную с противником, пока совсем не рассветет, но стратопедарх Петр предупредил их намерение. Он вступил с войском через ворота, которые ему открыли проникшие туда прежде ромей. Антиохийцы не осмелились даже встретиться лицом к лицу с такой силой; добросов оружие, они стали молчать о походе. Стратопедарх обратил их в рабство, потушил пожар, отобрал себе лучшую часть добычи, овладел всем городом и поставил охрану на уязвимых участках стен.

5. Таким образом была взята и опустошена ромеями великая и славная Антиохия. Когда до василевса дошла весть об этом, он обрадовался и воздал благодарственные молитвы Богу³⁹. Говорят, что во время происходившего тогда празднества в честь сойма бесплотных сил⁴⁰ к императору подошел какой-то монах из отшельников, вручил ему письмо и внезапно скрылся из виду. Он развернул его и прочел; вот каково было содержание письма: «Провидение открыло мне, червь, что ты, государь, переселишься из этой жизни на третий месяц по прошествии сентября». Несмотря на длительные поиски, василевс не нашел монаха.

С тех пор василевс впал в уныние и печаль. Он решил никогда более не отдыхать на своем ложе, а спал на шкуре барса и пурпурном войлоке, расстелив их на полу⁴¹, укрывал же он свое тело плащом своего дяди монаха Михаила по прозвищу Малейна⁴². Он спал таким образом до наступления одного из праздников господних, когда намерен был причаститься непорочных христовых тайн. В те же дни переселился из этой жизни кесарь

Варда, отец василевса Никифора, проживший не свете более девяноста лет, созревший и состарившийся в многочисленных сражениях, увенчанный благодаря славным воинским подвигам множеством побед. Оплакая, как подобает, смерть отца, государь проводил его тело от дворца до самого дома, стоявшего в южной части города, на крутой дороге, ведущей к морю, где простирается галакс София⁴³, и уложил здесь в гробницу.

Спустя несколько дней, когда скорбь василевса по отцу несколько улеглась, василевса Феофано, воспользовавшись удобным случаем, пришла к нему одна и с большой силой убеждения неотступно просила, закалила и слезно молила⁴⁴ о прощении магистра Иоанна, прозванного Цимисхийем⁴⁵. Приводя при этом следующие законные основания, она говорила: «Во всех своих решениях ты, государь, соблюдаешь меру и достоинство, тебя считают воплощением справедливости и непревзойденным образом целомудрия; почему же ты осталяешь без внимания столь благородного и доблестного мужа, отличающегося славными подвигами и непобедимостью в битвах? Почему ты допускаешь, чтобы он валялся в грязи наслаждений и вел жизнь изгнанника⁴⁶ и бездельника? Ведь он в расцвете лет и полон сил, к тому же он — двоюродный брат твоего величия и ведет свое происхождение от бластательного рода. Вели ему, если тебе угодно, как можно скорее приставь к нам из деревни, в которой он теперь живет, и вступишь в супружескую связь с девицей из благородных. Ведь ты, с которой он был соединен брачным законом, сразила, как ты знаешь, жестокая, разлагающая членом смерть. Послушай же меня, государь, последуй моему верному совету. Не допускай, чтобы дерзкие явки насмеялись и издевались над мужем, происходящим из твоего рода и восхваляемым всеми за его ратные подвиги!»

6. Вот какие речи пустила в ход Феофано и, как всегда, очаровала василевса, сверх меры преклонявшегося перед ее красотой и чрезвычайно к ней благосклонного. Она убедила его тотчас же вызвать Иоанна и вернуть его в Византию. Приехал в столицу, Иоанн предстал перед василевсом и, получив дозволение бывать во дворец каждый день⁴⁷, сейчас же удалился домой, но потом беспрестанно являлся в царский дворец.

Будучи человеком горячим, смеялым и удивительно склонным к необыкновенным, дерзким предприятиям, он нашел средство проникать в покои августы через подготовленные ею тайные входы, чтобы вести с ней переговоры о свержении василевса Никифора с престола. Для этого он посылал к ней от времени до времени сильных и опытных в ратных делах мужей, которых она укрывала у себя в темной камере. Когда их злодейское сообщество было уже чревато бедствием⁴⁸ и ужасным преступлением, готовясь породить страшное беззаконие, они, собравшись на обычную свою сходку, решили устранить василевса Никифора от власти. Придя затем к себе домой, Иоанн позвал Михаила, по

прозванию Вурда, и Альва Педасима⁴⁸. Запершись в его покоях, они обсудили убийство василевса Никифора.

В то время наступил десятый день декабря. Говорят, что вечером, во время молитвы, один из кавриков царского дворца вручил Никифору записку, в которой сообщалось следующее: «Ди будет тебе известно, государь, что этой ночью тебя ожидает жестокая смерть. Для того чтобы убедиться в этом, прикажи осмотреть женские покои; там спрятаны вооруженные люди, которые собираются тебя умертвить». Прочтя это письмо, василевс приказал⁴⁹ главному постельничему Михаилу⁵⁰ произвести тщательные поиски этих людей; но Михаил, то ли опасаясь августы, то ли вследствие медальности маи из-за того, что поспридедись в уме, не заглянул в каморку и оставил обнаруженной засевшую там шайку убийц.

С наступлением ночи к Никифору, как обычно, пришла василевса и завела разговор о недавно прибывших из Мисии известях⁵¹. «Я пойду позабочусь о них, — сказала она, — а потом приду к тебе. Пусть спальня будет отперта, не надо ее запираить; когда я вернусь, и сама ее запру»⁵². С этими словами она вышла. Государь же в продолжение целой смены ночной стражи возносил обычные молитвы к Богу и размышляла о Священном писании. Но природа взяла свое, и он заснул на полу, на шкуре барса и на пурпурном войлоке, перед святыми иконами богочеловеческого лица Христа, Богоматери и божественного предтечи и провозвестника.

7. Тем временем спрятанные у августы пособники Иоанна, вооружившись мечами, вышли из каморки и ожидали его появления, глядя вниз с открытой площадки, расположенной в верхней части дворца⁵³. Часы показывали уже пятый час ночи, ледяной северный ветер воднонал воздушную среду; падал густой снег. Наконец Иоанн с сообщниками, проплыв вдоль берега на лодке, высадился в том месте, где стоит каменное изображение льва, наступающего быка (это место в народе называли Вуклоном). Снятою подал он знак своим прислужникам, склонившимся к нему навстречу с верхней площадки, — так заранее было договорено между злодеями. Затем они привязали веревку к кордине и втащили в ней наверх по одному сначала всех заговорщиков, а потом и самого Иоанна⁵⁴.

Пробравшись таким образом сверх всякого человеческого ожидания [во дворец], они обнажили мечи и ворвались в спальню василевса. Приблизившись к ложу и увидев, что оно пусто, что на нем никто не спит⁵⁵, они оцепенели от ужаса и хотели броситься в море. Но один из слуг женской полойны, бесстыдный человечиска, который был их проводником, указал им на спящего императора. Они окружили его и стали бить и пинать ногами. Никифор проснулся и опер голову на локоты; тогда Лев, по прозванию Валант⁵⁶, поразил его сильным ударом меча. Испытывая

сильную боль от раны (меч проник до бровей и ресниц и рассеял кость, но не задел мозга), василевс, обогранный обильно лившейся кровью, закричал громким голосом: «Богородица, помоги мне!»⁵⁷ Иоанн же, усевшись на царскую постель, приказал притащить его к себе.

Никифор так ослабел от удара мечом, отнявшего у [императора] огромную его силу, что не мог даже стоять на коленях и, сползши на пол, распростерся там. Когда его приподняли [к Иоанну], тот спросил с угрозой в голосе: «Скажи-ка, безрасудный и злобный тиран, не я ли возвед тебя на ромейский престол? Не мне ли ты обязан верховной властью? Как же ты, охваченный завистью и безумием, забыла о таком благодеянии и не покляблался отнять у меня, оказавшего тебе громадные услуги, верховное начальство над войском? Ты послала меня, как будто бы я скиталец презренный⁵⁸, в деревню, проводить в бездействии время с земледельцами, меня, мужа стоаь доблестного и более тебя храброго, меня, перед которым дрожат неприятельский стан и от рук которого никто теперь тебя не спасет. Говори же, если ты можешь еще что-либо сказать в свое оправдание».

8. Никто не приходил на помощь к василевсу, и он, уже испуская дух, продолжал просить заступничества у Богородицы. Иоанн схватил его за бороду и безжалостно терзал ее, а заговорщики так яростно и беспечно били его кулаками мечей по щекам, что зубы расшатались и стали выпадать из челюстей. Когда они пресытились уже мучениями Никифора, Иоанн толкнул его ногой в грудь, взмахнул мечом и рассеял ему надвое череп. Он приказал и другим наносить удары [Никифору], и они безжалостно расправлялись с ним, а один ударил его акучером в спину и пронзил до самой груди. Это длинное железное оружие очень похоже на кинжаль; отличие заключается лишь в том, что природа снабдила цапало прямым клинком, а акучерий слегка изогнут и сильно заострен на конце⁵⁹.

Вот какую кончину обрел самодержец Никифор, всего проживши на свете шитьдесят семь лет и царствовавший шесть полных лет и четыре месяца⁶⁰. Мужеством и силой тела он без сомнения превосходил всех людей его поколения, в воинских делах отличался необыкновенной изобретательностью и опытностью, был неколебим среди всякого рода трудностей и не был подвержен обольщениям телесных удовольствий. В делах гражданского управления он был милостив и великодушен, и никогда не было более справедливого судьи и непреклонного законодателя. Он был суров и неутомим в молитвах и всеобщих бдениях во имя Бога, невозмутим духом во время песнопений и насколько не подвержен тщеславию. Однако многие считали недостаток его желание, чтобы все безукоризненно следовали добродетели и не уклонялись от высшей справедливости. За отступления от этих правил он строго наказывал и потому казался неумолимым и жестоким для

уклоняющихся от законов и был ненавистен тем, кто желал вести беспечную жизнь. Я утверждаю, что если бы завистливая и нарастающая судьба, разнедавшись на успехи этого мужа, не лишила его так скоро жизни, римская держава достигла бы такого величия, какого она в другое время не достигала. Ведь providение, презирающее грубый и заносчивый дух человека, укрощает его, подавляет, обращает в ничто и непостижимым, ему одному известными судьбами направляет чужд нашей жизни к полезному.

9. Совершив свое преступное и богопротивное дело, Иоанн вошел в великолепный дворцовый зал, называемый Хрисотриклином⁶², надел на ноги пурпурную обувь, воссел на василевсов трон и стал размышлять о том, как захватить государственную власть и устранить возможное сопротивление родственников василевса. Тем временем воины из охраны Никифора, слишком поздно узнав о его убийстве и надеясь, что он еще жив, бросались на помощь и изо всех сил старались проломить железные ворота. Но Иоанн приказал вынести голову Никифора и показать ее через отверстие его телохранилища. И вот некто по имени Андипофодор, подойдя [к телу Никифора], отрубил голову и показал ее бунтующим [воинам]. Это страшное и невероятное зрелище действовало на них: они выкустали мечи из руж, запели на другой лад и в один голос провозгласили Иоанна василевсом ромеев.

Труп Никифора целый день валялся на снегу под открытым небом: это было в субботу одиннадцатого декабря; только поздним вечером Иоанн приказал предать его подлежащему погребению. Тело уложили в наскоро сколоченный деревянный ящик и в полночь тайно отнесли в храм Святых апостолов; там его поместили в одну из царских гробниц⁶³, в той же усыпальнице, где покоится тело божественного и прославленного Константина⁶⁴. Но злодеи поплатились за свое преступление; неумолимое правосудие отомстило им впоследствии: у всех, кто приложил руку к убийству василевса, было отнято имущество и, очутившись в крайней нищете, они, подавие, подло и жизнь свою закончили.

Мне представляется, однако, что я уже достаточно сказан о подвигах василевса Никифора, о его жизни и гибели. Я полагаю, что те, кто слишком долго останавливается на этом предмете и чрезмерно распространяется о нем, страдают пороком любопытных сверх меры людей, которые выходят за границы описываемого и не обходят вниманием никакой мелочи. Итак, мне кажется, что пора прекратить рассказ о [Никифоре] и его деяниях и описать по возможности деяния Иоанна, которого прозвали Цимикхийем (это армянское слово в переводе на греческий язык означает «туфелька»⁶⁵; такое прозвище было дано Иоанну, потому что он был малого роста), — пусть же не исчезают в пучине забвения дела полезные и достойные памяти.

КНИГА ШЕСТАЯ

1. Таким образом, после уже описанного мною убийства императора Никифора, бразды правления берет в свои руки Иоанн, по прозвищу Цимикхий. Уже в начале четвертой почной стражи, на рассвете в субботу одиннадцатого декабря тринадцатого индикта шесть тысяч сорока семьдесят восьмого года¹ по улицам города разъезжал отряд избранных воинов, провозглашая Иоанна и сыновей прежде царствовавшего Романа самодержцами ромеев².

В небольшом удалении от воинов следовал Василий Пор³, сын императора Романа Старшего от скифинки, украшенный достоинством проедра. Никифор первый из августейших правителей ввел такое звание, чтобы почтить этого человека, который, хотя и был скопцом, отличался предприимчивостью, изобретательностью и умением примениться к различным обстоятельствам. Он участвовал в заговоре Иоанна и был очень к нему расположен. Сначала он притворялся больным, а потом и в самом деле занемог и слег в постель; узнав о ночном убийстве Никифора, он с отрядом отважных юношей пошел за упомянутыми воинами, провозглашая Иоанна августейшим императором ромеев. Затем он вернулся во дворец и стал заниматься с Иоанном государственными делами, получив от него звание паракимомена.

Посоветовавшись о принятии мер к собственной выгоде, они тут же разослали по всему городу указы и предписания, в которых под страхом отсечения головы запрещалось поднимать мятеж или совершать ограбления. Весть об этом внушила немалый страх византийцам, и никто не посмел в нарушение приказа произвестить возмущение. Во время такого рода переворотов встречаются праздные из народа и неимущие, которые грабят добро и разрушают дома, а иногда и убивают соотечественников. Так было и во время провозглашения императором Никифора, но указ Иоанна предотвратил и подавил эти беззасудные устремления площадной черни⁴.

2. Во время этих событий родной брат Никифора, куропалат Лев, спал у себя дома. При известии об убийстве брата ему следовало рывком на улицах свои огромные золотые сокровища, привлечь таким путем на свою сторону горожан и призвать их также к отмене тиранам³. Если бы он решился на это, ему удалось бы немедленно и без пролития крови лишить Иоанна власти — ведь люди, занимавшие государственные должности, получали их от Никифора, а в Византии находилось преданное ему значительное войско. Все они присоединились бы к [куропалату Лёву], если бы он отважился поднять мятеж и горячо принялся за дело. Но он помнил разужом от бывшего гора и даже не подумал об этом; предоставив все судьбе и силе обстоятельств, он поспешил в прославленный храм Премудрости божьей.

Что же касается Иоанна, то он, прежде чем солнце распространило всю мощь своего сияния над землей, назначил на высшие государственные должности своих приверженцев. Он отстранил претора, друнгарию флота⁴, [друнгарию] викария⁵, называемого ночным викарием⁶, которые были сторонниками Никифора, и приказал им вместе с их родственниками жить в своих сельских поместьях. Брата же императора Никифора, куропалата Льва, с сыном и патриком Никифором, он заверил в том, что на жизни не угрожает опасность, и отослал их в город Митиму, расположенный на острове Лесбосе⁷. Затем он сместил всех епархий областей⁸ и поставил вместо них своих близких. Тогда же он отстранил от должности и отправил в Амасию⁹ и [второго] сына куропалата Льва, патрикия Варду, который был возведен [Никифором] в достоинство дуки и находился в Халдии¹⁰. Таким образом, он сделал все возможное для того, чтобы пребывать в полной безопасности и спокойно заниматься делами, устранив от управления государством всех подобострастных людей; затем Цимисхий поселился во дворце. Когда он вступил на императорский престол, ему шел сорок пятый год.

3. Что касается наружности Иоанна, то она была такова. Лицо белое, здорового цвета, волосы белокурые, надо лбом жидкие, глаза голубые, взгляд острый, нос тонкий, соразмерный, борода вверху рыжая и слишком сужившая по сторонам, а внизу правильная формы и не подстриженная. Он был малого роста, но с широкой грудью и спиной; в нем таилась гигантская сила, руки обладали ловкостью и непреодолимой мощью; геройская душа¹¹ его была бесстрашна, непобедима и отличалась поразительной для такого маленького тела отвагой. Он один без боязни нападал на целый отряд и, перебив множество [врагов], с быстротой птицы возвращался к своему войску, целый и невредимый. В прыганье, игре в мяч, метании копья и стрельбе из лука он превосходил всех своих сверстников. Говорят, что он выстраивал в ряд четырех скакунов и, птицей мелькнув над тремя из них, садился на последнего. Он так метко направлял дротик в цель, что тот про-

летал через отверстие величиной с колюще; в этом он превосходил даже прославленного Гомером островитянина¹², стрелы которого проходили через проушины в секирах. Он крал кожаный мяч на дно стеклянной чаши и, пришпорив коня, проносился на пономском скаку, ударя по нему рукояткой копья так, что мяч подпрыгивал и устремлялся в воздух, чаша же оставалась совершенно целой и не двигалась с места. Он всех превосходил щедростью и богатством даров: всякий, кто просил у него чего-либо, никогда не уходил обманутым в своих надеждах. Он был челонеклоубив и ко всем обращался с открытым сердцем и лаской, расточая, подобно пророку, елей¹³ благотворительности; если бы паракимомен Василий не обуздывал его неясные стремление оказывать благодеяния согражданам, он очень скоро исчерпал бы всю императорскую казну на раздачу бедным. Но недостаток Иоанна состоял в том, что он сверх меры напивался на пирах и был жаден и телесным наслаждениям¹⁴.

4. Таким образом Иоанн, сверх всяких ожиданий, за семь дней устроил все дела управления и укрепил свою власть. Ведь обычно при больших переворотах возникают мятежи и беспорядки, а тогда, после убийства императора Никифора, народ не известной мне причине молчал и соблюдал полное спокойствие; никто из блюстителей не получил даже пощенины.

[Затем Иоанн] отправился в великий храм Премудрости божьей, чтобы патриарх, как положено, увенчал его императорской диадемой. Согласно обычаю, всякий вступающий на римский престол приближается к амвону храма, и тот, кто обложен в то время саном иероха, благославляет его и возлагает на его голову царский венец¹⁵. Патриарший трон занимал тогда Полиевкт. Это был муж святой и, несмотря на свой престарелый возраст, пламенный духом. Он объявил, что не дозволит государю войти в храм, пока тот не изгонит из дворца августу и не назовет убийцу императора, кем бы таковой ни оказался; кроме того, он потребовал вернуть синоду изданную Никифором в нарушение справедливости грамоту. Дело в том, что Никифор, то ли намереваясь устроить допускание, по его мнению, некоторыми иерархами нарушения священных обрядов, то ли желая подчинить даже то в религии, над чем ему властвовать не полагалось, заставил иерархов составить укал, согласно которому ничего нельзя было предпринимать в церковных делах без его воли¹⁶.

Полиевкт предложил государю выполнить все [это]; в противном случае он не позволит ему вступить в святой храм. [Иоанн] принял условия: он удалил августу из дворца и сослал ее на остров, называемый Прота¹⁷, вернул синоду грамоту Никифора¹⁸ и указал на Льва Валанта, утверждая, что он один и никто другой собственноручно умертвил императора. Только тогда Полиевкт допустил Иоанна в святой храм и венчал его, после чего тот вернулся в царские палаты, приветствуемый войском и народом¹⁹.

5. Установив известное спокойствие и мир, Иоани разделил все, чем владел раньше, на две части. Состояние его было велико: оно состояло из того, что он унаследовал от своих предков (здесь он происходил от славнейшего рода, принадлежа по отцу к благороднейшим на Востоке²⁹, а по матери приходясь родственником императору Никифору), а также из императорских даров, которые переходили к нему в качестве щедрых трофеев во время войн. Одну часть [своих владений Иоани] приказал распределить между окрестными и соседними земледельцами, а другую часть предназначил для больных прокаженных, расположенной на другом берегу от Византии, с тем чтобы пристроить новые здания к прежним домам страдающих священною болезнью³⁰. Он сделал так, что большое число больных могло пользоваться лечением, навещал [их], подходил к прокаженным, раздавал им золото и, хотя был человеком изнеженным и брезгливым, не гнушался врачевать, насколько это было возможно, их покрытые язвами и разрушенные недугом члены. Он испытывал такое сочувствие и жалость к страданиям плоти, что, встречая больных, забывал об императорском достоинстве и о гордости, рождаемой пурпурным одеянием.

Фему Армениака он освободил от налога, потому что был отлучен родом. Когда наступило время выплаты рого, которую синклит, знать и впадные люди получают из рук императора, он, движимый великодушием и жаждой славы, бесплатно увеличил рог всем достойным награды³¹.

6. В это время овдовела, потеряв иерарха, взятая еще императором Никифором целикая Антиохия на Оронте, ибо прежний ее катархонт, агарянин³², призвал копьем грудь благочестивого апостольского мужа, патриарха Христофора³³, ставя ему в вину почитание Спасителя Христа. Заботясь о восстановлении брачных уз³⁴, император Иоани принял ее со всем рвением подыскивать мужа, достойного антиохийской иерархии. Размышляя и раздумывая об этом деле, он вспомнил о Феодоре из Колонии, который с детства вел отшельническую, лишнюю тревожений жизнь и тяжкими трудами укрощал свою плоть. Железные вериги, которыми он истязал свое тело, покрывал он власяным рубищем и до тех пор не снимал его, пока оно совершенно не истлело и не обратилось в прах. Говорят, будто именно этот монах предсказал сначала Никифору, а затем Иоани императорскую власть. Тогда он находился в Византии, и Иоани привел его к Полиевкту. Тот вместе с бывшими в городе епископами испытал знания мужа и, найдя, что он не слыхком силен в светской учености, но зато чрезвычайно опытен в священнической нашей премудрости, помчал его патриархом Антиохии³⁵.

Сам Полиевкт прожил лишь несколько дней после рукоположения Феодора³⁶; он ушел из жизни, оставив церкви, как памятник, образ добродетели, божественной и человеческой мудрости и

знаний, к которым он был весьма прилежен. После того как Полиевкт, управлявший патриархией около тринадцати лет, переселился в царство блаженный поноя, Иоани был озабочен тем, чтобы возвести на иерархический трон мужа, превосходящего всех добродетелями и безупречным поведением. С этой целью он созвал во дворец на следующий день епископов и синклит и обратился к ним с такой речью:

7. «Я признаю лишь одну главенствующую и главенствующую силу, которая вызвала из небытия к бытию все благолепие видимого и невидимого мира. Мне известны, однако, две власти в сей жизни, в насущном земном пространстве: священство и царство³⁶; одной из них создатель поручил заботиться о душах, а другой — управлять телами людей, с тем чтобы ни одна из сторон не страдала, но оставались они целыми и невредимыми. И теперь, когда глава церкви отдал долг природе, надлежит всевидящему оку, которое распознает дела человеческие еще до того, как они задуманы, определить для священной должности среди всех людей наиболее достойного мужа. И вот я возвожу³⁷ на церковный престол человека, издавна мною испытанного и прославленного вселенскими добродетелями, которому Бог даровал способность предвидеть будущее: пусть не проводит сей человек свою жизнь в тени. Его божественное пророчество предсказало мне многое из будущего, которое и свершилось в свое время».

Произнеся сии слова, император вывел из середины отшельника Василия, который с детства избрал монашеский образ жизни и беспременно выказывал подвиги тяжкого труда своего на вершинах Олимпа³⁸. Иоани повелел ему идти в патриарший дворец³⁹, а на следующий день (как раз отмечалось то воскресение, когда святые отцы укрепили православную веру в почитании божественных икон⁴⁰) Василий принял помазание на первосвященство и был провозглашен вселенским патриархом⁴¹.

8. Многими тревогами был волнует дух императора Иоанна, перед ним лежали три пути, и он не знал, какой из них избрать, чтобы не уклониться от верного направления. Недостаток съестных припасов и повсюду распространившийся голод уже третий год пожирала ромейскую державу; угрожало ничто хорошего не предвещавшее нашествие росов⁴²; карфагеняне и арабы намеревались напасть на толькое что покоренную ромеями сирийскую Антихию⁴³. Что касается непреодолимого зла — голода, то [Иоани] быстрым подвозом припасов из всех гаваней предостерегательно пресек влияние этого бедствия. Нашествие агарян он остановил при помощи восточного войска под начальством патриарха Николая⁴⁴, который, будучи придворным слухом государя, приобрел многими стараниями опытность в военном деле.

А с катархонтом войска росов, Сфендославом, он решил вести переговоры. И вот [Иоани] отрядил к нему послов с требованием, чтобы он, получив обещанную императором Никифором за набег

на мисия награду⁴⁹, удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору⁴⁰, покинул Мисию, которая принадлежит ромеям⁴¹ и издавна считается частью Македонии⁴². Ибо говорят, что мисяне, отделившись от северных котрагов⁴³, хазаров⁴⁴ и хунавов⁴⁵, покинули родные места и, бродя по Европе, захватили во времена правившего тогда ромеями Константина, называемого Погона-том⁴⁶, эту [область] и поселились в ней; по имени своего родоначальника⁴⁷ Булгара страну стали именовать Булгарией⁴⁸.

9. Существует о них еще и другая история, примерно следующего содержания. Когда Леонтий⁴⁹ отрезал нос императору ромеев Юстиниану⁵⁰ и сослал его в Херсон⁵¹, гот, изловчившись, бежал оттуда к Меотиде⁵² и склонил на свою сторону народ мисян⁵³, пообещав им большую награду, если они вернут ему власть. [Мисяне] последовали за [Юстинианом] и, когда он снова вступил на престола, получали от него область в той части Македонии, которую обтекает Истр⁵⁴. Они переселились туда и, будучи всегда воинственно настроенными, вторгались в пределы Фракии, наносили большой ущерб ромеям и уводили людей в рабство. Однако и ромеи выступали против них⁵⁵, а так как [мисяне] не могли устоять против стваги [ромеев], они скрывались в лесных засадах и побеждали их в неудобных для сражения местах. С того времени произошло много битв, в которых погибли доблестные полководцы, и древний император Никифор⁵⁶ тоже был убит мисянами, только Константин Копроним⁵⁷ победил мисян, а вслед за ним — его внук Константин, сын императрицы Ирины⁵⁸, и уже в наше время император Иоанн покорил их города. История не сохранила упоминаний о ком-либо ином из ромеев, победившем мисян на их земле⁵⁹. Но довольно [писать] о них.

10. Сфендослав очень гордился своими победами над мисянами; он уже прочно овладел их страной⁶⁰ и весь пролился ирварской властью и сесью. Объятых ужасом испуганных мисян он умерщвлял с прожженной жестокостью; говорят, что, с бою взяв Филиппополь⁶¹, он со свойственной ему бесчеловечной суровостью посадил на кол двадцать тысяч оставшихся в городе жителей⁶² и тем самым смирил и [обуздал] всякое сопротивление и обеспечил покорность. Ромейским послам [Сфендослав] ответил надменно и дерзко: «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и уберутся в Азию⁶³, а иначе пусть и не надеются на заключение мира с тавроскифами».

Император Иоанн, получив такой ответ от скифа, снова отправил к нему послов, поручив им передать следующее: «Мы верим в то, что провидение управляет вселенной, и исповедуем все христианские законы; поэтому мы считаем, что не должны сами разру-

шать доставшийся нам от отцов неосокверненным и благодаря споспешествованию Бога непоколебимый мир⁶⁴. Вот почему мы настоятельно убеждаем и советуем вам, как друзьям, тотчас же, без промедления и отговорок, покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, что если вы не последуете ему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира. Пусть ваш ответ не покажется вам дерзким; мы уповаем на бессмертного Бога — Христа: если вы сами не уйдете из страны, то мы изгоним вас из нее против вашей воли. Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря⁶⁵, который, презрев клятвенный договор⁶⁶, приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов⁶⁷, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок, сам став великим ошей бед⁶⁸. Не упоминаю я уж о его [дальнейшей] жалкой судьбе, когда, отправившись в поход на германцев⁶⁹, он был взят ими в плен, привязан к стволам деревьев и разорван надвое. Я думаю, что и ты не вернешься в свое отечество, если вымудишь ромейскую силу выступить против тебя. — ты найдешь погибель здесь со всем своим войском, и ни один фалаксосец⁷⁰ не прибудет в Скифию, чтобы возвестить о постигшей вас страшной участи».

Это послание рассердило Сфендослава, и он, вымеченный парварским бешенством и бешенцем, послал такой ответ: «Я не вижу никакой необходимости для императора ромеев спешить к нам; пусть он не изнурует свои силы на путешествие в свою страну — мы сами разобьем искоре свои шатры у Фирт Виландия⁷¹ и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он войдет к нам, если решится противостать такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не как-нибудь ромейденники, добывающие средства к жизни трудами рук своих⁷², а мужи крови⁷³, которые оружием побеждают врага. Зря он не неразумно своему принимает рисов ча измененных баб и титится запугать нас подобными угрозами, как родных младенцев, которых страшат всякими пугалами».

11. Получив известие об этих безумных речах, император решил незамедлительно со всем увердем готовиться к войне, дабы предупредить нашествие [Сфендослава] и преградить ему доступ и столице. Он тут же набрал отряд из храбрых и отважных мужей, назвал их «бессмертными»⁷⁴ и приказал находиться при нем. Затем он [повелед] магистру Варде, прозванному Скляром⁷⁵, родному брату покойной жены его Марии⁷⁶, мужу предпринимчивому и необыкновенно храброму, а также патрицию Петру, которого император Никифор за присущее ему мужество и за славынные воинские подвиги назначил стратопедархом (рассказывают, что во время набега скифов на Фракию, когда Петру, несмотря на то что он был скопом, случилось выступить со своим отрядом против них в битве, в промежутке между рядами амехал на коне вождь скифов, муж огромного роста, надежно защищен-

ный панцирь, и, потрясая длинным копьем, стал вызывать желающего выступить против него; тогда Петр, преисполненный сверх ожидания храбрости и отваги, мощно развернулся и с такой силой направил обеими руками копье в грудь скифа, что острие пронзило тело насквозь и вышло из спины; не смогла защитить великая калчужная броня, и он, не издав ни звука, распрогнулся на земле, а скифы, пораженные необычным, удивительным зрелищем, обратились в бегство⁷⁵. — Вот этим-то [двум] военачальникам император и приказал собрать войско и отправиться в близлежащие и пограничные с Мисией земли. Они получали повеление прийти там зиму⁷⁶, удрямая воинов и обезземля страну, чтобы она не потерпела никакого вреда от скифских набегов. Было также предписано послать по бирюкам и [замытым] врагами областям передетых в скифское платье, владеющих обоими языками людей⁷⁷, чтобы они узнавали о намерениях неприятеля и сообщали о них затем императору. Получив такие приказания от генерала, [военачальники] вступают в Европу.

12. Узнав о походе [ромеев], тавроскифы отделили от своего войска одну часть, присоединив к ней большое число гуинов⁸⁰ и мисий и отправив их против ромеев⁸¹. Как только магистр Варда, который всегда был мужем доблестным и решительным, а в то время особенно пламенел гневом и страстной отвагой, узнал о нападении врагов, он собрал вокруг себя отборных воинов и спешно выступил на битву; позвав Иоанна Амакса⁸², он послал его в разведку с поручением осмотреть [войско] скифов, разузнать их численность, место, на котором они расположились, а также чем они заняты. Все эти сведения [Иоанн] должен был как можно скорее прислать ему, чтобы он мог подготовить и встретить воинов для сражения.

Иоанн с отборными всадниками быстро прискакал к [лагерю] скифов; на следующий день он отрядил [воина] к магистру, убеждая его прибыть со всем войском, так как скифы расположились недалеко, очень близко. Услышав это известие, [Варда] разделал фалангу на три части и одной из них приказал следовать прямо за ним в центре, а двум другим — скрыться в стороне, в ассах, и выскочить из засады, как только они услышат трубный звук, призывающий к бою⁸³. Отдав эти распоряжения дохамам, он устремился прямо на скифов. Завязалась горячая битва, прагское войско значительно превосходило своим числом [войско ромеев] — у них было больше тридцати тысяч, а у магистра, считая вместе с теми, которые расположились в засаде, не более десяти тысяч⁸⁴. Уже шла сражение, и с обеих сторон гибли храбрейшие воины. И тут, говорят, какой-то скиф, кичась своей силой и могучеством тела, вырвался вперед из окружающей его фаланги всадников, подскочил к Варде и ударил его мечом по шлему. Но удар был неудачным: лезвие меча, ударившись о твердую шлему, согнулось и соскочнуло в сторону. Тогда патрикий Констан-

тин⁸⁵, брат Варды, юноша, у которого едва пробивался пушок на подбородке, но который был огромного роста и непобедимой, непреодолимой силы, извлек меч и набросался на скифа. Тот устремился натиска Константина и уклонился от удара, откинувшись на круп лошади. Удар пришлось по шее коня, и голова его отлетела в сторону; скиф же рухнул вместе с конем на землю и был заколот Константином.

13. Так как [успех] битвы склонялся то в пользу одного, то в пользу другого войска и непостоянство счастья переходило беспрерывно с одной стороны на другую, Варда приказал трубить военный сбор и часто бить в тимпаны. По сему знаку поднималась спрятанная в засаде фаланга и устремилась на скифов с тмээ⁸⁶; охваченные страхом, они стали склоняться к бегству. Однако в то время, когда отступление еще только началось, какой-то знатный скиф, превосходивший против воинов большим ростом и блеском доспехов, двигаясь по пространству между двумя войсками, стал возбуждать в своих соратниках мужество. К нему подбегал Варда Смак и так ударил его по голове, что меч проник до пояса; шлем не мог защитить скифа, панцирь не выдержал силы руки и разинге действия меча. Тот свалился на землю, разрубленный надвое; ромен приободрились и огласили воздух радостными криками. Скифы пришли в ужас от этого поразительного, сверхестественного удара; они завопили, сломали свой строй и обратились в бегство. До позднего вечера ромен преследовали их и беспощадно истребляли. Говорят, что в этой битве было убито пятьдесят пять ромеев, много было ранено и еще больше пало коней, а скифов погибло более двадцати тысяч⁸⁷. Вот как закончилось это сражение между скифами и ромеями⁸⁸.

А император Иоанн торопил азиатские войска с переправой через Геллеспонт в Европу⁸⁹. Он приказал им прийти зиму в областях Фракии и Македонии, ежедневно упражняясь во издании оружьем, чтобы не оказаться неспособными к предстоящим боям и не быть разбитыми неприятелем. [Он повелел им], чтобы они дожидаясь весны⁹⁰, — когда же весна расцветит зимнее ненастье и лих земля окончательно прояснится, он сам придет к ним, ведя за собой войска свои, и со всеми силами обрушится на тавроскифов.

КНИГА СЕДЬМАЯ

1. Пока государь Иоани был занят подготовкой [к войне] с росами, дук Вярда, сын куропалата Льва и племянник императора Никифора, тайно склонившись к перевороту, убежал из Амасии, куда он был сослан. Помощниками его в этом деле были братья, патрикии Феодор, Вярда и Никифор; по Парсакуте¹, месту своего рождения, они были прозваны Парсакутинами²; дук Вярда они приходились двоюродными братьями. В глухую ночь Вярда такком покинул Амасию и, все время меняя заранее подготовленных лошадей, прибыл в Кесарию Каппадокийскую. Пробыв там несколько дней, он собрал вокруг себя множество отчаянных, склонных примкнуть к восстанию людей, ведь каждый день стекались к нему сородичи и находящиеся с ним в общении лица³, ибо тогда было в обычаях проявлять чрезмерную радость во время переворотов⁴, — людей прельщали надежды на призрачную славу, почетные звания и раздачу денег. Апостасии⁵ придавали мощь, со всем рвением собирая воинов, упоминаемые уже Парсакутины и Симеон, земледелец, промышлявший возделыванием винограда и прозванный ввиду этого Амелом⁶; человек низкого, незнатного происхождения, он мужеством и силой рук своих не уступал никому из прославленных могуществом и доблестью мужей.

Когда Вярда увидел, что вокруг него собралось довольно большое ополчение, которое может образовать несокрушимый строй и сражаться лицом к лицу с неприятелем, он сбросил черную обувь и тут же надел красную; мятежники открыто объявили его императором ромеев. Он обещал оделить всех деньгами, раздавал почетные звания, утверждал таксирхов, стратигот и другие военные должности, которые государь всегда щедро предлагает своим приближенным. К мятежу был причастен и куропалат Лев, отец Вярды, который находился в заключении на острове Лесбосе. Через Стефана, епископа Авдоса, он обещал македонцам⁷ деньги и почести, убеждая их принять его, когда

он убежит с острова, восстать против Иоани и помочь ему свергнуть его с престола.

2. Известие об этом мятеже, как и следовало ожидать, возволновало императора: он немедленно удалил епископа Стефана из Авдоса и предал его на суд в дикастирию⁸. Когда Стефан был уличен в преступлении и были раскрыты все его замыслы, [император] отправил дело в синод епископов, чтобы [Стефана] лишили священнического сана. А Льва — куропалата и сына его Никифора, которые по решению судей были приговорены к смерти, император, движимый человеколюбием, не велел казнить: он освесил их обоих⁹ и сослал на остров Лесбос. Вот как кончилась попытка куропалата Льва перенравиться в Европу: сам он был подвергнут страшной каре, а многие друзья его, принимавшие участие в заговоре, направленном на свержение императора, лишились богатств и домов.

Что же касается Вярды, то он, однажды склонившись к тирании, неотступно придерживался этого намерения; он гордился множеством людей, собравшихся вокруг него, чванился своими фалангами и мечтал о том, что вот-вот завладеет императорским троном. Продвигаясь по Азии, он уничтожал огнем жупанца непокорных и делал их добычею мисам. Государь написал ему следующее: «Мы узнали о мятеже, который начался недавно на Востоке, и считаем, что это не столько дело твоего разумения, сколько следствие безумия и варварского нрава твоих сообщников. Всем существом их озадало внезапное помешательство, и они не побоялись подвергнуть себя большой опасности: ведь им известно, что затеявшим мятеж и дерзко поднявшим руку на самих ромейских самодержцев не будет никакого оправдания и пощады, когда они будут побеждены в битве, выданы нам и подвергнуты наказанию. Но мы страшимся осквернить землю кровью сограждан. Если мы выступим с оружием против мятежников, то они — да поможет нам в том Бог! — погибнут жалким образом. Кто будет настолько тверд, чтобы сопротивляться силе нашего натиска, кто не проникнется тотчас же ужасом и не обратится в бегство? Итак, мы советуем вам предпочесть спасение гибели и, пока еще возможно снисхождение, бросить оружие, склонившись перед нашим императорским могуществом, которое — Бог свидетель — оставляет безнаказанной столь великую вашу дерзость и дарует вам прощение и помилование. Все владения ваши сохранятся в целости и неприкосновенности. Мы советуем вам очнуться, наконец, от губительного опьянения и незамедлительно воспользоваться предлагаемым нами спасением. Если же вы будете продолжать тщетные попытки добиться тирании, то вы покажете о своем безрассудстве тогда, когда вас осудят по закону и предадут смертной казни».

3. Получив это послание, Вярда Фока не счел императора достойным письменного ответа, но разразился руганью, обозвал

его нечестивым злодеем, гнусным убийцей своих родственников и потребовал, чтобы он отрекся от узурпированной власти. «Не ему, — сказал [Фока], — а мне принадлежит верховная власть; я могу гордиться тем, что дед мой был кесарем, а дядя — императором. Он не побоялся всевидящего ока правосудия и заколол [государя], как жертву, на разостланной среди пола постели, а отца моего и любимого брата подверг страшным мукам и по какому-то неясному и недоказанному обвинению лишил их сладчайшего света. Справедливости побуждает меня отомстить за все это: я всемерно водам ему за кровь блажих, за то, что он замыслил погубить славный, доблестный род».

Узнав об этих бездумных словах и уверившись в том, что [Фока] вместе со следующими за ним сообщниками неизлечимо более жестоким и бесчеловечным стремлением к грабежам и убийствам, император Иоанн решил не медлить и не придаваться более беспечности, не допускать того, чтобы сборище мятежника, пользовавшегося его бездельностью, разрушало города и укреплялось в своем неустовстве; он вознамерился, когда представится возможность, дать бой, используя все силы, и отразить разбойников. Он вызвал к себе Варду, прозванного Скиром, мужа необыкновенно храброго и предприимчивого, бывшего магистром и начальником войск Фракии, храбро отразившего яростный натиск росов на ромеев. Сестра его Мария, достигшая великой славы своей красотой и целомудрием, была женою Иоанна, но недалеко перед тем ее сразила жестокая смерть. Вызвав к себе Варду, поскольку он недавно одержал уже описанную мною победу над скифами и обратил их в бегство, император Иоанн назначил его стратигом¹⁰ похода против мятежников и отправил в Азию. Он приказал ему, насколько возможно, не освернять зрело кровью соотечественников, если не будет на то крайней необходимости, привлекать к себе сообщников изменника обещаниями почестей, раздачею денег и уверениями в полном прощении. Он вручил ему скрепленные золотыми императорскими печатями грамоты, в которых были обозначены достоинства таксархов, стратигов и патрикисов. Этими [грамотами] он приказал награждать тех, которые откажутся от своих заблуждений, отрекутся от самовластного тирана и склонятся к покорности императору.

Порейдя Босфор и достигнув Дорилея¹¹, стратигат Скир созвал туда войско, выстроил его в фалангу и стал проводить с ним ежедневные упражнения. Когда он увидел, что к нему собралось достаточное число воинов для того, чтобы при случае сразиться в открытом бою с врагами, он послал дуче Варде, который приходился ему сволком (сестра Фоки¹² была женой брата Скира, патрикия Константина), следующее письмо¹³.

4. «Сомнительное и крайне опасное дело ты затеял, дерзко восстав против властителей, вымыслив губительную тиранию, подняв оружие против соотечественников и осверняя адания священных

храмов разбоем неустовых мятежников. Ты жестоко обманулся, патрикий, разбудив спящего льва, непобедимого самодержца Ты ведь знаешь, что когда он появляется в битвах, одна только слава его имени обращает в бегство многочисленные войска. Как же мог ты поддаться уговорам бесчестных людей и попасть в такую западню? Послушай же, если хочешь, меня, как свойственника и друга, желающего тебе добра: отступись от злой тирании и вымоляй прощение вины, спаси свою жизнь. Я сам тебе обещаю, что не только ты не испытаешь жестокости властителя или кого-либо другого, но и безрассудство находящегося под твоим начальством отряда останется безнаказанным. Не вооружай против себя дарского гнева, беспощадного и тем, которые не желают быть благоразумными. Одумайся наконец, не отвергая последней надежды, и пока еще возможно милосердие, прими то, что ты будешь, горько оплакивая свою судьбу и упрекая себя в неразумии, просить впоследствии, но не получить».

Постигнув содержание письма, Варда Фока ответила так: «Прекрасная, чудотворная сила наставления мне известна — я сам читал книги древних¹⁴, — но думаю, что это наставление может помочь лишь тогда, когда этому способствуют обстоятельства. А перед лицом чрезвычайной опасности, когда беды достигают крайней степени, наставление, как мне кажется, не имеет никакого значения. Когда я вспоминаю о том, сколько бедствий причинил бесчестный злодей Иоанн моему роду, как безжалостно он убил спящего льва — императора, моего дядю и своего благодетеля, как он без причины отправил меня в ссылку и без всякой вины жестоким, нечеловеческим образом осмелил моего отца и брата, — жизнь становится мне не в жизнь. Итак, не склоняя меня понапрасну к тому, чтобы я вручил свою жизнь в руки осверненного злодеяниями врага Ты меня никак не убедишь; я докажу, что я настоящий муж и, преподсадившись мечом, буду биться за погибших [членов] моего рода. Когда судьба колеблется между двумя крайностями, то одна из них во всяком случае неизбежна: либо я достигну царственного величия и споюна отищу убийцам, либо доблестно стерплю свой жебрий, приняв смерть от гнусного, бесчестного тирана».

5. Получив это письмо и убедившись в том, что никакими советами нельзя воздействовать на человека, которого дерзость и вергла в безумие, Варда Скир разбил войско на отряды и подразделение и пошел на Дипотам¹⁵. Прибыв туда, он тотчас же послал в лагерь Варды Фоки передетых пищими¹⁶ лазутчиков, чтобы те объявляли начальникам войска, что император обещает простить их дерзкий замысел, и сверх того сообщали, что если они не порвут с мятежником и не примирятся с государем, то стратигат не преминет выступить против них со всем войском и обойдется с ними, как с врагами. Услышав это и сообразив, что для них выгоднее предпочесть предлагаемые императором почести

напрасной борьбе за сомнительную удачу, они с наступлением ночи покинули сообщество Фоки и перебежали к стратилату. Главными среди них были патрикий Андрагест¹⁷, двоюродный брат Фоки, и Симеон Амлеа.

Узнав о том, что они внезапно отступились от него и бежали, Варда, как и следовало ожидать, вознегодовала. Он стал умолять оставшихся, призывая в свидетели и хранители их клятв Бога, не предавать его, сражаться изо всех сил и содействовать ему, столь ужасно пострадавшему. Скаир, — говорил он, — не устоит против них в открытом бою, если они будут нападать, отбросив малодушие и нерешительность. Так он упрашивал и заклинал их, но они тем не менее покидали тайком лагерь и перебежали к стратилату Скайру¹⁸.

Передают, что глубокой ночью, сломавшийся бегством сообщников, потерявший сон и охваченный печалью, Фока возносил мольбы к Богу, возглашая стих Давида: «Суди, Господи, обижавших меня»¹⁹. Вдруг ушей его достиг прозвучавший в воздухе голос, запрещающий ему продолжать пение псалма, потому что стратилат Варда уже произнес против него те же слова. После того как он услышал этот голос трижды, изумленным чудесным пророчаньем, охваченный ужасом, Фока поднялся с ложа и стал дожидаться рассвета²⁰.

6. Когда уже поавостою рассвело, он вскочил на коня и, объезжая войско, остановил взгляд на своей обуви. Тут он увидел нечто странное — сапоги оказались ему не красными, а совершенно черными. Он стал расспрашивать своих людей, как это они ошиблись и вместо царской обуви подали ему обыкновенную. Те отвечали, что сапоги пурпурные и посоветовали ему присмотреться к ним получше. Он снова бросил взгляд на них и увидел, что они красные, какими были прежде. Фока понял, что и это второе чудесное предзнаменование не сулит ему добра. Он видел также, что войско не согласно с ним и выходит из повиновения, и решил любым способом спасти свою жизнь.

Итак, Фока с тремястами наиболее близких к нему, отлично вооруженных воинов выступил в полночь тайком из лагеря и пошел по дороге, ведущей в крепость Тиранов²¹, именуемую Антигус. Эту крепость он, боясь превратности судьбы, уже давно укрепил, снабдил хлебом и другими съестными припасами. Место, где распалось войско Варды Фоки, издавна называется Вардааттой²².

Как только стратилат Варда [Скаир] узнал о бегстве Фоки, он с несколькими отборными всадниками пустился в погоню; ему не удалось настигнуть Фоку, и тот спасся в крепости. Но всех захваченных в плен сообщников Фоки он ослепил — таково было приказание [самого] императора. Говорят, что место, где страдальцы претерпели такое несчастье, называется Тифлопвария²³. Меня удивляет, что древние, как бы движимые вдохновением, давали местам подходящие и соответствующие будущим событиям

названия. Ведь, когда был безжалостно ослеплен Лев Фока, дядя отца Варды²⁴, то место, где была совершена эта кара, назвали Омлеон, что звучит на древенский лад — Голеон²⁵. Так что места казней издавна приобретают такого рода названия. Быть может, не будет лишним рассказать здесь попутно, как был ослеплен Лев.

7. Когда император Лев²⁶, заболев тяжелым недугом, переселился из этой жизни и вслед за ним последовал брат его Александр²⁷, то престол ромейский, перешедший к малолетнему сыну Льва Константину²⁸ и к августейшей Зое²⁹, заколебался. Этим воспользовался вождь мисли Симеон³⁰, муж отважный и яростный в битве, уже давно неукротимо пылавший желанием пойти войною на ромеев. Не переставая разорять Македонию и Фракию, он, одержимый природным и вообще присущим скифам безумием, повелев ромеям провозгласить его своим самодержцем³¹, Ромей же, не стерпев открытой наглости и замосности скифа, решил двинуться против него с оружием. Итак, они назначили начальником войска и объявили домашником ском Льва Фоку, который в то время выдвинулся среди других военачальников своей храбростью и победами, а командование огненосными кораблями поручили Роману (назначенный на эту должность называется друнгарием морского флота). Они были посланы против мисия с тем, чтобы один напал на них с суши, а другой с моря. Передают, что, совершив переход и достигнув Мисии, Лев яростно устремился в бой и перебил бесчисленное множество врагов. Вследствие этого Симеон очутился в крайнем затруднении: он не знал, что ему делать, как укрыться от столь смелого и непобедимого мужа. Все мисские уже изнемогли в битве и обратились в бегство, но тут один из телохранителей Льва принес ему, как говорят, известие, что друнгарий Роман распустил паруса, повернулся кормою к ветру и отплыл в Византий, намереваясь захватить власть. Это ужасное известие поразило [Льва], он сломал строй, обратился спиной к миссиям и поспешил в столицу, надеясь, что ему удастся опередить приплытие Романа и самому завладеть властью над ромеями³².

Увидев это беспримечное, странное бегство ромеев, Симеон якобы заподозрил вначале хитрость, подумав, что миссия ожидает гибель, если они станут их преследовать; однако затем, убедившись в том, что они бегут от всех сил, устремился вслед за ними и немилосердно истребил бесчисленное их множество. И теперь еще видны кучи костей у Анхилаа, где было тогда бесславно перерезано бегущее войско ромеев³³. Что же касается Льва, то он не прибыл вовремя в Византий и обманулся в своих надеждах. Роман успел захватить царский дворец и был провозглашен самодержцем³⁴. Тогда Лев переправился через Аидос в Азию и разжег апостасию: он причинил множество бед Роману и государству, устранив набеги, перехватывая ежегодные налоги и подчиняя себе тех, кто ему сопротивлялся. Но когда с течением вре-

мени разбойничья шайка [Абва] рассеялась, его коварные замыслы повернулись против него самого — он обратился в бегство, был схвачен и безжалостно ослеплен³⁶.

8. Так обстояло дело [с мятежом Абва]. Что же касается [Варды] Фоки, то он спешил тогда в крепость и находился позади своего войска. Вдруг какой-то самоуверенный смельчак³⁷ из преследовавших подкакал к нему на коне, разразился угрозами, замахнулся мечом и хотел его ударить. Фока стал его просить, чтобы он удалился, смявшись над его бедственным положением. «Ты ведь смерти, — сказала он ему, — ты должен иметь в виду изменчивость и ненадежность судьбы: не следует тебе усугублять страдания злополучного мужа; достаточно бедствий его окружают, они привели к такому несчастью, что на бывшего начальника ромейского войска смотрят теперь, как на беглеца. Но тот не обращал внимания на эти слова и приближался все ближе, намереваясь поразить [Фоку]. Тогда Варда схватила висевшую у него сбоку палицу и, внезапно повернувшись, обрушила ее на шлем нападающего: палица, пройдя сквозь шлем, раздробила череп, и смельчак, не издав ни звука, упал на землю. Таким образом, Фока непререкаемым достиг крепости.

Варда [Склир], стратигат и магистр, осадил крепость и стал убеждать Варду Фоку испросить милость у властителей и немедленно покинуть укрепление. Фока был совершенно беспомощен и испытывал крайнюю нужду; поэтому, он, хорошенько поразмыслив и взвесив все обстоятельства, решил покориться на судьбу и подчиниться властителям, если будет дарована пощада ему и его близким. Он потребовал уверения в том, что ему не сделают ничего худого. Склир дал ему такое обещание, и он тотчас же вышел из крепости вместе с женою и детьми. [Склир] принял их, приставил к ним охрану, не причинив им никакого вреда, и доложил о заключенном условии императору, спрашивая, как надлежит ему поступить. Император Иоанн приказал постричь Варду Фоку в монахи и сослать вместе с женой и детьми на остров Хнос, а Склиру набрать воинов, переправиться через Геллеспонт в Европу и провести зиму в расположенных там зимних укреплениях. [Император писал, что] с наступлением весны³⁷ он сам со своей гвардией выступит против скифов, так как не может более сносить их необузданную наглость.

9. Я уже рассказав, что стратигат Варда [Склир] был послан императором против только что возникшего мятежа Варды Фоки из Европы в Азию. Узнав об этом, [скифы] совершали внезапные набеги, беспощадно разоряли и опустошали Македонию, причиняя тем самым ромеям огромный вред. Магистр Иоанн, по прозванию Куркуас³⁸, которому было доверено находившееся там войско, предавался сверх меры бездействию и пльству, проявлял неопытность и неумелость в управлении делами; поэтому помыслы росов и исполнились своевольной дерзостью. Государь не выносил их на-

менной наглости и явных обид, ему наносимых; он спешно сразиться с ними в открытом бою, чтобы всеми силами поражать и оттеснять их. Для этого он приказал снарядить огненосные триеры и отправил на продовольственных судах в Адрианополь³⁹ много хлеба и корма для выючных животных, а также достаточное количество оружия для войска, чтобы ромей во время сражения не испытывали ни в чем недостатка.

Пока шли эти приготовления, Иоанн женился на дочери императора Константина Багрянородного Феодоре, которая не слишком выделялась красотой и стройностью, но целомудрием и всякого рода добродетелями, без сомнения, превосходила всех женщин. Торжество бракосочетания состоялось в ноябре месяце, на втором году правления Иоанна⁴⁰. Народ был охвачен несказанной радостью, потому что государь мягко и справедливо управлял подданными. Особенно удивляло в Иоанне то, что он, будучи от природы исполнен делания и высокомерия, проявлял благожелательность и снисходительность к подданным и щедро оделял нуждающихся. Так он провел тогда в Византии зиму, увеселяя народ дружественным угощением и состязаниями в театре. Ожидая весны, он ежедневно обучал находившееся при нем войско умению передвигаться в полном вооружении во всех направлениях и упражнял его в различных военных приемах, придуманных самыми доблестными мужами для сражений.

КНИГА ВОСЬМАЯ

1. Как только ясная весна сменила мрачную зиму, император тотчас поднял крестное знамя и стал спешить [с походом] против тавроскифов. Прямо из дворца он отправился помолиться Богу во всеми почитаемый храм Христа Спасителя, находящийся в Хааке¹. Увидев, что место для молящихся очень узко, ибо там едва могут поместиться пятнадцать человек, а вход извилист, неудобен и походит на витой лабиринт или убежище, [Иоани] тотчас же приказал перестроить храм от старого основания, расширить и сделать более светлым. Он сам обозначил очертания стен; некое вдохновение внушило ему это усердие и распорядительность, и храм достиг такой красоты и величия, которые присущи ему теперь. [Выступив] отсюда, он пришел в знаменитый святой храм божественной Премудрости и стал молиться о ниспослании ангела, который бы двигался впереди войска и руководил походом; затем при пении гимнов он направился в славный храм богородицы, расположенный во Влахернах². Вознеся надлежащим образом мольбы к Богу, он поднялся в находящийся там дворец³, чтобы посмотреть на огненосные триеры. Они колышались, расставленные рядами, в заливе Босфора⁴, там, где удобная и надежная пристань для грузовых кораблей простирается, плавно изгибаясь, до моста и реки, которая за мостом впадает в море⁵.

Полюбовавшись искусным плаванием кораблей в боевом строю и показательным сражением между ними (было их вместе с ладьями и челнами, которые теперь в народе называются галейми и монериями⁶, более трехсот), император награждал гребцов и воинов деньгами и послал их на Истр для охраны речного пути, — чтобы скифы не могли упасть на родину и на Киммерийский Босфор в том случае, если они будут обращены в бегство. Говорят, что Истр — одна из рек, вытекающих из Эдема, и что название ее Фисон. Начинаясь на востоке, она, по неизяснимой мудрости

Создателя, скрывается под землей, а затем бьет ключом из Кельтских гор, описывает извилистую линию по Европе и впадает, разделяясь на пять устьев, в Понт, называемый Евксинским. Некоторые же считают, что Фисон — река, пересекающая Индийскую землю; обычно эту реку называют Гангом; близ нее добывают камень смарагд⁷.

2. Таким образом, корабли достигли Истра. Тем временем самодержец [Иоани] выступил из Византии и прибыл со всем войском в Адрианополь. Рассказывают, что этот город заложил, остановившись в своих странствиях после убийства собственной матери Клантевестры, сын Агамемнона Орест, поэтому ранее он назывался Орестиадой⁸. Впоследствии император Адриан, ведя войну со скифами⁹, был восхищен [прекрасным] расположением города; он укрепил его прочными стенами и назвал Адрианополем¹⁰. Прибыв туда, император Иоани узнал от лазутчиков, что ведущие в Мисию непроходимые, узкие тропы, называемые кансурами¹¹, потому что они как бы заперты со всех сторон, не охраняются скифами. Собрав лохагов и таксархов, он произнес следующую речь:

«Я думал, соратники, что скифы, уже давно ожидая нашего прихода, не пожалели усилий для заграждения изгородями и валами наиболее опасных, узких и трудно проходимых мест на тропях, чтобы нам не было легко продвигаться вперед. Но так как их обмануло приближение святой пасхи¹², они не преградили дороги, не закрыли нам пути, полагая, что мы не откажемся от блестящих одежд, от торжественных шествий, пиршества и зрелищ, которыми знаменуют дни великого праздника, ради тяжких невзгод войны¹³. Мне кажется, что мы поступим наилучшим образом, если сейчас же воспользуемся благоприятным случаем, вооружимся и как можно скорее переправимся по узкой дороге, пока тавроскифы не узнали о нашем прибытии и не навязали бой в горных проходах. Если мы, опередив [скифов], пройдем опасные места и неожиданно нападём на них, то, я думаю, — да поможет нам Бог! — с первого же приступа овладеем городом Преславой¹⁴, столицей мисия, а затем, двинувшись [вперед], легко обуздаем безумие росов».

3. Такова была речь императора. Стратигам и таксархам слова его показались неуместными и чрезмерно смелыми, а предложение провести ромейское войско по ущельям и крутым теснинам в чужую [страну] — легкомысленной, опрометчивой дерзостью, доходящей до безумия. Они довольно долго молчали, и разгневанный император заговорил снова: «Я и сам знаю, что неосторожность и своевольная дерзость в сражениях приводит обычно к величайшей опасности и непоправимой беде: ведь я [всю жизнь] с самой юности провел в битвах, одержал, как вы знаете, много побед и достиг большой славы. Но если счастье наше поставлено на лезвие бритвы¹⁵ и [судьба] не дает нам возможности

поступать по своему разумению, нам следует действовать решительно и как можно лучше использовать обстоятельства. Я думаю, что вы, умудренные большим опытом превратностей и непостоянства военных успехов, согласитесь со мной. Итак, если вы верите в то, что я советую вам лучше, то, пока скифы еще бездействуют и не догадываются о нашем приходе, воспользуемся удобным случаем. Победа ожидает нас после того, как мы пройдем через горные проходы. Но если они обнаружат наше намерение перейти теснины, и выстроит там свое войско против нас, дело не кончится добром, нас будет тогда ожидать ужасное бедствие, положение наше станет безвыходным. Приободритесь же духом, вспомните, что вы ромей²⁰, которые своим оружием обращали прежде в бегство любого врага! Следуйте за мной так можно быстрее и покажите на деле свою отвагу!

4. Скакая так, Иоанн, прекрасно вооруженный, вскочил на быстрого благородного коня, вскинул на плечо длинное копье и двинулся в путь. Впереди него двигалась фаланга воинов, сплошь закрытых панцирями и называвшихся «бессмертными», а за ней — около пятнадцати тысяч отборнейших големов и тринадцать тысяч всадников²¹. Заботу об остальном войске император поручил преславу Василию; он медленно двигалось позади вместе с обозом, везя осадные и другие машины. Когда они вопреки всякому ожиданию прошли опасные горные места, император прервал напряженный марш, дал отдых всему пешему и конному войску, расположив его на неприступном холме, с одной стороны которого протекала река, обещавшая изобилие воды.

Когда настал рассвет следующего дня, он поднял войско, выстроил его в глубокие фаланги и приказав беспрестанно трубить военной кучей, стучать в кимвалы и бить в тимпаны²², выступил на Преславу. Поднялся незаобразимый шум: эхом отдавался в соседних горах гуд тимпанов, звенело оружие, ржали кони и [громко] кричали люди, подбадривая друг друга, как всегда бывает перед битвой. Тавроскифы, увидев приближение умело продвигающегося войска, были поражены неожиданностью²³; их охватила страх, и они почувствовали себя беспомощными. Но все же они поспешно схватились за оружие, покрывали плечи щитами (щиты у них прочны и для большей безопасности достигают ног²⁴), выстраивались в грозный боевой порядок, выступили на ровное поле перед городом и, рыча наподобие зверей, искушая странное, непонятные возгласы, бросались на ромеев. Ромей столкнувшись с ними и храбро сражались, совершая удивительные подвиги: однако ни та, ни другая сторона не могла взять верх. Тогда государь приказывает «бессмертным» стремительно напасть на левое крыло скифов; «бессмертные», выставив вперед копья и сильно прищипнув коней, бросались на врагов. Скифы [всегда] сражаются в пешем строю; они не привыкли воевать на конях и не упражняются в этом деле²⁵. Поэтому они не выдержали на-

тиска ромейских копий, обратились в бегство и заперлись в стенах города. Ромей преследовали их и беспощадно убивали. Рассказывают, будто во время этого наступления [ромеев] погибло восемь тысяч пятьсот скифов²⁶.

5. Оставшиеся в живых спрятались в крепости и, яростно сопротивляясь, метали сверху со стен копья и стрелы. Говорят, что в Преславе находился и патрикий Калокир, который, как я уже сообщил в свое время, диннул войско росов из мисия. Узнав о прибытии императора (а это невозможно было скрыть, так как золотые императорские знаки сияли чудесным блеском), он глубокой ночью тайно бежал из города и явился к Сфендославу²⁷, который со всем своим войском находился у Дристола, ныне называемого Дристрою: тот таким образом убежал Кааскир.

Надвигающаяся ночь вынудила ромеев прекратить сражение. Но вот наступило утро следующего дня, называемого Великим четвергом²⁸, потому что в этот день, готовясь идти на муки, Спаситель наш после Тайной вечери давал ученикам свои спасительные наставления. Как раз в это время прибыло остальное войско с осадными машинами, и император Иоанн свернул лагерь, расставил фаланги в несокрушимый боевой порядок и с пением победного гимна устремился на стены, намереваясь первым же приступом взять город. Росы же, подбадриваемые своим военачальником Сфенксом²⁹, который был у скифов третьим по достоинству после Сфендослава, их воеводного катархонта, оборонялись за зубцами стен и из всех сил отражали натиск ромеев, бросая сверху дротики, стрелы и камни. Ромей же стреляли снизу вверх из каменных орудий, забрасывали осаждаемых тучами камней, стрелами и дротиками, отражали их удары, [теснили], не давали им возможности выглянуть из-за зубчатых стен без арса для себя. Наконец, император громким голосом отдал приказание приставить к стенам лестницы и возглас его прибавил сил осаждавшим. Все, на кого падал взгляд государя, сражались храбро, надеясь получить достойную награду за свои подвиги.

6. Когда ромей бросились на приступ и придвинули к стенам³⁰ лестницы, по одной из них стал взбираться какой-то смелый юноша с едва пробивающимся рыжеватым иушком на подбородке, выходец из фемы Анатолии, по имени Феодосий, а по прозвищу Месонит³¹. Правой рукой он вытятил меч, в левой держал щит, которым прикрывал голову от скифских ударов сверху. Достигнув гребня стены, [юноша обрушился на] скифа, который выглянул из-за зубцов и хотел столкнуть его копьем вниз; он рассек шею врага, и голова его вместе со шлемом поклатлась по земле за стеной. Ромей приветствовали этот необыкновенный подвиг восторженными криками, и многие из них, соревнуясь в храбрости с первым взшедшим [на стену], устремились вверх по лестницам.

Между тем Месоникт, влойдя на стену, овладел ее верхней частью и, поворачиваясь во все стороны, убил огромное число оборонявшихся скифов, сбрасывая их со стены. Вскоре уже многие [romeя] взобрались в разных местах на стены и изво всех сил истребляли врагов. Тогда скифы покинули укрепление и постыдно столпились в окруженном прочной оградой царском дворце, где хранились сокровища мисия; один из входов они оставили открытым.

Тем временем многие romeя, находившиеся по ту сторону стен, сорвали петли на воротах, сбили засовы и проникли внутрь города²⁸, перебив бесчисленное множество скифов²⁹. Тогда, говорят, был схвачен и приведен к государю вместе с женой и двумя малолетними детьми царь мисия Борис³⁰, у которого едва лишь пробилась рыжая борода. Приняв его, император воздал ему по чести, назвал владыкой булгар³¹ и заверил, что он явился отомстить за мисия, претерпевших ужасные бедствия от скифов.

7. Ромеи все разом ворвались в город и рассыпались по узким улицам, убивали врагов и грабили их добро. Так они достигли царского дворца, в котором сгрудилась лучшая часть войска росов. Но скифы, находившиеся по дворцу, яростно сопротивлялись проникшим через ворота ромеям и убили около полутора ста храбрейших воинов. Узнав об этой неудаче, император прискакал во весь опор ко дворцу и приказал своей гвардии всеми силами наступать на врага, но, увидев, что из этого не выйдет ничего хорошего (ведь тавроскифы легко поразили множество воинов, встречая их в узком проходе), он остановил безрассудное устремление ромеев и распорядился со всех сторон бросать во дворец через стены³² огонь. Когда разгорелось сильное пламя, сжигавшее все на своем пути, росы, числом свыше семи тысяч, вышли из помещения, выстроились на открытом месте у дворца и пригрозили отразить наступление [ромеев].

Император послал против них майстра Варду Скмира с надежным отрядом. Оружием скифов фалангой храбрейших воинов, Скмир вступил в бой. Завязалось сражение, и росы отчаянно сопротивлялись, не показывая врагам спины; однако ромей [победил] своим мужеством и военной опытностью и всех их перекололи. В этой битве погибло также множество мисия, сражавшихся на стороне врагов против ромеев, виновников панаделии на них скифов³³. Сфенкелу с немногими удалось спастись бегством. Он ушел к Сфендославу, но вскоре был убит, о чем я расскажу ниже. Так в течение двух дней был завоеван и стал владением ромеев город Преслава.

8. Император Иоани по обычаю одарил войско, дал ему отдых и отпраздновал на том же месте святое воскресение Спасителя. Отбрав несколько плешных тавроскифов, [Иоани] послал их к Сфендославу с сообщением о падении города и гибели соратников. Он поручил им также [передать Сфендославу], чтобы тот

без промедления выбрал одно из двух: либо сложить оружие, сдаться победителям и, испросив прощенья за свою дерзость, сейчас же удалиться из страны мисия, либо, если он этого не желает сделать и склоняется к врожденному своеволию, защищаться всеми силами от идущего на него ромейского войска. Вот так он велел передать Сфендославу, сам же провел в городе несколько дней и восстановил разрушение в стенах, а затем, оставив сильный отряд и назвав город по своему имени Иоанинополем³⁴, пошел со всем войском на Дористол.

Этот город заложил и довел до теперешней красоты и величия прославленный среди государей Константин³⁵, после того как он, увидев на небе крестное знамение в виде созвездия³⁶, победы проявлявших к нему вражду и просто наступающих скифов³⁷. По пути [Иоани] взял город, называемый Плискухой³⁸, Динию³⁹ и многие другие города, которые отсегнал власть скифов и переходил на сторону ромеев⁴⁰.

Сфендослав, узнав о поражении у Преславы, испытывал огорчение и досаду. Он считал это плохим предзнаменованием для будущего, но, одержимый скифским безумием и кичась своими победами над мисиями, надеялся легко победить и войско ромеев.

9. Сфендослав видел, что мисия отказываются от союза с ним и переходят на сторону императора. Появ по дремом размышления, что, если мисия склоняется к ромеям, дела его закончатся плохо, он созвал около трехсот наиболее родонитых и влиятельных из их числа и с беспечной дикостью расприпался с ними — всех их он обезглавил, а многих других заключил в оковы и бросил в тюрьму. Затем, собрав все войско тавроскифов, — около шестидесяти тысяч⁴¹, он выступил против ромеев.

В то время как государь медленно продвигался по направлению к войску росов, от их фаланги отделилось несколько одержимых отчаянной дерзостью храбрецов, которые, устроив засаду, совершили внезапное нападение и убили некоторых воинов из передового отряда ромеев. Увидев их трупы, разбросанные вдоль дороги, император отпустил погоню и остановил коня. Гибель соотечественников привела его в негодование, и он приказал выследить совершивших это [злодеяние]. Телохранитель [Иоанна], тщательно обыскав охрестные леса и кустарники, схватил этих разбойников и связанными привел к императору. Он тотчас же приказал их умертвить, и [телохранитель], без промедления обнажив меч, изрубил всех их до одного на куски.

Тогда войска подошли к пространству, лежащему перед Дористолом, который принято называть также Дристрой⁴². Тавроскифы плотно сомкнули щиты и копья, придав своим рядам вид стены, и ожидали противника на поле битвы. Император выстроил против них ромеев, расположив одетых в панцири всадников по бокам, а лучников и пращников позади, и приказав им безостановочно стрелять, повел фалангу в бой⁴³.

10. Воины сошлись врукопашную, завязалась яростная битва, и в первых схватках обе стороны долго сражались с одинаковым успехом. Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев, и дрались, напрягая все силы. Ромеев же одолевала стыд и злоба [при мысли о том], что они, побеждавшие оружием и мужеством всех противников, отступят как неопытные в битвах новички и потеряют в короткое время свою великую славу, потерпев поражение от народа, сражающегося в пешем строю и вовсе не умеющего ездить верхом. Побуждаемые такими мыслями, [оба] войска сражались с непревзойденной храбростью; росы, которыми руководило их врожденное зверство и бешенство, в яростном порыве устремлялись, реяли как одержимые, на ромеев, а ромей наступали, используя свой опыт и военное искусство.

Много [воинов] пало с обеих сторон, бой шел с переменным успехом, и до самого вечера нельзя было определить, на чью сторону склонится победа. Но когда светало стало склониться к западу, император бросил на [скифов] всю конницу за весь опор; громким голосом призвал он воинов показать на деле природную ромейскую доблесть и вселить в них бодрость духа. Они устремились с необыкновенной силой, трубачи протрубили к сражению, и могучий клич раздавался над ромейскими рядами. Скифы, не выдержав такого натиска, обратились в бегство и были отеснены за стены; они потеряли в этом бою многих своих [воинов]. А ромей запели победные гимны и прославляли императора. Он раздавал им награды и устраивал пир, усиливая их рвение в битвах.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

1. Как только рассвело, император стал укреплять лагерь мощным валом¹, действуя так. Неподалеку от Дористола возвышается посреди равнины небольшой холм. Разместив войско на этом холме, [Иоани] приказал рыть вокруг него ров², а землю выносить на прилегающую к лагерю сторону, чтобы получилась высокая насыпь. Затем [он приказал] воткнуть на вершине [насыпи] колья и повесить на них соединенные между собою щиты. Таким образом, лагерь был огражден ровом и валом, и враги никак не могли проникнуть внутрь — устремившись ко рву, они бы остановились. Так разбивают обычно ромей свой стан во вражеской стране.

Укрепив таким образом лагерь, [Иоани] на следующий день выстроил войско и двинул его к [городской] стене. Показываясь из-за башен³, скифы метали на ромейскую фалангу стрелы, камни и все, что можно было выпустить из метательных орудий. [Ромей] же защищались от скифов, стреляя снизу из луков и пращей. Сражение не пошло дальше этой перестрелки, и ромей удалились в лагерь, чтобы поесть, а скифы к концу дня ввезли из города верхом — они впервые появились тогда на конях. Они всегда прежде шли в бой в пешем строю, а ездить верхом и сражаться с врагами [на лошадях] не умели. Ромей тотчас вооружились, вскочили на коней, схватили копыя (они пользуются в битвах очень длинными копиями⁴) и стремительно, грозной лавной понеслись на врагов. Ромейские копыя поражали [скифов], не умеющих управлять лошадьми при помощи поводьев. Они обратились в бегство и укрылись за стенами.

2. Тем временем показались плывущие по Истру огненосные триеры и продовольственные суда ромеев. При виде их ромей неслыханно обрадовались, а скифов охватил ужас, потому что они боялись, что против них будет обращен жидкий огонь. Ведь они уже слышали от стариков из своего народа, что этим самым «ми-

дийским огнем»⁵ ромей превратили в пепел на Елксинском [море] огромный флот⁶ Ингора, отца Сфендослава. Потому они быстро собрали свои челны и подвели их к городской стене в том месте, где протекающий Истр отгибает одну из сторон Дористола. Но огненосные суда подстерегали скифов со всех сторон, чтобы они не могли ускользнуть на ладьях в свою землю.

На следующий день тавроскифы вышли из города и построились на равнине, защищенные кольчугами⁷ и доходящими до самых ног щитами. Вышли из лагеря и ромей, также надежно прикрытые доспехами. Обе стороны храбро сражались, попеременно тесня друг друга, и было ясно, кто победит. Но вот один [из воинов], вырвавшись из фаланги ромеев, сразил Сфенкела, (почитавшегося у тавроскифов третьим после Сфендослава), доблестного, огромного роста мужа, отважно сражавшегося в этом бою. Пораженные его гибелью, тавроскифы стали шаг за шагом отступать с равнины, устремляясь к городу. Тогда и Феодор, прозванный Лалаконом⁸, муж непобедимый, устрашающий отвагой и телесной мощью, убил железной булавой множество врагов. Снял его руки была так велика, что удар булавы расплюснул его не только шлем, но и покрытую шлемом голову. Таким образом, скифы, показав сину, [снова] укрылись в городе. Император же велел трубить сбор, созвал ромеев в лагерь и, увеселяя их подарками и пирами, побуждал храбро сражаться в [предстоящих] битвах.

3. Еще продолжались, таким образом, бои⁹, и исход событий оставался неопределенным. В это время брат императора Никифора, куропалат Лев, который, как я уже упоминал, находился вместе со своим сыном Никифором под стражей в Митимие, на [острове] Лесбосе, предельно золотом охрану и решился на михе. Глаза [у Льва] были непредимы — человек, которому было поручено его ослепить, съел ему ресницы, но оставил неповрежденными и ветроутумми зрачки. То ли по приказу императора поступил он так (подозревают и это, потому что после того, как дело раскрылось, он остался безнаказанным), то ли из жалости [к Лбу], постигнутому такой бедой. Итак, войдя на лодку, куропалат тайно приплыл к берегу напротив Византия и укрылся в монастыре, который назывался Пиламидом¹⁰. Оттуда он через надежного человека известна друзей и близких о своем прибытии. Они обещали помочь ему всеми средствами собрать большое число вооруженных мужей и достать ключи, чтобы он легко мог проникнуть в царский дворец. Заговорщики сейчас же принялись за дело и вознамерились без всякого промедления осуществить то, что обещали. Подкупив одного из дворцовых ключарей, они уговорили его изготовить и передать им восковые отпечатки ключей. Тот без всякого возражения сделал и отдал [заговорщикам] восковые формы, а они наняли ремесленника, который тотчас же выковал у них в доме ключи.

4. Так как все шло, как им казалось, согласно их замыслам, заговорщики предложили куропалату переправиться через Босфор и прибыть в Византий. Глубокой ночью вошел Лев на корабль, пристал к крепости, проник через калитку, находившуюся под храмом святого Фоки¹¹, в город и уже возмечтал, что обладает верховной властью. Но судьба погумилаась, насмеялась, над надеждами человека, не имеющими прочных оснований, — они обращаются в свою противоположность и ведут к ужасному скопленню бедствий. Вместо великолепной порфиры, золотого скипетра и тиранни, которой Лев, несмотря на неблагоприятные предзнаменования, домогался, судьба готовила ему мучительное ослепление, лальную смелку и потерю всего имущества.

В то время как Лев находился в доме одного из своих подручных в районе Сфоракса¹² и ожидал прихода заговорщиков, оттуда вышел кто-то из его притеснников, направился к своему родственнику, заведовавшему царской ткацкой мастерской, рассказал ему о том, что куропалат находится в городе, сообщил о заговоре и стал просить, чтобы он со всей корпорацией ткацкой мастерской¹³ оказал им содействие. Тот обещал немедленно прийти к ним на помощь, поднялся и вышел, будто бы для того, чтобы позвать своих людей. Придя к патрицию и друнгарии морских сил Лбу¹⁴, которому император поручил управлять Византием, он рассказал ему обо всем: что куропалат убежал из ссылки, что он находится в городе, в доме одного из жителей, и что он вот-вот захватит в руки государственную власть.

Это неожиданное известие поразило друнгария, но он был тверд в опасностях и предприимчив, когда нужно было найти чадлежащее решение в затруднительных обстоятельствах. Поэтому он скоро укрепился духом, собрал свой отряд и тотчас же прибыл к дому, в котором находился куропалат. Убедившись в том, что заговор раскрыт и все его намерения ясны, он ускользнул вместе с сыном Никифором через боковую дверь, прибежал в великий святой храм и превратился из гордого, спесивого тирана в жалкого молятеля. Там его и схватили люди друнгария, посадили вместе с сыном Никифором в челн и отплыли на остров, который называется Калоним¹⁵. Потом прибыл из Млсии императорский приказ, согласно которому их обоих ослепили¹⁶, а имущество отобрали в казну¹⁷.

5. Вот какой печальный и гибельный исход имело стремление куропалата Льва к тиранни. Что же касается росов (ибо рассказ слова возвращается [к тому месту], от которого он отклонился), то они построились и вышли на равнину, стремясь всеми силами поджечь военные машины ромеев. Они не могли выдержать действия снарядов, которые со свистом проносились над ними: хандый день от ударов камней, выбрасываемых [машинами], погибало множество скифов. Эти машины охранял родственник государя, магистр Иоани Куркуас. Заметив дерзкую вылазку

врагов, [Куркуас], несмотря на то что у него сильно болела голова и что его клонило ко сну от вина (дело было после завтрака), вскочил на коня и в сопровождении избранных воинов бросился к ним навстречу. [На бегу] конь оступился в яму и сбросил магистра. Скифы увидели великолепное вооружение, прекрасно отделанные бляхи на конской сбруе и другие украшения — они были покрыты немалым слоем золота — и подумали, что это сам император. Тесно окружив [магистра], они зверским образом изрубили его вместе с доспехами своими мечами и секирами, насадили голову на копье, водрузили ее на башне и стали потешаться над ромеями [крича], что они закололи их императора, как жертвенное животное. Магистр Иоани стал добычей варварского неистовства и понес, таким образом, кару за [преступления], совершенные им против святых храмов, — ведь говорят, что он разграбил в Мисим много [церквей] и обратил в свое частное имущество их утварь и священные сосуды¹⁸.

6. Ободренные такой победой, росы вышли на следующий день из города и построились к бою на открытом месте. Ромеи также выстроились в глубокую фалангу и двинулись им навстречу.

Была между скифами Икмор, храбрый муж гигантского роста, [первый] после Сфендослава предводитель войска, которого [скифы] почитали по достоинству вторым среди них. Окруженный отрядом приближенных к нему воинов, он яростно устремился против ромеев и поразил многих из них. Увидев это, один из телохранителей императора, сын архига критян Анемас¹⁹, воспламенился доблестью духа, вытаскивая висевший у него на боку меч, пророскал на коне в разные стороны и, прищипорив его, бросился на Икмора, настиг его и ударил [мечом] в шею — голова скифа, отрубленная вместе с правой рукой, скатилась на землю. Как только [Икмор] погиб²⁰, скифы подняли крик, смешанный со стоном, а ромеи устремились на них. Скифы не выдержали натиска противника; сильно удрученные гибелью своего предводителя, они забросили щиты за спину и стали отступать к городу, а ромеи преследовали их и убивали²¹.

И вот, когда наступила ночь и засиял полный круг луны²², скифы явились на равнину и начали подбирать своих мертвецов. Они нагромодили их перед стеной, разложили много костров и сожгли²³, заколов при этом по обычаю предков множество пленных, мужчин и женщин²⁴. Совершив эту кровавую жертву, они задыхали²⁵ [исколько] грудных младенцев²⁶ и петухов²⁷, топя их в водах Истра. Говорят, что скифы почитают тайнства эллинов, приносят по лямбическому²⁸ обряду жертвы и совершают воздаяния по умершим, научившись этому то ли у своих философов Анахарсиса²⁹ и Замолчуса³⁰, то ли у соратников Ахилла. Ведь Арриан пишет в своем «Описании морского берега»³¹, что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикион³², лежащего у Меотидского озера. Иагнапный ски-

фами за свой дикий, жестокий и наглый нрав, он впоследствии поселился в Фессалии³³. Явными доказательствами [скифского происхождения Ахилла] служат покрыв его накидки, скрепленной вастежкой³⁴, привычка сражаться пешим³⁵, белокурые волосы, светло-синие глаза, сумасбродная раздражительность и жестокость³⁶, над которыми издевался Агамемнон, порицая его следующими словами:

Распря единая, брань и убийство тебе лишь приятны³⁷.

Тавроскифы и теперь еще имеют обыкновение разрешать споры убийством и кровопролитием³⁸. О том, что этот народ безрасуден, храбр, воинствен и могуч, [что] он совершает нападения на все соседние племена, утверждают многие; говорит об этом и божественный Иезекииль такими словами: «Вот я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос»³⁹. Но дозволю о жертвоприношениях тавросов.

7. На другой день⁴⁰ на рассвете Сфендослав созвал совет знати, который на их языке носит название «комента»⁴¹. Когда они собрались вокруг него, Сфендослав спросил у них, как поступить. Одни высказали мнение, что следует поздней ночью погрузиться на корабль и попытаться тайком ускользнуть, потому что невозможно сражаться с покрытыми железными доспехами всадниками, потеряв лучших бойцов, которые были опорой войска и укрепляли мужество воинов. Другие возражали, утверждая, что лучше помириться с ромеями, взяв с них клятву, и сохранить таким путем оставшееся войско. [Они говорили, что] ведь нелегко будет скрыть бегство, потому что огненосные суда, стерегущие в обеих сторон проходы у берегов Истра, немедленно сожгут все [их корабли], как только они попытаются появиться на реке⁴².

Тогда Сфендослав глубоко вздохнул и воскликнул с горечью: «Потгибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабовавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, [которое заведет] нас предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить в остатке в живых, либо умереть со славою, совершив подвиги. [Достоинные] доблестных мужей!»⁴³ Вот какое мнение высказал Сфендослав.

8. О тавроскифах рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен⁴⁴ никогда не сдаются врагам даже побежденными, — когда нет уже надежды на спасение, они пронзают себе мечами внутренности и таким образом сами себя убивают. Они поступают так, основываясь на следующем убеждении: убить в сражении неприятеля, считают они, становится после смерти и отлучения души от тела рабами его в подземном мире. Страхась

такого служения, гнушаясь служить своим убийцам, они сами принимают себе смерть. Вот какое убеждение владеет ими⁴⁵.

А тогда, выслушав речь своего повелителя, [росы] с радостью согласились вступить в опасную борьбу за свое спасение и [приняв решение] мужественно противостоять могуществу ромеев. На следующий день (шестой день недели, двадцать четвертый⁴⁶ — месяца июля) к заходу солнца все войско тавроскифов вышло из города; они решили сражаться изо всех сил, построились в мощную фалангу⁴⁷ и выставили вперед копья. Император со своей стороны выстроил ромеев и вывел их из укрепления. Вот уже завязалась битва, и скифы с силой напали на ромеев, пронзая их копьями, раняли стрелами коней и валяли на землю всадников. Видя, с какой неистовой яростью бросался Сфендослав на ромеев и воодушевлял к бою ряды своих, Анемас, который прославился накануне убийством Икмора, вырвался на коне вперед (делать это вошло у него в обычай, и таким путем он уже поразил множество скифов), опустив поводья, устремился на [предводителя росов] и, ударив его метом по ключице, поверг вниз головою наземь, но не убил. [Сфендослава] спасла кольчужная рубашка и щит, которыми он вооружился, опасаясь ромейских копий. Анемас же был окружен рядами скифов, конь его пал, сраженный тучей копий; он перебил многих из них, но погиб и сам — муж, которого никто из сверстников не мог превзойти воинскими подвигами.

9. Гибель Анемаса воодушевляла росов, и они с дикими, проинтеливыми воплями начали теснить ромеев. Те стали поспешно поворачивать назад, уклоняясь от чудовищного натиска скифов. Тогда император, увидевший, что фаланга ромеев отстывает, убоялся, чтобы они, уstraшенные небывалым нападением скифов, не попали в крайнюю беду; он созвал приближенных к себе воинов, изо всех сил сжал копье и сам помчался на врагов. Забили тимпаны и заиграли военные трубы; стыдясь того, что сам государь идет в бой, ромей повернули лошадей и с силой устремились на скифов. Но вдруг разразился ураган попеременно с дождем: устремившись с неба, он заслонил неприятелей; к тому же поднялась пыль, которая забила им глаза. И говорят, что перед ромеями появился какой-то всадник на белом коне; став во главе войска и побуждая его наступать на скифов, он чудодейственно рассекал и расстраивал их ряды. Никто не выдал его, как рассказывают, в расположении войска ни до битвы, ни после нее, хотя император разыскивал его, чтобы достойно одарить и отблагодарить за то, что он свершил. Но поиски были безуспешны. Впоследствии распространилось твердое убеждение, что это был великомученик Феодор⁴⁸, которого государь молил и за себя, и за все войско быть соратником, покровителем и спасителем в битвах. Говорят, что накануне сражения вечером произошло следующее. В Византии одной девице, посветившей себя Богу,

увиделась во сне богородица, которую сопровождали огненные воины. Она сказала им: «Позовите мне мученика Феодора» — сейчас же к ней подвели храброго и смелого вооруженного мужа. Богородица обратилась к нему со словами: «Твой Иоанн в Дористе, о досточтимый Феодор, сражается со скифами и находится в крайнем затруднении; поторопись его выручить — если промедлишь, ему не избежать ослепости». Тот ответил, что готов повиноваться матери своего Господа и Бога, и, сказав это, сразу же удалился. Тут же и сон отлетел от глаз девицы. Вот каким образом сбылось сновидение этой девушки.

10. Последовав за святым мужем, ромей вступили в бой с врагами. Завязалась горячая битва, и скифы не выдержали натиска конной фаланги. Окруженные магистром Вардой, по прозванию Скаир, который со множеством [воинов] обошел их с тыла⁴⁹, они обратились в бегство. [Ромей] преследовали их до самой стены, и они бесславно погибали. Сам Сфендослав, раненный стрелами, потерявший много крови, едва не попал в плен; его спасло лишь наступление ночи. Говорят, что в этой битве polegало пятнадцать тысяч пятьсот⁵⁰ скифов. [на поле сражения] подобрали двадцать тысяч щитов и очень много мечей⁵¹. Среди ромеев убитых было триста пятьдесят, но раненых было немало. Вот какую победу одержали ромей в этом сражении.

Всю ночь провел Сфендослав в гнетке и печали, сожалел о гибели своего войска. Но видя, что ничего уже нельзя предпринять против несокрушимого всеоружия [ромеев], он счел долгом разумного полководца не падать духом под тяжестью неблагоприятных обстоятельств и приложить все усилия для спасения своих воинов. Поэтому он отрядил на рассвете послан к императору Иоанну и стал просить мира на следующих условиях⁵². Тавроскифы уступят ромеям Дориста, освободят лемингов, уйдут из Мисии и возвратятся на родину, а ромей дадут им возможность отплыть, не нападут на них по дороге с огненными кораблями (они очень боялись «индийского огня», который мог даже и камни обращать в пепел), а кроме того, снабдят их продовольствием и будут считать своими друзьями тех, которые будут поставляемы по торговым делам в Византию⁵³, как было установлено прежде.

11. Император почитал мир гораздо больше войны, потому что знал, что мир сохраняет народы, а война, напротив, губит их. Поэтому он с радостью принял эти условия [росов]⁵⁴, заключил с ними союз и соглашение и дал им хлеба — по два медина⁵⁵ на каждого. Говорят, что из шестидесятитысячного войска росов хлеб получал только двадцать две тысячи человек, избежавшие смерти, а остальные тридцать восемь тысяч погибли от оружия ромеев⁵⁶. После утверждения мирного договора Сфендослав попросил у императора позволения встретиться с ним для беседы. Государь не уклонился и, покрытый вызолоченными доспехами,

подъехал нерхом к берегу Истра, ведя за собою многочисленный отряд сверкавших золотом вооруженных всадников. Показался и Сфендослав, припавший по реке на скифской ладье; он сидел на веслах и греб вместе с его приближенными, ничем не отличаясь от них⁵⁷. Вот какова была его наружность: умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны ее свисал клок волос⁵⁸ — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядела он угрюмым и диким. В одно ухо у него была вдета золотая серьга: она была украшена карбункулом, обрамленным двумя жемчужинами. Одевшие его были белым и отличалось от одежд его приближенных только чистотой⁵⁹. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал⁶⁰. Так закончилась война ромеев со скифами.

12. Сфендослав оставил Дористол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду ладьяки — многочисленное кочевое племя, которое пожирает ишей⁶¹, возит с собою жманды и большую часть жизни проводят в повозках⁶². Они перебили почти всех [росов], убили вместе с прочими Сфендослава, так что лишь немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места.

Таким образом, император Иоанн, как действуя из предмыслие рассказа, всего в четыре месяца победил полчища росов и возвратил ромеям Мисию. Он переименовал Дористол в Феодорополь в честь Стратилата мученика Феодора⁶³ и, оставив там надежную охрану⁶⁴, вернулся с большими трофеями в Византий. Встретив императора перед стенами, горожане преподнесли ему венцы и скипетры, отделанные золотом и драгоценными камнями. Они привезли с собою и украшенную золотом колесницу, запряженную белыми лошадьми; они просили [Иоанна] взойти на нее, чтобы отпраздновать полагавшийся в таких случаях триумф. Иоанн принял венцы и скипетры, богато одарил за них горожан, но взойти на колесницу не пожелал. Устав золотое сиденье колесницы пурпурными мисийскими одеждами и пенками, он водрузил на нем вывезенное из Мисии изображение богородицы, заключающей в свои объятия богочеловеческий Логос⁶⁵. Сам он следовал на резвом коне свои, увенчан голову диадемой, с венцами и скипетрами в руках.

Таким образом проехал Иоанн, совершая свой триумф посреди города, украшенного посюду пурпурными одеждями, осененного наподобие брачного чертога ветвями лавра и золотыми покрывалами. Он вступил в великий храм божественной Премудрости и, воздав благодарственные молитвы, посвятил Богу

первую долю добычи — роскошный мисийский венец, а затем последовал в императорский дворец, ввел туда царя мисян Бориса и приказал ему сложить с себя знаки царского достоинства. Они состояли из тиары, отороченной пурпуром, вышитой золотом и жемчугом, а также из багряницы и красных полусапог⁶⁶. Затем он повел Бориса в сан магистра⁶⁷. Вот каким образом император Иоанн в очень короткое время сверх всяких ожиданий одержал столь великую победу, сломил и поверг ниц своей воинской опытностью, мудрой доблестью и отвагой высокомерное бахвальство росов и подчинил ромеям Мисию⁶⁸. Вернувшись в Византий, он провел там зиму, награждая по обычаю подданных дарами и развлекая обильными угощениями.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

1. Когда наступило лето¹ и по всей земле установилась ясная погода, император выступил из Византия в поход против населяющих внутреннюю Сирию агарян. Пройдя всю сухую часть пути, он переправился через Евфрат. Это величайшая из рек, пересекающих Азию, одна из тех, которые вытекают из Эдема, что известно нам из Священного писания². В то время некий писарь по имени Никита, муж, достигший вершин учености и мудрости, находившийся в расцвете лет, следовал на свою беду за государем в этом походе, несмотря на то что отец просил его не делать этого, а остаться дома, делать старость своего родителя и всеми силами угождать ему, преступившему уже порог преклонных лет и приблизившемуся к закату жизни. Он пренебрег против долга своего убеждением отца, не приняв во внимание его наставлений и отправился в лагерь в чем был³. При переправе через реку водоворот увлек его на глубокое место, он соскользнул с коня и, унесенный течением, жалким образом захлебнулся в Евфрате, претерпев кару за свое осуждение⁴.

А государь со всем своим воинством быстро продвигался по Сирии, и никто из врагов не выступал против него; устранившие молвой о его наступлении, все они заперлись в своих крепостях и городках. Таким образом, Иоани напал на укрепленный и славный город Эмет⁵; он принял сдачу города, взяв с них огромный выкуп и тотчас же поспешно оттуда по направлению к Мисеракиму⁶. Это замечательный, славный город, превосходящий богатствами и стадами все другие поселения в тех местах. Он и этот город принудил к сдаче и, взяв с его жителей прекрасные многочисленные дары, состоящие из золота, серебра и расшитых золотом тканей, направился к Нисибису⁷, где великий Иаков, столпший у кормила епископии, сдержал некогда натиск персов, подошедших к городу с большим войском, — он напустил на них рой

мух и комаров, тотчас же обратил их в бегство и таким образом победил врагов⁸. Император нашел город пустым: жители, испуганные вторжением ромейского войска, покинули его и убежали в глубь страны.

2. Пройдя и подчинив ромеям соседнюю область, [Иоани] поспешил к Экбатанам⁹, где установлена власть агарян¹⁰. Там было несметное количество серебра, золота и всяких иных богатств; Иоани намеревался внезапно ударом овладеть городом. Говорят, что в Экбатанах больше золота и сокровищ, чем во всех других городах, находящихся под солнцем. Причина этому та, что экбатанцы обогащаются за счет многих стран, а сами до сего времени не испытали ни одного вражеского нашествия. Но недостаток воды и необходимых припасов удержал Иоани от нападения на город. В тех местах простирается пустыня, именуемая Карманитидой¹¹; в ней нет источников, и ничего не произрастает, она суха, безводна; путь по ней неровен и труднопроходим. Поэтому он вернулся в Византию, везя с собою полученные от агарян дары — на триста миряд серебра и золота. С торжеством провел он по площади золото, серебро, серские ткани¹² и ароматические вещества и прочие дары, ваятые у агарян, горожане смотрели и дивились их множеству, восторженно встречали его, провожали приветственными кличками во дворец и прославляли его победы.

Тем временем епископы¹³ из азиатских областей перед императором патриарха Василия, будто он обещает верховную власть какому-то из могущественных лиц и что в управлении церковью он не соблюдает установления божественных канонов. Патриарх был вызван в императорский диаксирий. Но так как он не явился, а настаивал, чтобы был созван вселенский собор, на котором он опровергнет [выдвинутые против него] обвинения (богдохновенные предписания святых отцов требуют, чтобы для низложения патриарха созывался вселенский собор), то император послал его в построенный им же монастырь, расположенный на Скамандре¹⁴. А был он мужем как бы беспощадным, невозможным: с молодых ногтей предавался он подвигам отшельничества, носил зимою и летом одну и ту же одежду, не снимал ее, пока она не истлеет и не станет негодной к употреблению; он не вкушал никакой еды и питья, кроме воды и сока древесных плодов. Говорят, что во все время своего подвижничества он спал не на ложе, а на полу. Единственным недостатком его считали то, что он слишком много стремился разузнать об образе жизни и нравственности людей, самым много хотел разведать и совершенно попусту собирал сведения.

3. После того как Василий был приговорен к сыску, кормило патриаршества взял в свои руки Антоний¹⁵, муж, который с юности принял монашество в Студийском монастыре¹⁶ и вел апостольский образ жизни. Он не носил ничего, кроме того, что нужно для покрытия тела, хотя вельможи и сами государи щедро

награждал его за присущую ему добродетель. Не только [эти дары], но и все, что он получал сообразно своему сану (ибо прежде был он почти саном сикела¹⁷), он раздавал бедным, подражая в милосердии Богу, а божественной и мирской ученостью будучи богат более других. В глубокой старости лицо и осанка его сияли чудодейственной прелестью. Всякий изнеженный и исполненный суетной гордыни человек, придя к нему, сразу же убеждался в том, что жизнь — тень и сон¹⁸, и удалялся укрепившимся в благоразумной умеренности, а всякий, кто ввела жизнь, полную неправимых бедствий, от которых не чаял избавиться, уходя у него не унывать в скорбях и прибегать к тому, кто может уберечь от бед, и искать там спасения. Таким, если говорить в главном, был по образу жизни и речам Антоний, муж божественный и ангелоподобный.

В это время по всему римскому государству бродили два брата-близнеца, родом из Каппадокии. Странное и удивительное представляли они зрелище: я сам, составитель этой [истории], часто видел их в Азии²¹. Члены этих близнецов были невредимы и соразмерны, по бокам они срослись от подмышек до бедер, так что тела их составляли одно целое. Соприкасающимися руками они обнимали друг друга за шею, а в свободных руках держали палки, на которые опирались во время ходьбы. Им было по тридцати лет, и они были хорошо сложены, полны сил и имели уверенный вид. В дальних путешествиях они передвигались на муле, сидя по-женски в седельном кресле. Нрава они были необыкновенно мягкого и кроткого. Но довольно об этих близнецах.

4 Когда снова засияла весна²², император Иоанн собрал римские силы, надежно вооружил их, выступил из столиц и прошел через Палестину, съездившую страну, текущую, как говорят пророки, молоком и медом²³. Он подошел к укреплению, называемому по-сирийски Мемпсе²⁴, подчинил его войной и всякими хитростями и взял как дар некое найденное там изображение Спасителя Христа, а также волосы святого Предтечи и провозвестника²⁵. Сандалии он поместил как драгоценное сокровище в знаменитом храме богородицы, воздвигнутом в императорском дворце²⁶, а волосы — в храме Спасителя, который был основан самим [Цимихном]. Выступив оттуда, он подошел к сильной, неприступной крепости Аппахе²⁷. В несколько дней он взял и подчинил эту крепость, а затем направился с войском к Дамаску. Жители Дамаска встретили императора у ворот этого торгового города с богатыми дарами и руках, надеясь успокоить его гнев и склонить к милости²⁸. [Иоанн] обязал их платить установленные подати и покорила римской власти, а затем выступил оттуда, пересек Ливан (этот длинный утесистый горный хребет простирается в тех местах, отделяя Палестину от Финикии) и, пройдя по самому хребту, взяв внезапным приступом сильно укрепленный город Борзо²⁹. Выступив оттуда, он спустился

в Финикию, захватила крепость Валаею³⁰ и осадил Верит³¹. Найдя в Верите изображение распятия Христа, он, забрав его оттуда, отправил в построенный им храм Спасителя.

5. Говорят, что с этой божественной иконой произошло необыкновенное чудо³². Некий муж, исповедовавший христианское вероучение и проживавший в одном из домов Верита, подворья в этом доме упомянутую икону и почитал ее. Спустя некоторое время он будто бы переселился в другой дом, а об иконе как бы по воле божественного провидения забыл и оставил ее в прежнем жилище. Это помещице занял какой-то иудей с намерением в нем поселиться; на следующий день он угождал там некоторых своих единоверцев. Войдя в дом и увидев на стене изображение Спасителя, распятого на кресте, иудей якобы начал осматривать хозяина проклятиями за то, что он отступил от их веры и стал исповедовать христианство. Тот клятвенно заверил их, что он до того времени не замечал этой иконы. Тогда нечестивцы ему сказали: «Ежели ты не признаешь христианской веры, то докажи это на деле — возьми копы и прозири на изображении бок назаряя точно так же, как наши предки прозири его, распятого на кресте!» Иудей схватил в руки копы и, воспламенившись гневом и испытывая сильное желание умереть гостей в своей правоте и снять без промедления навсегда над ним обвинение, проткнул на иконе бок. Как только копы задела икону, потекла в обилии кровь, смешанная с водою³³. Это страшное зрелище привело бесчестных иудеев в оцепенение. Когда распространилась молва о случившемся, христиане вторглись в дом еврея, схватили святое распятие Спасителя, еще сохавшее божественной кровью, поместили его в священном храме и стали воздавать ему величественное служение. Взяв оттуда этот богочеловеческий образ, император, как я уже говорил, отправил его в Византий.

6. С боем захватив Валаею и Верит, [Иоанн] подошел к Триполису³⁴. Этим городом император не мог овладеть сразу, потому что он расположен на крутом холме и огражден со стороны материка прочными стенами; с другой стороны он омывается морем, имеет пристань и безопасную, укрытую от непогоды гавань. Отступив оттуда, [Иоанн] пошел вдоль берега и стал занимать по пути прибрежные местечки.

В это же время, в начале месяца августа, появилась хвостатая звезда³⁵ — нечто божественное, небывалое и превышающее человеческое разумение. Ничего похожего не видел в наш век, и никогда прежде не случалось, чтобы подобное явление давалось столько дней подряд. Появившись на северо-востоке, комета поднималась в форме гигантского кипариса на огромную высоту, затем постепенно уменьшалась в размерах и склонялась к югу, пылая сильным огнем и распространяя ослепительные, яркие лучи. Люди смотрели на нее, преисполненные страха и ужаса. Появившись, как я сказал, в начале августа, комета была видна

целых восемьдесят дней, восходя в середине ночи и светясь до самого утра. Видя это непостижимое чудо, император спрашивал у изучающих небесные светила, что может означать такое странное явление. Эти люди неправильно истолковали появление кометы, не так, как требовало их искусство, а согласно желаниям государя: они пообещали ему победу над врагами и долгие дни жизни. Ложное предсказание дало логофет и магистр Симеон в проедр Никомидии Стефан³⁶, мужи наиболее знаменитые из тогдашних мудрецов. Однако появление кометы предвещало не то, что предсказали эти мужи в угоду императору, а пагубные мятежи, вторжения иноплеменников и гражданские войны, бегство [населения из] городов и областей, голод и мор, страшные землетрясения и почти полное уничтожение ромейской державы — все то, что мы узнали по дальнейшему ходу событий.

7. После переселения императора Иоанна из второй жизни³⁷ магистр Варда, по прозвищу Склир³⁸, обуреваемый жаждой власти и ачужностью, оболбствил и одурчал многочисленную и легковерную толпу, замыслив опасный мятеж против правителей³⁹. Четыре года передвигался он по Азии, опустошая огнем целые области, уничтожая города, прогоняя и яростно истребляя выступавшее против него ромейское войско. Первое поражение потерпело войство ромеев под начальством патрикия и стратега Петра⁴⁰, когда произошла битва в граничащей с земледо армян Лапарской долине⁴¹, где и сам патрикий Петр, пораженный копьем, упал с коня и прямо посреда строя испустил дух; погиб вместе с ним и множество воинов.

Второе поражение [ромей потерпели] под начальством магистра Варды Фоки⁴², который, получив от правителей достоинство домашнего схода, выступил против Склара в Панкалии — это удобная для передвижения верхом долина недалеко от Амория⁴³. В этой битве Фока был поражен древком копья в голову, упал с лошади и распростерся на земле. Он был бы схвачен врагами и бесславно убит, но неприятелям не знали его в лицо и не обратили на него внимания, как на одного из многих, а наступившая ночь спасла полководца. Склир же, гордясь и кичась такими победами, стал считать себя неотразимым и непобедимым⁴⁴. После этого он взял приступом Никею⁴⁵, Авдос и Аггалию⁴⁶, подчинил себе все владения ромеев в Азии⁴⁷, захватил множество триер, стал господствовать на море и причинил большой вред купцам и даже самой столице, не давая возможности приплывать, как прежде, судам с хлебом. Это длилось до тех пор, пока правители не выслали тайно из Византии огненосные корабли. Начальствовавший над ними магистр Варда Парсакутин⁴⁸ неожиданно пристал к Авдосу, зажег корабли тирана, перебил находившихся там воинов и овладел крепостью. Вслед за тем Фока набрал многочисленный отряд воинов⁴⁹, напал на Склара, победил его и заставил бежать в Экбатаны⁵⁰, к агарянам.

8. Когда грабительская шайка Варды Склара была полностью рассеяна, император Василий⁵¹ собрал войско и выступил против мятежа. Это дикое, жестокое племя помышляло только об убийствах; оно нанесло вред ромейскому государству, немилосердно опустошая Македонию и уничтожая всех людей цветущего возраста⁵². Поэтому [Василий], побуждаемый более гордностью, чем благоразумием⁵³, торопился одним ударом покорить [Мисию]. Но из-за несправедливости судьбы он обманулся в своих надеждах.

Совершив путь по узким, крутым тропам и приблизившись к городу Сардике, который скифы обычно именуют Тралицей⁵⁴, [Василий] разбил вблизи него лагерь и двадцать дней осаждал город. Но он не имел в этом деле успеха, так как войско склонилось из-за непродуктивности стратегов к беззаботности и лени. Сначала, когда ромен вышли из лагеря в поисках деденой травы и сена, мисские напали на них из засады, учинили страшное побоище и уведи множество вьючных животных и лошадей. Затем произошло следующее: осадные орудия и другие машины ввиду неумелости тех, кто их подводил к стенам, не действовали и были сожжены врагами; кроме того, воины чрезмерным потреблением и израсходовали взятые с собою припасы и стали испытывать нужду во всем необходимом; поэтому император, собрав снаряжение, направился со всем войском в Византий. После целого дня пути он расположился лагерем в лесной чаще и дал воинам отдых. Еще не прошло время первой ночной стражи, как вдруг с восточной части неба устремилась на лагерь довольно большая звезда; озарив шатры ярким светом, она упала на западе у самого рва и, рассыпавшись множеством искр, погасла.

Падение этой звезды предвещало истребление войска. Всякий раз, когда происходит подобное падение звезды, предвидится полное уничтожение всего, там находящегося. Это undoubtedly подтверждает звезда, упавшая на троянское войско как раз тогда, когда Пандар направил стрелу в Менелая⁵⁵. — ведь в тот же самый день фалаига троянцев была обращена ахейцами в постыдное бегство. Всякий, следуя за указаниями истории, обнаружит, что и во время ромейских войн часто бывали подобные случаи, когда войско гибло на том же месте, где появлялось знамение. Да и сами мы видели, как такая же [звезда] упала на дом проедра Василия, и спустя небольшое время после этого он ушел из жизни, а состояние его было предано разграблению и расхищению⁵⁶. Но достаточно о появлении звезды.

На следующий день войско проходило по лесистому, изрытому пещерами ущелью; едва пройдя его, оно попало в изобильное расселинами, трудно проходимое место; там на ромеев напали мисские, перебили большую часть воинов, захватили шатер императора, казну и весь обоз. Был там и я, рассказывающий с горечью об этом: на беду мою я сопровождал правителя, неся

службу дьякона⁵⁸. Едва не поскользнувшись стопы мои⁵⁹; и я стал бы добычею скифского меча, если бы не избавило меня от этой опасности некое божественное пощечение, внушившее мне быстро погнать коня, взобраться по склону ущелья, покинув он не занят врагами, и поспешно достичь вершинных гор. Остатки войска с трудом нашли спасение в бегстве по непроходимым горам от преследовавших мисия и вернулись, потеряв почти всю конницу и обоз, в ромейские пределы⁶⁰.

9. Еще не успели опомниться от этой беды, как магистр Варда Фока поднял мятеж⁶¹ против правителей, подчинил себе войско ромеев, находившееся в Азии, занял все морские пристани и города, кроме Авдоса, привел множество кораблей и загородил ими Гелеспонтский пролив, не давал грузовым судам прохода к столице, и высадил на берег у Авдоса большое войско под начальством магистра Альба Мелиссина⁶² для охраны своих триер и для осады этого города. Затем он возвел перед Византием сильное укрепление на Хрисопольском холме⁶³ и направил туда немалое конное и пехотное войско, начальником которого назначил своего брата, патрикия Никифора, а также патрикия Калокира, по прозванию Дельфия⁶⁴. Но император Василий, переправившись с большими силами через Босфор⁶⁵, победил их в бою и захватила в плен; брата Фоки Никифора он заковал в цепи и заключил в темницу, а Калокира Дельфия там же, на Хрисопольском холме, на том самом месте, где был разбит его шатер, посадил на кол. Варда Фока, узнав о гибели войска у Хрисополя и о том, что брат его пленен и заключен в тюрьму, а Дельфин посажен на кол, собрал все свои силы и, придя в Авдос, пытался захватить тамошнюю крепость и переправиться в Европу, чтобы покорить ее себе.

Узнав, что тиран подошел к Авдосу⁶⁶, император Василий собрал находившееся при нем войско, вооружил огненные корабли и выступил против него. Перейдя Гелеспонт, он раскинул на равнине перед Авдосом царский шатер и, ежедневно наставляя и упражняя фалангу, размышлял о том, как подступиться к мятежнику. И вот однажды ночью он, разбив войско на отряды, двинулся по морскому берегу на врагов; и рассвету, не переставая их истреблять, он сжег все неприятельские триеры. Варда Фока, пораженный внезапным приближением и нападением императора, вышел из укрепления навстречу ему; сражаясь в пространстве между двумя войсками, он внезапно свалился с лошади, и ему отсекали голову⁶⁷. Гигантское тело его погребли в Авдосе, а надетую на копыте голову доставили в столицу, с торжественным проносом по улицам, и отправили затем к мятежникам в Азию. Так прекратилось это возмущение и наступило глубокое спокойствие⁶⁸.

10. И на другие тяжчайшие беды указывал восход появившейся тогда звезды⁶⁹, а также напуганные всех огненные столбы⁷⁰, ко-

торые показались затем поздней ночью в северной части неба; ведь они знаменовали взятие тавроскифами Херсона⁷¹ и завоевание мислиама Веррии⁷². И сверх того, звезда появлялась на западе при заходе солнца, восходя по вечерам, она не имела какого-либо постоянного места на небе. Распространяя яркие, видные на большом расстоянии лучи, она часто передвигалась, показываясь то севернее, то южнее, а иногда за время одного и того же восхождения меняла свое положение на небе, производя внезапные, быстрые движения. Люди, смотревшие на комету, удивлялись, страшлись и полагали, что ее странное перемещение не приведет к добру. И случилось как раз то, чего ожидал народ. Вечером того дня, когда обычно праздновалась память великомученика Димитрия⁷³, страшное землетрясение, какому равного не бывало в те времена, опрокинуло башни Византия, повалило множество домов, которые стали мотыльками для их обитателей, соседние с Византием селения разрушило до основания и причинило смерть многим деревенским жителям. Помимо этого, оно разрушило и сбросило на землю купол и западный свод великой церкви; император Василий восстановил эти разрушения потом в шесть лет⁷⁴. И крайние бедственный голод, болезни, засухи, наводнения и бурные порывы губительных ветров [случились тогда]. Именно в то время в районе Евтропия⁷⁵ был сокрушен напором воды столп, и стоявший на нем монах⁷⁶ страшным образом захлебнулся в морских водах. И неплодородие земель и все обрушившиеся бедствия свершились после падения звезды. Но это в свое время разъяснит история по порядку⁷⁷.

11. Между тем император Иоанн, выйдя из Сирии (я возвращаюсь к тому месту, от которого отступил в сторону), шел по направлению к Византию, по пути он увидел угнетенные प्रदेशом и параклименом Василием Лонтиаду⁷⁸ и Дризу⁷⁹, благодатные, цветущие области, которые ромейское войско отвоевало ранее для империи ценой обильного пота и крови. Как и следовало ожидать, император испытал печаль и досаду; он порицал корыстолюбивую жестокость [проедра]. Опасаясь гнева повелителя, Василий не мог возражать ему открыто, но втайне посмеялся над его словами; видя, что впал в немилость, [проедр] замыслил устранить его каким-либо образом⁸⁰. Когда император прибыл в равнину Аурады⁸¹, прилегающую к Олимпу⁸², он остановился в доме патрикия Романа⁸³, украшенного достоинством севастофора⁸⁴. Там, говорят, какой-то евнух из слуг, то ли сам нерасположенный к императору, то ли прельщенный и соращенный обещаниями даров⁸⁵ со стороны тех, которые из извести к хорошему стремятся к переворотам (об этой второй причине больше говорят, чем о первой, и больше ей верят), подал императору отравленный напиток, а тот, ничего не подозревая, выпил яд как полезное для здоровья питье⁸⁶. На следующий день члены его одерзгали и всем телом овладела слабость, а искусство врачей оказалось пу-

Византия X века

стым и тщетным — они не могли распознать признаки этого внезапного заболевания⁶⁶.

Почувствовав, что адруг иссякла его гигантская сила, император поспешил вернуться в Византию; он торопился в построенный им самим храм Спасителя, желая, чтобы как можно скорее был закончен готовящийся для его тела гроб. Продвигаясь весьма быстро, он прибыл в Византию уже обессиленный, с затрудненным, прерывистым дыханием и был великолепно принят горожанами. Едва вступил в императорский дворец, он слег в постель, пожираемый ядом. Сознавая, что ему не поправиться от такого бедствия, ибо ужасная отравка безжалостно сжигала его внутренности, он стал щедро черпать из царской казны и раздавать беднякам, а особенно прокаженным и тем, тела которых изъедены священной болезнью⁶⁷ (он с большим состраданием относился к ним, чем к прочим несчастным). Позвав проедра Адрианопольского Николая⁶⁸, мужа почтенного и святого, он открыл ему все грехи своей жизни. Пропливая ручьи слез, он сывал в их потоке мерзости и грязь прегрешений и взывал к богородице, моля ее стать его заступницей⁶⁹ в день суда, когда перед сыном ее и Богом будут ввешены на непогрешимых весах все деяния смертных. Исповедовавшись таким образом, государь, не сомневаясь разумом и горяя душою, ушел из этой жизни и перешел к покою шного мяра десятого января, четвертого индикта, шесть тысяч четыреста восемьдесят пятого года⁷⁰, похоронен он был в храме Спасителя при Халке, который он сам пышно воздвиг от самого основания. Такой конец жизни обрел император Иоанн, муж небольшого роста, но геройской силы, который в боях был доблестен и непобедим, в опасностях же храбр и бесстрашен. Прожил он всего пятьдесят один год, а государственную власть удерживал в своих руках шесть лет и тридцать дней⁷¹.

ЭНКМОИИ. ИЛИ ЛЬВА ДИАКОНА К ИМПЕРАТОРУ ВАСИЛИУ СЛОВО¹

1. Следовало бы, не прибегая в качестве спутника своего рвения к слову, благороднейший царь, оставаться в привычном безмолвии и не вызывать у слушателей вместо похвал и рукопоклонный невольный смех², пытаясь как бы нечистыми руками³ — так об этом принято говорить — вознести к небесам лучшее из своих речей; одним лишь тем, я полагаю, по справедливости дозволено чем-либо восторгаться, кому выпало на долю не только пропалать рвение, но и произносить нечто приличествующее случаю.

2. Но так как [военные] трофеи и удивительные победы⁴ твоей благородной и в сущности наиболее царственной души сильнейшим образом возбудили в восхвалению не только тех, кто искусен в речах и обучен стрелять деляниями, но и тех, кто лишь в малой степени причастен к какой-либо из этих [доблестей], я, будучи человеком неблагородной души, ничему мужественному и замечательному не обученной, слега, однако, что было бы чудовищно не внести свою лепту в общую сокровищницу, оказаться единственным из всех, кто не стал данником.

3. Достойны порицания, я полагаю, как те, которые приносят военачальникам в конце раздела добычи то, что им досталось в начале, так и те, которые, забыв науку составления и произнесения речей, не воздают правителям совершенно необходимых славословий⁵; их ведь самих из-за этого обходят молчанием; впрочем, и древние, я думаю, признавали, что каждому желающему позволительно возвеличивать и прославлять наилучшим образом [события и дела], имеющие к нему отношение.

4. Вот почему, смело полагаясь на твое человеколюбие, я устремился на состязание в прославлении твоей особы, хотя отнюдь не часто получал призы за подобное на Олимпиадах, потому что надевал на уста намордник молчания⁶, который служил как бы оковами для моего языка.

5. Обычно в изысканных оборотах речей такого рода сначала перенесают доблести минувшего процветания и [нодлинги] предков, а затем уже на восхваляемого обращают хвалу. Но напрасной и вовсе бесполезной [манерностью] кажется мне поступать так в отношении твоих деяний. Зачем расточать время, пускаясь в тонкие рассуждения о том, что всем очевидно? Не признавать доблестей и побед твоих предков, могущественный царь, это все равно, что [не признавать] Солнце. Но от столь прекрасных прекрасным, если сказать словами Платона⁷, ты родился и [пра-

вильно] рассудил, что их доблесть недостаточна, чтобы ей можно было соперничать с твоей. Если бы не оказалось, что ты по крайней мере трудами превосходишь их, ты счел бы себя оскорбленным.

6. И вот, как только ты достиг такого возраста, когда, как привело, естественно не умеет распознать многое в происходящем, — именно в этом возрасте огромное, разноцветное, разноголосое, похожее на описанную поэтами Лернейскую многоглавую гидру⁸ бурлит скопище страстей, и каждая страсть, будто в узких протоках сталкиваясь с другими, беснуется сама по себе и, как ураган, низвергает вырывающихся из бездн — ты с самого начала обнаружил, какой высокой степени достигнут твой добродетели.

7. Ты ведь ни к наслаждению, ни к ярости, ни к много рода злостерству не склонялся, а, как и подобает царю, руководимый умом-наставником, принудил к смирению бурное волнение возраста, подобно тиранин, испровергнув владычество страстей, прикинув к царственной их добродетелей, [той самой], за которой, как за старшей, последовали три ее сестры⁹, все противное прочь отринув.

8. Ты до того возвысился, что стал образцом и мерилом и, более того, частью царства благодаря величию права и прямоте¹⁰ действий*... на этот прославленный трон, который занимали твои пращуры, ты, руководимый Всемогущим, воссел, и я не могу сказать даже рогом ли Амаалфеи¹¹, жизнью ли всего мира, текущей ли золотом рекой над страной, изобилующей чудеснейшими цветами, было то, чем ты оларил царство уже одним тем, что занял трон. Ведь оно погибло от противонаконных домогательств нарушителей престолонаследия¹², едва-едва лишь дышало, и следовало его оживить и старинной родовитости возратить.

9. А когда твоя власть достигла далеко не заурядной мощи¹³, ты решительно ничем не стал себя возвеличивать, ты не возгордился из-за ее бремени и достоинства, которые другого, вероятно, привели бы к беде из-за неустойчивости разума. Не тебя, однако, могущественный царь. Как же! У тебя ведь повелось, как у древних, отличавшихся здравым, твердым благоразумием: ты охотно прибегнешь к спокойному, невозмутимому размышлению. Ты ведь не позволял благородству души устремиться, подобно неустойчивому судну, в [пучину] наслаждений, а в корне изменила природу удовольствий, так что стал утонченным мыслителем и ввиду этого не имел надобности противостать нападкам страстей.

10. Кто оказался столь несклонным к наслаждениям и столь суровым к чувственному желанию, как ты, не устраняющий вовсе тех из числа подданных, которые споткнулись (подобно неумолимым врачам, отравляющим гниющие части тела), а поступающий

* Пропуск в оригинале.

наоборот: словами исцеляя¹⁴... ты вновь человеколюбивейшим образом обращаешь их на твоё служение, которое им первоначально было предназначено¹⁴. Ты ведь отлично знаешь, что хороший человек должен показать несправедливость совершенного [по отношению к нему], не воздавая злом, но [наоборот] творя добро.

11. То, что от добродетели, боже, а то, что от самовазлюбия, адово. Кто тот, который справедливым суждением и безошибочным замыслом вывел к пользе и верно направил подданных, так что они не обкрадены в своих помислах, и чуждым воинственности и отваги не предлагается действовать в военной сфере, а не отличающимся мудростью и способностью к управлению не поручаются государственные дела, но то и другое распределяется уместно и ко взаимной выгоде?

12. А кто непогрешимым законом, словно каменным железом, сокрушила и прекратила, не дав ей чрезмерно распространиться, тираническую волю и своекорыстную силу, низринувшуюся, чтобы першить зло ближним, и, подобно прожорливой пиявке, пожирившую, не испытывая пресыщения, чужое добро¹⁵ И ныне уже не видно ни притеснителей, ни притесняемых, и никогда в жизни не будет достойного трагедии зрелища людей, под ничтожным, случайным предлогом от родной семьи угоняемых. Только ты один сумел мужественно противостоять безудержному напору и мощным усилем погасить всеобщий пожар.

13. Но я незаметно для себя стремлюсь измерить чашей воду в Ниле; я думаю, что легче переплыть на дырявом судне Атлантический океан, чем рассказать, как следует, о силе и величии твоих добродетелей. Однако, уступая тем, кому на роду написано прославиться в столь важном деле, я добавляю к своей речи нечто едва не пропущенное мною, которое превосходит деяния большинства людей.

14. И пусть не представляется то, что я говорю, приукрашенным или распространяющей бессодержательную угодающую лесть неблагодарей: ведь истина со временем выходит наружу, и давность никогда не бывает союзницей лжи. Я полагаю, что все ясно и отчетливо видно одно, разве только кто-либо умышленно вследствие зависти заливает свое внутреннее око гноем. Я говорю о заботе, которой ты ежедневно окружаешь голодающих, о терпящих холод, изнуряемых нуждой, находящихся на грани смерти, которых ты не только привел под кровлю, но и снабдил в достатке пищей; ты еще и теперь не перестаешь их оделять щедрой лептой своей доброты.

15. Вот что утверждают непогрешимые судьи всего сущего: лишь одно обиде свойственно богу и человеку — творить добро, но богу — в большей степени, а человеку — в меньшей, каждому соответственно отмерено: ты же эти свойства полностью в себе

¹⁰ Пропуск в оригинале.

отдадим и с самим богом, если смелость позволит так говорить, признаем несомненным, устремив кормило [правления] целиком на доброту дача, черпая из казнокрадницы для немущих столь щедря, что, может статься, до самого дна их опорожнишь. И прежде солнца перестанет распростираť свои лучи над землей, чем ты прекратишь эти раздачи.

16. Бурный поток, струящийся прозрачной и чистой влагой, стремится охватить колыбом как можно больше земли, чтобы избиť ее от губительного воздействия знойной засухи; обильно увлажняя [почву], он чарует нас и сулит тучную зрелость плодов. Так и ты в своем несравненном состраданьи щедро одеаешь мпостую прогителей и, обильно орошая их жажду пожертвованниими, не позволяешь горюху ницетъ чрезмерно раздуваться и похирпть своим огнем все, что ни попадется. И поэтому теперь всякий желающий может увидеть, как еще недавно изнуренные болезнью люди с бледной, как у мертвцов, кожей, обретая природенную силу, стремительно несутся и надуваются от расширяющих их, вопреки всем ожиданиям, призывных возгласов, обращенных к жизни.

17. Но где ныне блестящие законодатели красноречия, горлящиеся тем, что вшествном периодов и колонов и чрезмерным послезавденном делннх превознесли прославляемых ими, поминзущих каких-то Ксерксов, Александров, да еще Камбизов и Помпеев? Я думаю, что если бы они [сейчас] жили, то были бы вполне покорены своим благородным делами и претерпели бы соразмерное то же самое, что претерпевает луна. Она очень привлекательна в середине месяца, когда, не затененная тучами, далеко превосходит сияние, зажеженное на благо путникам, но как только утреннее свѣтло появляется над горизонтом и начинает свой путь к высшей точке небесного свода, темнеет, и кто посмотрит на нее, видит тусклый, неясный диск, подобный гаснущиме фитилю: вот так и совершенное тобой возвысилось и возвеличилось над тем, что [совершили] другие.

18. Да кто же отважится сравнить твои деяния с деяниями других, чтобы выяснить, сколь велика между ними разница? Я не думаю, чтобы он был в состоянии не сбиться со счета, разве только, как говорится, у него, словно в комедии, «глаза — тысяча гнилой тыквой»¹⁶. Ты опытною превосходишь самых отважных, а отвагой души — самых опытных и более того, отвагой — самых отважных, а опытностью — самых опытных, и тех и других — равнотельно. Столь большим числом великих престелей ты оспия, как украсил податунный мир; так блистательно, соединив в себе и в билие душевннх благ, озаряешь своим светом подданных.

19. Вы каким незначителю рець и сочили для тебя, могущественной даче, не имея смелости употреблять изящные и благородные слова, не увергая из себя ничего вполне ясного и вполне «благородного», ни в одно и то же время и платя тебе благодар-

ностью за то добро, которое ты мне сделал — ты ведь меня, недостойного, не обошел вниманием, а причислил к своим слугам¹⁷, вследствие присущей тебе снисходительности, на которую тебя окрылял твои самобытные и самоделющиеся душевные свойства — столь глубоко укоренилась в тебе неутолимая жажда творить добро, что скорее кто-либо откажется просить, чем ты раздавать и оделять — и признанную долю в общее дело, как следовало по обычаю, вноси.

20. Так наслаждайся же этим, благороднейший царь, отидчайся щедростью и впрел¹⁸, и пусть не снаружи лишь без пользы ушей достигаеť, но в глубине души твоей живет и неизменно ширится величие царской власти, и пусть душевные шлоного благоденствия и счастья распространяются на тебе правление свыше, чтобы аромат процветания и подданных освежал и свершение всех мысленных радостей являл.

ЦАРСТВОВАНИЕ РОМАНА, СЫНА КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО*

1. Император Роман остался автократом после смерти своего отца Константина Багрянородного, будучи 21 года от роду, причем его сыну Василию Багрянородному был один год; вместе с матерью Еленой и женой Феофаном он вступил на престол шестого ноября шестого индикта, в год от сотворения мира шесть тысяч четырехста шестьдесят девятый¹⁹. И тотчас же спальников и приближенных слуг своего отца почтил достоинством патрикия и протоспафариса и воависил другими чинами, обогатив из казны, удалл из императорского дворца. Он подобрал других лиц и назначил их управляющими делами и первыми в синклите, причем Иосифа патрикия, препоизта и другария флота, он скоро почтил саном паракимомена и предоставил ему всю власть и заботу о подданных. Протоспафария Иоанна по прозванию Хирия [Роман] назначил патрикием и великим этериархом, поручив ему охранять государя от подозрительных людей. И из сакеллариев назначил эпархом города протоспафария Сисиния, очень умного и способного к ведению государственных дел, которого очень скоро возвел в звание патрикия и на должность логофета геникона, а эпархом города вместо него сделал патрикия Феодора по прозванию Дафнопат из военных чинов. Именно этот Сисиний, будучи эпархом города, своей справедливостью и законностью прославил священный преторий²⁰. И можно было видеть, как

* Продолжители Феофаны С. 469—481.

¹⁶ Дата неверна; выше сказано, что Константин умер в третий индикт, т. е. в 6466 г.

¹⁸ Высший суд в городе.

вокруг его судейского кресла стояли те, которые приводили доводы и отвергали обвинения в повторных процессах и при просмотре приговоров по недоказанным обвинениям, и поэтому [у Сисиния] каждый сам собой мог добиться справедливости при несправедливых обвинениях. Но самодержец дал эпарху помощников по выбору и свидетельству и паракимомена Иосифа, и эпарха Сисиния, а именно аскрита Феофилакта по прозвищу Мэцицик и Иосифа, снафарокаandidата и судью, которого потом сделал апофетом претория. Они при благосклонном к ним отношении со стороны эпарха очень много сделали полезного государству.

2. Теперь следует рассказать относительно державных работ государя. Тотчас же были направлены дружественные грамоты ко всем высоким должностным лицам и императорским стратигам ромеев, а также [новелителям] Болгарии и народов Запада и Востока, и все воодушевлено прославляя самодержца с [пожеланиями] счастья и [надеждой на] благосклонность, и приносили изъявления в своей дружбе и мире.

Нужно сказать и о гражданах. Император Роман полюбил [ту страну], которая дана ему в управление, словно родителю, и выше всего в ней он ставил [знатные] роды. Поэтому он выделял благородную по происхождению и чистокровную знать и возвышал, одних почти титулами, а других великодушными пожалованиями. Иногда он делал их сотрапезниками, раздавал деньги, еще сильнее приваскал их пылкой преданности, предпочитал множеству сторожей и охранников — их благорасположение.

3. Сестер своих, Зою, Феодору, Агату, Феофану и Аину, он из императорского дворца выселил в [помещение] Канikleя, где августа София, жена императора Христофора, после стрижения вела монашескую жизнь, — и велел постричь в монахини. Елена, мать Романа, и эти [сестры] рыдали и умоляли, сжимали друг друга в объятиях и висели на шее, хотя и ничего не добились бессмысленными и пустыми слезами. Император через немного дней снова их переселил: Зою, Феодору и Феофану он определил в [монастырь] Антиоха, Агату же отправил в монастырь, основанный и построенный Романом, царствовавшим в то время, дедом императора, и постановил обсуживать их так, как полагалось и во дворце.

4. Доместика схода Никифора Фоку он почтил саном магистра и послал на Восток против отрицающих Христа. И его брата, патрикия Льва, он назначил стратигом, а немногим позднее его же назначил магистром и доместиком Запада. И можно было видеть, как государь стал развлекаться, проводя все время в деревнях и псовых охотах и гоня. Он почти полностью устранился от императорского двора и предоставлял двум братьям всю заботу о войске, а сам веселился и развлекался на охоте вне Византии, постоянно находясь вместе с такими же молодыми ластовцами и сводниками, дававшими дурные советы.

5. Но разве мог кто-либо сказать что-нибудь в отношении энергии, прямоты и храбрости государя, его мужества и доброты? В один и тот же день он восседает в ипподроме, присутствует на заседаниях симклита и совершает пожалование денег, а под вечер проводит время в циркантирии, играя в мяч с хорошо обучившимися и опытными людьми и часто их побеждает, затем удаляется в предместье Аморат, и проведя там псовую охоту, захватывает четырех громадных кабанов, и вечером возвращается во дворец! Он был еще молод, крепок телом, с русыми волосами, прекрасными глазами, с продолговатым носом, с розовым цветом лица, очень красив и приятен в разговоре, стройный станом, как кипарис, широкоплечий, спокойный и приветливый, так что этим человеком восхищались и удивлялись все. И все общество разделяло с ним радость, поскольку [его правление было] благополучно и он был победителем [враждебных] народов. И в Византии обильно доставлялся и хлеб и продовольствие.

6. У императора Романа после смерти его родился еще один сын, которого назвали Константином и который несмолью спустя был коронован патриархом Полемиктом на амвоне [храма] святой Софии. А августа Елена [мать Романа] лежала больной во дворце и радовалась за государя [сына]! Страдая от болезни долгое время, она благочестиво умерла 19 сентября. [Император] почтил ее как императрицу, она лежала на обитом золотом ложе, украшенном жемчужинами и драгоценными камнями; в погребальном шествии впереди шел синклит, она была похоронена в том монастыре, который построил ее отец император Роман, [в монастыре] находящемся у Мирелея, в усыпальнице, рядом с гробом ее отца.

7. И после этого государь благотворный, приятный, приветливый и какими только хвалебными именами его ни назвать, приказал магистру и доместик у схода Никифору Фоке отправиться на Крит с большой военной силой и снаряжением и с флотом из военных кораблей [снабженных] жидким огнем.

Ведь критяне ежегодно причиняли ромейской земле много ущерба, бедствий и порабощений с тех пор, когда они этот великий остров осквернили [своей властью]. Ведь овладели им они еще при Михаиле Аморийском, отце Феофила, когда войска отправились против восстания и тиранни Черного Фомы, некогда бывшего приятелем Михаила, — ведь больше, чем три года тиран властвовал во Фракии и Македонии. И вот тогда, найдя удобное время, явился из Испании сарацены с громадным флотом военных кораблей и захватили остров; так что они имели его в своем владении и власти вплоть до того дня, когда были разбиты магистром и доместиком Никифором Фокой, этого сто пятьдесят месяцев лет.

8. И поэтому автократор Роман, побуждаемый божественным рением, по совету и благоразумию паракимомена Иосифа, изо

всех мест страны собрав суда и военные корабли с жидким огнем и отборное войско из фракийцев, македонцев и славян, решил послать их против Крита. Из синкантиков, являвшихся его доверенными помощниками, многие возражали против похода на Крит, напоминая государю о походах предыдущих императоров, о мятежах, о потерях бесчисленных богатств, ни к чему не приведших, особенно при благочестивом священной памяти императоре Льве и при Константине Багрянородном: сколько затрачено было средств и сколько людей погибло; их страшил опасности, которыми грозило море и многочисленные союзники — соседи сарацин, и [возможный] поход испанцев и африканцев, и распространившаяся молва, будто тот, благодаря кому будет завоеван Крит, станет императором и овладеет скипетром ромейского государства.

9. И тогда параклимом Иосиф, этот отшельник, прямой, недремлющий ум, выступил среди [синканта] и сказал: «О, повелитель, мы все знаем, сколько зла нам, ромейм, было причинено этими отверженцами от Христа. И правомерно вспомнить те убийства, изнасилования девичь, разрушение церквей и порабощения в прибрежных фемах, так что надлежит нам вести борьбу за христиан и соплеменников и не следует бояться ни долгого пути, ни морской бездны, ни сомнительности победы, ни молвы о невозможном. И больше всего следует нам подчиняться твоему приказу и [твоей] воле, получающей божью поддержку, потому что этот твой замысел исходит от Бога: «сердце царя в руке Господа»⁴⁸. Потому что ты посылаешь прямого и верного своего слугу, домощика шюа, своей руководимой Богом царской властью!»

10. Услышав это, самодержец не мог более откладывать своего намерения. Снарядив и обеспечив жалованием поноску, он доставил магистру средства и отправил его в поход вместе с китонлом Михаилом в качестве советника. Это случилось в июле пятого индикта. Кораблей было: с жидким огнем — 2000, дромон — 1000, грузовых кораблей, имевших прозвизант и военное снаряжение — 307. И вот домощик Никифор, выступив из столицы, прибыл в Фигели и позаботился о том, чтобы весь флот присоединился к нему и был вместе. Благоразумный [полководец] послал вперед быстрогоходные галеры обследовать [враждебную страну] и захватить ямков. Эти [галеры] отправились и взяли [пленных], которых привели к магистру; [Никифор] тщательным образом расспросил их и узнал, что эмир Крита и все главные командиры находятся вне крепости в своих проствиях, тогда он немедленно отплыл со всемерной тщательностью и быстротой и причалил к берегу. Высадив с кораблей [войско], он приказал обнести ограду и вырыть глубокий ров. Затем двинулся в поход, причем [магистр] убеждал всех не нарушать строй и не выходить из [рядов], пока не будут выслены силы противника.

⁴⁸ Притчи. XXI. 1.

Когда он приблизился к крепости, все критяне, которые были вне крепости, в страхе заперлись внутри ее. С этого времени ежедневно многие стали переходить на сторону магистра. Когда Никифор узнал, что многие, отрезанные от крепости, бежали в горы и ушлия, клансурм, по речным потокам, в богатые места и в горы, он разделил войско и всадников-стрелков, росов, архонтов восточных сил, фракийцев и македонцев послал вперед. — сам же мудрый и храбрый домощик остался напротив Саки. По предсудительности этого человека все чувствовали себя [во вражеской стране] как будто в своей. Вступая во вражеские пределы и совершая набеги [в те места], где были спрятаны скот и все достояние жителей и находясь они сами, [войска] все грабили и возвращались с радостью и победой. Тогда ромей безбоязненно и бесстрашно располагались [там], где были прозрачные источники и множество самых различных плодов и у каждого палатка стояла в окружении плодоносных деревьев. И войны торжествовали, пользуясь изобилием фруктов и всевозможного довольствия. И они прославляли магистра, который так прекрасно командовал ими.

11. А эмир Крита по прозвищу Курупа известил о происшедшем соседних агарян Испании и Африки и просил их помощи. Им были посланы быстрогоходные галеры, которым было поручено разузнать о вожде и войске: в каком они положении и повинуются ли своему предводителю. Они быстро прибыли к Криту и, причалив ночью с помощью каната, вошли в крепость, где встретили эмира Курупу и начальников крепости. Те были в состоянии полной растерянности, беспомощности, не зная, что делать против ромейского войска и магистра; обнимая за шею посланцев, они ничего не могли сказать, а лишь сжимали их в объятиях и горестно рыдали, умоляя эмиграндов выступить с войском в качестве союзников и оказать им помощь. [Затем] они успешно отправляли посланцев обратно. Те снова отправились в путь, прибыли каждый к своему эмигранду. И там они рассказали о большом количестве и хорошем снаряжении кораблей, о наличии у ромей союзников из числа многих народов, хорошо обученных к войне, о том, что полководец у них энергичный и опытный, что он верен богу и справедливости и избавляет [войско] от любых бедствий. И они, пораженные ужасом, не захотели ни быть в союзе с критянами, ни оказывать им помощь.

12. Войско расположилось на острове; и когда началась суровая зима, дождя и ветры, и когда был израсходован хлеб и продовольствие, когда паносилась одежда и [люди] обнажались, приведенные в отчаяние воины захотели отправиться домой. Но мужественный и разумный вождь Никифор своими убеждениями и приятными словами всех удержал от этого. Он говорил им: «Войны, братья мои и соратники! Подумаем о страхе божьем: сражаться, чтобы воздать за оскорбление бога. Будем доблестно

противостоять здесь, на Крите, врагам, вооруженным нечестием. Будем держаться веры, которая убивает страх. Примем во внимание, что мы находимся в глубине сирийского острова. Ведь огромную опасность представляет собой бегство отсюда. Отодвиним за нас самих над девушками! Всагалим на овсянные сладкой, покрытые ранами члены и ожесточим наши сердца! Не без воздаяния труд и опасности! Останемся здесь и укрепимся для противодействия отвергающим Христа, и Христос Бог поможет нам и погубит наших врагов и разрушит крепость поносящих Христа! Он приволил и многие другие доводы, тогда ему ответил один из всех: «Ты раскрываешь наши сердца, магистр, слова твои утвердили и заострили наши силы и стремления наши. Ты окрыляла наш дух — мы последуем твоему совету и приказанию и с тобой вместе умрем!»

13. В октябре месяце на втором году царствования Романа случился недостаток хлеба и ячменя в городе. Хлеб продавался по четыре модия за номисму, а ячмень — по шесть модиев. И тогда можно было убедиться, насколько бдителен был ум Иосифа, который заботился об общем благе! Тотчас же он отправил грузовые корабли на восток и на запад собрать аннопу и запретил хлеботорговцам припрятывать хлеб. Ибо он был мужем справедливым, нелицеприятным и твердым, и немного времени прошло, как [хлеб] стал продаваться по семь или восемь [модиев] за номисму. Таким был этот человек, трудолюбивый и горячий, так что с ним не мог сравниться никто из живших ни до, ни одновременно с ним.

14. В марте месяце магистр Василий, называемый Петяном, был обвинен в том, что, следуя дурным советам некоторых лиц, замышляла предпринять переворот. И император отправил его в ссылку — где тот и умер.

Патрикий и domestik Востока от лица своего брата был послан на Восток, чтобы не позволить безбожному Хамдану громить беззаконный Восток, и отразить его пагуби, порабощения и ограбления римской земли. И, объединившись со страстником Каппадокии Константином, патриkiem Маласином и с другими страстниками, ведшими свои тагмы, он достиг войско этого хаустану в местечке, называемом Андрассон и, вступив в сражение, победил и, разгромив, обратил его в бегство. И тогда можно было видеть, как снимали добычу с мертвых, как убивали заносчивых агарян, как их обращали в бегство и забирали в рабство, и никто из них уже не думал ни об упряжках, ни о конях, ни о деньгах, ни о родных, но каждый заботился о своем собственном спасении. Вот тут-то спесивый и надменный Хамдан был захвачен, когда остановился и сплутлся на демало его коня, на которого он сел — если бы отсутствовал Иоани, его приближенный, не сошел со своего коня и не отдал его ему. Сам [Иоани] был захвачен, но спесивый [Хамдан] спасся. Вся завоевания в битве

добыча вместе со взятыми в плен отвергающими Христа была привезена в Византий и торжественно провезена на триумфе.

15. Когда турки совершили набег на Фракию, единым командующим в феме Македонии и катепаном войск Запада был патрикий Мариан Аргир. Они астрегались, и [Мариан] разбил их и взял много пленных, заставил со стыдом вернуться в свою страну.

16. Когда император Роман узнал о тяжелой обстановке, отсутствии одежды и недостатке пищи в лагере, то по совету параклимена Иосифа немедленно распорядился о доставке им необходимого. Те скоро оправались духом и почти 18 месяцев с лишним осаждали крепость; и когда все средства и пища у критян исчерпались, и они пришли в тяжелую нужду, [многие] ежедневно стали перебегать к магистру; и вот по божьему попечению, управляющему войском, в марте месяце шестого индикта domestik схол приказал набраться к боевому построению, организуя различные фаланги и шеренги при звуке труб. Когда все устроилось, отдан был приказ, чтобы тагмы, фемные архонты, и армяне, росы, славяне и фракийцы направились приступом на крепость. И тогда можно было видеть, как одни нападали, другие отражали, как происходили столкновения друг с другом, как металы камни и другие метательные приспособления, как действовали осадные механизмы против стен и зубцов крепости, — и тогда хвастливые агарян охватили растерянность, смятение и ужас. Скоро была одержана победа, и город был взят. И можно было видеть, как сарацинские женщины и дети...⁶⁴

⁶⁴ Здесь рукопись обрывается.

ВАТИКАНСКИЙ АНОНИМ *

21 (6)... И можно было видеть, как плачущие и стонающие критяне вместе со своим эмиром Куруллой, с женами, детьми и всей добычей следуют посреди Константинополя в триумфальном шествии к ипподрому.

22. Василевс, очень ласково встретив магистра и тех, кто был с ним, и опять отправил его на Восток, воевать с дерзким Хамданом. Двинувшись из царственного града, (магистр) прибыл в соседние с варярами области и принялся осигать и разрушать города. Затем он со всеми войсками устремился к многолюдному и переполненному богатством огромному городу, именуемому Халес, на безбожного Хамдана. И вот, подойдя к названному городу, он обнаружил, что и Хамдан со своей стороны выстроил вокруг города войско, состоявшее из огромного множества арабов, делемитов, куртов и прочих боевых сил, собранных по

* Переведено с издания: Markopoulos A. L. témoignage de Vasilius Ca. 163 // Symnektika. 1979. Vol. 3. S. 99—100.

всей стране; пехота, причем из одних халеплийцев, охраняла два бродка через реку, препятствуя переправе ромейского войска. Хамвдан стоял неподвижно — несчастный не ведал, обманывался в своих тщетных упованиях, что в руке^{3*} ... подмога в войне и^{3*} ... часм магистр разведка броды на реке и хорошенько ознакомился с условиями местности; у верхнего брода ему, хоть и с трудом, удалось переправиться с кавалерийскими частями, ибо лошади их пустились плавать. И тогда (ромей) принялся яростно рубить мечами бесчисленные полчища хамвдановой пехоты. Видя их избитые, пустохваал бросился бежать, ибо всех сил стараясь спастись. Так магистр без боя овладел городом Халеп и, прихватив плененных агарян и всю добычу, которая оказалась огромной, когда ее собрали вместе, решил возвращаться в Византий. Но узнав о смерти василевса Романа, он прервал свой марш и приказал, чтобы каждый из бывших при нем командиров собрал плененных агарян и добычу в одном пункте ромейской земли.

23. А во дворце были со словословами приняты августа Феофану и двое ее детей. Василий и Константин; властвовал же вместе с ними репностный и мудрый паракимомен Иосиф, справедливо управлявший подданными. По их-то письменному приказанию магистр и domestik Никифор и прибыл в город. Войдя туда, он показал в триумфальном шествии на ипподроме добычу, а заодно и плененных агарян; вся городская чернь, весь люд собрался [чтобы посмотреть на это]. Тогда же горожане прозвали магистра и domestика схола Никифора «Никитой» [Победителем] — все любили этого доблестного мужа, как любят собственную душу. После [праздника] святого Воскресения [случившегося] в шестой индикт, и по прошествии праздничных дней магистр Никифор был послан на Восток, для отпора безбожному Хамвдану, дабы он не вторгся в ромейскую землю, узнав о смерти василевса Романа. Испросили у магистра Никифора и письменное ручательство в том, что никогда он не замыслит мятежа против василевсов — каковое он и представлял. А паракимомен Иосиф управлял государством с присущим ему искусством и здравомыслием; советниками при нем были магистр Михаил, ректор и логофет дрома, а также Симеон, патрикий и протоаскирит.

Когда магистр и патрикий Никифор находились в Кесарии, собирав войско к походу на кичливого Хамвдана, патрикий Иоанн, называемый Цимисхийем, патрикий Роман, сын Куркуаса, и патрикий Никифор Эксакионит вместе с другими стратигами и командирами тагм решили провозгласить магистра василевсом. И вот, идя к его палатке, на этом самом. . .^{4*}

^{3*} Пропуск в оригинале.

^{3*} Пропуск в оригинале.

^{4*} На этом рукопись обрывается.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ИМПЕРАТОРОМ НИКИФОРА (ФОКИ). БЫВШЕГО ДО ТОГО ДОМСТИКОМ СХОЛА ВОСТОКА, ХРИСТОЛЮБИВОГО И ХРАБРЕЙШЕГО*

Пятнадцатого марта шестого индикта шесть тысяч четыреста семьдесят первого года, в сороковой день поста император Ромей младший, сын Константина, великого и порфирородного Македонянина, скончался. Он оставил свою империю Василию и Константину, малолетним своим сыновьям, и собственную жену и августу Феофану [оставил] править ромейской державой. Он оставил также и паракимомена Иосифа, руководившего всеми государственными делами. Была в силе власть этих названных лиц с пятнадцатого марта шестого индикта до пятнадцатого августа того же индикта.

Второго июня того же индикта был провозглашен в областях Востока благочестивый и христоролюбивый император наш Никифор своим войском как император ромеев. В Кесарии, ныне эпархии Каппадокии, когда он был магистром и domestikом схола, все стратиги и тагмы, собравшись на поле, провозгласили его императором. Но он не желал этого, так как готовился к войне против исмаэлитов и побуждал к этому же войско. Но те еще более настойчиво стали требовать согласия и насильно, против желания поднимши, [вынесли его] из палатки и провозгласил императором. Но он не стал носить ни венца, ни какой-либо другой императорской одежды, разве только надел красные пурпурные сапожки.

Когда об этом стало известно в городе, паракимомен Иосиф был потрясен — он яростно выступает против [Никифора] и принимается готовить отпор государю. Император же Никифор послал ему любезное письмо, обещая сохранить его в должности и доставить еще большие почести. В таком же духе он оповестил и сиккиты. Он же [Иосиф], хотя его и часто пытались убедить этими соображениями, однако не сдержался, но, найдя некоторых лиц из сиккита, которые решили бороться вместе с ним, дерзостно выступил против августа.

Укрепив город и поправив ворота [Иосиф], негодуя против насельника города, предал проклятию государя. Но не только это — он захотел ослепить тайно или исподтишка родных государя Никифора, его отца и брата. Узнав об этом, они, став беглецами, скрылись: отец магистр Варда [Фока] — в великой церкви, другой же магистр, Лев, брат государя, — в лагере войска, уже на-

* Книга церемоний. Гл. 96. С. 433—440.

хотядвигаясь в Хрисополе. Масса народа, обуреваемая священным рвением, стала стекаться к церкви, чтобы сохранить невредимым магистра от козней врагов. Ведь его многократно пытались силой вытащить из церкви патрикий Мариан Аламвас, Николай Торний и бывший стратиг Пасхалий. Народ же с остервенением поносил их и всякий раз отгонял насильников силой.

В воскресенье 9 августа в утренний час, когда читалось из Священного евангелия о святом воскресении, параклимом Иосиф проник в церковь и, войдя в придел патриарший, что-то сказал патриарху и клиру. Тотчас же, выйдя из церкви, он обратился с резкой речью к толпе, угрожал [населению] смертью от голода и наконец верхом на коне отпрянул через площадь Миллон, где приказал хлебопекам не готовить хлеба и не выносить его на рынок. Отправившись во дворец, он захватил с собой детей императора Романа и верхними переулками прибыл в храм [св. Софии] около полудня, когда в храме не было народа. Он назвал магистра, исторг его из храма и отпратил в его собственный дом. Когда же народ пришел вечером в церковь и не нашел магистра, он стал в неистовстве и безумстве угрожать позорными смертями и патриарху и клиру, считая, что магистр был предан ими, и приказал бросать камни в принадлежащих к клиру лиц. Патриарх известил об этом магистра, [просил его] явиться в церковь и успокоить народ. Магистр же известил об этом параклимена. Но тот не разрешил ему отправиться в храм. Узнав об этом, массы народа, устремившиеся, как говорится, по божественному побуждению, отправились к дому преславною магистра, чтобы охранять его против козней. Большая же часть народа, оставшаяся в храме, [захватив] из церкви все, что было из дерева, использовала это в качестве оружия, вышла из храма и напала на пропихников, стоящих в строю с оружием — на македонцев и пелазгов из агарди. [Выступив] также против упомянутых лиц — Мариана и остальных — [народ] обратил их в бегство, одержал победу, причем многие из простого народа и из войска были убиты. Тогда же до основания были разрушены дома выступавших против государя, все их имущество было расхищено. Открыв ворота, [народная масса] отправилась в лагерь, где и возвестила императору, чтобы он вошел в город. И вот в ту же ночь, десятого числа августа месяца параклимом Иосиф, испугавшись, что люди из народа бросятся за ним в его дом, оставя мысль о сопротивлении силой, вошел в храм [св. Софии]. Народ же, расхитив все его имущество, разрушил до основания его дом. И многих других, невинных людей из синклита захватили как пленников, разграбив все их имущество и снеся их дома. Три дня соверствовал безумевший народ! Наиболее благорасположенные из архонтов отвели магистра, отца государя Никифора, во дворец и повелели ему оставаться там до вступления [в столицу] императора. На второй день после окончания этих событий явился из лагеря

а город и магистр Лев. На пятнадцатый же день августа месяца император дал знать параклимену Василию и препозиту Иоанну, чтобы они с теми архонтами, имена которых перечислены в письме, прибыли на дворец Иерий и встретили его. Так они и сделали.

На утро шестнадцатого числа того же августа месяца, индикта шестого, в воскресенье, рано, взойдя на императорский дромон, он причалил к Золотым воротам. Там ему выступила навстречу весь город, от мала до велика, с лампадами и кадильями для воскурения. Спустившись с дромона и сев на коня, [Никифор] проехал внешние крепостные стены и, повернув через Плакотиюскую площадь, пошел в монастырь Аврамитов, называемый «Нерукотворный [храм] Богородицы». В третьем часу, надев кисторывый скарамангий, он верхом на коне вступил в Великие Золотые ворота и остановился на коне в самих воротах, причем вокруг стояли две цирковых партии димов, возглавлявших так: «Счастливо ты пришел, о Никифор, самодержец ромеев! Счастливо ты пришел. Никифор, одержавший победу над фалагами врагов! Счастливо пришел ты, Никифор, разрушивший города врагов! Счастливо пришел ты, о храбрый победитель, непосвященный! Счастливо пришел ты, благодаря которому подчинились народы! Счастливо пришел ты, благодаря которому сокрушен Исмаил! Благодаря тебе скипетры ромеев воскресли! Итак, прими власть, руководи и царствуй! Сжалился Бог над народом своим, поставив тебя, Никифор, императором и самодержцем ромеев! Итак, радуйся, Город ромеев! Прими боговенчанного Никифора! Подлинно ты пришел, словно озаряющий светом вселенную!» И, таким образом, он затем вступил в ворота, проехал на коне [центральную] улицу Меусу вплоть до форума. Спешившись там, он вошел в храм святой Богородицы, что на форуме; там, взяв лажнейные свечи, совершил прежелеоние, надев дивитсий, камлани, кампатуу. Пройдя пешком в храм святой Софии с торжественной процессией и честным крестом и став в ороlogии, [Никифор] был почтен со стороны двух партий такими возгласами: «Императора Никифора ожидают общественные дела! Законы ожидают Никифора! Никифора принимает дворец! Таковы молитвенные пожелания синклита! Таковы молитвенные пожелания народа! Вселенная ожидает Никифора! Никифора принимает войско! Общее благо ожидает Никифора! Таковы молитвенные пожелания народа! Всеобщее добро, будет властвовать! Всеми, о Боже, мы тебя умолим! Отзовись на мольбу, о Боже! Никифору жизни! О Никифор, август! Ты благочестивый, ты священник! Бог тебя даровал, Бог тебя будет охранять! Почитай Христа, всегда будешь побеждать! Никифор будет царствовать долгие лета! Христианскому царству бог будет защитой!»

После этого вошел через красные ворота в митаторий, император вышел бы тоже щипаки. После этого он пошел в нартек в великий царским вратам, где, плава зажженные свечи от пренинга, он совершил преклонение, и, обратно возвращаясь с патриархом через ближний помост, спустился в амвои. И патриарх, ктеория молитву над хламивой, передал ее людям кувукия и идел ее на императора.

ИСТОРИЯ ЗАХВАТА НИКИФОРом ФОКОИ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРЕСТОЛА *

Роман, сын императора Константина, уже достигши зрелого возраста, не мог далее терпеть, видя, как [исудачно] ведутся дела под управлением его отца, и замыслил устроить его путем яда с ведома своей жены, азиатой из харчевни. Когда Константин захотел принять слабительное лекарство, ему приготовили содержавший яд напиток и столынику Никите поручили налить его [для питья] императору. Желая принять этот напиток у святых икон, случайно или умысленно Константин поскользнулся и пролил большую часть, остальное же выпил; [напиток] казался не действующим и безвредным, поскольку при столь малом количестве он потерял присутствующую ему силу. Тем не менее Константин не мог преодолеть [действия яда] и после того, как яд проник в его тело, он стал себя плохо чувствовать.

На 15 году своего царствования в сентябре месяце 3 индикта в 6468 г. от [сотворения] мира император Константин отправился к горе Олимпу якобы для того, чтобы молитвами обитавших там отцов получить защиту [в их благословениях] и вместе с ними отправиться в поход против сарацин в Сирии; на самом деле же, чтобы встретиться с Феодором проедром киапкийским, который в то время пребывал там, и договориться о низложении Полиевкта. Побыв там, либо из-за полного ослабления тела, либо же снова остраданный сыном, он, удрученный страданиями, отправился обратно и, тяжело больной, вернулся в конце октября в столицу, [где] не завершив своих намерений, умер 9 ноября, проживши всего 54 года и 2 месяца, был соправителем своего отца, и дядя Александра, и своей матери — 13 лет, потом во время тирании Романа полных 26 лет, а после свержения [Романа I] с престола единовластно правил 15 лет. После смерти погребен был рядом со своим отцом, до последнего издыхания злался на Полиевкта и мечтал о его низложении.

За несколько дней до его кончины с наступлением вечера долгое время падали камни сверху на его дворец и, падая с большим шумом, произвели большие разрушения. Думая, что камни сбра-

сывались с верхних этажей Магнавры, он приказал выдвинуть там стражу на много ночей, чтобы схватить кого-либо из дерзавших совершить это. Однако он не постиг, что напрасно старался, потому что происходило не от людей, но по соизволению высшей силы.

После того как Константин умер и отошел в мир иной, Роман, его сын, овладел властью. Он стал назначать архонтами только лиц, к нему расположенных и ему приятных. И когда он ушелся на царстве, в том же третьем индикте во время праздника Пасхи венчает и своего сына Василия в Великой церкви из рук патриарха Полиевкта.

На следующий год родился у него во дворце Пиги и другой сын, которого он назвал по имени отца Константином.

Будучи еще молодым и предавшись полностью развращениям, он доверил попечение о всех делах препозиту и параклименту Иосифу по прозвищу Вригта. Сам же ничего другого не имел в мыслях, как с развратными и испорченными людьми, похотливыми женщинами, мимами и шутами проводить время, отдалекаясь от дел. Тогда же какого-то клирика Иоанна, кинула, который вследствие непристойных дел при Константине императоре, подвергся угрозам и, постригшись в монахи, скрывался в монастыре вплоть до кончины императора, [так этого Иоанниевнуха Роман] как только овладел властью, освободил от монашества и, исключив из числа клириков, причислил к своим сплзщникам. Исполненный рвения Полиевкт очень был озабочен и требовал от императора, чтобы тот удалил из числа своих приближенных человека, который нарушил монашеский обет. Однако император упрашивал [патриарха простить Иоанна] и утверждал, что тот не действительно надел монашеские плащи и получил благословение от кого-то из нересв, но что он только из страха перед императором притворно вступил в монашескую жизнь. Обманутый Полиевкт освободил Иоанна, причем в этом деле очень старался Иосиф; таким образом, вплоть до смерти Романа [Иоанн] жил на положении светского лица и прилично, как юноша. Но после кончины Романа он снова принял монашеский сан, хотя нрав свой он не изменил.

В том же году магистр Никифора Фоку, названного императором Константином на должность доместика смлх Востока и одержавшего много побед над восточными сарацинами, укргтившего амира Тарса Карамона, и Хамвдана, амира Халепа, и амира Триполиса Изифа, [этого Никифора император Роман] отправляет против сарацин на Крите, дав ему множество отборных стратигот и хорошо снаряженный флот. Причалив к острову, он уже при высадке вступил в бой и обратил в бегство агарян, которые были на берегу и пытались ему помешать. Сын [Никифор] невредимым высадился, и все его войско довершило бегство опасно сошло на берег. Там он устроил мощный лагерь, окружив его глубоким рвом и укрепив частоколом и колами, разложил

* Селинда, С. 246—261.

флот в спокойных гаванях и, все организовав в безопасности, энергично принялся за осаду городов на острове, и в продолжение целых семи месяцев, пользуясь осадными механическими орудиями и разрушая стены, он подчинил города и военные укрепления. 7 марта 4 индикта он разрушил более всех укрепленный город, который местные жители называли Хандаком, а того, кто был эмиром острова по имени Курупа, он захватил в плен, а также и Анемаса, который властвовал там вторым после него. Подчинив весь остров, [Никифор] намеревался провести там более значительный срок и утвердить на острове свою власть, но, так как по существовавшей молве тот ромей, который овалдеет [Критом], обязательно станет царствовать над ромеями, Роман, только узнав о завоевании острова, убежденными доводами Иосифа, отозвал Никифора оттуда. Еще когда Никифор был на Крите, Роман, чтобы не обрушились на восточные [районы Империи] восточные арабы, особенно Хамдан, эмир Хелепа, который был воинственным и наиболее энергичным, послал Льва Фоку, брата Никифора, почтив его саном магистра, выполнять должность домашнего.

Лев Фока, отправившись, встретился с Хамданом в некоем местечке по названию Андасос, обратил его в бегство и совершенно уничтожил, причем убитых в битве невозможно было сосчитать; что же касается пленных, отправленных в город, их было такое множество, что наполнялись рабами и городские дома, и поля. Только их предводитель Хамдан с весьма немногими избежал опасности и вернулся в свои пределы. Император очень благосклонно принял вернувшегося Льва, почтил его, устроив торжественный триумф, наградив его соответственно его доблести. Император также почтил и выдвинул всех тех, которые прославились вместе со Львом Фокой.

На втором году царствования Романа были изоблачены в заговоре против него многие из влиятельных в государстве лиц. В качестве руководителя и организатора они имели магистра Василия по прозванию Петин и некоторых других из числа знатных — патрикия Паскалия, патрикия Варду, сына Льва, и Николая Халкуду. Они замыслили в день конных состязаний захватить проходящего императора и провозгласить императором Василия, посадив его на императорский трон. Однако после того как разговор был открыт императору каким-то из его участников по имени Иоанникий, по происхождению сарацинном, прежде, чем наступил решающий день, они были схвачены Иосифом, уличены и жесточайшим образом подвергнуты пыткам, кроме одного Василия; они были с позором проведены в день состязаний, отправлены в ссылку и пострижены в монахи. Но терпели они недолго, так как Роман, милосердно к ним настроенный, отпустил их. Один Василий Петин, лишившись ума, умер в Приконисе, получивши таким образом справедливое возмездие за то, что выказал

неверность императору Стефану, когда предал его Константину.

Видя, что случилось с Петиним и прочими, магистр Роман Саронит, зять Романа старшего, будучи мужем его дочери, побоялся, чтобы и с ним не случилось нечто подобное. Поскольку он был объектом зависти по своему блестящему положению и находился в подозрении, он, распределяя свое имущество детям, как хотел, остальное же раздав бедным, надев монашеское облачение и, поступив в монастырь Елегмон, все время и пребывал в нем и всегда был в высшей степени почитаем [царствовавшими] после этого императорами.

В эти же времена проявил себя некто по прозвищу Филорей, щитоносец магистра Романа Моселе, из рода Романа Старшего. Он умело, верхом на самом ретивом коне, постелив эфестриду, стоял прямо и, размахивая мечом в руках, побуждал коня к самому быстрому бегу, скакал кругом по арене ипподрома, вращая мечом, нисколько не слабей в своем стоячем положении [на коне].

В те дни усилилась и ранее встречавшаяся в ромейской империи, уничтожавшая быков вредоносная чумная болезнь, называемая «краврой». Говорят, что начало этой болезни относится еще ко дням Романа Старшего. Когда близки цистерны Быка Роман приказал построить дворец, чтобы он мог там прохладиться от летней жары, во время закладки фундамента, говорят, нашли мраморную голову быка, которую нашедшие работники рабляли на множество частей и бросали в известковую печь. И с той поры вплоть до нашего времени не перестает повсюду на земле, где распространяется власть ромеев, [эта чума] уничтожать стада быков.

Роман под влиянием своей жены пытался удалить свою мать Елену и своих сестер и переселить их во Дворцы Антиоха. Узнав об этом, Елена обратилась к сыну со слезами и мольбой, усовещевала, стыдила сына, который устранился ее проклятий. И она получила разрешение остаться на месте. Но сестер он удалил и при участии Иоанна, настоятеля Студийского монастыря, постриг в монахи. Они же тотчас после его ухода сбросили монашеские одеяния и стали есть мясо. Елена, тяжело переживая удаление дочерей, прожила недолго и 20 сентября 5 индикта умерла. Ее похоронили с царственной пышностью в гробнице отца.

Никифор Фока, как уже сказано выше, по распоряжению [Романа] отбыл с Крита, но ему было не позволено приехать в столицу, но приказано оставаться на Востоке со всем войском. Оправившись от первого поражения, Хамдан снова начал возноситься; он собрал обученное войско и считал себя в состоянии противостоять ромейским силам. Прибыв в Сирию, в упорной битве Никифор обратил его в бегство и, разбив полностью, отогнал внутрь Сирии, разрушил, кроме акрополя, город Веррию, захватил большую добычу и пленных, освободил томившихся там в кандалах христиан и отправил их по домам.

15 марта 6 индикта в 6471 г. умер император Роман, достигши 24-летнего возраста, преемствовал 13 лет, 4 месяца и 5 дней. По мнению одних [он умер], изнурав свою плоть поворнейшими и сластолюбивыми поступками. Но имеется и другое мнение — что он был отравлен ядом.

Приняла царскую власть Василия и Констанция, его сыволя — мать Феодано, а также осталась после него родившаяся за два дня до его кончины дочь, которую назвали Анной.

Был Роман высок ростом, хитр и ниже, чем его отец, имел мягкий и кроткий нрав, но посредственного образования. Но, несмотря на молодость, он был образован, остроумен и очень способен к делам управления, если бы ему помогали его приближенные. Однако его товарищи, предавшиеся страстям юности, стремились растратывать общественные достояния, присваивая колоссальные богатства, почему и развратили его, сделав малоэнергичным, неспособным.

В апреле месяце того же 6 индикта вступил Никифор Фока в Константинополь по приказанию правительницы, хотя Иосиф снова, как всегда, препятствовал этому. Никифор принял на ипподроме триумф [в награду] за ту добычу, которую захватил на Крите и в Веррии. Он привез и часть плаща Иоанна Крестителя, которую нашел сохранившейся в Веррии. Именно [этого возвышения] Никифора и боялся имеющий его под подозрением Вринга. Однако [Никифор], хитро притворяясь, сумел обмануть его следующим образом. Взяв с собой одного из цитиносцев, Фока в час утренней трапезы пришел к дому Иосифа. Постучав в дверь, он приказал привратнику сообщить, кто пришел. Когда он дождак, [Никифор] по приказанию [Вринга] вошел в дом и, застав Иосифа у себя, показал ему власную рубашку, поперх которой он надевал платье, и клятвенно уверял, что он возлюбил монашескую жизнь и уже давно принял бы скиму и оставил бы всякую мирскую заботу, если бы не удержала его преданность императорам Константину и Роману, и что он желает не мешкая исполнить свое желание. И он умолял, чтобы его не подозревала понапрасну. Увидев это, Иосиф тотчас же пал к его ногам, прося прощенье и уверяя, что он никогда не поверит кому-либо, говорящему что-то против Никифора.

Вринга подозревала также и [бывшего] императора Стефана, который в то время был еще жив и находился в Мирфине как изгнанник. [Иосиф] всю всех сил стремился, чтобы тот находился под бдительнейшей охраной. Но тот в праздник великой субботы, причастившись божественных тайн, как-то внезапно умер без всякой видимой причины. Но [нужно отметить, что] Феодано, хотя тот и давал яду, не пережил ее.

Петр, царь болгар, после смерти своей жены полюбил мир, предложил императорам союзные отношения, предоставлял заложников, а также собственных двоих сыновей Бориса и Романа. Не-

сколько позднее он умер. Сынвоя его жале, этого были возвращены в Болгарию, чтобы принять царскую власть и чтобы отразить движение комитопулов, потому что Давид, Моисей, Аарон и Самуил, дети одного из самых могущественных в Болгарии комитов, затеяли мятеж и привели в беспорядок дела в Болгарии. Вот какие происходили события.

Вринга, обманутый Никифором тем способом, о котором мы говорили, позволивший ему вернуться домой, раскаялся, что сделал это к худшему, так как, имея в тенетах зверя, позволил ему скрыться, самым глупым образом выпустив его. Итак, он начал размышлять, как и с помощью какой хитрости избавиться от забот об этом. И вот показалось ему более полезным написать магистру Иоанну Цимисхию, очень храброму и энергичному мужу, который после Фоки был в числе наиболее прославленных ромейских стратигов и который тогда являлся стратигом Анатолика, а также [написать] магистру Роману Куркуису, наиболее прославленному и знатному, который тогда занимал должность стратигата Востока. [Этим лицам он решил] послать письма и, возбудив их честолюбие обещаниями подарков и почестей, побудить их к тому, чтобы они схватили Фоку. И были написаны письма, а смысл этих писем сводился к следующему: если они, выступивши, схватят Фоку и постригут его в монахи или каким-либо другим образом его устроят, то величайшую власть доместика школ Востока полудит Иоанн, должность доместика школ Запада — Роман. После того как письма были доставлены названным лицам, они, поскольку очень дружелюбно относились к Фоке, сразу же показали их ему и стали призывать Фоку проявить силу и решиться на нечто мужественное и храброе. Но так как он медлил и уклонился [от решения], они начали угрожать, что сами убьют его. Поэтому, устрашенный угрозой смерти, он принял их предложение, и 2 июля того же 6 индикта все восточное войско по наущению Цимисхия провозгласило [Фоку] императором ромеев.

Так следует по одной версии. Однако существует и другая и, как кажется, более достоверная, что [Фока] уже длительное время мучился желанием захватить императорскую власть и распален он был не столько страстью к ней, сколько к императрице Феодано; он вступил с нею в связь, когда она и в столице, и часто посылала к ней своего преданнейшего слугу Михаила. Обнаружив это, Вринга и стал относиться к нему с подозрением. Когда слух о провозглашении Фоки [императором] достиг Константинополя, все пришло в смятение. Иосиф, который был в курсе всех событий, пришел в бешенство и не знал, что ему предпринять, ведь он был враждебен горожанам из-за плохого характера. А когда Никифор Фока в сопровождении всего войска пошел к Хрисополу, сопровождаемый приветствиями. Вринга задумал провозгласить кого-нибудь императором, полагая этим направить порыв войска в другое русло. Вскоре после провозглашения Фоки, как

мы сказали, Варда, его отец, который тогда проживал в столице, приходит, прося убежища, в Великую церковь; а брат Никифора, хотя он и находился под строгой охраной, сумел тайно бежать и присоединиться к своему брату. Когда это произошло, Вринга совершенно пал духом и оказался в полной растерянности. Он был совершенно неспособен в трудных положениях польстить черни и привалечь путем демагогии толпу, ведь нужно было бы приветливыми и заискивающими словами смягчать волнение масс. Он же, напротив, страдал и приводил к остервенению. Когда все сбжалось к Великой церкви, он сам, угрожая толпе, выступил со словами надменными и полными угроз. «Я, — говорил он, — подаваю вам дерзость и бесстыдство! Я сделаю так, что, покупая хлеб за номисму, вы сможете носить его за пазухой!» Не закончилась еще тот день, когда он это сказал (это было в течение воскресенья 9 августа), как вечером Василии, параклимон императора Константина, недовольный и враждебно относящийся к Иосифу, собрав своих друзей и близких и присоединив к ним домашних слуг, направил их в разные части города к домам своих противников. И от первого до десятого часа в понедельник они разрушали и сжигали с землей дома многих граждан, из которых наиболее замечательным был дом Иосифа. Ведь разрушены были дома не только тех знатных и влиятельных лиц, которые, как казалось, противились [перевороту], но и многих других богатых людей. Таких [разрушений] оказалось великое множество. И если у кого была распря с каким-нибудь лицом, то он приводил с собой нестройную толпу к дому врага и без всякого препятствия его уничтожал. И многие люди были убиты во время такого бесчинства. И, совершая это на улицах города, на площадях и в тесных переулках, люди провозглашали Никифора Каланиником [то есть прекрасным победителем]. Вот это обстоятельство и [помогло] Варде, отцу Фоки, выйти из Великой церкви, где он был жалким беглецом, ожидавшим любой опасности, а параклимон Иосиф, который до того сильно возносился и гордился, в свою очередь, вошел в ту же церковь как жалкий проситель убежища, считавший сомнительным свое спасение. А приближенные параклимона Василия снарядили триеры, взяли императорский дракон, со всем флотом причаили к Хрисополю, отсюда приняли Никифора и доставили его в Эвломон. Оттуда они и весь народ города с прославляющими возгласами, рукоплесканиями, под звуки труб и кимвалов, торжественным шествием вводят [Никифора] через Золотые ворота. Когда же они прибыли к Великой церкви, патриарх Полиевкт приготовился узанчать Никифора императорской диадемой. И Полиевкт короновал его на амвоне святой Великой церкви — был тот день воскресеньем 16 августа 6 индикта.

Никифор поручил монаху и синкелу Антонию Студиту вывести Феофано из императорского дворца и перевести во дворец

Петрий. Немного спустя отправлен был в изгнание в Пафлагонию Иосиф параклимон, и оттуда он очень скоро после того перебрался в монастырь под названием «Аскретис» в Пифиях. Там он, прожив полных два года, умер. [Никифор] возвел своего отца Варду в сан кесаря.

А 20 сентября, отбросив маску и притворство, он вступил в законный брак с Феофано. И сразу же он начал есть мясо, тогда как до того воздерживался от мясоедения, из-за того что Варда, его сын, рожденный от первой жены, погиб, когда скакал верхом на коне по равнине, играя со своим двоюродным братом Плевсом в поединок, но случайно наткнулся на копыте. А [Никифор] или действительно взволнованный этим несчастьем, или же желая скрыть свои намерения, притворился, что об этом знал, кроме бога, только сам Никифор. По свершении брака в Новой церкви дворца, когда Никифор хотел свершить вход во [внутренний алтарь] фискастрий, его задержал рукой Полиевкт. Приблизившись к ограде престола, он сам вошел в священное место, но оставил Никифора вне ограды, говоря, что не допустит его войти в фискастрий, пока он не исполнит эпитимий вступающих во второй брак. [Полиевкт] этим нанес Никифору большое огорчение, и он был зол на патриарха до самой кончины. К тому же повсюду распространился слух, который немало привел в смущение церковь, что Никифор был восприемником одного из сыновей Феофано при святом крещении. Этой молвой как благовидным предложением воспользовался Полиевкт и строго потребовал, чтобы [Никифор] ил развелся с женой согласно [церковному] канону, или же был вне церковного общения. Никифор же сделал так, как угодно было Феофано. Созвавши тех епископов, которые тогда пребывали в городе, и [специально] отобранных синклитиков, он распорядился [провести] по этому вопросу расследование. Все они заявили, что закон [о запрете восприемникам вступать в брак] был введен Копроником и что его соблюдать необязательно. И относительно этого даже представили ему отпускную грамоту со своими подписями. Но так как Полиевкт все-таки отказывался от общения с императором, кесарь [отец Никифора] удостоверил, что [Никифор] не был восприемником. Да и Стилиан, протоиерей Великого дворца, от кого первого, как утверждали, распространилась эта молва, предстал перед собором и синклитом, поклялся, что он не видел, чтобы Варда или Никифор были восприемниками. Тогда Полиевкт, хотя и знал, что Стилиан явно дает ложную клятву, снял [с императора] обвинение в синектике²⁸, но сохранил прежде выдвинутое требование соблюдения эпитимий вступающих во второй брак, и таким образом обвинение в большом прегрешении отпадало...

²⁸ Т. е. в нарушении духовного родства при вступлении в брак.

НЕДОСТАТКИ ПРАВЛЕНИЯ НИКИФОРА *

Узнав об этом²⁴, Никифор, который должен был бы радоваться взятию такого города и успех объяснить божьим содействием, напротив, сетовал в душе на стратега [Петра] и возводил на него вину, а Вурцу не только не возмездил за [проявление] храбрости и мужества, но и представил ему награды, достойной его подвига, но, осыпав оскорблениями, отстранил его от должности и приказал оставаться дома.

Этот поступок и другие, о которых мы хотим теперь рассказать, сделали Никифора для всех ненавистным и презренным. Во-первых, когда он захватил власть и его стратоты совершили множество несправедливостей, он не принимал никаких мер, говоря: «Неудивительно, что при таком множестве людей некоторые своевольничают». И вступив в город, когда множество частных лиц из знати были ограблены, он никого не наказал и смотрел на ужасные дела, наслаждаясь теми гнусостями, которые распушенные его сторонники творили над горожанами. — ведь этим они немало содействовали ему в достижении императорской власти. Затем, отправляясь в поход, он постоянно наносил ущерб, облагая подданных не только налогами и взносами различных видов, но и совершенно ничем не обоснованным грабежом. К тому же он прекратил выдавать часть из доходов казны, предоставляемую обычно совету синклита, мотивируя это тем, как он говорил, что у него недостает средств для ведения войны. Он, кроме того, совершенно прекратил выдачу утвержденных некоторыми благочестивыми императорами пожалований для благотворительных домов и церквей и издал закон, чтобы церкви не обогащались недвижимостями, утверждая, что епископы дурно расходуют имущество, следующие на помощь нищим, между тем как стратоты остаются в пренебрежении. И что особенно гнусно, он издал закон, под которым подписались и некоторые из легковверных и подобострастных епископов, а именно, что без его ведома и согласия нельзя ни избирать, ни рукополагать епископа. И в случае смерти епископа он, посылая императорского чиновника, приказывал подсчитывать установленный расход, а все излишнее конфисковать. Издавал он и другие распоряжения, лишившие какой бы то ни было необходимости, которые следует объяснить лишь как результат хвастливости ума и болтливости. Он вадумал издать закон, чтобы тех стратотов, которые погибали на войне, причислять к ялцу святых мучеников, чтобы тем самым они получили спасение души только за то, что пали на войне, не принимая во внимание ничего иного! Он привуждал патриарха и епископов принять это как догмат. Однако некоторые из них, храбро оказав

* Скилиц. С. 273—278.

²⁴ Т. е. о взятии Авточия Михаилом Вурцей.

противодействие, удержали его от этого намерения, делая упор на канон Василия Великого, который гласит, что стратот, убивший на войне врага, должен быть отлучен на три года от причастия. Он снизил ценность номисмы, придумав так называемый тетартерон. И с этого времени номисма стала двойкой, взнос государственных налогов требовался тяжкими [номисмами], а что касается выдач, то рстачали малую [номисму]. Был такой закон и введено в обычай, что любая номисма имеет равную с другими ценность, если на ней имеется изображение любого императора, лишь бы она не потеряла в весе. Он же издал закон, согласно которому только его изображение считалось приемлемым, отвергнув изображения прочих императоров. По этой причине немало пострадало подданные из-за так называемых алагий [изменений в монетном обращении]. И еще хуже, что по этой причине пострадало все общество, поскольку не стало никакого ивобилия [товаров]. Но сколь ни было все это трудно, более всего тяготела людей постройка стены вокруг дворца. Ведь многое, что было вокруг дворца выдающегося по своей красоте и грандиозности, он [велел] скрыть и воздвигнуть там акрополь как оплот тиранни против несчастных граждан, причем внутри [этой стены] он заготовил склады и хранилища хлеба, простые и духовые печи, наполнил это пространство различными предметами. Ведь ему было предсказано, что он умрет во дворце. Он не понимал, видимо, что «если Господь не сохранит город, то напрасно будет бодрствовать охраняющий!»²⁵. Случилось так, что Никифор умер, лишь только построив стену и как раз в тот день, когда тот, кому было поручено, принес ключи и вручил их императору.

Присоединилось к вышесказанному и следующее, что вызвало еще большую к нему ненависть. Во время празднования святой Пасхи началась драка между моряками и армянами: много людей было убито — едва не погиб и влрх [города] магистр Сисиний. Распространилась по этому поводу молва, что Никифор, разгневавшись на горожан и считая их виновниками беспорядков, собирается наказать народ, застигнув его в день состязаний на ипподроме. Когда недолгое время спустя начался зрелища на ипподроме, Никифор захотел показать горожанам, каким бывает военное стоальповение, а возможно — в равной степени и устрашить [народ]. Он приказал некоторым выйти как будто наступаая на врагов, с обнаженными мечами для удовольствия зрителей. Когда это случилось, то, не понимая смысла происходящего, зрители, стали подозревать, что теперь приводится в исполнение то, о чем ходили слухи, и бегом бросились к выходам, которые были крутыми и узкими: люди умирали, давая друг друга, и погибали бы все в толчее, если бы не увидели, что император продолжает сидеть на своем кресле невозмутимо и спокойно. Народ, заметив,

²⁵ Псалмы. СХХVI. 1.

что он не проявляет признаков волнения и убедившись, что мятеж произошло не по его воле, приостановил бегство.

Когда Никифор возвращался после торжественного выхода в Пиги по случаю праздника вознесения Христа, на рынке хлебопеков его встретили родные погибших на ипподроме и стали отпускать в его адрес недопустимые дерзости, называя его преступником и убийцей, запатнавшим себя кровью сограждан. Они бросали в него грязь и камни до самой площади Константина Великого. И он бы лишился чувства от страха, если бы некоторые знатные из горожан не подошли и, отстраняя совершающих беспорядок, торжественными прославлениями не проводили его до дворца. И вследствие всего этого [Никифор] понял, что он ненавиден согражданин и, полагая, что возможно нападение на него, стал строить себе крепость. Но он не мог избежать положенного судьбой и, считая, что он будет там в безопасности, лишился там жизни. Как это произошло, об этом будет в надлежащее время рассказано¹⁶.

Второго сентября в двенадцатом часу ночи индикта 11 произошло ужасное землетрясение, так что серьезно пострадали Гонорида и Парфлагония. Были и ветры в мае месяце того же индикта, сильные и жгучие, которые погубили плоды и даже виноградники и деревья, так что потом, в 12 индикте, случился ужаснейший голод. И следовало бы императору позаботиться о спасении подданных, он же продавал государственный хлеб слишком дорого, навивался на несчастье граждан и хвастался, — как будто совершил какое великое дело, — что модий хлеба, стоящий одну номисму, он велел продавать за две номисмы. Он не взял примера с императора Василия Македонянина, ибо тот, когда отправился в пасхальное воскресенье в храм Великих апостолов и увидел горожан, почтенных на вид и благочестивых, но мрачных и подавленных, подозревая их побужде к себе, спросил, почему они не торжествуют в такой великий праздник, почему они мрачны, как будто в городе случилось тяжелое бедствие... И ему ответил кто-то из горожан: «Тебе, о государь, и твоим приближенным полагается торжествовать и радоваться! Для тех же, которые находятся в ожидании смерти, что-либо подобное совершенно неестественно! Или ты не знаешь, что два медимна хлеба продаются за номисму вследствие суровости ветров?» На это император глубоко вздохнул и, со слезами выразил им свое сочувствие, ободрил обильными обещаниями. Вернувшись в императорский дворец и собрав там лиц, на которых он возложил заботу о гражданских и императорских делах, [Василий] обрушил на них множество ругательства и проклятий, обвиняя их в том, что они не сообразили ему о недостатке в хлебе, и тотчас же приказал продавать императорский и казенный хлеб — [медимн] за одну двенадцатую

¹⁶ При переводе опущены: С. 276—277.

часть номисмы! И Бог, одобрив это его решение, доставил людям великое изобилие! Но это я говорю в похвалу Василию. Никифор же скорее радовался, видя страдающих подданных, чем помогал им. И не только он один, но и его брат Лев, перейдя словно на положение лавочника в харчевнях, наполнил вселенную множеством различных бедствий. Их ненасытную жадность горожане удачно высмеяли. Однажды император находился в поле, обучая войско, когда к нему подошел седовласый старик и попросил принять его в число стратиотов. Император сказал ему: «Ты же старик, как ты можешь требовать, чтобы тебя причислили к моим стратиотам?» Тот остроумно ответил: «Я сейчас стал значительно сильнее, чем когда был юношей!» И в ответ на вопрос императора: «Как это?» — Он сказал: «А потому, что раньше купленный за номисму хлеб я носил, нагрузив ношу на двух ослов, а в твоё царствование хлеб на две номисмы я, не ощущая тяжести, могу носить на плечах». Выслушав таким образом [скрытую] иронию, император уважался, совершенно не смущенный.

ВОЙНЕ С РУСЬЮ ИМПЕРАТОРОВ НИКИФОРА ФОКИ И ИОАННА ЦИМИСХИЯ *

На четвертом году своего царствования, в месяце июне 10 индикта [Никифор Фока] выступил, чтобы обозреть города, расположенные во Фракии; когда он прибыл к так называемому Большому Рву, он написал правителю Болгарии Петру, чтобы тот воспрепятствовал туркам переправляться через Истр и опустошать [завладения] ромеев. Но Петр не подчинился и под разными предлогами уклонялся [от исполнения этого]. Тогда Никифор почти достоинством патрикия Калокира, сима керсонского преторана, и отразил его к правителю Росии Свендославу²⁰, чтобы обещаниями даров и немалых почестей склонить его к нападению на болгар. Росии повиновались; на пятом году царствования Никифора в августе месяце 11 индикта они напали на Болгарию, разорвали многие города и села болгар, захватили обильную добычу и возвратились к себе. И на шестом году его царствования они опять напали на Болгарию, совершив то же, что и в первый раз, и даже еще худшее.

А народ росов, который вышеописанным образом покорил Болгарию и взял в плен Бориса и Романа, двух сминой Петра, не помышляла более о возвращении домой. Пораженные прекрасным расположением местности, [росы] разорвали договор, заключенный с императором Никифором, и сочли за благо остаться

* Смилдце. С. 276—277; 287—291; 294—303; 304—310.

²⁰ Написана имени Святослав по-гречески совпадает у Скилиц и у Льва — размещается лишь русская транскрипция.

в стране и владеть ею. Особенно побуждал их к этому Калекир, который говорил, что если он будет провозглашен ими императором ромеев, то отдаст им Болгарию, заключит с ними вечный союз, увеличит обещанные им по договору дары и сделает их на всю жизнь своими союзниками и друзьями. Гордясь этими словами, росы рассматривали Болгарию как свою военную добычу и дали посламу [Цимискию] который обещал заплатить все, обещанное им Никифором, ответ, неисполненный варварской хвастливостью; ванду этого стало необходимо решить дело войной. Итак, император тотчас послал приказание переправить восточные войска на Запад; впоследствии над ними он поставил магистра Варду Склира, дав ему титул стратилата, — на сестре [Варды] Марии он женился. еще будучи частным лицом, — и решил с наступлением весны сам выступить в поход. Росы и их архиеп Свездослав, услышав о походе ромейского войска, стали действовать совместно с порабощенными уже болгарскими и присоединенными в качестве союзников паццинаков и турук, проживающих на Западе, в Паннонии. Собрав триста восемь тысяч боеспособных воинов и перейдя Гем, они стали опустошать огнем и грабеджами всю Фракию; разбив свой стан недалеко от стен Аркадиополя, они ожидали там начала борьбы. Когда магистр Варда Склир узнал, что неприятель значительно превосходит его численностью войска — ведь у него было всего двенадцать тысяч воинов, — он решил победить бесчисленное множество врагов военными хитростями и искусством и превзойти их механическими приспособлениями; так это и случилось. Замкнувшись со своим войском внутри стен, как бы испугавшись, он оставался там, и хотя враги не раз хотели выманить его на решающее сражение, он не поддавался, наблюдая, как неприятель грабит и уносит все, что ни попадет. Такое решение выказало у варваров великое презрение: они полагали, что и в самом деле Склир заперся среди стен и удерживает там ромейские фаланги, боясь вступить в бой. Без страха разбрелись они кто куда, стали разбивать лагерь как попало и, проводя ночи в возлияниях и пьянстве, в игре на флейтах и кимвалах, в варварских плясках, перестали выставлять надлежащую стражу и не заботились ни о чем необходимом. И вот Варда дождался подходящего момента и, присмотревшись хорошенько, как ему напасть на неприятелей, назначив день и час, поставил в ночное время засадные отряды в удобнейших местах, отправил с небольшими силами патрикия Иоанна Алакаса и приказал ему выйти вперед, вести наблюдение за врагами и постоянно сообщать ему, где они находятся. Разувная это, [Иоанн] должен был обмануться с варварами, напасть на них и, сражаясь, обратиться в притворное бегство, но не бежать во весь опор, отступив поводя и сломя голову, а отступать в строю, медленно и где только возможно поворачиваться к противнику, биться с ним и поступать так до тех пор, пока он не будет завлечен и скрытым

в засадах отрядам, а тогда расстронуть ряды и бежать без всякого порядка. Варвары разделились на три части — в первой были болгары и росы, турки же и паццинаки выступали отдельно. Иоанн двинулся и случайно натолкнулся на паццинаков; исполняя полученный приказ, он изобразил медленное отступление, паццинаки же нападали, расстроив ряды; им хотелось скорее уничтожить всех бегущих, но те то отступали строем, то поворачивались и сражались; путь их направлялся к стоявшему в засаде отряду. Очутившись среди своих, [воином Алакаса] бросил поводя и устремился в непритворное бегство. Паццинаки расслышались без всякого порядка и бросились в погоню. Но вот появился неожиданно сам магистр со всем войском. Пораженные внезапностью, [паццинаки] прекратили преследование, но не бросились бежать, а остановились, ожидая нападения. Когда на них с огромным напором обрушился отряд магистра, а сзади [между тем] приближалась идущая в полном порядке оставшая фаланга, медленно погибали храбрейшие из скифов: поскольку фаланга наступала на большую глубину, паццинаки окончательно оказались в засаде, а когда фаланги соединились, то окружение стало полным; [варвары] недолго сопротивлялись и, обращенные в бегство, почти все были истреблены.

Принув их таким образом к бегству, Варда дознался от частных, что остальные, еще не утомленные битвой [варвары] выстроились и ожидают сражения. Он устремился против них без промедления. Они же, узнав о неудаче паццинаков, предались горести из-за внезапности бедствия, но затем собрались с силами и, созвав беглецов, напали на ромеев, имея впереди всадников, а позади пеших воинов. Но когда ромей выказали себя непобедимыми и отразили натиск первого нападения конных врагов, те отступили, укрываясь среди своей пехоты, укрепились там духом и стали ожидать приближения ромеев. И сражение стало как бы нерешительным, пока некий скиф, гордившийся размерами тела и неустрасимостью души, оторвавшись от остальных, не бросился на самого магистра, который объезжал и воодушевлял строй воинов, и не ударил его мечом по шлему. Но меч соскочил, удар оказался безуспешным, а магистр также удара врага по шлему. Тяжесть руки и закала железа придали его удару такую силу, что скиф целиком был разрублен на две части. Патрикий Константин, брат магистра, спеша к нему на выручку, пытался нанести удар по голове другого скифа, который [хотел] прийти на помощь первому и дерзко устремился [на Варду]; скиф, однако, уклонился в сторону, и Константин промахнувшись обрушил меч на шею коня и отделил голову его от туловища; скиф упал, а [Константин] соскочил с коня и, ухватив рукой бороду врага, заколол его. Этот подвиг возбудил отвагу ромеев и увеличил их храбрость, скифы же были охвачены страхом и ужасом. Вскоре силы оставили их, и они показали спины, обратившись в поворное

и беспорядочное бегство. Ромей устремились за ними и наполнили равнину мертвыми телами; число пленных превысило количество убитых, и все захваченные за немногими исключениями были изранены. Никто из уцелевших не избежал бы погибла, если бы наступление ночи не остановило погоню ромеев. Из такого великого множества варваров только совсем немногие спаслись, ромей же потерял в сражении 25 человек убитыми, но ранены были почти все.

***

На втором году своего царствования [император] вознамерился предпринять поход против росов. Щедрость [помогла ему] набрать воинов; военачальниками были назначены мужи, прославившиеся рассудительностью и военной опытностью. Император позаботился и о всем необходимом, чтобы войско не терпело ни в чем недостатка; снарядить поход было поручено Аэву, который был в то время друинарем флота, а после этого протовестарием. Лев привел в порядок старые корабли, снарядил новые и приготовил внушительный флот. Наступила весна; все обстояло прекрасно, и [император], вознес молитвы к богу, оставил гражданам предписания и покинул столицу. Когда он прибыл к Редесту, ему повстречались два посланца скифов, которые под видом посольства прибыли для того, чтобы разведать силы ромеев. Когда они стали упрекать ромеев утверждая, что терпят несправедливость, император поведал, отлично понимал причину их прибытия, чтобы они обошли весь лагерь, осмотрели ряды воинов, а после обхода и осмотра отправились назад и рассказали своему вождю, в каком прекрасном порядке и с каким послушным войском идет против них войною император ромеев. Отпустив таким образом посланца, сам он выступил вслед за ними, имея около пяти тысяч легкой и обремененной вооружения и четыре тысячи всадников. Всею остальному множеству воинов было приказано медленно следовать за ним во главе с параклименом Василием. Переидя через Гем, император внезапно вступил во враждебную страну и разбил лагерь поблизости от города Великой Преславы, где находился дворец болгарских царей. Эта неожиданность изумила скифов и повергла их в отчаяние. Калокир, зачинщик и виновник всех происшедших бедствий, который случайно здесь находился, услышав звук трубы, понял, что сам император прибыл и будет лично руководить войной. Втайне покинул он город и ускользнул в лагерь росов. Увидев его и узнав о прибытии императора, росы пришли в немалое замешательство. Но Свендослав приободрил их подходящими к таким обстоятельствам словами, и они, укрепившись духом, приблизились к ромеям и разбили лагерь. Императорское войско сосредоточилось между тем на равнине перед городом и неожиданно напало на врага, не ожидавшего ничего подобного: вне городских стен было застигнуто около восьми

с половиной тысяч мужей, которые производили военные упражнения. Некоторое время они сопротивлялись, но затем утомились и бежали; и один из них бесследно погибал, а другие укрывались в городе. Пока все это происходило, пребывавшие внутри города скифы узнали о непредвиденном появлении ромеев и об их столкновении со своими соратниками. Хаотая оружие, какое кому служило подвернулось под руку, они устремились на выручку своим. Ромей встречали их беспорядочно движущую толпу и многих убивали. В силу этого варвары уже скоро не смогли устоять и обратились в бегство. Всадники же ромейской фаланги выдвинулись вперед и отрезали им дорогу в город, перехватывая и убивая беспорядочно бегущих по ровному полю варваров, так что вся равнина наполнилась мертвыми телами и было захвачено бесчисленное множество пленных. Сфангел, который и возглавлял все войско, находившееся в Преславе (он считался среди скифов вторым после Свендослава), опасаясь, видимо, уже за судьбу города, занервничал, обезопасив их засовами, взлез на стену и поражаая нападающих ромеев различными стрелами и камнями. Только наступление ночи прекратило осаду города. На рассвете прибыл поезд Василия с множеством войска, двигавшегося позади. Прибытие его явилось большой радостью для императора, который поднялся на какой-то холм, чтобы скифы его увидели, и соединившиеся войска стали окружать город. Император обратился [к варварам], уговаривая их отказаться от противодействия и спастись от совершенного истребления; они же соглашались сойти со стены. Справедливый гнев наполнил ромеев, и они приступили к осаде, отгоняя находившихся наверху стрелами и приставляя к стенам лестницы. И некий благородный воин, крепко держа в правой руке меч, а левой приподнимая над головой щит, первым устремился по одной из лестниц. Отвращая удары щитом и защищая себя мечом от нападавших и от тех, кто старался ему воспрепятствовать, он поднялся на гребень стены, рассел всех, кто там находился, и дал следовавшим за ним возможность безопасно подняться. Подражая ему, сначала некоторые, а потом многие [поступили таким же образом], а скифы, одолеваясь их сомкнутым строем, стали прыгать со стены. Соревнуясь с первыми, и многие другие ромей в различных местах взобрались по лестницам на стену. Приведенные в замешательство, скифы не заметили, как некоторые из ромеев, беспрепятственно достигнув верха, открыли их и впустили свое войско. Когда город был таким образом взят, скифов, вынужденных отступать по узким проходам, стали наступать и убивать, а женщин и детей захватывали в плен. И Борис, царь болгар, был схвачен вместе с супругой и детьми; украшенного знаками царской власти, его привели к императору. Император человеколюбиво повелевал, называя его царем болгар, отпустить всех пленников болгар, предоставив им свободно идти, куда кто захочет; он говорил, что прибыл не для того чтобы по-

вергнуть болгар в рабство, но чтобы их освободить, и утверждал, что одних только росов он считает врагами и относится к ним по-вражески.

Между тем восемь тысяч храбрейших скифов заняли хорошо укрепленную часть царского двора, который находился посреди города, укрывшись там на некоторое время и перебили многих воинов, попавших туда ради любопытства или тайно пробравшихся с целью грабежа. Узнав об этом, император повелел против них послать равносильный отряд, но отправленные действовали вяло и не отважались осадить их — не потому, что они боялись росов, но потому, что укрепление казалось им прочным и непреодолимым. Император легко разрешил затруднение: вооружившись, он сам устремился первым впереди прочих воинов, которые при виде этого тотчас же схватили оружие и бросились за ним; каждый спешно опередил государя, и с военным кличем и шумом они кинулись на укрепление. Росы с ожесточением выдержали осаду, но [ромеи], зажегши во многих местах огонь, таким путем преодолели сопротивление — не перенесла сила огня и римского оружия, [росы] попрыгали [со стен] и побежали; многие из них были уничтожены пламенем, многие брошены с крутизны, а прочих ожидали меч либо плен. Таким образом, весь город не устоял и был взят за два дня. Обретя и захватив его, император оставил в нем достаточный отряд, щедро снабдив его всем необходимым для существования и переименовал город, назвав его по спосому имени Иоаннополем. Проведя там праздник святой Пасхи, он выступил на следующий день к Доростолу, который называется также Дристрою.

Когда Свендослав услышал о взятии Преславы, он пришел в замешательство, однако не оставил свои замыслы, а стал ободрять своих, призывая проклясть себя свыше обычного доблестными мужами, и распорядился сделать все остальное, что было нужно. Умертвив всех болгар, находившихся в подозрении, числом около трехсот, он выступил против ромеев. Император же, заняв по пути некоторые города, поставил над ними стратигов и продвигался, опустошая многие укрепления и поселения, которые он отдавал на разграбление воицам. Когда разведчики сообщили о приближении каких-то скифов, он отрядил отобранных воинов, поставив над ними Феодора из Миссии в качестве военачальника, и поручил ему, идя впереди войска, разузнать о числе врагов и дать знать об этом; если же будет возможно, то попытаться их силой перестрелкой. Сам же [император] следовал позади, выстроив все войско в боевой порядок. Подойдя к врагам, Феодор и его воины стремительно напали на них. Росы, опасаясь засады, не двинулись вперед; многие из них были ранены, некоторые пали, и они стали отступать. Рассеявшись по соседним горам и поросшим лесом долинам, которые были глубоки и обширны, они по торным тропам добрались до Дристры. Количество их достигало

семи тысяч, наравняя эти на них и обитавшие их в битвах воинов было триста. Приблизившись к Свендославу, скифы издали с места все множество его воинов — а насчитывалось их триста тридцать тысяч — и разбили лагерь в двенадцати милях от Доростола, где с ожесточением и мужеством выдержали приближения императора.

Ромен же, гордясь недавними победами, ожидал сражения, которое должно было решить все. Они надеялись, что им будет содействовать Бог, всеобъемлющий не зачинщик несправедливости, но постоянно помогающий тем, которые герлят беду. Не только мужественные, но даже робкие и слабодушные, горячо стремясь к предстоящей битве, стали смелыми и отважными. И вот войска сблизилась. И император, и Свендослав стали воодушевлять своих подходящими к случаю словами поощрения, «звучали трубы, и возбужденные в равной степени войска столкнулись между собой. Натиск ромеев был при первой стычке так силен, что ряды варваров дрогнули, и многие из них пали. Враги, однако, не отступили и не дали ромеям возможности перейти к преобладанию — приободрившись, скифы снова кинулись с военным кличем назад на ромеев. В течение некоторого времени борьба была равной, когда же день стал склоняться к вечеру, ромеи, поощряя друг друга и как бы закаленные от взаимных призывов, стали теснить левое крыло скифов и многие опрокинули своим непреодолимым напором. Росы пришли на подмогу пострадавшим, император же отправил на помощь тех, кто находился около него, и сам двинулся за ними с разорванными императорскими знаменами, потирая копычек, часто понукая шпорами коня и побуждая воинов боевым кличем. Завязалась жаркая схватка, и не раз менялась тесные битвы (говорят, будто двенадцать раз приобретала борьба новый оборот): наконец росы, избегая опасности, рассеялись в беспорядочном бегстве по равнине. Преследовал и наступал бегущих, ромен их истребрал; многие были убиты, еще больше было захвачено в плен, те же, которые спаслись от опасности, укрывшись в Доростоле.

Вознеся за победу молитвы победоносному мученику Георгию (ибо столкновение с врагами произошло в день, посвященный его памяти), император на другой день сам двинулся к Доростолу и, оказавшись там, стал укреплять лагерь. Однако осаду он не начал, опасаясь, что росы удалятся на кораблях по реке, нимем не охраняемой. Расположившись станом, он ждал прихода ромейского флота. Между тем Свендослав приготавливался выдержать осаду: находившихся у него пленных болгар, числом около двадцати тысяч, он, опасаясь их восстания, приказал закопать в колодки и в доли. Когда прибыл флот, император приступил к осаде и неоднократно отражал вылазки скифов. В один из дней, когда ромен рассеялся в вечернее время для принятия пищи, конные и пехие варвары, разделившись на две части, устремились из двух

ворот города — из восточных, которые было приказано охранять стратопедарху Петру с фракийским и македонским войском, и из западных, в которых был приставлен сторожить Варда Скир с войнами Востока. Вышли они, выстроившись в боевой порядок, и тогда в первый раз появились перлом на лошадях, в предшествующих же сражениях бились пешими. Ромеи встретили их с ожесточением, и завязалась упорный бой. Борьба долго шла с равным успехом, наконец ромеи обратили варваров в бегство своей доблестью и, прижав к стене, многих перебили в этой стычке и всего более — всадников. Ни один из ромеев не был ранен, и только три лошади были убиты. Собравшись внутри стен, разбитые варвары провели наступившую ночь без сна и оплакивая павших в сражении дикими и повергающими в ужас воплями, так что слышавшим их казалось, что это звериный рев или вой, но не плач и рыдания людей. Едва наступило утро, все войско, рассеянное по различным укреплениям для их охраны, было собрано в Доростол; они сошлись быстро. Император же двинул все свои силы, вывел их на равнину перед городом и начал выманивать варваров на битву. Но так как они не вышли, он воротился в лагерь на отдых. И прибыв к нему послы из Констанция и других крепостей, лежащих по ту сторону Истра; они умоляли простить им все плохое и отдавали себя и свои укрепления в его руки. Благосклонно приняв их, император послал занять крепости, а также отправил войско, необходимое для их охраны. Когда наступила вечер, все ворота города открылись, и росы, будучи в большом, нежели прежде, числе, напали на ромеев, которые не ожидали этого ввиду приближения ночи. И казалось, что значаще они имели перевес, однако немного спустя ромеи взяли верх. Но когда был убит геройски сражавшийся Сфангел, эта потеря связала и ослабила их натиск. Тем не менее в течение всей ночи и на следующий день до самого полудня они продолжали смелое сопротивление. Когда затем посланные императором силы отрезали варварам дорогу в город, росы, узнав об этом, ударились в бегство. Находя путь к городу перекаченными, они разбегались по равнине, где их наступали и умерщвляли. С наступлением ночи Свендослав окружил стену города глубоким рвом, чтобы нелегко было при наступлении ромеям приблизиться к городской стене. Укрепив таким способом город, он решил смело выдержать осаду. Когда же многие войны стали страдать от ран и надвигался голод, ибо необходимые валасы истощались, а извне ничего нельзя было подвезти из-за ромеев, Свендослав, дожидавшись глубокой и безлунной ночи, когда с неба лял сильный дождь и падал страшный град, а молнии и гром повергали всех в ужас, сел с двумя тысячами мужей в челны-однодеревки [и отправился] за продовольствием. Собрав где кто мог зернового хлеба, пшена и прочих жизненных припасов, они двинулись по реке на однодеревках в Доростол. Во время обратного плавания они увидели на берегу реки

многих обранных слуг, которые поили и пили, ожидая, чтобы подошли за дровами. Сойдя со своих челнов и пройдя бегом по берегу лес, [варвары] неожиданно напали на них, многих перебили, а прочих принудили расстаться по своим дровам. Успевшие снова в лагерь, они с поручитым ветром поспешили к Доростолу. Великий гнев охватил императора, когда он узнал об этом, и он сурово обвинил начальников флота за то, что они не знали ни отплатить варварам из Доростола, ни удержать им далее сражаться, если нечто подобное повторится еще раз, и после того оба берега реки тщательно охранялись. Целых шестьдесят пять дней вел император осаду, и так как ежедневно происходившие стычки были бесплодны, он решил попытаться взять город блоядом и голодом. Ввиду этого он велел перекопать всеми все дороги, везде была поставлена стража, и никто не мог в поисках продовольствия выйти из города; [сам же император] стал выжидать. Так обстояло дело в Доростоле.

* * *

... Внутри города скифов терзал голод, снаружи они терпели урон от стенобитных орудий, особенно в том месте, где охрану нес магистр Иоани, сын Романа Куркуаса; находившийся там каменлет причинял им немалый вред. Выделив самых отважных воинов, имевших тяжелое вооружение, и смешав их с легковооруженными, [скифы] посылают их против указанного орудия, чтобы они постарались его уничтожить. Дознавшись об этом, Куркуас во главе спявнейших своих воинов поспешил на защиту [орудия].

Оказавшись посреди скифов, он упал вместе с конем, который был ранен копьем, и погиб, изрубленный на части. Подоспевшие ромеи напали на росы, отстоям орудия в целости и отнесли скифов в город.

Наступил июль месяц, и в двадцатый его день росы в большом числе вышли из города, напали на ромеев и стали сражаться. Ободрял их и побуждал к битве некий знаменитый среди скифов муж, по имени Икмор, который после гибели Сфангела пользовался у них наиблаговиднейшим почетом и был уважаем всеми за одну свою доблесть, а не за знатность единокровных сородичей или в силу благорасположения. Видя, как он мужественно сражается, ободряет и воодушевляет других и приводит в замешательство ряды ромеев, Анемас, один из императорских телохранителей, сын царя критян Курупа, не смущаясь ростом этого мужа и не боясь его силы, воспламенил свое сердце яростью, заставил своего коня [несколько раз] прыгнуть в разные стороны, извел висевший у бедра клинок, бешено устремился на скифа и, ударив его мечом в левое плечо польные мюшцы, перерубил шею, так что отрубленная голова вместе с правой рукой упала на землю. И когда скиф свалился, Анемас невредимым вернулся в свой стан.

Из-за этого подвига поднялся сильный шум, ибо ромен радостно кричали по случаю победы, скифы же вопиали нечто непонятное и утратили свое воодушевление. Ромен услаивали свой ятиск, и те, обратившись в бегство, бесславно удалялись в город. Немало было в этот день убитых — одни были растоптаны в тесноте, других же настаяя перекололи ромен. Если бы не наступление ночи, то и сам Свендослав не избежал бы палача. Спасшись от опасности и находясь за стенами, [скифы] подыали великий плач из-за смерти Цкмора. Снимая доспехи с убитых варваров, ромен находили между ними мертвых женщин в мужской одежде, которые сражались вместе с мужчинами против ромеев.

Итак, война шла неудачно для варваров, а на помощь им не приходилось надеяться. Одноплеменники были далеки, соседние народы из числа варварских, боясь ромеев, отказывали им в поддержке; в них не хватало продовольствия, а подвезти его было невозможно, поскольку ромейский флот тщательно охранял берега реки. К ромеям же каждый день притескали, как из непереносимого источника, всевозможные блага и постоянно присоединялись конные и пешие силы. Не могли варвары и удалиться, сев в свои чалны, ибо выходы, как мы уже сказали, тщательно охранялись. Когда они собрали совещание, то одни советовали тайно удалиться ночью, другие — вернуться домой, попросив у ромеев мира и залогов верности, ибо нет другого пути к возвращению. Некоторые советовали предпринять и другие меры соответственно обстоятельствам, и все сходилось на том, что следует окончить войну. Свендослав же убедил их решиться на еще одну битву с ромеями и — либо, отлично сражаясь, победить врагов, либо, будучи побежденными, предпочесть постыдной и позорной жизни слабую и блаженную смерть. Ибо как возможно было бы им существовать, найдя спасение в бегстве, если их легко станут презирать соседние народы, которым они прежде внушали страх? Совет Свендослава пришлось им по нраву, и все согласилось встретить общими силами крайнюю опасность для их жизни. На рассвете следующего дня варвары поголовно выступили из города. Чтобы никому не было возможности спастись бегством в город, они заперли за собою ворота и бросились на ромеев. Завязалось ожесточенное сражение. Варвары бились отважно, и ромен в тяжелых доспехах, изнуренные жаждой и сжигаемые солнцем (был как раз самый полдень), стали поддаваться [натиску]. Узнав об этом, император прискакал на помощь со своими войсками и принял на себя главный удар, а утомленному солнцем и жаждой воинству приказал доставить мхи, наполненные вином и водой. Воспользовавшись ими, избавившись от жажды и зноя и собравшись с силами, они стремительно и неистово бросились на скифов; те, однако, достойно их приняли. Пока император не заметил, что место битвы очень тесно, она продолжалась с равным успехом. Но он понял, что по этой причине скифы теснят ромеев

и мешают им совершать деяния, достойные их силы, и вот стратегам было приказано отойти назад на равнину, отодвинувшись подальше от города и делая при этом вид, будто они убегают, но на деле не бежать сломя голову, а отходить спокойно и понемногу; когда же преследователи будут отвлечены на большое расстояние от города, [им надлежит,] неожиданно натянув поводья, повернуть лошадей и напасть на врага. Приказание было исполнено, и росы, считая отступление ромеев настоящим бегством, с воинственным кличем устремились за ними, подбадривая друг друга. Но когда ромен достигли назначенного места, они повернулись и отважно ринулись на врагов. Там завязалась жестокая битва, и случилось, что стратег Феодор из Мисфии, конь которого был сражен пикой, упал на землю. В этом месте закипела упорная схватка, ибо росы порывались его убить, а ромен старались защитить его. Этот Феодор, свалившись с лошади, схватил какого-то скифа за пояс и, двигая его силой своих рук во все стороны как небольшой легкий щит, прикрывался им от летящих в него копий. В сам, обороняясь таким образом, понемногу отступал, приближаясь к ромеям, которые оттеснили наконец скифов и спасли этого мужа от опасности. И хотя битва не была решена, оба войска закончили борьбу.

Видя, что скифы сражаются с большим жаром, нежели ранее, император был удручен потерей времени и сожалел о ромеях, переносивших страдания мучительной войны; поэтому он задумал решить дело поедином. И вот он отправил к Свендославу посольство, предлагая ему единоборство и говоря, что надлежит решить дело смертью одного мужа, не убивая и не истощая силы народов; кто из них победит, тот и будет властелином всего. Но тот не принял вызова и добавил издевательские слова, что он, мол, лучше врага понимает свою пользу, а если император не желает более жить, то есть десятки тысяч других путей к смерти; пусть оне и выберет, какой захочет. Ответив столь надменно, он с усиленным рвением готовился к бою. Отказавшись от вызова на поединок, император старался всеми способами отрезать варварам доступ в город. Он назначил для этого предприятия магистра Варду Скляра с теми отрядами, которые тот возглавлял, а патрицию Роману, который был сыном государя Константина, являвшегося сыном Романа Старшего, вместе со стратегом Петром было приказано с их силами напасть на врагов. И они ринулись на скифов и сражались упорно. Но и те сопротивлялись отчаянно. Долгое время борьба оставалась равной, и много было в сражении перемен и изменений. Но вот Анемас, сын критского эмира, повернул своего коня, сильно ударила его шпорами и с юношеской отвагой помчался на самого Свендослава. Разорвав вражеский строй, он нанес ему удар мечом в середине головы, сбросил с коня, но не убил, так как помещал бывшие на нем доспехи. Сам же [Анемас] был окружен и подвергался со всех

страны выжжено множию, погиб, терпели закончив жизнь и во-
бушая великое удивление для седи врагов.

Говорят, что романс получился тогда и божественное воспо-
можение. Ибо в туман и поднялась буря и ударила в лицо скифам,
не давая им возможности осуществить задуманное для битвы.
И вид романское видение увидело некоего мужа, который сражался
впереди всех на белом коне, гоним врагов и приводил в беспоряд-
ки их строй; ни раньше, ни позже никто его не знал и потому
его звали Феодором, одним из победоносных мучеников. Импера-
тор всегда прибегал к таким защитникам и заступникам против
врагов, да и сражение это произошло в тот самый день, в какой
всегда празднуется память [Феодора] Стратилата. И некая почи-
таемая в Византии жена имела о том знамение от высшей силы.
За день до битвы она видела во сне, что стоит рядом с богороди-
цей и слышит, как та говорит, обращаясь к некоему воину:
«О досточтимый Феодор! Мой и твой Иоанн находится в опас-
ности; поспошись же его выручить». И когда взошло солнце, она
поведала об этом соседям; таково было видение. А между тем
скифы обратились в бегство, но найдя городские ворота запер-
тыми, бросились от Скаира враспыленную по равнине и погибли без
числа, распятываемые своими же и избиваемые ромеями, а остав-
шие почти все были иранены. Почитая мученика [Феодора] и
желая воздать ему благодарность за помощь, император [впослед-
ствии] повелел разобрать до основания церковь, где покоились
святые его останки, и воздвигнуть на том месте большой и пре-
красный храм, которому преподнес щедрные дары. Город же Евха-
ния был переименован в Феодорополь.

Свендослав, использовав все средства и во всем потерпев
неудачу, не имея уже никакой надежды, склонился к заключению
договора. Он отправил к императору послов, прося залогов вер-
ности и внося в число союзников и друзей ромеев, чтобы ему
со всеми своими дозволено было удалиться невредимыми домой,
а скифам, если пожелают, — безопасно приходить по торговым де-
лам. Император принял послов и согласился на все, о чем они
просили, произнес известное изречение, что обыкновенно ромеев
состоит в том, чтобы побеждать неприятелей более благода-
рными, нежели оружием. После заключения договора Свендослав
попросил [о личной встрече и] о беседе с императором; тот со-
гласился, и оба, встретившись и поговорив, о чем им было нужно,
[затем] расстались. По просьбе Свендослава император отправил
посольство к падишахам, предлагая им стать его друзьями и союз-
никами, не переходить через Истр и не опустошать Болгарию,
а также беспрепятственно пропустить росов пройти через их
землю и возвратиться домой. Падишахи были исполнить это по-
желание Феодора, архиепископа Евфратский. [Падишахи] приняли по-
сылство и заключили договор на предложенных условиях, отка-
завшись только пропустить росов. Когда росы отплыли, император

укрепил крепости и города на берегах реки и возвратился в ро-
мейскую столицу.

Когда Свендослав выиграл битву и приходил через землю
падишахов, то они заранее предостерегли его и выжили его.
Подвергшись нападению, он и все его войско было совершенно
истреблено. Падишахи были рады тому, что не заключил
с ромеями договор.

ИЗ ИОАННА ГЕОМЕТРА *

НА ВАСИЛЕВСА ГОСПОДИНА НИКИФОРА

Благочестиво и властвовала целых шесть лет над народом —
Столько же лет просидел скованным египетский Арес.
Я подчинил города ассирийцев и всех финикийя.

Я неприступнейший Тарс Риму склонил под армо,
Освободил острова, их избавил от варварской власти,
И захватила я большой, славный красой своей Кипр.
Запад, а также Восток бежали пред нашей угрозой,
Высохшей Ливий степь, счастье дарующий Нил.

Пал я в своем же дворце, в своем же покое стал жертвой
Женских предательских рук, вдруг в заосчастен, я слаб.
Были со мною столица, и войско, в степи двойные —
Истинно, нет ничего приятlicher смертных судьбы!

НА АПОСТАСИО

Потоки крови, небо, амг на нас обрушь.
А ты, о воздух, облачься в кромешный мрак,
Земля, развернись, подо мною раступись.
Ран на себе деревья, словно волосы,
И покрывалом скорбным лик себе закрой —
Пусть зелень почернеет вся от слез твоих!
Залит Восток весь нынче кровью родственной,
Что было некогда единым — деит мечь.
О, горе! Рубит он и семью, и людей,
Отца убить позалкал своих родных детей,
И руки отчей кровью обогреть съч,
И в ярости направил острый нок
Брат в сердце брата. О, великая печаль!
В ужасных корчах вся земля колеблется:
Дрожит она внутри — снаружи молнии
Испепеляют самый тепел пламенем,
Срывают города зубцы со стен своих
И изземь их бросают с плачем гонимым —

* Патрология Мана. Т. 106, № 43, 3, 24, 63, 34.

Так волосы себе рвут девы в трауре.
 Арабам радость — города ромейские
 Им подать шлюют, они ж за кровь невинную
 Подарков ждуют, над нами навиваются!
 Вот сколь несчастий претерпел один Восток —
 А кто опишет бедствия на Западе?
 Там скифов орды рыщут вдоль и поперек,
 Вольготны им, как будто на своей земле.
 Иссяк источник силы, чести, мужества,
 Под корень срублено то древо, что железаную
 Давало поросль; и младенцев поколение
 Уже рассечено — иные с матерью,
 Других же враг похитил стрел насилем.
 Повергнуты во прах большие города;
 Где люди жили, там сейчас коней пасут.
 О, как мне не заплакать, поглядев вокруг!
 Горят поля, деревни гибнут в пламени,
 Но что с тобой, Византий, город царственный?
 Что за судьба тебя гнетет? Скажи мне, Град:
 Ты бедами всех превзошел, как раньше всех
 Превосходил благополучьем — каждый день
 Не ты ль трясешься, рушишь стены, весь дрожишь?
 Из тех, кого ты вырастил своим теплом,
 Одни уж пали в битвах, посеченные
 Мечами собственных родных. О, море бед!
 Другие ж бросили прекрасные дворцы,
 Бегут в ущелья, на пустынных островах
 Нашли пристанище, от страха чуть дыша.
 И даже претерпел все это (Судил!
 Твоим волевым!), ни один не растопил
 На сердце черствый камень, брата не обидя,
 Не уронил слезу, залог спасения.
 И даже солнце погрузилось в черный мрак,
 Луна поблекла в темле затмения,
 И новая зловеще вдруг звезда зажглась,
 Неслыханное чудо — а моим грехам
 Все нет конца, предела нет беспечности.
 О, Боже-слово, милость мне свою яви!
 Твое всеспасно око: прекрати резню.
 Раздоры, битвы, мятежи и приступы,
 Погони, бегства, грабежи, и суд, и месть.
 Я знаю, позлелел ты и Ниневию,
 Помилував народ, поглядящий во грехе.
 Се стадо, что своей ты кровью выкупила.
 «И я — загон твой, Иисусе!» — вопиет
 Византий, чтоб о нем ты не забыл
 Среди пучины бед — доколь еще страдать?

НА КОМИТА

Комета в небе освещает весь эфир,
 А на земле комит сжигает Запад весь.
 Звезда, что появляемь тьму пророчила,
 С восходом солнца блемлет светоносного,
 А сей Тифон восстал с победоносного
 Никифора закатом — все сжигает он,
 Объявты духом мщенья. Где твой властный рык,
 О воевода Рима необорного?
 Царь по природе, по делам же — победительный,
 Чуть приподнявшись из могилы, зарычи, как лев.
 Пусть лисы в норы убегут, поджав хвосты!

НА ПОРАЖЕНИЕ РОМЕЕВ В БОЛГАРСКОМ УЩЕЛЬЕ

Я бы скорее поверил, что солнце не встанет сегодня:
 Мыслини верх одержал над авсонием, лук — над копьем!
 Слово в движенье пришел и леса, и дикие скалы,
 Так что страшился и лев выйти из логова вон.
 Ты, Фалтон, что ведешь под землю свою колесницу,
 Цезаря тень повстречав, вот что ему передай:
 Истру достался римский венец! Скорее к оружию!
 Мыслини верх одержал над авсонием, лук — над копьем!

НА ХРИСТА, УСНУВШЕГО В ЛОДКЕ

Бог ты — и ты человек. И во сне даже бурю смирял ты.
 Спишь и теперь — пробудись: необузданно бешенство моря!

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ *

В год 6472. Когда Святослав вырос и возмужал, стал он собирать много воинов храбрых и легко ходил в походах, как пардус, и много воевал. В походах же не возил за собою ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко наревав конину или зверину, или говядину и жарив на углях, так ел. Не имел он и шатра, но спал, подставляя потник, с седлом в головах...

В год 6475. Пошел Святослав на Дунай на болгар. И билсясь обе стороны, и одолев Святослав болгар, и взял городов 480 по Дунаю, и сел княжить там, в Переяславце, беря дань с греков...

В год 6476... И послали киевляне к Святославу со словами: «Ты, князь, ищешь чужой земли... а свою покинул. А нас чуть было не взяли печенегу...» Святослав с дружиною скоро сел на коней и вернулся в Киев...

* ПЛ. С. 244—249.

В год 6479. Прише, Святослав и Переславец, и затворились болгары в городе И ишли болгары на битву против Святослава, и была сеча великая, и стали одолевать болгары. И сказал Святослав своим воинам: «Здесь нам и умереть! Постойм же мужественно, братья и дружина!» И к вечеру одолеа Святослав, и взял город приступом, и послал к грекам со словами: «Хочу идти на вас и взять землю вашу, как и этот город...» И пошел Святослав на греков, и вышел те против русских. Когда же русские увидели их — бегать и глумились такой великою множеству чиним, но сказал Святослав: «Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамим землю русскую, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не принимают позора. Если же победим, позор нам будет. Так не победим же, но станем крепко, а я пойду вперед вас: если моя голова ляжет, то о своих сами позаботьтесь». И ответили воины: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим». И исполнились русские, и была жестокая сеча, и одолеа Святослав, а греки бежали. И пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города, что стоят и доныне пусты... И послал к нему царь, говоря так: «Не ходи к столице, возьми дань, сколько хочешь». Ибо только немногим не дошел он до Царьграда. Святослав же принял дары и стал думать с дружиной своею, говоря так: «Если не заключим мир с царем и узнает царь, что нас мало, то придут и осадят нас в городе. А русская земля данью, печенег с нами в войне, и кто нам тогда поможет?» И была любя речь эта дружине, и послали лучших мужей к царю, и пришли в Доростол, и сказали о том царю. Царь же обрадовался... и стал посла говорить все речи, и стал писать. Говорил же он так: «Список с договора, заключенного при Святославе великом князе русском, и при Свенедеде. Писано при Феофиле спикеле и Иоанну, называемому Цимискием, царю греческому, в Доростоле, месяца июля, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав... хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с воинами и прочими, иметь мир и покую любовь... с боговдохновенными дарями и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу плото народа на страну вашу... ни на Корсуяскую страну и все города тамошние, ни на страну болгар. И если и иной кто замыслил против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним... Да соблюдем мы прежний договор...»

А переславцы печлали и печенегам сказать: «Вот идет мимо нас на Русь Святослав с небольшой дружиной... Услышав об этом, печенег заступили пороги...»

В год 6480, когда наступила весна, отправился Святослав к порогам. И напал на него Куря, князь печенежский, и убил Святослава, и взял голову его и сделал чашу из черепа, оковав его, и пил из него.

ЛЕВ ДИАКОН И ЕГО ВРЕМЯ

ВИЗАНТИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Византийское общество второй половины X в. относительно хорошо изучено. К этому времени рабский труд уже давно перестал служить основой общественного производства; с VII в. центральной фигурой в производстве и в деревне, и в городе стал трудящийся, самостоятельная ведущий свое мелкое хозяйство. В деревне VII—IX вв. это было мелкое частнособственническое хозяйство пахарей, виноградарей, скотоводов, объединенных в крепкие общины, внутренняя жизнь которых регулировалась деревенским обычаем, а также сложившимся в конце VII в. Земледельческим законом. Кроме того, на эти же хозяйства распространялось действие норм общегосударственного гражданского, уголовного и церковного канонического права. Домохозяева платили государственные налоги и выполняли государственные повинности. Крестьяне общины были тесно связаны хозяйственными интересами — они стремились отстранить землю общины от перехода во владение посторонним лицу (Новелла XIX Льва VI Ц.-Л., III, 220—221). Время VII—IX вв. — период подъема крестьянского хозяйства и вместе с тем кризиса феодального упадка крупного землевладения и ослабления его элементов феодальной эксплуатации, которые эти процессы шли дорого в Позднеримской империи. Восток характеризовался в этот кризис развитием классового общества. Было характерное господствующий кругов подчинить трудящее крестьянство. Эта тенденция особенно проявилась уже в начале IX в., вступом на нее были вызваны движения (участие народных масс в восстании Фомы Славянина и в параличском движении). К концу IX в., когда развернулось развитие тиражного обращения в городах и когда главные очаги народных движений были подавлены, наступило на известности стало усиливаться, упрочивались новые формы эксплуатации: с одной стороны, ремесленно-торговой и ростовщической верхушки города, с другой — крупных землевладельцев в деревне.

Лев VI рецензировал римское право Юстиниана, а вместе с этим и те установления, которые легализовали элементы феодализации в Позднеримской империи. Таким образом эти нормы проникли в действующее право X в. — «Василики». Все виды эксплуатации трудящихся со стороны крупных землевладельцев стали полностью законными в новой обстановке (см. Вас. 55. 1). Именно эту рецензию позднеримского законодательства усиленно использовали в своих интересах феодализирующиеся круги визан-

тийской знати (см. Славюмов. 1953, 72—87). Отметим, что в самом деревенском управлении нормы Земледельческого закона с течением времени стали применяться и к зависимой общине: если в первоначальной редакции Закона речь шла только о свободном крестьянстве, то в более поздних редакциях к Закону была добавлен адикт Зотика 512 г. (префекта претория при Анастасии) о принудительном возвращении беглых в деревню, что совершенно не соответствовало положением Земледельческого закона ранних редакций VII—IX вв. (см. Цахариз. 1894; 251, 258; Георгеску, 1969).

С X в. началось генеральное наступление крупных землевладельцев на свободную сельскую общину. Поскольку прямое насилие при наличии законодательных норм и централизованного суда было связано с риском, преобладающей формой проникновения знати на территорию общины стала покупка у обедневшего крестьянина его земли с последующим предоставлением участка или присельничку, или тому же крестьянину, бывшему собственнику земли (на правах присельника). X век — время, когда «георгос» (земледелец) постепенно превращался в «парика» (феодално-зависимого) крестьянина).

Хотя Лев Диакон происходил из сельских жителей, он был чужд крестьянству, его нуждам. В своем сочинении он ни разу не обмолвился о крестьянах. Несомненно, он не понял основных проблем современного ему общества, писатель обратил внимание лишь на порочные методы формирования крупного землевладения и на развитие социального гнета, рассматриваемого им. Однако, лишь как проступки отдельных лиц. Хозяйства крупных землевладельцев создавались быстро и без особых осложнений в результате военной экспансии. Защищенные у арабов территории присоединялись византийскими стратигами — масса побежденного населения превращалась в пленных, которые в качестве рабов или зависимых поселенцев были обязаны трудиться на приобретенных землях диматов. Крупное землевладение усилилось до такой степени, что центральное правительство стало бояться его дальнейшего увеличения; земельные магнаты представляли опасность для имперской автократии, их могущество угрожало также и господствующему положению городской и столичной чиновной знати.

Процесс развития экономической и политической мощи крупных землевладельцев (феиной знати, военно-землеладельческого сословия) столь ясно отражен в новеллах X в. и других исторических источниках, что уже в середине XIX в. Фр. Гёрбер (1877) рассматривал Византию X в. как подлинно феодальное государство. Г. Ф. Хаусинг полагает, что в переходе к эпохе феодальной раздробленности Византия опередила Германию на целое столетие (1959, 392). Действительно, почти вся «История» Льва Диакона сосредоточена на повествовании о деятельности

этих феодализирующихся магнатов, на их экспансии и на их отношении к императорской власти. Следует, однако, иметь в виду, что, пока существовали массы свободного крестьянства, составлявшего основу военной мощи Византии, всякое политическое влияние крупных землевладельцев сочеталось со стремлением получить высокую должность, т. е. войти в столичную чиновную знать, находиться близ императорского престола, в кругу высшей бюрократии.

Что касается городов, особенно столиц, то там процесс феодализации имел существенные особенности. Город все более становился средоточием объединенных в корпорации свободных ремесленников, которые частично сами участвовали в производстве, а иногда использовали рабов и нанятых на короткий срок мистиев. Ремесленники были объектом правительственной эксплуатации через налоги. И самый процесс производства, и цены на изделия строго регламентировались (Книга апарха XV, 2; XVIII, 1, 4). Тем не менее ремесленники и торговцы имели значительные преимущества перед крестьянами: за корпорациями признавалось монопольное право на производство с целью продажи, они получали привилегии при торговле с иностранцами, участвовали в торжественных церемониях двора. Объединенные в корпорации горожане имели — в ущерб сельским жителям — немалые льготы при централизованном плавлении ценнообразовании на продаваемые в городе продукты и скот. Что касается ремесленных мистиев, то они находились в фактической зависимости от наиболее крупных корпораций. Масса мистиев, строительных рабочих, грузчиков, матросов, обозников — все эти трудящиеся представляли собой необеспеченное, живущее случайным заработком большинство городского населения. Кроме того, агрографические источники постоянно упоминают о множестве нищих, толпящихся у храмов, о бежавших из деревень и ищущих работы бедняках и деклассированных элементах. Таким образом, привилегированной городской верхушке, на которую опирался император, противостояла озабоченная беззаслуженной бедностью масса горожан, готовая примкнуть к любому движению против аристократии и властей, но являющаяся в то же время значительной силой, которую могли использовать церковь и отдельные представители оппозиционной знати. Когда эти низы трудящихся города подчинялись диктату знати и самого императора, Лев Диакон называет их «народом», когда же они шли против господствующих слоев общества, то писатель именовал их «чернью» (VI, 1).

Говоря о политическом влиянии столичного населения — о ремесленниках, торговцах, в которых присоединялся и плебс, — Лев Диакон вовсе не склонен преуменьшать их роль и развитый быт; нередко он даже придавал ей влияние решающего фактора. Однако Лев видел в народе только деструктивную силу

и дружки вождей, подчинявших массу своих воле. Тем не менее вопрос об отношении народа к императору особенно интересовал Льва Диакона в его труде, и эти вопросы — в X в. проблемы демографии (в конечном положении страны) занимают умч и практиков, и теоретиков.

В Константинополе существовали и проритественные мастерские, обслуживавшие Деметриана и рабами, которые в случае волеиной медали выступать под руководством своих распорядителей (IX, 4). Столица была провинциальным центром среди других городов. Иностранцы купцы не могли (так же, как и иностранцы) пребывать в Константинополе более 3 месяцев (Книга аларха, XX, 2). Международная торговля велась через Константинополь; экономика провинциальных городов также оживлялась в IX в. После значительного упадка в «темные века» (VII—VIII вв.). Но отношение провинциальных центров к столице было неустойчивым: во время восстаний против центральной власти население этих городов обычно переходило в лагерь мятежников. Константинополь был, безусловно, центром власти, центром восточной церкви, центром образованности, торговли и ремесла, центром, который впитывал в себя все достижения страны, материальные и духовные, но одновременно он обладал самыми действительными средствами распространения этих социально-культурных ценностей по провинциям и даже за границу. По словам Г. Хунгера (1965), Константинополь — новый Центр, центр новых отношений, складывавшихся в раннем средневековье.

Но и этот центр имел, в свою очередь, центр — императорский двор, где находился император с его окружением и богатствами, собранными налоговым ведомством. Современникам казалось, что все зависело от личности императора, власть которого юридически была неограниченной. Именно такой изображает ее Лев Диакон.

Не получившим никакого юридического образования, Лев мало интересовался законодательной деятельностью василевсов. Поскольку все зависело от императора, постольку на первый план автор выдвигает вопрос о достоинствах его личности как правителя государства.

Огромное внимание уделяется в сочинении также личности патриарха — главы имперской церкви, занимавшего второе место в имперской иерархии после светского повелителя. Учитывались такие его добродетели, как святость, образованность, рвение к соблюдению церковных обрядов и канонических правил и отношения с императором. Все представлялось весьма важным. Третья сила — синклит — находилась отнюдь не на первом плане, но его роль в кризисных явлениях признавалась тем не менее существенной (II, 12). Особо важное значение отводилось армии, которая играла в X в. самую существенную роль. Вождями армии уже были в то время крупные землевладельцы — ведущая сила

в обществе, определяющая функционирование новых форм экономических, социальных и политических отношений (фиксирующейся феодальной системы).

Внешнеполитические связи, дипломатические связи и в особенности военные действия привлекают гораздо больше внимание Диакона, чем внутренняя политика.

В X в. выявилась и специфика византийского феодализма: помимо новых явлений, здесь были живы традиции полдермической империи, сильная центральная власть, римское право, частная собственность. Процесс феодализации протекал в империи в противоречивых формах. Господствующий феодализировавшийся класс был расколот. Константинополь — крупнейший центр международной торговли, «Золотой мост» между Европой и Азией — обладал всеми возможностями для развития феодализма по пути, свойственному большим приморским городам, тогда как континентальные провинции империи представляли собой земледельческо-скотоводческое общество, в котором генеральной линией феодализации было формирование крупных землевладельческих поместий. Две основные прослойки господствующего класса были союзниками, когда дело шло о подавлении выступлений трудящихся, но они же оказывались ярыми врагами в борьбе за власть и — объективно — за направление путей феодализации. До конца XI в. решался вопрос, пойдет ли развитие по пути создания централизованного государства, способного организовать присвоение прибавочного продукта, производимого трудящимися, через свой аппарат власти. Именно эти противоречивые тенденции отчетливо отразились в труде Льва Диакона, особенно — при описании восстаний провинциальной знати. Можно сказать, что эти сюжеты писатель посвятил почти треть своей «Истории».

Прибавочный продукт в X в. частично поступал в распоряжение фиска, частично на нужды церкви — либо непосредственно от населения, либо через «дарственные» от императора, по которым для церкви делались отчисления из сумм налоговых сборов; частично он шел землевладельцам в качестве ренты, когда крестьянин трудился на земле крупного собственника, будь то частное лицо, государство, церковь или монастырь.

Немалую часть прибавочного продукта получали и торговцы, выступавшие посредниками между крестьянским хозяйством и городским рынком. Борьба за прибавочный продукт была в X в. исключительно острой. Аппарат авторитарного государства, синклит совместно с высшей городской знатью, верхушка торговцев и ремесленников, отчасти лица свободной профессии представляли собой силу, враждебную провинциальной фемной аристократии. В X в. гражданская стоячая знать стала более активно выступать против быстрого роста феодальной собственности провинциальных магнатов, церкви и монастырей. Фактически шла

борьба за власть, решался вопрос, кто возглавит центральную администрацию, ставленником каких слоев будет император и чьи интересы он будет выражать — бюрократической предпринимательской городской верхушки, патриарха и монашества или провинциальной фемной знати. Для Византии X в. характерно также соперничество между синклитом и армией, епископатом и патриархом, церковью и монашеством (Даррузес. 1966), отдельными феодальными фамилиями, а иногда и между императором и столицей бюрократией. Феодализирующаяся знать была слабо сплочена, так как отсутствовали условия для становления иерархической феодальной лестницы.

Желание привлечь в борьбе на свою сторону народные массы обусловило расцвет демагогии. Представители феодализирующейся фемной знати порицали правительство за непосильное налоговое обложение и произвол чиновников. Это, безусловно, привлекало народ на их сторону, и во время мятежей он обычно шел за ними. Императоры же, наоборот, во всех своих обращениях к народу, в том числе в новеллах, обвиняли дивитов в алчности, беззаконных и насманиях над бедными. Симпатии же городских масс правящая группировка старалась завоевать устройством армян и организацией «област» в столице. Церковь со своей стороны стремилась актами «милосердия» и заступничества воздействовать на народ в своих интересах. В столь сложной обстановке императорский, церковный и фемный (провинциальный) лагеря объединяла лишь одна цель — вернуть в состав империи былые византийские владения, захваченные арабами на Востоке, островах и в Сицилии, а также занятую болгарами территорию на Балканах. Повествование о войнах занимает у Льва Диакона более половины книги.

Несмотря на временные неудачи в войнах с арабами и Болгарией, начиная с середины VIII в. военная мощь Византии заметно возросла. Причины этого заключались в конечном счете в развитии материального производства деревенской свободной общины, а также в развитии свободного ремесла в городе при относительном сохранении элементов античного культурного наследия. Внутренний строй Византии в X в. обладал уже заметными преимуществами по сравнению с юстиниановской эпохой. Если тогда наблюдалось бегство населения из империи, крестьяне бросали свои земли из-за произвола патронатов, то уже с конца VII в. положение стало меняться. Об этом свидетельствует специальное деревенское законодательство, Земледельческий закон, который, как бы его ни расценивали, соответствовал именно деревенскому хозяйству. Такие факторы, как временное ослабление роли крупного землевладения, отсутствие прикрепления крестьян к земле в свободной общине, возможность их свободного переселения в города на заработки, введение фемного строя и реорганизация армии, некоторое ослабление преследований по религиозным мотивам, а также аграрное законодательство Македонской династии

способствовали стабилизации положения византийского крестьянства. Не случайно появившиеся в источниках сведения о переселении в Византию выходцев из соседних стран. Этот процесс стал наиболее заметен в X в.; в восточные фемы переходили курды, христианизированные арабы и бегущие из халифата армяне (Книга церемоний. 694—695; Бар-Эбрей. 391, 380). К тому же времени завершилось создание стратотского ятоса в Дигенисе Акрите, где воспеваются герой на пограничного населения, из воинов-закритов, сражавшихся с арабами и игравших решающую роль в ассимиляции иноязычных перебежчиков на византийскую сторону. Защищая границы империи, акриты делали свою самостоятельность и иногда вступали в конфликты с центральной властью. Однако в целом набирал силу процесс аристократизации фемного войска, отразившийся в более поздних редакциях народной поэмы. Стратотский ятос претерпел изменения, соответствовавшие переменам в византийской фемной армии, превратившейся из народной в «рыцарскую» (Кучма. 1971, 96—97). Эпический народный герой-богатырь в конце концов становился подлинным феодальным дивитом.

Лев Диакон осознавал, что в его эпоху происходит общественный перенорот в развитии Византии, но не понимал его сущности: завершался «дофеодальный период», когда крестьянство в основном еще не было закрепощено феодалами, когда еще полностью не оформились феодальные институты и когда еще не оформился и не консолидировался класс феодалов (Сильмов, 1972, 1—15). Окончание этого периода было связано с преодолением внутренних и внешних трудностей, и именно эти трудности привели Льва Диакона к лессимистическому пониманию современности, к мыслям о полной гибели государства. В таком ключе этот автор и завершил описание современных ему событий.

БИОГРАФИЯ ЛЬВА ДИАКОНА

Переходя к биографии Льва, мы встречаемся со значительными трудностями. Для нас Лев Диакон интересен прежде всего как историк, и поэтому его общественное положение, участие в переживаемых им событиях и отношении к окружающей действительности, его социальные взгляды должны в первую очередь привлечь наше внимание. Вопрос осложняется тем, что мы вынуждены черпать сведения о жизни Льва только из его собственного труда.

Лев родился около 950 г. В своей «Истории» он пишет, что во время народного движения в Константинополе в 967 г. он был юношей, учеником в школе, *μαθητὴς*. Так называл мальчиков 14—16 лет. Но иногда это понятие могло означать и молодого человека, достигшего возмужания: так, Варду Фоку Лев Диакон (III, 4) называет *μαθητὴς*, хотя у того уже пробивалась борода.

Судя по внешнему, Лев происходил из провинциальной семьи, занимавшей особо видное положение. Иначе он сообщил бы имени и титула своего отца Василия. Родина его — Калоз — «прекрасное местечко в Азии» на реке Каистр, во Фракийской теме. Территориального названия «Азия» как провинции или «Асий» как населенного пункта в X в. не было, но Лев по возможности хочет придерживаться терминологии Гомера; ведь в Инаде (II, 462) есть такие строчки: «Стада журавлей долговийных в владном Асийском лугу при Каистре широкотекущем...». Везде, во всех терминах, географических и этнографических, Лев придерживается этой архаизации.

Из того, что родители могли обеспечить Льву обучение в столице, можно заключить, что его семья была вполне состоятельной.

Кроме «Историй», автором которой, безусловно, является Лев Диякон, ему принадлежит панегирик Василию II, энкомий, изданный И. Сикурисом в 1933 г. (рус. пер. см.: Сюсюнов, 1971, 144—148). На основании этих двух работ мы можем представить себе уровень образованности и кругозор Льва. В Византии того времени от лиц, выдвигаемых на светские и духовные должности, требовалась «энциклопедическая» образованность.

Молодой Лев Диякон симпатизировал императору Никифору Фоке. Политические взгляды Льва во многом были определены его воспитанием. В шуме он изучал риторику. Вероятно, ему приходилось сочинять энкомии, писать сочинения, придумывать речи, в которых прославлялись подвиги Никифора Фоки. Следы таких школьных упражнений встречаются в «Историях» Льва. Высших школ в Константинополе было немного. Только отдельные лица могли пройти полный курс обучения, но зато такие лица могли надеяться на продвижение по бюрократической лестнице.

После окончания школы Лев оставался в Константинополе. Св. своей родины Лев, по-видимому, совершенно порвал, в «Историях» он никогда не упоминает о ней и, вероятно, там больше не был. О своей семье и о родных он тоже не упоминает. Видимо, он решил пойти по духовной линии.

В своей «Истории» Лев уделяет много внимания личности патриархов. Особенно интересна характеристика Василия I Стамандрина. Лев обвиняет его в том, что тот больше, чем следовало, стремился разузнавать о деятельности и поведении разных лиц. Очевидно, он давал на этот счет подробные поручения подчиненным из своего окружения (X, 2). Лев, по всей вероятности, получил место при патриархе, и ему приходилось выполнять эти щепетильные, неприятные для него поручения. Характеризуя патриархов, он пишет, что ему часто приходилось бывать в Азии, где он и видел каппадокийских бизнесменов (X, 3). Поэтому можно почти с уверенностью сказать, что после окончания учебы Лев стал служащим при патриаршей канцелярии. Возможно, он был помощником или младшим дьяконом, поскольку уже достиг того воз-

раста, когда мог быть рукоположен. Можно полагать, что он часто разъезжал по территории патриархата. На интересующий нас вопрос, находился ли он при армии во время похода Цимисхия против Святослава, присутствовал ли он на встрече Цимисхия со Святославом, личному, надо ответить отрицательно. Лев Диякон в то время находился по Малею Азии, и вряд ли ему пришлось побывать в армии Цимисхия. Все подробности в battle и наружности Святослава он заимствовал из устава итальянских монахов и из какого-то официального источника. В период правления Цимисхия Лев в основном жил в Константинополе; он описывает выступление Льва Фоки в то время, когда Цимисхий был в Болгарии.

К. Б. Ганз считал, что Лев стал придворным дьяконом уже в 975 г., однако нет никаких оснований утверждать, что молодой Лев так быстро сделал карьеру. Возможно, он еще после смерти Цимисхия оставался при патриархе; он так многого говоря, так тщательно и благосклонно характеризует патриарха Антония, что можно не сомневаться — автор был одним из его приближенных. Лев ничего не говорит о том, что вступил на патриарший престол после Антония, как будто патриархи его больше не интересовали. Антоний умер в 979 г. Можно думать, что именно после этого в начале 80-х годов Лев сумел продвигаться на должность императорского придворного дьякона. Нам несколько непонятно, каким образом Лев, разве не будучи сторонником законных государей Византии и Константины, мог понравиться императору Василию настолько, что тот приблизил его ко двору. Очевидно, это могло произойти только благодаря связям. Об этих связях можно догадываться: при описании одного похода Цимисхия против арабов Лев замечательно метаста прибавил фразу о гибели некоего «достигшего великой мудрости» секретаря императорской канцелярии Никифа, который изучался своего отца и отличился в походе с Цимисхием (X, 1). Чувствуется, что упомянутый секретарь был близок Льву Диякону — это или его родственник, или хороший знакомый. Не исключено, что именно данная влиятельная persona, неблагоприятно относившаяся к Цимисхию, смогла рекомендовать Льву Василию — и Лев в «Истории» поэтому, видимо, вспомнил о драме отца, потерявшего талантливого сына.

После получения должности придворного дьякона Лев сопровождал императора Василия в его походах, причем в 986 г. он чуть не погиб во время крупного поражения византийцев в бою с болгарями.

Он переживал все неудачи и бедствия, которые обрушивались на Византию в период самостоятельного правления Василия II вплоть до 989 г., когда историк и закончил описание правления Иоанна Цимисхия. Вероятно, Лев, будучи придворным дьяконом, понимал всю шаткость положения Василия на троне и не верил в благополучный исход событий. Одни за другими следовали

восстания, военные неудачи, различные бедствия, византийские предзнаменования... Но правление Василия II продолжалось, власть молодого энергичного императора укрепилась. Спущившись в таком виде «Историю», где восторженно «присваивались правления Никифора Фоки и Цимискиа (ведь это были «тираны», «похитители престола»), оказалось невозможным. Переделывать всю работу Лев не хотел или не имел времени. И он прекратил писать «Историю».

В его труде ни слова не сказано о судьбе законных императоров при Никифоре и Цимискиа, но содействать страшные и частично клеветнические измышления о матери императора; говорится о неопытности императора Василия в ведении похода против болгар — фактически он объявлен виновником поражения; сообщается, что почти вся Византия стояла за мятежников. Все это, конечно, нужно было изменить, т. е. писать «Историю» заново; Лев, бросив заниматься историей, продолжал свою деятельность при дворе. Скоро он заметил, что положение Василия более или менее упрочилось. Начались победы. И он решил избрать обычную при византийском дворе лживую поведению — выдвигнуть свои красноречием и выражением преданности императору. Он произнес свой знаменитый примерю тогда, когда проводилась политика, завершающаяся изданием знаменитой новеллы императора Василия II в 996 г.; именно на эти демагогические мероприятия Лев намекает в своем панегирике, восторженно поддерживая политику Василия. Лев стал типичным византийским придворным. На этом заканчивается сколько-нибудь точная его биография.

К. Крумбахер и Д. Моравчик полагают, что преждевременная смерть помешала Льву продолжать свою «Историю». Но приведенные нами соображения и ряд сохранившихся документов дают возможность выдвигать разные, более или менее вероятные, но все же шаткие гипотезы о дальнейшей судьбе Льва.

Первая гипотеза: Лев после произнесения знаменитого быстро сделался среди придворных императора. Можно думать, что участвовал и его деятельность при патриархах, когда он выполнял их поручения. Произнес он знаменитый в начале 90-х годов. И вот в 996 г. в Константинополь прибыл из Италии епископ Пьяченцы Иован Филагата, итриган, по происхождению калабрийский грек. Неизвестна причина его прибытия, но, очевидно, это была сложная дипломатическая игра. В конце 996 г. переговоры закончились, и император Василий поручил некоему своему придворному Льву сопровождать Филагата обратно в Италию. Кроме того, тот же придворный Лев получил особое дипломатическое поручение — переговоры о проекте династического брака византийской принцессы с Оттоном III. Лев прибыл в Италию; сохранилось несколько его писем частного порядка из Рима. Письма дают представление о ловком дипломате. Отправляясь к молодому От-

толу III с предложением о браке с одной из племянниц Василия II. Лев осуществлял дипломатическую диверсию с целью подчинения Рима Византии. В смысле с выждем антигерманский партии Кресценция Лев сумел (как сам пишет в письмах) убедить воеводского на папский престол Филагата в качестве антипапы вместо ставленника германского императора папы Григория. Однако в 998 г. император Оттон III, придя с армией в Рим, казнил Филагата и Кресценция. Лев был в Риме до конца 998 г., побывав во Франции, встречался с Оттоном III, видел казнь своего ставленника (которого он почему-то лично ненавидел). Именно этот дипломат и идентифицируется с нашим историком Львом Диаконом.

Письма Льва-посланника опубликовали И. Сибеллон (1872) и Шрам (1924). На некоторую возможность идентифицировать этого Льва со Львом Диаконом стали указывать К. Крумбахер, Ж. Вартенберг и особенно А. Грегуар и П. Орнваль Наконед. Ж. Даррузес опубликовал письма митрополита Синадского (Синада — город в феме Анатолики), отождествив этого вельфа со Львом-дипломатом. Однако он не признает в нем Льва Диакона, так как возраст митрополита Синадского на 15 лет расходится с данными о возрасте Льва Диакона. (Правда, это положение Даррузеса, в свою очередь, подвергается сомнению, ибо датировка ни письма № 13, где сказано о возрасте автора, произвольно отнесена к предыдущим письмам.) Соблазнительная гипотеза Грегуара, что после выступления с знаменитым Львом Диакон впоследствии стал епископом Синады, при существующем положении с источниками и специальными исследованиями по эпистографии того времени не может считаться достаточно аргументированной, хотя она, казалось бы, так подходит к биографии Льва Диакона.

Вторая гипотеза также покоится на источниковедческих замечаниях. Дело в том, что во введении к хронике Скилицы в рукописи № 136 названы четырнадцать историков, в том числе и знаменитые Георгий Метакс, Феофан, Песал, Генесий и ряд не дошедших до нашего времени авторов, среди них и некий Лев Асийский — Леон Асинос. Кто такой Лев Асийский? Не могло, как полагали, быть сомнений, что это и есть Лев Диакон — ведь он сам пишет во введении, что его родина — Калао... У Гомера (II, 462): *Λαίω ἐν λαίωσι*. Но сразу же возникло недоумение — почему написано *Λαίωσι*, а не *Δαλαίωσι* — не ошибка ли это? Ряд иных толкований в связи с корнем «Δα» можно было бы тоже отнести к родине Льва: Монфакон просто передавал это наименование как прозвище *Leo Asinus* (лат. «осел»). У Крумбахера не было сомнений, что Скилица во многом использовала Льва Диакон-Асийца. Но после того как Вартенберг и я решительно выступили против версии, что Скилица использовала «Историю» Льва Диакона, это положение было поколеблено, хотя и нет осо-

был знаменителем, что Скилица причисляла во введении именно тех историков, сочинения которых послужили ему источниками. Было выдвинуто и другое подкрепление этой теории. Во введении к «Истории» Кедрина, который почти дословно копировал Скилицу, перечислены те же четырнадцать историков, в полном соответствии со Скилицей, но вместо Льва Асийца упомянут Лев Кариец. Некоторые филологи XVII в. видели в нем грамматика Льва Книриота. Позднее стали идентифицировать Льва Кариеца со Львом Диаконом — Львом Асийцем. С большой натяжкой Кариец стали считать даже родиной Льва Диакона. Особенно трагично подошел к вопросу Панайотакис. Он обратил внимание на то, что была неправильно переведены слова Λεὸς ὁ Βαρίας: как «Лев из Карии». Сочетанием имени с родительным падежом местности означали обычно митрополита этой области. Сохранились письма именно митрополита Карии Льва (без указания армянски написания). В этих письмах есть несколько выражений, встречающихся и у Льва Диакона. Так что Панайотакис, анализируя стиль этих писем, пришел к выводу, что Лев Диакон после своего выствупления с епископом стал быстро продвигаться и наконец был удостоен сана митрополита. Однако существует ряд возражений. Во-первых, если Лев Диакон стал митрополитом, то, поскольку обычно при этом изменяют имя, он не назывался бы Львом. Ведь в таком случае здесь нужно допустить исключение. Во-вторых, митрополита Карии, судя по сохранившимся актам, занята была митрополитом Иоанном с 997 по 1030 г. Правда, Панайотакис предпологает, что в актах мы, возможно, имеем дело с двумя Иоаннами, и допускает, что между ними митрополитом был Лев. Но это тоже слишком большая натяжка.

Кроме того, есть сомнения, что Кедрин изменил слово «Асийский» на слово «Карийский», когда узнал, что бывший дьякон Лев стал митрополитом Карии. Введение Кедрина точно передает текст Скилицы. Почему же в таком случае Кедрин, во всем в точности следующий Скилице, вдруг решился его исправить? Кедрин использовал не дошедшую до нас рукопись рукописи Скилицы. Но введение Скилицы сохранилось только в более поздней рукописи — Куаленовой 136. Эта рукопись начала XII в. во многих местах позволяет стилистически выправить и дополнить ту, которая служила прототипом для Кедрина. В последующих рукописях (например, в Венской) этих поправок и дополнений нет. Особенно важно, что в рукописи 136 включены две дословных больших вставки из «Истории» Льва Диакона — описание внешности Никифора (III, 8) и внешности Цукимския (VI, 3). Отсюда напрашивается вывод: Куаленову рукопись нельзя считать первоначальной. Основная рукопись — та, которую использовал Кедрин. В Куаленовой же рукописи переписчик смело делает поправки и вставки. Но это означает, что слова «Лев Асийский» есть права писца рукописи 136, внесшего их вместо слов «Лев Ка-

рийский». Почему же сделана такая поправка? Причиной была совершенно определенно у Самуицы не использован Лев Диакон, и Лев Кариец почти обделен (у Льва Диакона не имеет. В Куаленовой же рукописи уже выписаны вставки из Льва Диакона, и поэтому вместо незначительной поправки вместо Льва Кариеца введена имя Льва Асийца, которое, безусловно, означало Лев Диакон. При таком понимании Лев Диакон и митрополит Карии не идентичны. Но, конечно, только дальнейшие успехи эпистографии смогут дать действительно факты из поздней библиографии Льва Диакона.

Считалось, что Лев Диакон является автором особого экомикон и честь архистратига Михаила на день его празднования 8 ноября. Но, согласно Панайотакису, имя «Лев» написано в заголовке экомикон ошибочно вместо Пантелеона, так как подобный экомикон в честь архистратига Михаила известен как гоцичение Пантелеона (вторая половина XI в.). Возможно, дальнейшие публикации в области эпистографии церковных деятелей Византии вскроют новые факты.

Остается привести некоторые соображения относительно датировки завершения труда Львом Диаконом. Лев, нужно думать, рано стал увлекаться исторической тематикой. Первые книги его сочинения почти полностью состоят из речей, которые напоминают школьные работы по риторике. Речь Никифора Фоки, Льва Фоки, патриарха Поллиевита — это ученические упражнения на исторические темы; их использовал Лев, начав писать «Историю». Но когда он решил приступить к своему труду? Об этом мы можем судить по введению. Тяжелые годы гражданских войн и поражения в Болгарии, потеря некоторых завоеваний, свершений Цимисхием, шаткость положения правительства Василия II — вот та обстановка, в которой Лев приступил к написанию своего труда. Это вторая половина 80-х годов, вернее, время после поражения византийцев в 986 г., когда сам Лев едва избежал гибели. Вряд ли раньше этого времени Лев мог начать писать «Историю». Последнее событие, которое упоминается в «Истории», — землетрясение 26 октября 989 г. Известие о том, что Василий II в течение шести лет восстановил поврежденный во время землетрясения купол церкви св. Софии, может быть соотнесено поздней вставкой. Лев ничего не пишет о капитуляции Варды Склера (11 октября 989 г.) и о его судьбе, о продолжающемся восстании Фок; ничего не знает он и о крещении Руси (Лев считал, что русские оставались язычниками). Сообщал во введении, что люди ожидают конца света. Лев писал в году 992 г. Он пишет при этом в форме будущего времени, значит он составлял свой труд раньше 992 г. Другое соображение, о котором уже был упомянут: «История» написана в таких тонах об императоре Василии и его матери, в каких невозможно было писать после блестящей победы над болгарями в 991 г. Вот эти два аргумента (вместе

с представлением о росах как о язвчинках) и дают, как мы полагаем, подлинный *terminus ante quem* 990—991 гг. Именно тогда Лев прекратил писать свой труд; вероятно, перечитывая его, он нашел, что ни переделать его, ни опубликовать в период правления Василия II невозможно. Вместо «Истории» он стал сочинять антимий.

Что касается вставки относительно восстановления купола церкви св. Софии и замечания, что после разгрома мятежа Варды Фоки «наступило глубокое спокойствие» (X, 9), то можно думать, что Лев Диакон, просматривая свой труд, сам приписал эти строки. К «Истории» Льва Диакона нельзя подходить как к труду, опубликованному тотчас после написания. Он был закончен около 990 г. и долго находился у автора, так как предать его гласности при жизни Василия II писатель не мог решиться.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЛЬВА ДИАКОНА

Личность Льва Диакона развивалась под воздействием его окружения, воспитания и характера образования. Все это, несомненно, оказывало большое влияние на работу историка, определяло его видение явлений, отбор фактического материала, оценку событий, характеристику деятельности отдельных лиц и активности народных масс, самую политическую тенденцию труда.

Хотя Лев и принадлежал к господствующей прослойке общества, резко отделив себя от черни, он сознавал тем не менее свое личное бессилие, невозможность серьезно влиять на ход событий, исполнял поручения патриарха, а затем императора. Делать карьеру при василевсе, в прочность власти которого Лев не верил, он остерегался. Только впоследствии, убедившись в устойчивости власти Василия II, он написал и провознес в его честь антимий, чувствуя себя уже более уверенно и, очевидно, надеясь на дальнейшее продвижение. Но во время написания своей «Истории» Лев придерживался позиции пассивного наблюдателя. Во введении к труду писатель дает представление о своих философских взглядах. Основу его мировоззрения составляет некая глобальная бинарная оппозиция: с одной стороны, ход времени, стечение обстоятельств, *φορα τω χρόνω και τω παραστάσει*, сила вещей, космических и природных явлений, произвольные действия обладающих властью лиц, а с другой стороны — приниженный объект этих сил — человечество, пассивное перед довлеющими над ним могучими и непреодолимыми факторами. Вся «История» Льва пронизана этой мыслью. Эту силу времени и обстоятельств Лев Диакон обозначает именем античной богини Тихи — судьбы. Человечество бессильно перед ней — даже такие могучие правители, как Никифор, Цимисхий и Святослав, подвластны ее капризам.

Отношение этой глобальной силы к человечеству и составляет предмет истории, которая должна сохранить в памяти людей картины как космических и природных явлений, так и образцы деятельности подвластных Тихи правителей, которые, учитывая пример прошлого, должны принести пользу, а не бедствия своим подданным. Целые главы посвящает Лев Диакон влиянию космических явлений на положение людей. Ничего христианского эта философия Льва не содержит.

Но тем не менее Лев полностью находится во власти христианской идеологии. Он считает, что и природные стихии, например такие, как землетрясения, есть проявление божественного промысла, он пишет о чудесной помощи святых во время войны с тавроскифами (русскими), трактует о конце света, о божьей каре, о вмешательстве божественных сил в судьбы людей. Он глубоко и проникновенно характеризует представителей духовства, монахов, описывает их аскетические подвиги. Как понять это противоречие в воззрениях Льва? В целом подобная двойственность свойственна византийским авторам: с одной стороны, мощь Византии проявлялась в их культурном преобладании над «варварями», и это преобладание, несомненно, было связано с сохранением античного наследия. Пройдя курс «эллинистического» образования, Лев понимал все величие античной культуры, ее значение для византийского общества. Конец IX—X века это время составления «Василики», новелл Льва VI, время творчества Константина Багрянородного и его окружения. Византия как наследница государственных и культурных традиций древнего Рима предьявляла свои права на мировое господство. С другой стороны, Византия была в то же время оплотом христианства, православия, она обрела будто бы от самого Христа права и обязанности по защите веры, сохранению ее чистоты и распространению среди некрещенных народов. Византийский император претендовал на роль главы всех стран как исповедующий истинную веру и как помазанник божий. Византийское государство представляло собой синтез античности с христианством. Это особенно отчетливо проявлялось в среде господствующего класса, который преклонялся перед памятниками и идеологией древней Греции и Римской империи и в то же время фанатично следовал обрядам и образу жизни правоверных христиан. Такая позиция отвечала интересам правящих кругов, не признавая она вреда и церкви. Уже с IV в. церковь претерпела глубокую трансформацию, приведшую к раздвоенности: верхушка общества приняла христианство, но не отвернулась от основных достижений античной цивилизации, совместила идеи греческой философии с поклоном апостолу Павлу и почитанием отцов церкви. Простому же народу христианство давало утешение, утоляло жажду духовного поиска примитивными догматами, привлекая тупиством обрядов и соблазняя положением «овец перед пастырем».

Восприняв эту идеологию, как и вечный блеск — вышедшая дивляемственность, Лев Диакон счел себя вправе отнести свою перчатку к элите общества, могущей презрительно относиться к низам, которые, хотя и являлись «не молитвы» и т. п. (см. Новинский), но, не получив образования, принадлежали к презрительной «черни». Подражание языку Агафия, стремление архивизировать новые названия, заменяя их старинными, увлечение мифологией — все это казалось совершенно необходимым, чтобы претендовать на включение в круг высшего образованного общества. И Лев Диакон держался этой позиции на протяжении всего своего труда.

Как представитель господствующих кругов Лев конечно восхищается силой государства, могуществом власти. Писатель отражал идеологию элиты в тот период, когда она еще не чувствовала себя прочно в своих поместьях и не имела еще достаточной внутренней сплоченности, поскольку эксплуатация народа совершалась в основном традиционным — через взимание налогов и отправление повинностей. В этом отношении Лев выступал как сторонник «сильной руки», но в то же время высоко ценил он императоров щедрых, которые не скупились на награды и подарки приближенным. Для простого же населения он полагал достоянием выселения и угнетения. Нигде не пишет он о каких-либо реальных мероприятиях, которые осуществлялись в то время для народных масс, нигде в «Истории» он не затрагивает жгучих социальных вопросов, хотя эти были очень важными для народа. Хотя по аграрной политике Прокопа, в самом факте нет племена крупного землевладения на христианских землях он знал и признавал, что этот процесс угнетает людей государства, вызывая ростовщичество (История, VII, 11).

Лев Диакон очень высоко ставит значение истории. Она, по его мнению, дает больше пользы обществу, чем любая другая наука. Причем основным принципом истории он считал истину.

Интересны попытки автора дать систематизацию исторических явлений и фактов, Лев считал, что исторические события развиваются в результате действия времени (I, 1). Это понимание времени в качестве движущей силы истории является примитивным выражением понятия развития. Другие же факты и события Лев приписывал стечению обстоятельств — «εἰς αὐτὴν ἐπιπέσει κλιμακίον» (словоупотребление Аристотеля), сложившейся ситуации в целом, включая случайность, в том числе изменению международных отношений. Именно такие события по преимуществу и рассмотрены Лавром. Говоря о развитии событий, он использует понятие «αἰτιότατος» (т. е. естественной необходимости), что сравнимо с латинским понятием «causa necessaria». Есть основания констатировать в представлениях Льва несомненное понимание закономерности развития событий, скрывающейся у него под термином «судьба» — «τύχη» — христианизированным выражением которого является понятие «провидение» — «θεῖα πρόνοια».

Явлениями этого рода противопоставляется «αὐτὴν ἐπιπέσει κλιμακίον» — самостоятельным и неприкрытым тех лиц, в руках которых находится государственные дела и авторитет, в свою очередь, создают особую силу вещей, т. е. особую обстановку, особую ситуацию. В лице своего повествователя Лев неоднократно ссылается на судьбу и «силу обстоятельств» (см. например, высказывание Варды Фоки, VII, 4).

Лев Диакон оптимистически смотрел на проблему человеческого счастья. Он повторяет много встречающийся у древних мотив «ὁμοίᾳ βόθῳ — ἀνάστα βόθῳ» — судьба никогда не дает людям полного счастья — она всегда и благоприятному присоединяет какое-нибудь несчастье (I, 4). Совершенно в языческом стиле Лев пишет о храбрости Альфа Фоки, в котором проявляла свое действие «какая-то божественная сила» (II, 1). Согласно Альфу Диакону, провидение управляет решительно всем, но это провидение не в христианском его понимании: история тесно сближает понятия Тихи и провидения: «Εἰς αὐτὴν ἀνίσταται τύχη». — пишет он, — не прервала жизнь Никифора Фоки, римское государство достигло бы высшего могущества, но ведь провидение (πρόνοια) преисполнителем человеческого духа человека, укрощает его, обращает в ничто». Здесь христианское понятие «промысла», несомненно, полностью отождествляется с языческой Тихи.

Это увлечение автора античностью, языческим мировоззрением вполне понятно. После длительного преобладания (в эпоху иконоборчества) религиозной мысли, нашедшей отражение в Эклоге и сочинениях Дамаскина, Феодана, патриарха Никифора, а после подавления социального движения народных масс в реакционной форме (палакианства) — внутренне окрепшая Византия перешла к агрессивной внешней политике, нашла идейную опору при этом и в героизированных образах деятелей Римской империи, и в достижении гения греческой культуры. В этой атмосфере вполне закономерно было появление составленных в языческом стиле диалогов, подобных «Филопатрис». Интерес к прошлому у Льва Диакона не был простым увлечением — он всюду подчеркивает признаки континуитета явлений действительности и культуры. Он не только называет народности именами давно исчезнувших племен, но и в самом деле считает их прямыми предками этих народов. Прошлое и настоящее у Льва предстает в некоем единстве. В известной мере приверженность к прошлому стала для византийцев подобием религии. Прошлое жило в настоящем. Христианство опиралось на каноны отцов церкви IV в., право — на свод законов Юстиниана I, в литературе вразумом служили произведения Гомера. В этом континуитете Лев Диакон, как и прочие представители византийской интеллигенции, был готов усматривать залог благополучия и счастья империи.

Лев Диакон был патриотом многоплеменной Византии, воспринимавшей как непосредственное продолжение Римской империи.

(«Вспомните, что вы римляне! — ободрял полководцу X в. своих воинов перед боем.) Вместе с тем историк было чуждо сознание своего превосходства как грека над другими народами Византии. Только после битвы при Манцикерте (1071 г.), когда византийцы оказались отрезанными от Кавказа, и после основания Второго Болгарского царства (1186—1187 гг.) Византия стала превращаться в чисто греческое государство. Лев Диакон гордился тем, что является «ромеем», а не «эллинном» (язычником), подобным представителям неправовверных народов. Впрочем, и к иностранцам-христианам Лев относится с презрением (как к более низким по культуре) и ненавистью (как к врагам Византии).

Мы уже упоминали, что Лев произнес свой эпитафий в честь императора Василия II после того, как прекратил писать свою «Историю». В эпитафии отчетливо ощущается раскаяние автора как по поводу прежнего прохладного отношения к Василию II, так и по поводу того, что он столь долго упускал возможность для прославления своего покровителя-императора. Лев восхваляет Василия за воздержанность, свойственную ему с юных лет. Он отмечает, что империя одно время (в 70—80-х годах) была на краю гибели, став добычей узурпаторов (т. е. Фок и Склиров). Он хвалит императора за то, что тот проявил милосердие в отношении к провинившимся: он пощадил заслуживавших казни Михаила Вурцу, Варду Склара и его брата Никифора. Особенно следует отметить, что в эпитафии Лев превозносит императора за ограничение своеволия знатных, которые грабили чужое добро (непосредственно перед тем как издать новеллу 996 г., Василий II развезжал по провинциям, приняв меры против захвата дворянами крестьянской земельной собственности). Лев даже именует таких знатных людей «корыстолюбивыми грабителями», «ненасытными пиявками» (Эпитафий, 13). Император, по его словам, пресек этот грабеж строгим законом, пресек зло, будто раскаленным железом. Под этим «законом», видимо, и следует усматривать новеллу от 1 января 996 г. (Дельтер, 1924. № 763). Как в своей «Истории», так и в эпитафии Лев очень высоко расценивает деятельность отдельных личностей, и нигде при этом нет и намека на богословские положения о божественном предопределении и воле божьей. Представляется даже несколько странным, что в эпитафии придворного дьякона, полном языческих образах, почти отсутствуют канонические христианские приемы оформления панегирика.

В эпитафии Лев проявил себя локким дипломатом. На первый взгляд, его сверххвастливая речь с самыми гиперболическими сравнениями кажется исполненной сервильности, но по существу автор не искал образ императора: все упомянутое в эпитафии достоинство было действительно присуще Василию II; и воинская доблесть, и личная воздержанность, и забота о делах государства.

В связи с этим думается, что упоминавшийся эпитафий Лев, посланный с Флагагатином в Рим, является действительно историком Львом Диаконем: было бы естественным со стороны Василия II выдать Льва на дипломатическое поприще, тем более что он уже при Василии Скемандрине выполнял, весьма вероятно, самые щекотливые поручения. Но, к сожалению, мы не располагаем достаточными фактами для уверенной идентификации такого рода.

В чем же заключалась, по нашему мнению, общая политическая направленность «Истории» Льва Диакона? Она довольно легко определена — Лев ярко тенденциозен. Напряженная деятельность Никифора обрамляется народными выступлениями в столице, бегство правителя Цимисхия — мятежами претендентов на престол. Василий II Лев считал неопытным императором в сравнении с Никифором и Цимисхием. Его правление, по представлениям Льва, почти довело Византию до гибели. Выступления знати были всегда связаны с участием в них простого народа, массы рядовых воинов — стратиотов. Историк сознавал опасность для империи народных движений и поэтому резко осуждал вождей этих выступлений как «тиранов», даже если восстания поднимали лица из любимого им рода Фок. Народ, по убеждению Льва, должен быть пассивен, его долг — подчиняться императорской власти. Если престол будут занимать такие лица, как Никифор II, перед которым Лев преклонялся, то будут и победы над врагами, будет и благоденствие всей страны и народа. При слабых же правителях Византии грозит гибель. Несколько позднее, в своем эпитафии, Лев нашел новый предмет преклонения — Василия II. Но и деятельность императора и полководцев подвергается регулированию, и делает это сама Тихи — судьба, божественное провидение, которое возвышает и укрощает надменных правителей. Экспансия, наступательные войны нужны были для укрепления положения феодализирующейся знати. Пассивность и повиновение в отношении императора, активность в борьбе с внутренними и внешними врагами — вот идеалы, утверждаемые Львом в его «Истории». Опора на традицию, нежелание думать о новых явлениях в истории естественны в условиях переходного строя и должны были рождать, по-видимому, настроение обреченности. Трудности развития вызывали особенно пессимистические представления о будущем Византии. Последняя четверть X в. была для империи наиболее трудной, полной гражданских войн, неудач и стихийных бедствий. Сознание этого обусловило почти мистическое направление мысли Льва Диакона, связанное с верой в неотвратимость силы Тихи и Промысла. У таких лиц, как Симеон Новый Богослов, подобное умонастроение — несколько позднее — выразилось в мистическом сосредоточении на самом себе и в стремлении к таинственной связи с божеством. В широких же массах эти настроения обреченности приводили к мыслям о скоро грядущем

конце света. Однако при некоторой стабилизации и укреплении внутреннего и внешнего положения Византии эти страхи уменьшились, и временно счастливый Лев Диакон оптимизмом как и мистикизм Симеона Нового Богослова, сошел с арены духовной жизни империи. Только в XIV в. эти настроения вновь всецело завладевали византийским обществом. Лев Диакон не понял глубины творческой миссии провинциальной крупной землевладельческой знати и столичной чиновной аристократии. Он видел (это ясно по эпитафии) угрозу бытию империи от действий диктатов, расширяющих крестьянскую собственность, и поэтому одобрял политику Василия II, направленную на ограничение своеобразия крупных землевладельцев. Тем не менее в «Истории» эта позиция писателя не нашла отражения. Все-таки Лев по своему происхождению принадлежал к провинциальной знати. Таким образом, Лев Диакон не сумел полностью пересмотреть свои позиции. Трудно было ожидать от него ясно выраженных похвал политике Василия II против провинциальной знати. Таким образом, Лев Диакон не сумел охарактеризовать правление Василия II с должной полнотой. Рукопись его труда оказалась оборванной на 989-990 гг.

ИСТОЧНИКИ

Осуществляя критический подход к свидетельствам труда Льва Диакона, необходимо, с одной стороны, иметь в виду объект его внимания, т. е. само общество, которое он описал. С другой стороны, важно распознать характер самого субъекта, отображающего события. В какой-то мере это сделано выше, но чрезвычайно важно также рассмотреть те источники, которые автор использовал. Они могут дать представление не только об описываемых явлениях, но и об окружающей автора среде — социальной, политической, идеологической, культурной... Ведь реакция любого автора на предмет его исследования опосредована средой прочего характера: языком, употребляемым в общении с окружающей средой и в близких автору кругах (благодаря общей системе образования), состоянием научных знаний и общим культурным кругозором. Разумеется, определяющее значение имели при этом наличие и характер господствующих в обществе традиций и мировоззрения. Без анализа общекультурного фона того времени трудно усвоить, как понимал Лев Диакон окружающий его мир. Необходимо знать, насколько автор был способен к целостному видению современных ему проблем, насколько его социальное положение отразилось на описании им действительности, на какие принципы он опирался, обосновывая исторические факторы и позиции своих героев.

Что касается языка, то следует обратиться к анализу тех средств, которыми он пользовался. Язык Льва Диакона самым

тщательным образом изучен Гае с филологической точки зрения. В первую очередь Гае отмечает два существенных в лексике и стилистике источника VI в. Агафий Старший использует его слова, Лев Диакон невольно проникается и своеобразным языком автора пошлительным отделением фактов. Многие современные ему события он описывает в духе и даже в образах историографии VI в. Словоупотребление Паутарха, Иосифа Флавия, Прокопия прямо или опосредованно широко применяется Львом и его иллонами. Следует, однако, отметить, что эти заимствования касаются только словоупотребления — ни ни одного примера сравнений героев «Истории» Льва Диакона с героями Агафия и Прокопия. Если и встречаются параллельные образы, то они заимствованы только на мифологии или из Гомера. В целом все-таки Лев пользуется в основном языком ранневизантийского общества, участвуя вместе с этим и общие элементы мировоззрения того времени.

Все позднеантичное у Льва Диакона, как и у других византийских авторов ранней и современной писателю Византии, пересмыслено в духе христианства. В текст вводятся не только отдельные термины, но и целые библейские выражения. Эта смесь лексики авторов VI в. а также Ветхого и Нового заветов составляет тот традиционный фонд, который явственно отразился в повествовании Льва Диакона.

Конечно, речь идет не о том, что Агафий и Прокопий, Новый завет и Иосиф Флавий, Гомер и Паутарх являются непосредственными источниками «Истории» Льва Диакона, однако заимствования именно из этих источников «маскируют» колорит и специфику описываемой Львом современности. Как в картинах сражений, о которых рассказано в «Истории», так и в образах императоров, патриархов и стратигос постоянно чувствуется это влияние.

Что касается источников Льва Диакона в подлинном смысле слова, из которых он отбирает фактический материал, то, помимо личных наблюдений и услышанных им рассказов, в качестве придворного дьякона он мог опираться и на официальные записки о событиях (Карышковский, 1951; Каждан, 1961). Выразительным аргументом в пользу существования таких официальных записей о событиях является включение в рядную «Книгу церемоний» главы с участием на престол Никифора Фоки, где проведена откровенно официальная версия событий (см. дополнение четвертое). Такого рода записки (можно быть уверенным в этом) делались и о других событиях. Ничем иным нельзя объяснить совпадения данных и некоторые взаимно дополняющие друг друга сообщения у Скилицем и Льва Диакона. Безусловно, Лев был знаком и с житийной литературой, мастера прославления им аскетизма свидетельствует о его начитанности в агиографии. Известно, впрочем, хотя бы из труд Симеона Метафраста во время написания своей «Истории»: Лев упоминает Метафраста, но говорит о нем только как о пророчателе (X, 6).

М. Я. Сюзюмов (1916) и П. О. Карышковский (1934) считают возможным предположить, что существовал исторический труд, для которого характерна благожелательная позиция в отношении к роду Фоки и неблагоприятная — к представителям правящей Македонской династии, что этот труд и послужил главным источником для Льва Диакона в первых пяти книгах его «Истории» и что одновременно существовал особый труд, составленный в резко враждебных тонах к Никифору Фоке. Упомянутые особенности творчества Льва определили черты традиционализма его исторической «концепции» — такие, например, как византийский («римский») патриотизм (ведь при Агафии Византия была повелительницей почти всей древней ойкумены), неизменное почтение к царям и патриархам, уважение к синклиту и — самое главное — преклонение перед византийской аристократией. Что касается народа, то автор демонстрирует полное к нему уважение, если народ возмущается своими правителями — светскими и духовными. Но то же Лев проявлял полное презрение к народу (по добное гомеровскому к «ничтожному» Ферситу), если низы держали на самостоятельные действия.

Лев Диакон много знал, во многом разбирался. Но, кроме его труда, мы располагаем рядом источников, которые не были известны Льву. Для того чтобы глубже понять описываемые им события и явления, необходимо использовать и другие исторические сочинения, а также географические и военные трактаты, законодательные акты, жития. Среди таких исторических произведений следует поставить на первое место хронику Иоанна Скилицы (XI в.). Этот труд дает наиболее подробные сведения о событиях в Византии с 811 до 1057 г., а с добавлениями Анонима (так называемого Продолжателя Скилицы) — до 1079 г.* Более поздний труд Иоанна Зонары (XII в.) восходит к Скилице, но имеет с ним и много расхождений. Для правления Романа II дает также материал труд так называемого Продолжателя Феофана. Для характеристики порядков византийского императорского двора важным источником является «Книга церемоний» Константина Багрянородного, в которую включен «Канторологий» Филофоса с ценным описанием вступления на престол Никифора Фоки. Сведения об административном устройстве есть в книге Константина Багрянородного «О фемах» (Конст. Багр. Фем.), хотя и обнаруживающей тесную зависимость от сочинения Иерохла (VI в.) Существенные дополнения содержатся в тактиконх Бенешевича и Иконоидиса.

Для понимания основ византийской дипломатии того времени,

* Е. Цолжик, выполнивший критическое издание труда Продолжателя Скилицы, отстаивает мнение о написании и этого сочинения самим Иоанном Скилицей См. Цолжик, 1968, 75—99.

внешней политики империи, состоящая соседних с Византией стран исключительно важен труд Константина Багрянородного, обращенный им к сыну и наследнику. «Об управлении империей» (Конст. Багр. Адм.).

Имеет некоторое значение также хроника, известная под именем Симеона Магистра или Псевдо-Симеона (до 963 г.), и ее продолжение, принадлежащее перу Георгия Монаха (963—969).

Особенно ценным источником для выяснения событий, связанных с войнами Салтослава на Балканах, является «Повесть Временных лет», сохраняющая тексты византийско-русских договоров X в. Чрезвычайно полезен и труд арабского историка Яхьи Антиохийского (XI в.), который во многом (особенно при датировке событий) существенно уточняет и дополняет известия византийских историков. Не могут быть оставлены в стороне сочинения и других арабских авторов (Аль Макина, Табари, Ибн-аль-Атира), касающиеся истории Византии и ее взаимоотношений с арабами во второй половине X в. (они используются в переводах В. Р. Розена).

Кроме того, имеют отношение к делу «Всеобщая история» сирйского писателя Бар-Эбрея (XII в.) и труды армянских авторов: «Повествование» Аристанаса Вардагета Ластивертци (XI в.) и сочинения Асохина (Степанаса Таронского — XI в.).

Из литературных произведений, дающих материал для понимания эпохи, можно отметить стихотворения Иоанна Геометра, диалог «Филопатрис» (подражание Лукиану), историческую поэму Феофосия Диакона о завоевании Крита Никифором Фокой и народный эпос о деяниях Дигениса Акритя.

По военному делу в X в. появилось много трактатов, из которых можно получить хотя и противоречивые, но многочисленные данные о состоянии византийской фемной армии: «Тактика» Льва VI, «Воинский закон», «Сялага тактика», Аноним Хингемана, Аноним Варя, «Стратегикон» Никифора, «О военных скватках Никифора».

Особенно обширна юридическая литература той эпохи. Действующий правом с конца IX в. стал свод законов «Василик», после которых появились разные сборники — руководства для судей того времени, весьма важные новеллы Льва VI, имевшие силу в течение всего X в. и «Эпитоме законов».

Исключительное значение для характеристики внутреннего строя и аграрной политики X столетия представляют новеллы императоров Романа I, Константина VII, Романа II, Никифора Фоки, Цимисхия и Василана II, а также «Податный устав» X в., рисующие картину острых социальных противоречий в византийском обществе. Ценные сведения содержатся в «Книге епархиального общества» (уставе византийских городских корпораций), опубликованной при Льве VI и дополненной при Никифоре Фоке.

Из западноевропейских источников очень интересные, хотя и

небеспристрастные данные о Константинополе и Никифоре Фоке срубляются Лиутпрандом Кремонским.

Что касается агнографической литературы, то особенно много ценных сведений заключено в житиях Афанасия Афонского, Феодора Тирона, Луки Сталита, Никона Метаноита. Для второй половины X в. интерес представляют также письма современников (Даррузес, 1960; 1966; Браунинг, 1954).

Общими справочными пособиями по византийским источникам являются работы К. Крумбаха (1897), Д. Моравчика (1958) и И. Караяннопудоса (1970). По вопросам истории церкви наиболее авторитетен труд Х. Г. Бекка (1959). Особое место принадлежит «Регестам» Ф. Дальгера (1924) — они содержат перечень и аннотации всех документов, исходящих от императорского двора; «Регестам» В. Грюмеля (1947) — об актах ведомств Патриарха и его «Хронологии» (1958). Безусловно, этим списком источники, которые могут быть использованы при интерпретации сведений «Истории» Льва Диакона, далеко не исчерпываются. Не исключено, что могут быть обнаружены и новые данные как о событиях второй половины X в., так и о самом авторе «Истории».

РУКОПИСЬ «ИСТОРИИ» ЛЬВА ДИАКОНА

Труд Льва Диакона, можно думать, так и оставался неопубликованным при его жизни, а после смерти, должно быть, попал в патриаршую библиотеку при «Великой церкви». Возможно, патриарх Лихуд (1059—1063), по совету которого Михаил Пселл стал писать свою «Хронографию», указал ему на этот труд. Панайотакис (57) считает вполне возможным, что сохранившаяся до нашего времени рукопись сочинения Льва восходит прямо к тому прототипу, который изготовил сам Пселл для работы над своим историческим трудом. Сочинение Льва Диакона сохранилось в двух рукописных списках — Парижском 1712 и Эскориала Y—1—4. Однако последний список является дословной передачей Парижского. Поэтому фактически текст «Истории» Льва Диакона может быть изучен на основании одного только Парижского кодекса 1712. Подробное его описание дано Н. М. Бубновым (1895), а также К. Прехтером (1895) и особенно Н. Панайотакисом (1965); Кодекс 1712, хранящийся в Национальной (первоначально № 2563 Королевской) библиотеке в Париже, состоит из 430 листов, из них 422 пергаменных и восемь бумажных. При этом первые шесть и последние десять листов относятся к более позднему времени, примерно к концу XV в., тогда как листы 7—420 палеогеографически характерны для XII—XIII вв. Чувствуется, что старинный кодекс был в плохом состоянии, и в XV в. первые и последние листы были подновлены, причем к сборнику были добавлены мелкие статьи.

Варда Фока ищет убежища в храме св. Софии

Вступление Никифора Фоки в Константинополь

Штурм Преславы войсками Иоанна Цимисхия

Киевский князь Святослав беседует с императором Иоанном Цимисхием

Начинается кодекс оглавленным, охватывающим 422 листа. Первые листы посвящены вселенским соборам, на пятом листе (об.) помещена небольшая хроника событий — от Адама до Флорентийской унии. Листы с шестого по двенадцатый (об.) занимает хроника Симеона Логофета и Магистра с надписью «это Метафраст». Листы с тринадцатого по восемнадцатый (об.) — это повествование о постройке храма св. Софии. Собственно, историческая часть кодекса начинается с листа восемнадцатого (об.). Вплоть до 272-го листа следует «Анонимная хроника» — от Адама до середины правления Романа II (959—961), составленная на основании разных источников (эта хроника изучена Шестаковым, 1897 и Алкеном, 1959—1960). Хронологически она прямо примыкает к следующей далее «Истории» Льва Дякона. Как кажется, вся рукопись является по замыслу заказчика таким сборником, который представлял бы собой связную историю Византии до последней четверти XI в. Начиная с 272-го до 322-го листа в кодексе помещена «История» Льва Дякона, после которой, примыкая к ней как ее продолжение, следует «Хронография» Михана Пселла, охватывающая период от Василия II до Константина X Дуки (с 322-го по 422-й лист). Два последних листа хроники подновлены той же рукой, что обнаруживается и на шестом листе хроники Симеона Логофета. Последние страницы с листа 424 заняты итинерарием (от Кипра до Тавриза) конца XV в., сочинением о военном строе войск Мехмеда II и кратким обзором событий от Адама, запиской об осаде Константинополя в 1422 г. с надписью: «От сотворения мира до сегодняшнего дня хотят считать 5353 года, но мы, как христиане, хотим считать, что имеется уже полных 7000 лет». Следовательно, время подновления кодекса — 1491—1492 гг. (Приведенный в записке 5353 год дан, вероятно, по еврейскому летоисчислению). Заканчивается кодекс краткими сообщениями о стремлении французского короля Карла VIII (1483—1498) отвоевать Константинополь у турок, о происходившей в 1463 г. битве между венецианцами и турками, а также о постройке храма св. Марка в Венеции. Водяной знак последних листов рукописи тоже соответствует распространенному в начале XVI в. в Западной Европе.

Вся основная часть рукописи (кроме начальных шести и конечных десяти листов), т. е. окончание хроники Симеона Логофета, анонимная хроника, полный текст «Истории» Льва Дякона и почти вся «Хронография» Михана Пселла — вплоть до листа 420 — написана одной рукой. Очевидно, основной писец был опытен, почерк его устойчив, четок, сокращения отдельных слов обычные.

Но совершенно другое впечатление производит орфография писца. Она поражает своей неустойчивостью. Принятое в образованных кругах традиционное правописание уступает фонетическому. Буквы θ , δ , τ , ρ , ν , σ смешиваются, поскольку в то

время эти сочетания произносились одинаково как *i* (явление итацизма); *O*, *o* и *U*, *u* не различаются; встречается удваивание букв, например *ρραλλιτας* вместо *ραλλιτας*; иногда допускаются пропуски или вставки букв. Особенно поражают перестановки букв, придающие иной смысл слову: *πορφυραν — πριφρα*. Вспреки праву буква *υ* перед губными сохраняется. Особенно не выдержаны правила акцентировки — Е. Миллер, один из исследователей рукописи, удваивая массу ошибок, считал писца неграмотным, неинтеллигентным, назвал рукопись своего рода «Ангиевой конюшней», которую следует очистить при критическом издании текста (Панайотакис, 1965, 7а). Но вероятнее всего, на орфографию повлиял метод написания рукописи. Характер ошибок дает, безусловно, право считать, что рукопись переписывалась под диктовку, возможно, сразу несколькими людьми. Можно подумать, что писец, записывая под диктовку, даже не вникал в смысл диктуемого (Там же, 80). Ошибки такого рода приводятся в примечаниях Газе и в особом списке у Панайотакиса (81). Так, Газе затрундилась, как понять слово *εταίρος*, поскольку одинаково звучало в XI—XII вв. и слово *εταίρος* — «другим» и слово *εταίρος* — «товарищам». Согласно переводу Газе, Святослав ничем не отличался от других по одежде, тогда как, возможно, следует читать *εταίρος*, т. е. что по одежде Святослав ничем не отличался от его сподвижников. Вероятно, однако, что некоторые части рукописи писались не под диктовку: так, в одном месте дважды написано одно предложение, что бывает при переписке наедине с текстом и почти немислимо при писании под диктовку.

Кодекс 1712 стал доступным ученым только с XVII в., когда появились каталоги рукописей Королевской Парижской библиотеки. Первоначально, по-видимому, рукопись находилась в Константинополе до занятия его турками, после чего она была перевезена одним из беглецов на остров Крит. Здесь рукопись, возможно, принадлежала известному филологу Плусядну, ставшему впоследствии епископом Мефони Иосифом (Панайотакис, 1965, 47). О дальнейшей судьбе рукописи имеется уже больше данных. В XVI в., как полагает Панайотакис, рукопись попала в руки историка Антония Каллерга (умер в 1555 г.), который ссылается на «Историю» Льва Диакона. Семья Каллергов считалась одной из знатных на Крите. Каллерги вошли в состав венецианской знати, когда остров находился под властью Республики св. Марка. Во время нападения турок на Крит они переселились в Венецию. Каллерг был известен как коллекционер рукописей, греческих и латинских. По всей вероятности, он и был собственником рукописи, которая представляла для него ценность и как для историка Крита, и как для потомка Никифора Фоки (каким считал себя Каллерг). Но в списке книг его заведения рукопись Льва не значилась. Возможно, написание было составлено поспешно, и

многие книги в него не были внесены. Рукописи переходили к наследникам Каллерга. От его правнучки они перешли к известному библиофилу-историку Рафаилу дю-Фреску, вдова которого, видимо, и продала вместе с другими рукописями «Историю» Льва Диакона Фоке, от которого рукопись попала в собственность Парижской Королевской библиотеки в 1662 г. (Панайотакис, 1965, 71—75). Заголовок труда Льва Диакона не принадлежит самому историку — это добавление составителя рукописи и переписчика, который красными чернилами надписал: «Льва Диакона история, начинающаяся от смерти императора Константина до смерти императора Иоанна по прозвищу Цимиский». Наименование автора «дыяконом», видимо, проведено также писцом по тексту «Истории» (X, 8).

Все ученые обращают внимание на то, что вслед за окончанием труда Льва Диакона сразу, безо всякого введения, тем же писцом переписана «Хронография» Пселла, которая по содержанию является продолжением исторического труда Льва. Возможно, писец, идя под руками сочинение Пселла и желая создать обобщенный труд по истории Византии вплоть до времени собственной жизни, по своему усмотрению соединил два исторических труда. Но, как мы помним, список «Истории» Диакона делал сам Пселл, и возникает недоумение, как это словоохотливый Михаил Пселл на сей раз нарушил обычное правило помещать перед историческим трудом введение. Панайотакис (56) допускает, что, заказав список с оригинала (т. е. рукописи 1712) и желая иметь полный обзор истории Византии, Михаил Пселл прямо к концу труда Льва Диакона, после слов «император Василий...», присоединил свой исторический труд. Однако проблему, был ли закончен труд Льва Диакона в том виде, в каком он дошел в рукописи 1712, следовало бы решить, учитывая политическую направленность этого сочинения историка и политическую обстановку времени завершения его труда. (См. раздел о мировоззрении Льва Диакона.) «История», написанная в период млетских представителей феодализирующейся фемной знати, в силу ясно выраженного пренебрежения к законным императорам, разумеется, не могла быть опубликована придворным дыяконом при жизни Василия II и поэтому оставалась неизвестной читающей публике длительное время. Вероятно, Иоанн Скилица не знал труда Льва Диакона. Одним из аргументов в пользу этого предположения может быть тот факт, что подлинные выписки из труда Диакона содержатся не в самых ранних списках Скилицы, а в более позднем — Кузеновой рукописи 136. Возможно, когда Кедрин использовал рукопись Скилицы, труд Диакона еще оставался неизвестным в Византии. Правда, И. Турн полагает, что Скилица каким-то образом был знаком с пассажами Льва Диакона о правлении Константина Багрянородного, но никак не подкрепляет своей гипотезой.

О второй рукописи «Истории» Льва Дякона (кодекс V-14 Эскориала в Мадридской национальной библиотеке) нет сведений в справочных изданиях Крумбахера (1897), Моравчика (1958), Бекка (1961). Папайотакис (85—103), однако, подробно изучил эту рукопись. Оказалось, что она относится к венецианским рукописям начала XVI в. и тщательно списана с Парижской рукописи 1712. Повторены все те же ошибки. Иначе говоря, мадридская рукопись ничего нового для историка не дает. В XVII в. во Франции труд Льва Дякона изучался основательно. В своем глоссарии (1688) Дюканж использовал текст Льва Дякона. В 1672 г. доминиканский монах Франциск Комбефис подготовил к печати латинский перевод Дякона, но планы его издания не осуществлялись. В начале XVIII в. попытка Лекьера издать текст сочинения Льва сорвалась вследствие войны за испанское наследство. Рукопись Комбефиса, как уверял Карл Газе (XV), затерялась во время «бури Французской революции». Наконец Газе в 1802 г. решил приступить к подготовке издания греческого текста «Истории» Льва с переводом на латинский язык. Ему удалось издать в 1810 г. шестую книгу Льва Дякона, однако для полного опубликования всей «Истории» у Газе не хватило средств. В 1816 г. его проектом заинтересовался граф Николай Петрович Румянцеv, который и финансировал полностью издание Льва Дякона. В 1819 г. рукопись 1712 увидела свет с добавлением других источников X в., в роскошной Парижской серии источников Востока. Это издание стало редкостью, так как 150 экземпляров, посланных в Россию, погибли при кораблекрушении. Сразу же после ознакомления с текстом парижского издания в Петербурге в 1820 г. поспешно был создан перевод «Истории» Льва Дякона Д. Поповым. Переводчик добавил к изданию вольный сокращенный перевод вступления Газе к «Истории», затем труд «О сношениях с неприятелем сочинение государя Никифора», отрывок из истории Елифания Милетского и письмо Феодосия Монаха Грамматика ко Льву Дякону о завоевании Сирыкуз, а также вольный перевод «Записки некоего грека о переправе через Днепр и войне у Херсона» (т. е. то, что потом стали называть «Запиской Готского топарха»). Греческий текст «Истории» Льва Дякона опубликован точно по парижскому изданию в 1828 г. в Боннской серии византийских историков с латинским переводом Газе (переиздан в 1864 г. в 117-м томе «Греческой Патрологии»). Подробные сведения об изданиях, переводах и о литературе к «Истории» Льва имеются у К. Крумбахера, но в основном у Моравчика (1958. 394—400), на русском языке — в «Очерках» Бенешевича (1912 — перевод сокращенный). Хотя сочинение Льва Дякона, будучи доступным для русских читателей, самым широким образом использовалось в науке, специальных исследований об авторе, его источниках, о достоверности сведений «Истории» в целом появилось за полтора

века отнюдь не много. Наиболее важное значение имели при этом труды Г. Бернарди — (1832 — мне недоступен), В. Фишера (1886), Г. Вартенберга (1897), К. Крумбахера (1897), М. Я. Сююмова (1916), С. Болоньи (1950 — мне недоступен). Чрезвычайно интересны исследования П. О. Карышковского (хотя они велелись в аспекте войн Святослава, но с обидей широкой критической оценкой данных Льва Дякона) (50-е годы), большая статья А. П. Каждана (1961). Наиболее широко анализировал труд Льва Дякона Н. Папайотакисом (1965). О мировоззрении Льва Дякона как по его «Истории», так и по выкоммю см. Сююмова. 1971 Ряд исследований, посвященных отдельным проблемам в связи с трудом Льва Дякона, приведен нами в комментариях к «Истории».

ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

- Представление об истории как о самой полезной для общества науке — «учительнице жизни» — характерно и для античности. Господствующей теорией исторического процесса была Полибиева цикличность. Естественно, что если явления повторяются, то людям необходимо излагать уроки из истории. Лев Диакон замечательно последовательно нервой главы из исторического сочинения Агафия «О востроении Юстиниана» (5). Агафий, историк VI в., в свою очередь, опирался здесь на Дворора Сиднейского (Кэмпбелл, 1970, 58).
- Введение Льва Диакона отличается от введения Агафия попыткой выделить движущие силы исторического процесса. Агафий в своем записке делает упор на том удовольствии, которое доставляет читателю история; у Льва об этом ни слова.
- Общий пессимистический тон введения Льва Диакона, вероятно, отражал настроение византийского общества. Подобное мироощущение было свойственно самому императору Василию II, в правление которого писал Лев. Новелла от 4 апреля 988 г. провозглашала такую же пессимизмом: «До настоящего дня никакой, даже самой лучшей удаче мы не встретили в нашей жизни, но, напротив, не осталось такого вида несчастья, которого мы не испытали бы» (Ц—Л. III, 303—304). Введение Льва звучит кощунство «История». Возможно, причиной ожидания конца света была каббалистический расчет: приближавшийся 992 год был 6500 г. от сотворения мира. Христос родился в 5500 г., а согласно Новому завету (2 Петра, III, 8), «Богий день» равняется тысяче человечески лет. См.: Васильев, 1942.
- Парафраза Нового завета: 1 Коринф. VII, 31.
- Почти дословно из введения к «История» Агафия (8).
- Подражание Агафию (8—9), который таким же образом представлял себя читателю. Агафий же такая форма самохарактеристики заимствована из стилизованной эпитафии (Кэмпбелл, 1970, 2).
- Каледо — совр. Галеза, Югославия. 1890, 105; Толмачев, 1891, 91—92).
- Лев в данном случае исправляет текст Гомера (Ил. II, 461). В X в. провинция с названием «Азия» не существовала. Имелся в виду Фракийский п-ов. знавшая юго-западную часть Малой Азии и образованная в 741 г.
- Тмола (совр. Боз-Дуг) — горный хребет за западе Малой Азии (Ил. II, 886; XX, 385).
- Канстр — река, упоминаемая Гомером (Ил. II, 461), совр. Кучук-Мендерес.
- Кальвианские поля простиралась вдоль среднего течения Канстра. По Страбону (XIII, 13), «Кальвианская равнина» лежала в Даклии (ср. Толмачев, 1891, 91).
- Эфес — крупный город в устье реки Канстра (Страбон, XIV, 1, 21), столица Фракийской страны, совр. Асуслут (Толмачев, 1891, 32—34).
- Правильность как основное требование, предъявляемое историку, — общее место всех античных и средневековых авторов. В данном пассаже Лев Диакон подражает Агафию (9—10). Противопоставление поэтики и риторики — история полностью замеществовал у ранневизантийского историка Прокопия (I, 1, 4).
- Василис — официальным титул византийских императоров, начиная с Ираклия (626 г.).
- Константин VII Багрянородный (17—18 мая 905—9 ноября 959), с июня 911 г. — соправитель отца, Льва VI. с июня 913 г. — самодержец, с 17 декабря 920 г. — соправитель Романа I и его сыновей, с 27 января 945 г. — самодержец.
- О хомете упоминают многие авторы: Георгий Монах (864), Продолжатель Феофана (463), Лев Грамматик (279), Продолжатель Амартола (786—787), Симеон Магистр (708) и др.
- Быть может, имеются в виду сочинения Симеона Логофета и Продолжателя Феофана, но не исключено, что Лев и здесь подражает Агафию (14). См.: Сюзюмов, 1916, 135; 141.
- Цитата из Геродота (I, 8, 2) передана Львом неточно, очевидно, по памяти. Можно ли на основании этих слов Льва делать вывод, что он не пользовался никакими письменными источниками, а описывал только им самим виденное и слышанное? (так считают, Кривбачер, 1897, 267; Моравчик, 1958, 398—399, и др.). Видно, нет. Он обращался и к официальным документам, и к историческим трудам; неоднократно ссылается он и на эпистолярные источники.
- Византийский историк XI в. Скимнда (247) датирует смерть Константина 9 ноября 959 г. Та же дата — в краткой хронике (Шрайвер, 1975, 164; 1977, 120), в мик к тому же сообщается, что император скончался в среду, в третьем часу. Но Продолжатель Феофана (469) и Псевдо-Симеон (756) дают 15 ноября, в императорский некрологий — 19 ноября (Григорев, 1962, 58).
- Индик — летосчисление по 15-летним циклам. По данным византийских, оно сохранилось в римском Египте при проверке списков налогового обложения каждые 15 лет. В Византии этот счет введен в 312 г. Константином I. Начиная индик в Византии и на Руси 1 сентября. Для проверки соответствия индикта году нужно год от сотворения мира разделить на 15; цифра в остатке означает индикт.
- Лев Диакон (в отличие от арабских авторов) очень редко приводит двупериодную хронологию. В его труде только четыре полных даты, из них действительно правильная (верное соотношение индикта и года от сотворения мира) — дата смерти Никифора Фоки. Даты смерти Константина, вступления на престол Никифора и смерти Цимискиа (о нем см. кн. III, примеч. 9) верно вычислены по индиктам, но не по годам от сотворения мира. При определении года от сотворения мира в византийской хронологии использовались различные системы; кроме основной, Константинопольской, существовали еще александрийская и протовизантийская (Григорьев, 1958, 73—84). Видимо, ошибки Льва связаны с пересчетом из одной системы в другую (Там же, 126—127). В данном случае следует читать: 6668, ноября, 3 индикта (959 г.).
- Цитата из Ветхого завета (2 Матвеев, V, 5).
- Роман II вступил на престол в 959 г., 21 года от роду. (Пред. Феоф. 469).
- Его старшему сыну — будущему императору Василию II — был в то время год. Еще через год императору Феофане родила второго сына — будущего императора Константина VII. Удивительным образом Лев Диакон не выказывает интереса к детским годам своих повзрослевших.
- Аналогичную характеристику Романа II дают и другие историки (Скимнда, 243; Пред. Феоф. 471—472). О том же рассказано в «Чудесах св. Ефимия» и неопубликованной «Краткой истории» Пеллаа (см. Мелконис, 1981, 95—96). Можно предполагать, что все правительственные акты исходили от фаворита Иосифа Вринга или от императрицы Феофаны.
- Организатором похода был Вринга, являвшийся другом Лова; флота см. примеч. 6, кн. VI (Арсевер, 1966, 114). Упоминация об этом, Лев Диакон уже здесь обнаруживает к нему свою антипатию (ср. примеч. 40, кн. II).
- Завоевание Крита арабами из Египта относится к 823—828 гг. С того времени остров стал базой для нападений на византийские побережья и острова (Христидис, 1984, 81—97). Первый неудачный поход с целью отвоевания Крита относится к 843 г. (Пред. Феоф. 203); дальнейшие

- попытка предпринималась Михаилом III и Василием I (Прод. Феоф. 291). В данном случае речь идет о походе Константина VII. Подготовка к нему подробно описана в «Книге черемоной» (664—678). О самом походе см. Склиад. 236. Эту экспедицию датируют как 949, так и 956 г. (Рольб. 1870, 429); слова Льва Диакона о том, что несчастье произошло «недалеко», свидетельствуют скорее в пользу второй даты.
- ⁸ В византийском флоте обычно употреблялся термин «дромон». Но историки предпочитали в целях архаизации пользоваться древним словом «стратон» (ср. Тактика Льва, XIX, 1). Дромон (дословно «бегун») представляла собой длинный весельный корабль (Арвейлер, 1966, 411). Для такого судна требовалось 230 человек команды, оно вмещало 60 воинов. Дромоны снабжались специальными сировами для выбрасывания на вражеские корабли «греческого огня». Этот состав из нефти, смолы и серы был впервые применен в 678 г. Секрет его приготовления содержался в строжайшей тайне.
- ⁹ Паралогия — византийская фема на севере Малой Азии со столицей в Гагире (Иконоидис, 1972, 349).
- ¹⁰ Патрикий — придворный титул высшего ранга, введен Константином Великим. Этот титул давал право присутствовать на заседаниях сената и выполнять самые ответственные должности. Последние упоминания о патрикиях относятся к началу XII в. (Успенский, 1896, 131; Иконоидис, 1972, 294—295).
- ¹¹ Кубулаурий Константин Гонгилла был супругом императрицы Зои, а впоследствии — и ее сына Константина VII (Гийан, 1967, 279—282). О нем как виновнике моравжени см. Склиад. 246.
- ¹² При дворе Романа II было много противников опасной и дорогой экспедиции на Крит. Однако Иосиф Вривга, прекрасно подготовив флот, настаивал на походе (Прод. Феоф. 474).
- ¹³ Термин «стратон» Лев употребляет в двух значениях: пранзель фемы и командовавшее войском. В данном случае имеется в виду второй смысл. Стратиг-эпикратор — полководец, имеющий право вести войну по своему усмотрению, т. е. первоначий главнокомандующий (Арвейлер, 1966, 56, и сл.). В таком значении слово «стратон» перестало употребляться в конце X в. (Гийан, 1967, 381).
- ¹⁴ Никифор Фока происходил из фемной знати, владевшей крупными земельными богатствами в Каппадокии. Род Фок возвысился в IX в., прославился победоносными полководцами в войнах против арабов (Турли, 1976). Особенно знаменит был Никифор Старший (см.: Гретьер, 1953), приходившийся дедом герою Льва Диакона.
- ¹⁵ Уже к середине IX в. титул магистра стал чисто декоративным. Обладать им не обязательно сопровождалось ответственной должностью. Исчез в начале XII в. (Иконоидис, 1972, 294).
- ¹⁶ С IX в. до 60-х годов X в. дрометский поход называли главнокомандующего. Деление на дрометский Восток и Запад было принято при Роме II (Иконоидис, 1972, 329). Восток считалась Малая Азия, Запад — Балканы.
- ¹⁷ Наиболее правдоподобно число кораблей — 250 — названо в житии Афанасия Афонского (Маркопулос, 1983, 1064—1066).
- ¹⁸ Пенеций перевод «История», выполненный Ф. Лоретто в 1960 г., во многих случаях грешит чрезмерной опсициальностью. Например, это место переводит так: «Он построил своеобразный мост, связавший корабли с берегом» (Лоретто, 14). В дальнейшем мы будем указывать на самые явные расхождения с этим переводом, и на те неточности, которые не отмечены в рецензии: Г. Лайхнер, 1962.
- ¹⁹ Дата высадки на Крите Авном не указана. Согласно Янне Антохийскому (84), это произошло 13 июля 960 г. Скорее всего, войско сошло на берег запада Адмиралос (Панайотакис, 1960, 55). В житии Афанасия Афонского содержится интересная подробность о высадке Никифора на Крите: чтобы

- арабы не узнали о численности его войска, он несколько раз произвел высадку с одним и тем же кораблем (Лемингиде, 1976).
- ²⁰ Вше Лев говорит о «фалигах», здесь же употребляет слово «эпизаги». Между тем византийская армия уже давно не строилась фалигой. Что же касается боевого клича, то «эпизаги» заимствовано волашские в честь бога войны Ареса (ср. Ил. XVII, 211) — естественно, византийцы не могли забывать и этому богу. Подобные анахронизмы допустимо объяснить тем, что Лев Диакон изучал в школе византийских агиторов и в качестве учителям являлся зоолого о визити Никифором Крита, которую потом и использовал в «История». Школьные темы Льва как раз принадлежат к правлениям Никифора, и естественно, что упоминания на тему о его подвигах были в обиходе. (Пример прославления Никифора — и поэма Феодосия о визити Крита.)
- ²¹ Согласно арабским источникам, византийское войско состояло из 7200 пешех. воинов и 5000 всадников (Панайотакис, 1960, 47). Хотя Склиад также рассказывает, что битва произошла немедленно после высадки, другие источники этого не подтверждают; видимо, всла стемна и была, ее масштабы явно преувеличены Авном (Там же, 48—49).
- ²² Это был город Хандак (Склиад. 249) — совр. Ираклион. Лев Диакон ограничивается описанием его осад и взятия. В действительности же и лагерь Никифора располагается далеко от города, и к блокаде его византийцы приступили позже.
- ²³ Феодосий (172—173) называет место, где был разбит лагерь. — Фивкиа. Этот топоним существует и сейчас на юго-запад от Ираклиона (Панайотакис, 1960, 57).
- ²⁴ Тортыды — грузовые корабли. Они обычно служили для перевозки продовольствия и снаряжения (Тактика Льва, XIX, 13). Феодосий (139—144) сообщает, что Никифор приказал вытаскивать корабли на берег.
- ²⁵ В течение восьмимесячной осады крепости Хандак никто не пришел «д в помощь из других арабских земель. Причина этого как и дипломатической подготовке похода — византийцы умело использовали разобщенность арабского мира (Христидис, 1984, 186—191), так и в их провозах на море, достигнутым в этот период (Арвейлер, 1966, 114—117).
- ²⁶ Так называл араб-мусульман по имени египтянин Агар — служанка Сарры, жены Авраама, от которого, согласно Библии (Бытие, XVI, 10—15), Агар родила сына Измаила, признававшегося родоначальником арабов. Поэтому иногда арабов называли еще измаилитами.
- ²⁷ Береговая Фракийская фема как самой близкой к Криту больше других подвергалась пиратским набедам (ср. Газе, 408), и ее ополченцы весьма важно, должно быть, сыгравшую роль в арабах.
- ²⁸ Перед нами — цитата из Первого послания и фессалоникийцам (V, 6).
- ²⁹ Между тем переводчик толкует эти слова по-другому: «...не недооценивать легкомысленно трудностей получения» (Лоретто, 15).
- ³⁰ Понуждавший в византийской литературе толпе о непрочности человеческого счастья в силу «зависти богов» (ср. Ил., IV, 320; Софок. Антигона, 1158; Еврипид. Андромата, 100 и т. д.) провик и в Византию.
- ³¹ Само имя Никифора Пастлам приводит один Лев Диакон, но история его гибели подробно изложена и Феодосием, рассказывает тот и о случившемся некогда дареции Никифора (860—866), уточнил, что оно произошло из-за бегства воинов Македонской фемы. Согласно Феодосию, на Крите Пастлам действовал против десяти тысячней армии под командой Карамушес, которая, несмотря на гибель самого Пастлам, была разгромлена (810—914). Однако в поэме «О визити Крита» этот эпизод движется по другому пути (Панайотакис, 1960, 72).
- ³² Хотя Лев был дрометом, его микровизантизм противопоставлен предшественникам — божественному царице Тити, возмущенной божией судьбой.
- ³³ Эпизод, вероятно, относится к визити с египетскими посланцами, в историю Никифор участвовал с юных лет. См. Фотий. 1902, 293—300.

- ¹¹ Вряд ли стены Хандака были сасаниды только из земли и шерсти — из каменным фундаментом носужила основой для позднейших византийских укреплений. Хотя слово «хандак» означает «ров», но все-таки ров там было не два, в один, что отмечают и Феофан, и сам Лев Диакон в других местах (Панайотакис, 1960, 61—62).
- ¹² Подражая античным авторам, Лев придала речи, которую Никифор мог бы провозгласить перед войском. В ней, вероятно, нет преувеличений. Все ищущие подтверждения, что Крит превратился в главную опорную базу арабских пиратов, разорявших Грецию и Маауну Азию. Однако взгляд византийских авторов односторонен; нельзя считать Крит только «пиратским гнездом»: на острове существовала сложившаяся административная структура, чеканилась монета, развивались ремесла и торговля, встав и с Византией. См.: Христидис, 1984, 114—116.
- ¹³ Цитата из послания апостола Павла Титу (П, 12) приведена Львом Диаконном источно — видимо, во память.
- ¹⁴ Борьбе с арабами Никифор стремился придать характер священной войны. В «Стратегике Никифора» (20) есть страшное требование к войску молиться утром и вечером, а при повелении неприятеля взять к Христу о помощи.
- ¹⁵ В X в. византийцы все еще считали себя римлянами (по-гречески «ромейанами»), гордились славою древнего Рима.
- ¹⁶ Греческое население, подвластное арабам, помогало Никифору (ср. Атталамат, 227; Прод. Феоф. 476, 480), но не так активно, как это представляется многим современным исследователям. — ведь арабы не преследовали христиан за их веру (Христидис, 1984, 184).
- ¹⁷ Об этой битве рассказывает и историк XI в. Михаил Атталамат (226—227), добавляя, что о памисе арабов прорвать осаду Хандака Никифору стало известно от двух иеребичинов.
- ¹⁸ Арабы-перевесчики из стран Арабского халифата образовывали особые отряды; о них Лев Диакон упоминает и дальше. Арабы в то время достигали на военной службе самых высоких постов (Каждом, 1975).
- ¹⁹ Всею эту фразу Ф. Лоретто (21) сводит к словам: «... и они поступали, как он сказал».
- ²⁰ О том же эпизоде повествует Феофан (338—345) и Атталамат (228), объясняющий эту жестокость стремлением показать осаждаемым, что помощь не придет.
- ²¹ Ф. Лоретто (21) понимает последние слова как «... отвергал иеремические».
- ²² Описание штурма Хандака очень похоже на описание взятия готской крепости в книге Агафия (32). Сомнительно, чтобы из вооружения у арабов Крита были секеры, какими козлавались готы времен Юстиниана (Сюлюмов, 1916, 142—143).
- ²³ Византийские осадные орудия мало отличались от позднеримских: металлические машины, тараны, «черепашки»; при войне били искусство мастера-техника по их изготовлению (Миширич, 1940, 383, и с.). Это были работники государственных мастерских по производству военного снаряжения.
- ²⁴ Фемное войско, собранное Никифором, состояло и основном из крестьян-строителей; им не хватало опыта в действиях против осажденного города. Поэтому Никифор и пришлось заняться их военной подготовкой. Лев несколько раз заостряет в этом внимание (ср. Прод. Феоф. 226, Тактика Льва VII). Э неолубанковальной тем «Краткой истории» Пелага (XI в.) тоже есть обширный пассаж о занятиях Никифора с подданными: «Крестьян он делал мечниками, уранил их руки в пускании стрел и дротиков и в метании копья, обучал стрельбе во всаднике и поралит бегущих, и всему, что нужно для войны, штурма и осад» (Маркопулос, 1985, 1063).

КНИГА ВТОРАЯ

- ¹ Лев по обыкновению не приводит дат. Речь идет о зиме — 846/9 г., 4 января (960—961 гг.).
- ² Хамдан — Абуль-Хасан Али ибн Хамдан (ок. 910—967) из арабской династии Хамданов — эмир Алеппо, известный в истории Ближнего Востока как Сейф-ад-Даула (имеет дарства), неутомимый воин, враг Византии и наиболее опасный ее сосед. Его владения распространялись на Сирию, часть Армении, Верхнюю Месопотамию. Климахию (Хонцилик, 1935, 93). Набег Сейф-ад-Даула на территорию Византии (особенно в середине 950-х годов) наносил большой ущерб населению. Императоры, осознав могущество Хамдана, старались возбудить против него багдадского халифа. Только победы, одержанные полководцами из семейства Фок, значительно потрясли государство Сейф-ад-Даула (Кенер, 1951; Васильев, 1930).
- ³ Киликия — область, занимавшая большую часть северо-восточного побережья Средиземного моря. В X в. Билал в руках арабов и стала ареной упорных боев между византийцами и арабскими эмирами (Хонцилик, 1935, 80, и с.). После завоевания ее Никифором Фокой превращена в феуд.
- ⁴ Выражение «живущих по соседству с Киликийскими арабами» могло быть применено Львом из античногого текста посвященного иеремиче в Константинополь святому Мемфида (Алексей, 1963, 256). Эта служба была неважной в 967—969 гг. и содержала нестроитесь «словословия Никифору».
- ⁵ Подразобие о поине см.: Леонгард, 1887.
- ⁶ По Яхье Антиохийскому (80—82), боювые действия начал Лев Фока (см. также), заняв область Тарс, Сейф-ад-Даула, и снова отрезал вторгся в пределы Византии только после начала марта 960 г. (Яхье, 83).
- ⁷ Лев Фока был назначен стратом Каппадокии еще при Константине VII; впоследствии — домашним слугою Востока, домашним слугою Запада (Бирис, 1981, 186—187). Как и его брат Никифор, был пожалован званием магистра в 960 г. После прихода к власти Никифора II стал куропалатом и логофетом дрома (Гийнх, 1974). Лев Фока в этом походе как бы мстил за брата Константина, убитого в плен Сейф-ад-Даулой и погибшего.
- ⁸ Никифор Фока пытался придать войне против арабов форму крестового похода (см. кн. I, примеч. 54). Но византийские церковью на основании канонических правил не разрешил принять тезис, который так воодушевлял впоследствии западных крестоносцев.
- Слова «кизичи-то божественная сила» в устах диакона звучат странно, но не странно. Можно было заметить и богу или святым, но упомянутые о «божественной силе» равносильно возмездием е посылал в ранг божества. Правда, в монашеских кругах идея соединения с божеством имела некоторый успех, но Лев Фока вовсе не пошел на этикет.
- Исключительное обилие восславлений по адресу семейства Фок дает основание предполагать, что истинником для Льва Диякона послужила либо специальноый исторический труд, либо официальная запись кого-нибудь из старших членов семейства Фок (Сюлюмов, 1916; 1946; Каршокоцкий, 1953, 47; Каждом, 1961, 116—128) Ююшу Льва, учившегося в то время в Константинополе, конечно, не могла не касаться победы Фок; впоследствии всем версиям о них он предпоял только панегирически.
- ⁹ Исто — античное название нижнего течения Дуная.
- ¹⁰ «Скифы», переправившиеся через Дунай, — это венгры, которые в IX—X вв. появлялись в Юго-Восточной Европе и стали грабить византийские и болгарские владения. Интересно, что Лев, зная распространение тогда название «турки», тем не менее считал научным именовать венгров еще архаичнее — «скифы». В то время историки называли народом теми именовали, которые были приняты в классической Греции.
- ¹¹ Победа над венграми относится к 961 г. (Афанасий Афонит, 23, 29). О венгерско-византийских отношениях см.: Амтцг, 1910; Мокорни, 1930; Мароччи, 1934; 1970.

- ¹¹ Видимо, именно эту тактику использовал Фоки в войнах против арабов, что послужило основой для написания трактата «О военных сведениях», который, хотя и не является трудом самого Никифора Фоки, однако принадлежит кому-то из его окружения. См.: Кучма, 1979, 58.
- ¹² В этой речи, несомненно, отразилась практика школьных сочинений Пелладжана стилом речей Веллария, как они воспроизведены в Агафии, здесь очевидно.
- ¹³ Никаки точных данных о сражении у Аяла Дьякона нет. Место битвы не известно. По Скилице (250) и Продолжателю Феофана (479), это — Адрасса. Согласно Ватиканскому Анониму (199), сражение происходило в кампуре (ущелье) Кляндр. По Яхье Антонозискому (83—84), который датировал битву 8 ноября 960 г., — в кампуре Дарь-Игарах. Ни одно из этих названий не поддается точной локализации (Маркопуло, 1979, 112). Согласно арабскому историку Нискавейку, жители Тарса предупреждали Сеиф-ад-Даулау о засаде в ущелье и прогнали изми другой дорогой. По его же свидетельству, после битвы от похода осталось 300 человек (Там же № 112). О победах над Сеиф-ад-Даулау упоминается и в трактате Никифора (О сшибках, 192).
- ¹⁴ Раздел добычи между воинами был узаконен императорами псевдийской династии. Согласно своду «Эклога», при разделе добычи шестую часть следовало отдавать в казну, остальное — делиться между воинами. При этом оваковеды и командиры не участвовали в разделе; они довольствовались наградами (Эклога XVIII; Прохирон, 40). О разделе добычи говорится в «Стратегике» Маврикия и в действовавшей в X в. «Тактике Льва» (XX, 1921, см. также: Дан 1948, 347).
- ¹⁵ Обычай триумфального шествия победителя в столицу (которую Лев обычно называет не Константинополем, а архаически Византием) с добычей и пленными сохранялся в Византии почти во всех подробностях со времен Римской республики. Триумф являлся в числе актов придворного церемониала, его порядок описан в «Книге церемоний» Константина Багрянородного (607—615).
- ¹⁶ Лев пишет о триумфе в театре. Но сплассо Книге церемоний, торжество проводилось из цирка, а здание Большого театра уже с V в. стало местом казней (Желеп, 1950, 196). В Константинополе в его окрестностях было несколько цирков (Там же, стр. 177—189) — здесь имеется в виду центральный. Полное исследование об цирках и его роли в истории Византии см.: Гийен, 1962.
- ¹⁷ Все историки отмечают для второй половины X в. значительный рост числа рабов в связи с победой Византии. Это была не рудиментарная рабовладельческая формация, а лишь временно приспособившееся устаревшее общественное учреждение к процессу феодализации. Рабы затем становились и стражниками, и членами крестьянских общин. Их приток усугублял имущественную дифференциацию. Крупные князья фемного войска, имеющие значительные земельные владения, рассаживали рабов как зависимых поселенцев. Из рабов-челядников составлялась вспомогательная свита дияколов, которую они использовали для внешнеэкономического наступления на общину, для прямых захватов крестьянских участков. Таким образом, в исторической ситуации X в. рабство послужило ускорению феодализации (Скобинов, 1963).
- ¹⁸ Торжественный вывоз Аяла Ами и звучит как преувеличение, но подразумевает, что в третьей четверти X в. произошла перелом в отношении Византии и Арабского халифата. Общность интересов фемного войска, децентрализованного государства, использование фемного войска, длительное существование свободной крестьянской общины — вот главные признаки, которые обуславливали подъем военной мощи Византии во второй половине X в.
- ¹⁹ Перебродка между осажденными и осаждающими была делом обычным. В частности, идентичный вывоз приводит Кляма, когда рассказывает об осаде Мануилом Комнином одной венгерской крепости (Газе, 419).

- ²⁰ Все реалии, кроме христианства, византийцы считали сусирскими, в том числе первення мавриков (имеются в виду палачи) и мусульман. Биографы Магомета реалистично изложили Константином Багрянородным (Азм 90—91), но как только он переходит к описанию учения пророка, расказ становится недостоверным.
- ²¹ Нарисованная Львом картина штурма Халдека очень хороша на соответствующий рассказ в Агафии (34—35). Начиная со слов «множество воинов и до этого не я». Лев Дьякон подметил, что у него двадцать семь слов за исключением значения, это самая обширная компиляция Льва. Почту из-за подпольного одного участка стены ринули две башни, можно объяснить, лишь учти, что Лев сократил более развернутое и логичное описание Агафия.
- ²² О страшной резне в Халдеке повествует и Феодосий (1009—1023), но по его словам, Никифор был озлоблен лишь тем, чтобы довести не запугавши себя насмашки над иконоборцами-иноверцами. Более чем через восемь лет автор диалога Филопатрис (330) вспоминала о жестокости византийцев на Крите. Эта расправа, в свою очередь, вызвала антихристианские погромы по всему Византизму Востоку (Панайотис, 1960, 82—83).
- ²³ Халдек был взят 7 марта 961 г. (Скилица, 250). Яхье (84) дает 6 марта, но прароту Скилицы подтверждает надпись на одной мусульманской рукописи (Маркопуло, 1985, 1067).
- ²⁴ Керн — демонические существа греческой мифологии; олицетворяла беду и смерть.
- ²⁵ Тенизо — савр. Канал Кастела (Панайотис, 1960, 58—59).
- ²⁶ Любопытно, что многозначное Ираклион сохранили тошман Арменоканос, т. е. «армянское поле», как раз поблизости от лагеря Филикия (Панайотис, 1960, 57).
- ²⁷ Арабские источники сообщают, что роман вывезли с Крита 300 кораблей с добычей и пленными. Двери имирского дворца Никифор послал в Лавру Афанасий на Афон, где они выхлещены и поныне (Панайотис, 1960, 83).
- ²⁸ Известно, удостоился ли Никифор триумфа сразу же после взятия Крита или, если предпочесть версию Скилицы (250, 252), что не шествия в столицу, а направив в Азию продолжать борьбу против Сеиф-ад-Даулау. Распространилась поверье, что взятый Крит захватил императорскую власть, владение этого будто бы возмущала внутри на стороне Врония. Лев Дьякон пишет о двух триумфах Никифора Фоки — в 961 г. и 963 г. Скилица же упоминает только об одном — в апреле 963 г., после смерти Романа Моиса было бы предпочесть версию Скилицы и Зонары: император немедленно направил Никифора против Сеиф-ад-Даулау, который пользовался отходом войск европейского фем из-за набегов негитров, возобновив наступление на византийские владения; только после победы над Сеиф-ад-Даулау Никифор мог прехесть как триумфатор в столицу, имея с собой добычу с Крита и из Веррии (Скилица, 253). Тем не менее мы в данном случае предпочитаем версию Аяла Дьякона. Симеон Магистр (759—760). Продолжатель Анартола (858), Ватиканский Аноним (99) и арабский географ Якут (Маркопуло, 1979, 113) также сообщают о триумфе Никифора сразу после покорения Крита. Видимо, люди, близкискоимо относившиеся к Никифору, широко распространяли слухи о нанесении ему обиды.
- ²⁹ По Скилице (252) и Яхье (85), Никифор Фока двинулся и Веррия (Халлеку) и Аязарбу. Ему удалось овладеть крупными центрами — Аязарбуем (10 января 962 г.), Дуауком, Марозом и Рабарон (от 9 апреля до 8 мая 962 г.), Халдеком же — только 23 декабря 962 г. (Яхье, 86; Ватиканский Аноним, 100; Симеон Магистр, 760; Вар-Обер, 168 и т. д.). См.: Маркопуло, 1979, 113—117.
- ³⁰ Эти колоссальные добычи давали возможность создать в византийской армии многочисленные отряды палачей в броню и кольчугу всадников — камиграфов (новое слово Никифора XXIII; Ц—А, III, 300). Таким образом, тафратов (новое слово Никифора в мекки рыцарей. Фемная знать рабоба- часть стратиготов превратилась в мекки рыцарей. Фемная знать рабоба-

тема на грабеже арабских владений, и позднее Никифор стремился закрепить за династией на собственности, не допуская ее распыления между младшими владетельцами.

²¹ Ф. Лоретто (33) оставил без перевода эти слова.

²² В X в. народное ополчение еще составляло основу военной силы Византии. Стратоты вели свое крестьянское хозяйство. Зонара (XVI, 23) полагает, что Никифор Фока, после того как ему были предоставлены полномочия набрать войско, собирался сержи и мечи, лагуи и копья; такому обривом, прибегая к выражениям из Священного писания (Иована IV, 10), хронист подчеркивает народный состав армии Никифора. Походы Фока и Цизанкия знаменовали собой последние победы феодального строя. С конца X в. оно стало слишком дорогим для крестьянства; стратоты не могли больше получать необходимого снаряжение. И, самое главное, такое войско перестало быть политически благонадежным; немоще стратоты участвовали в мятежах второй половины X в. Армия начала дифференцироваться по социальному принципу, все большее значение приобретали иностранные наемники.

²³ О пристрастии императора к охоте с необорудованной пищей и Пролахетелем Феофаном (472). Эта рыцарская забава в то время лишь начала распространяться, а настоящую популярность приобрела уже при Константине (Курхиде, 1932, 3, 388—389). Такая склонность у Романа — один из признаков начавшейся феодализации византийского общества; возросло также значение военных доблестей императора (Каждан, 1984, 47—48).

²⁴ По Скиладе (253). Роман II умер 15 марта 6 индикта 6471 (963 г.). По Яхье (89—90), — 16 марта. Одна из кратких хроник сообщает, что Роман прожил 25 лет и 4 недела, а была перед смертью пять дней (Шрайвер, 1975, 164). Лев Диакон повторяет, давая еще раз характеристику Романа II (см. 1, 2). В упоминали о «женской половине дворца» содержится намек на причастность императрицы Феофаны к смерти мужа.

²⁵ Ф. Лоретто при переводе этой фразы, во-первых, оставляет без перевода «тогда тот же бы чуждым стратотам — когда тот умер», а во-вторых, понимает *ἄλλοις ἀρχαῖς ἐπιτιμῶνται* — «вручают царскую власть» как «возводят к регентам царства» (36), что спорно, поскольку из источников не ясно, кем стала Феофано — императрицей или регентшей.

²⁶ Почивает — патриарх с 3 апреля 956 по 3 февраля 970 г. (Грюгеле, 1958, 436) — один из наиболее замечательных иерархов византийской церкви. После неожиданной смерти Романа вопрос о составе правящего дома особо важным, и Полакек совместно с сенатом (синаклом) приобрел ведущую роль в делах.

²⁷ Синаклт — совет высшей византийской знати, главным образом служилой. В него входили протоспфарии, патриархи и магистры. Слова Льва Диакона свидетельствуют о том, что при всех ограничениях, наложенных на синаклт Львом VI (Новелла LXXVIII), он в соединении с патриархом мог играть ключевую роль в сложных ситуациях междударства. О синаклте см.: Данссен, 1887; Хонтофолопулос, 1949; Век, 1966.

²⁸ В отличие от Льва Диакона Пролахетель Феофана уверяет (458), что Феофано (ее девичье имя Анастасия) происходила от благородных предков; то же сообщает и Ибн-ал-Асир (Роман, 140). Согласно Скиладе (337), Феофано — дочь трантархика, ставшая императрицей только благодаря красоте, он же сообщает, будто по совету этой незнакомой молодой Романа принял участие в отравлении своего отца Константина Бегларовродного.

²⁹ Лев характеризует Иосифа Врингу явно односторонне, с позиций сторонника Никифора. Между тем Вринга, несомненно, была яркой личностью: к 956 г. он уже — преемник и детройки; в апреле нагг мая того же года назначен сакларием и другарием флота. В последние годы жизни Константина VII, по мере того как падало влияние Василия Нофа, Вринга приобрел большую власть. При бездарном Романа II Вринга фактически управлял государством. Вряд ли его с Никифором Фокой началось, видимо, после вступления Крита в 961 г. Лев Диакон — единственный из авто-

ров, кто принижает Иосифу завоевние замысла против Никифора (Маркопулос, 1981). Скорее всего, зачинщиком в этом соперничестве был именно Фока и его окружение, недополное апеллирует столичной бюрократии, — ниже Лев прямо говорит о стремлении Никифора совершить переворот (ср. примеч. 42).

⁴¹ Параклином — собственн., сплаником — придворное звание высокого ранга; введено на рубеже VI—VII вв. С IX в. назывался один параклином. Им мог быть только енух (Иконоидис, 1972, 305). Параклиномом поручались выполнять иногда важнейшие функции в правительстве — Вринга, например, был другарием флота; иногда доверялась и гражданское управление и военные должности, как, например, Петру Епитузу (см. ниже VI, 11). До Вринги должность параклинома занимал Василий Ноф. Этот период, как видно также из «Историй» Льва Диакона, — время наивысшего могущества енухов (Губин, 1967, 183—184). О причинах засилья енухов в Византии см.: Авричич, 1977, 20—21.

⁴² Здесь Лев Диакон «протогворил», означається, Никифор уже в начале апреля 963 г. отправился на триумф, хотел подняться митром. В дальнейшем, правда, это им осанривается и вся виза возлагается на Врингу. Характерно, что, не имея номинального поста, даже такой важной ерствянской должностью, он не имел номинального поста, даже такой важной ерствянской политической акции необходимо было иметь должность, а не только родичей, членов семьи и сторонников. Централизация государственной власти еще не была ослаблена феодализацией. Борьба провинциальной знати велась поэтому все против центральной власти, а за овладение ею.

Сам Никифор был сложной, противоречивой личностью. Любовь к военной славе и честолюбие совмещались в нем со стремлением к религиозному исповеданию. Все жизнь проводил в походах, он в то же время поддерживал связи с монашеством, дарю освящен милостивым монахом аскетом. Согласно житию Афанасия Адонского (246), Никифор перед Критской кампанией посетил его на пустынной горе Афон и общал ему захочить жизнь монахом. (О роли Никифора Фоки в истории Афона см.: Успенский, 1877, 63—78.) Но к синаклетическому монашеству городского типа Никифор испытывал неприязнь, ср. его анимирован XIX повелу (I—III, 202—296).

⁴³ Слова *ἐπιτιμῶνται τὰς ἀρχαῖς* Лоретто (36) понимает иначе, чем мы, а именно: «принять из их рук высшее командование».

⁴⁴ Эта версия в других источниках отсутствует. Маас нежелает, чтобы Вринга мог безнаказанно распространяться с басилевсом полководцем. Видямо, так оправдывал митом Никифора его сторонники.

⁴⁵ Так византийцам называли храм Святой Софии, грандиозное здание которого существует в конане.

⁴⁶ Победа Никифора была обусловлена не столько поддержкой патриарха и синаклта, сколько популярностью полководца среди столичного двора (Каждан, 1960, 389—390).

КНИГА ТРЕТЬЯ

¹ Лев Диакон любит цитировать ветропоминческие повзавания и иногда вместе с датой указывает положение Солнца по отношению к созвездиям зодиака. В данном случае имеется в виду период с 21 апреля до 21 мая. Этому вполне соответствует сообщение Ватиканского Анонима (100), что переход Никифора в Азию состоялся 6 индикта, т. е. в 963 г., после пасхи, приходящейся в этот год на 19 апреля.

² Каппадокия — старинное название центральной части Малой Азии; в X в. центр византийской азиатских на Востоке. В последние годы жизни Константина VII быстро развилась крупное землевладельческое военно-феодаловое знати. См.: Венюков, 1949, 117—126; Хонтофолопулос, 1935, 43—47; Каждан, 1960, 70.

³ Троглодиты Страбон называет людей, которые «жилища свои вырыдают

- в земле» (XVII, 3, 7). Потому там стали именовать вообще всех, кто ютится в пещерах. Жители Каппадокии часто были вынуждены прятаться от арабских нашествий в тайниках; кроме того, пещеры служили убежищем монахам-отшельникам (Рэмси, 1890, 293, 336; Васильев, 1902, 84).
- ⁴ О том, как обучал стратегот, см. примеч. 64, ж. 1. Однако в данном случае Лев Диакон «по-детски», по выражению Гава (428), почти дословно следует Агафию (Сюллион, 1916, 142).
- ⁵ Город Таре располагался у реки Кизил в Киликии; совр. Тарусе. В данном рассказе можно усмотреть домыслы врагов Вринги, желавших опровергнуть последующий захват власти Никифором. Эта версия была отвергнута Львом все из того же источника, возглавлявшего род Фок. Она прослеживается в «Книге церемоний» (433), у Синаиды (236), у Зонары (XVI, 13, 75).
- ⁶ Марван, по прозвищу Аламбас, происходил из знаменитого рода Ариевров. В 455 г. он был назначен стратегом Алувардин и успешно повел там с арабами. В 959 г. получил пост капагана Запада (ср. примеч. 8, ж. IV). В 961 г. разгромил венгров. Стронник Вринги (Фалленсхоузен, 1967, 37, в сл. 81; 165, в сл.).
- ⁷ Словарь «Судя» поясняет, что обезьяны византийцы могли называть некоролового человека.
- ⁸ Иован Цимисхий происходил из армянской фемной знати и состоял в родстве с семейством Куркузов (Проз. Феод., 428). Был стратегом фемии Антиохии. Род Цимисхий существовал до XIII в. (Гийн, 1973, 64).
- ⁹ Пример беспоследовательности Льва Диакона: ниже он пишет (III, 7), что брат Никифора и его отец оставались в Константинополе.
- ¹⁰ Фема Анатолия со столицей Аморий лежала в сердце Малой Азии. Образована около 669 г.
- ¹¹ Ф. Лоретто (42) понимает это обращение как: «тебя, изменного полководца».
- ¹² Эндимион, посвященный на честь богини Гермы, был осужден на вечный сон. Возможно, сравнивая Никифора с Эндимионом, автор намекает на его близость к императрице.
- ¹³ Это единственное в историографии упоминание о родителе Вринги. Ф. Лоретто (43) здесь добавляет от себя, что всеобщему несчастью точно так же, как чуть выше (42) присоиняет некую Фалу.
- ¹⁴ Город Кесария — совр. Кайсери — центр фемии Каппадокия, военная база на восточной границе Византии, мощная крепость.
- ¹⁵ Слова «*τα βήτα υμινδρατες*» — обаяния мечи — у Льва Диакона возмущают в полудне. Эти же слова у Зонары пролеж закономерно: или он пытается ублажить читателя в том, что Никифор силой заставлял принять провозглашение. Эта провозглашение весьма известна из многих источников (Адам-Микин, Ибн-ал-Атир, Синаида, Книга церемоний, Зонара). Прослеживающийся у них общий прототип был знаком и Льву Диакону, но тем не менее о провозглашении в «го «Истории» сохранился лишь «голосок» — слова «*τα βήτα υμινδρατες*», остающиеся без объяснения: Лев не готов утверждать, будто Никифор ни в чем не виноват.
- ¹⁶ Адам — командиром должности в фемном войске; аютагами назначали особо отличившихся стратегот. Так формировалась фемная знать, стремившаяся подняться на престол своего предшественника и неустойчивая оплодотворяла по отношению к городской и чиновной верхушке.
- ¹⁷ О первом брате Никифора нам ничего не известно (Памблотт, 1972, 246).
- ¹⁸ Видимо, Варда был старшим сыном Никифора (известен и честь отца) и в момент гибели ему вряд ли было больше 20 лет. Трагическая судьба мого дядюшки примерно в 938—961 г. (Памблотт, 1972, 247—250).
- ¹⁹ О характере родства Палева с Вардой ничего сказать нельзя наверняка. Видимо, он приходился ему двоюродным братом по материнской линии, а не по линии Фокадов (Памблотт, 1972, 251—264).

- ²⁰ Видимо, у Льва нашло отражение официальная версия, согласно которой инициатором мятежа был Цимисхий. Но историк здесь противоречит сам себе, так как ранее писал, что, уже собравшись в Константинополь перед триумфом, Никифор хотел поддаться мятеж (см.: ж. II, 11, и примеч. 16). В немецком переводе этой фразы опущены слова «*ταξί τὸν οὐδέτιον* «*δραβὸς*» — и домогался свиста» (Лоретто, 44).
- ²¹ Право носить пурпурную обувь принадлежало только императору, но символическое похищение принадлежало как претензия на престол. По Синаиде (236), провозглашение Никифора императором состоялось 2 июля 6 января (963 г.). В томе Льва Диакона явно чувствуется осуждение Никифора, провозглашающего «своим» провозглашению в целом версию провозглашения его императором.
- ²² Вся эта фраза опущена в немецком переводе (Лоретто, 46).
- ²³ Ф. Лоретто (46) возмущает выражение «*τοῦτον αἰσῶτος δούβιον*» иначе: «я, который не причинил ему никакого зла».
- ²⁴ Евксин (Понт Евксинский) — Черное море. Никифор стремился во что бы то ни стало овладеть всеми приморскими городами, которые могли оказать помощь Константинополю. Стратег Понта Евксинского имел резиденцию, видимо, в Боспоре Фрикийском. В его компетенцию, как считает Н. Икономиде (1972, 358, примеч. 393), входила защита черноморского побережья от возможных нападений русских.
- ²⁵ Авдос находился в самом узком месте пролива Дарданеллы. Здесь была таможня, которая регулировала движение кораблей в Константинополь и везла с купцов пошлины (Антипадис-Бибих, 1963, 93, 181—182). Знал этот город, Никифор мог воспрепятствовать доступу в столицу и овладеть всеми таможенными доходами.
- ²⁶ Лев Диакон снова упоминает о Тивии-судьбе в византийской триаголке. О боковой помощи он здесь как бы стесняется говорить, поскольку Никифор был катипроступником: ведь он дал патриарху обещание не поднимать мятеж. О сложностях сочетания боковой помощи и случая дал византийцев см.: Мезведис, 1976, 104—123.
- ²⁷ Евхания — совр. Ментеш в 55 км к западу от Амасии. Митрополит с конца IX в. Недалеко от нее лежала Евхания, где покончил прах Феодора Стрателата (ср. примеч. 63, IX). См.: Икономиде, 1986.
- ²⁸ «Сифинский посланец» образно называл полный утрот умирания (Антишев, 1948, 291—296).
- ²⁹ Паскалай происходил, видимо, из армянского рода Кринитов (Алони, 1935, 537). Имел такую протосфариан, был стратегом Алувардин в 943/44 г. смещен с должности за хаотичные спекуляции. В 944 г. ездил на Запад за невестой для Романа II. В 951 г. назначен стратегом Калварий. В 961 г. участвовал в разговоре против Романа II, за что был сослан, но вскоре протек Вискаландос, и, вопреки, и сомнения, что это несудящий свисок только одного человека (Фалленсхоузен, 1967, 80; 98—99).
- ³⁰ Братья Лев и Николай Торникин были пожалованы самим патриархом за участие в разговоре против сестры Романа I в пользу Константина VII вместе с Марианом и братьями Фоками (Гийн, 1973, 57). Торникин — выходец с Кавказа, знаменитый род, давший до сих пор своим XII в. много вожаководов (Кавказ, 1974, 63, 89—90, 146, 212).
- ³¹ Иосиф, очевидно, хотел противоставить Никифору Фоку для галле мало-азийских фемных отрядов знати балканских фем и направить на «некорольскую фалаз» г. т. е. на стратегот фемии Македония и протром в Адрианополь.
- ³² Иерия (совр. Фенербахли) — порт на эгейском берегу Бизантосского пролива. Авдос и Иерия выполняли сходные таможенные функции: первый — со стороны Средиземноморья, второй — со стороны ионических путей (Жюльен, 1950, 147—149; Антипадис-Бибих, 1963, 16—17, 91—93).
- ³³ Храм св. Софии был основным церковным зданием Льва; преемственные власти, даже из других городов стремились украсить именно в нем!

- здесь право убежища, как правило, не нарушалось. Но во время политических переворотов низшая элита церковной святости не спасалась бегством. Это видно по собравшемуся в собора толпа — она-то и вырвала Врду, отца Никифора и Льва, из рук сторонников Вринги (Книга церемоний, 435).
- ²⁷ Вара Фокса командовал византийскими войсками на Востоке в 40—50-е годы (Висларев, 1902, 256, и сл., 286, и сл.). В 941 г. он участвовал в войне с Русью и упомянут в «Повести временных лет» как «Фокса патрикий» (ПВА, 33).
- ²⁸ Участие Марвана в обороне столицы было, видимо, столь активным, что отголоски этих событий в описании армянской истории XI в. Асокика заглазды так: «Воздвигся в Константинополе некой-то Марки. Никифор и Кир-Шан со всеми войсками явились на берег греческого моря, вступили в Константинополь и спергли Марика» (Асокик 127).
- ²⁹ Народ был раздвоен, москволу Иосиф Вринга грозил ему голодной смертью и подстрекал хлебопекое преротить выречу хлеба (Книга церемоний, 436). Вряд ли можно «заблор отити» — в явное божество переводит как «на свежем воздухе» (Лоретто, 49).
- ³⁰ Женщина, бросающая на голову вояды тяжелый предмет с крыши дома — легендарное явше. Так погиб Пярр (Паутэрх. Пирр, XXXIV, 2—4); так пытался убить императора Никифора во время нереального полюдия (IV, 7).
- ³¹ Ромни I, по прозвищу Лакалия, в юности служил на флоте и, начал с низших чинов, стал ватом другарием флота. В 919 г. он совершил переворот и был провозглашен вассалоператором (см. примеч. 34, к. VII), женив на своей дочери Констанция VII. С 921 г. — самодержец. В политике опирался на ставленников иконолического. В 944 г. свергнут скиновьями. Умер в ссылке в июле 948 г.
- ³² Васнаий родился между 910 и 920 г. В 941 г. стал протовестарием. В борьбе Константина VII с сменными Ромни I Стефаном и Константином Васнаий Ноф выступил против своих сподвижников; после победы Константина (в 945 г. Лахониды были свергнуты и скоро убиты) начал участвовать в управлении; в 948 г. он был произведен в патриархи, назначен параклименом. При Ромни II попал в немилость, будучи отослан Иосифом Врингой, так что из главная неприязнь вполне объяснима (см. Брокновр, 1972, 199—216). Карьера Васнаия на этом не оборвалась. Главная услуга ждала его вперед (см. примеч. 6, к. VI).
- ³³ Видимо, мать Васнаия была болгаркой. Смешанное происхождение не считалось недостатком, а наоборот, достоинством и причиной энергии и ума. Византийцам была чужда этническая антипатия; свое превосходство над «варварами» они усматривали только в культурно-государственной сфере.
- ³⁴ У Васнаия, как и у многих сановников того времени, было множество слуг и челядников. Помощь этого отряда городскому плембу оказалась решающей: народ фактически овладел столицей и стал расправляться со сторонниками Вринги. Это случилось 9 августа 963 г.
- ³⁵ Участие сиклиста в народном возмущении началось уже после того, как результат борьбы оказался очевидным. В Книге церемоний (436) сообщается, что толпа стала громить дома сиклистов, даже не принадлежащих к числу сторонников Вринги; городские верхи, естественно, старались ускорить наступление Никифора в столицу, чтобы тем прекратить броженье масс.
- ³⁶ Монастырь Авраамитов, построенный в VI в., находился на европейской стороне, недалеко от входа в город через Золотые ворота (Женен, 1953, М.—11). Он назывался «иерукотворный» потому, что там хранилась икона Богоматери, признававшаяся чудотворной.
- ³⁷ Зашитники Большого двора в восточной части Константинополя (Женен, 1950, 107, и сл.), по-видимому, еще сопротивлялись. Это объясняет, почему Никифор не переправился прямо от Иерна, располагавшейся напротив двора на другой стороне пролива, а вынужден был идти к монастырю Авраамитов.

- ³⁸ Иосиф был сослан в Пафлагонию (Скилица, 260), где и умер через два года в монастыре Асийет (Маркопулос, 1981, 106).
- ³⁹ Золотые ворота (совр. Египуле) — въезд в Константинополь в юго-западной части городской стен (Женен, 1950, 252—255). Оттуда лунтик подала на центральную улицу города — Месу (Стижковский, 1893).
- ⁴⁰ Год въезда Никифора в Константинополь Лев указал неверно: следует читать 6471. Идентифицирован правильно. Точную дату находим у Скилицы (259), в Книге церемоний (438) и у Лэви (96) — 22 февраля 352 г. января, т. е. 16 августа 963 г.
- ⁴¹ Совершенно иначе описывает Никифора носол германского императора Луотуррад (177); для него Фокс — «совершенное чудовище, пуглив с тучной головой, с небольшими глазами, как у кроли; он изображен короткой, шероховатой, разросшейся плуусовой бородой, его уродует тонкая, как плащ, жеват весь он оброс густыми волосами, лицом он тусклым, как эфрон, которого не захочешь встретить ночью! У него торчащий живот, сухие лодыжки, бедра применительно к его короткой фигуре очень долги, голени коротки... Одет Никифор в виссон, но очень бесцветный, от дикого горяжения юности и аномий, со старыми украшениями. Речь у него беспыстная, по уму он — лисица, по нероломству и амности подобен Уалесун».
- ⁴² Современные портреты императоров в сочинениях их современников исцелят из византийской исторической литературы после Юстиниана I. Портрет вернулся в византийскую литературу в X в. (Хаз, 1980). Однако портретные характеристики, даваемые Львом Диаконом Никифору. Цимекио (VI, 3) и Свтославу (IX, 11), выгодно отличаются реалистичностью деталей и сжатою загадка. Они произвели, видимо, столь сильное впечатление на современников, что были заимствованы из текста «История» и распространялись отдельно, в частности попал вносудствия в одну из рукописей Скилицы (ср. примеч. 16, к. VI). Большой мастер портрета Михаила Пелла является в юм смысле учеником Льва Диакона.
- ⁴³ Здесь слово Лев демонстрирует чисто языческое представление о вселенной Тихи (богиня судьбы).
- ⁴⁴ Кесарь — с IV до конца XI в. — внешний византийский титул, даровавшийся ближайшим родственникам императора или наследнику (Иконоидис, 1972, 293).
- ⁴⁵ В VI в. курбулатом возмался начальник дворцовой стражи. Последствиями — высокие дворцовые должности, еще в X в. развировавшаяся за членами императорской фамилии (Иконоидис, 1972, 293).
- ⁴⁶ Согласно Зонаре (XVI, 26, 91), впервые титул прохор (дословно — предсудатель) возмался именно тогда, когда им была пожалована параклименом Вринги. О прохоре и его функциях при дворе см. Книгу церемоний (440—443). По-видимому это был высший гражданский чин, но реально власть при Никифоре II была сосредоточена в руках курбулата (Диль, 1924, 105—117). С второй четверти XI в. титул стал даваться несколькими лицам сразу, но до середины века прохором по-прежнему мог быть только енух. Последнее упоминание о прохоре относится к середине XII в. (Иконоидис, 1972, 299).
- ⁴⁷ С точки зрения православной церкви прививальное вегетарианство «мало мелонутно. Лицо, отвергающее ядение мяса «ради благочестия», согласно канонам Гангрского собора, подвергается анафеме. Никифор надолго на себя эти суровые сражения, по-видимому, после смерти сима (Панаиотис, 1972, 247). Однако монахи, в частности Афанасий, негодовали, что, презрев данный им обет убит в монастыре. Никифор предпочел широту (Афанасий Афонат, XXV, 246).
- ⁴⁸ Видимо, такая версия жентитва на Теофило распространялась официальными кругами, дабы оспорить утверждения слухи о том, что переворот явился результатом страсти к ней Никифора.
- ⁴⁹ Этот пассаж много говорит о самостоятельности мышления Льва Диакона: ведь здесь он рассуждает уже не о недостатках того или иного правителя, а о прочности самовластия как такового.

- ⁶¹ Намек на то, что Феофано красотой могла бы сравниться с Еленой Троянской, женой Межелея, бывшего царем Спарты, т. е. Лакедемона. Но это уподобление может иметь и «второе дно»: красота Феофано — как некогда красота Елены — стала причиной гибели многих замечательных мужчин.
- ⁶² Духовное родство было серьезным препятствием к браку. Как светские законы (Код. Юст. V, 4, 26, 330; Эдикт. II, 2; Прохирон. VII, 27; Эпанакта, XII, 31; Василики, XXVIII, 5, 14), так и каноническое право запрещало брак между людьми, принявшими участие в крещении детей, и их родственниками. 53-й канон Трулльского собора объявлял браки лиц, связанных духовным родством, не менее кровосмесительными, чем между близкими родственниками.
- ⁶³ Этим титулом (пропущенным, кстати, в немецком переводе — см.: Лоретто. 53) называли в Византии императрицу, родившую императору детей (Миссиу. 1982, 489—499).
- ⁶⁴ Значительно сложнее это затруднение у Скианды (264). Первоначально против брака Никифора с Феофано выступали и афонские монахи, но Никифор своими благодеяниями сумел заставить их принять этот брак (Успенский, 1877, 74). Несмотря на оправдание Никифора, молава об обмане им церкви распространилась. Луутпранд (197) прямо называет брак Никифора предобманением. Бракосочетание состоялось 20 сентября 963 г. (Скиандя. 260).
- ⁶⁵ Слова «*ἐναντίον τῆς εἰκόνος*» Ф. Лоретто (53) понимает как «против воображаемого врага».
- ⁶⁶ Хотя Никифор провел зиму 963/64 г. в Константинополе, военные действия против арабов продолжались, их вел тогда деспотизм схол Востота Цимисхий (Скиандя. 268).
- ⁶⁷ Согласно Абуу, поход начался ранней весной. Согласно Яхье — в декабре 963 г. (95). Скиандя (268) датрует его июлем 964 г., что вероятнее, поскольку вместе с Никифором отправлялся и его жена Феофано с младшими детьми. Ко времени этого похода относятся стихотворная перепалка между Никифором и багдадским халифом Ааль-Мутти (Розен, 109—122).
- ⁶⁸ Если понятие «*ἐναντίον*» в этом пассаже Ф. Лоретто многократно переводит как «...средств пропитания и других нужных вещей», то целую фразу «*ἐναντίον τῆς εἰκόνος τοῦ ἐχθροῦ*» он вообще не переводит (Лоретто. 54). (В настоящее время река Кизил сильно обмелела и изменила русло.)
- ⁶⁹ Адама — город в Киликии на судоходной реке Сар; ныне Адама — административный центр вилайета Сейган в Турции.
- ⁷⁰ Анаварзо (чаще именовалась Аназарба) — главный город римской провинции Киликии II. Называлась также Кесарией, Юстиниоколом, Юстинианополем. При арабском владычестве неоднократно перестраивалась, последний раз — Сеиф-ад-Даулай. Совр. Анаварзо в 28 км к югу от г. Кована в Турции (Гоф. 1952). По другим источникам, город был взят в кампанию 962 г. (Маркопулос, 1979, 113—114).
- ⁷¹ Миссуэвтия — старинный город в Киликии, совр. Мисье. Согласно Абуу Диялюку, был захвачен Никифором в 964 г., но остальные из них источники — Яхья, Скиандя, Миснабейх, Якут — называют 965 г. (Алостолопу. 1982, 165—166).
- ⁷² Пирам — совр. Диевван, река в Турции.
- ⁷³ В сочинении Стрелца солнце выходит с 23 ноября по 22 декабря (240—269'), а в сочинении Козерага — с 23 декабря до 20 января (270—299'), следовательно, согласно Абуу Диялюку, в 20-х числах декабря 964 г. Никифор распустил войско и отправился в Каппадокию. Если прав обычно более точный в хронологии Яхья, то можно предположить, что Лев Диакон ошибся: Никифор отшел от Миссуэвтии в Каппадокию, а весной снова отправился с войском и овладел городом, как это писал Яхья (97—98). — 13 июля 965 г.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

- ¹ Ш. Гаде считал, что здесь Лев цитирует Гомера (Ил. XI, 390), но это допущение не обязательно.
- ² Цифра преумножена Диаконом: 400 тысяч — число фантастичное. Во-первых, возможные контакты этого времени никогда не упоминают таких армий, во-вторых, в конце четвертой книги Лев пишет, что дал войске Антиохии был отведен отряд лишь в 1500 человек.
- ³ Сведения о Василике и Семiramиде Лев, видимо, получил в период учебы в Константинополе, на уроках риторики. Эти предания очень популярны в византийской литературе.
- ⁴ Иерусалимские стены подробно описаны Иосифом Флавием в книге «Иудейская война» (V, 4).
- ⁵ Весна 965 г.
- ⁶ Фраза «*ἐναντίον τῆς εἰκόνος τοῦ ἐχθροῦ*» — «против своего оружия» Ф. Лоретто (58) не переведена.
- ⁷ Число предельных наказаний было широко распространены в Византии (ср. VI, 9). Описанный у Абуу проступок законом предусмотрен не был, но бросающего оружие на поле боя ни ждала смертная казнь.
- ⁸ Дука — должность, существовавшая в начале только как воинская. Но с конца X и особенно в XI в. дук (подобно домашней схола) стал получать, помимо командования фемными войсками, гражданскую власть над фемой или рядом фем, где происходила война. Почетным званием дук (категана) являлись крупные военные деятели, но одновременно были и дукы небольших местностей, кителях, однако, особое военно-стратегическое и политическое значение. Титула дукы был дарован Цимисхию па то, что он в продолжение зимы и весны 965 г. самостоятельно и успешно вел боевые действия против арабов.
- ⁹ Тисаей — прославленный в Иаваде герой, неукротимый воин (IV, 373—400). Следует вспомнить, что, согласно мифу, Тисаей убил своих двоюродных братьев; быть может, Лев Диакон намекает на трагическую развязку отношений Цимисхия с его кузеном Никифором Фоккой.
- ¹⁰ Пассаж явлен словами Гомера о том, что смерть от голода самая жадная (Од. XII, 342).
- ¹¹ Согласно Миснабейху, византийцы купили у горожан красивые оленды и передали им в течение зимы для путешествия, так как своих же оленов во время осады Никифор дал им орану, и пять тысяч тарсийцев отправился в Антиохию Якут пишет, что средства перевозки доставлял горожанам за треть их имущества (Алостолопу. 1982, 164—165). Лев и Скиандя приводят более суровые условия сдачи.
- ¹² Согласно Яхье Анузолийскому (98), Тарс сдава императору Никифору 16 августа 965 г. После этого область Тарса была объявлена фемой. Скиандя (269) пишет, что сдачу принял Лев Фока.
- ¹³ Скиандя (270) сообщает, что названные сокровища тарсийцы захватили при разгроме византийского войска, направшего на Тарс под командованием домашнего схол Стяпноты при Романи I.
- ¹⁴ Зима 965/66 г.
- ¹⁵ Лев Диакон употреблял античное слово «*μισία*». Так называли жители древней Фригии. Лев под мисьяном подразумевает славянскую народность болгар, формирование которой завершилась в начале X в. Впоследствии обозначение «*μισία*» сделалось в Византии общим в отношении болгар (см.: Маркевич, 1958, II, 180—181), но Лев Диакон первым употребил его. Одновременно так же стал называть болгар полк Иоанн Геометр.
- ¹⁶ Эту дань Византия платила Болгарии с 927 г. Подобные выплаты были обычным инструментом имперской внешней политики, и потому описанное дальше Львом «негодование» Никифора никак не может считаться аномалией.
- ¹⁷ Выше (см. кн. II, примеч. 10) Лев называет скифами вигов, а здесь — уже болгар. Отметим, что вся предшествующая Львом речь Никифора нахо-

дятся в положении противоречия с реальностью болгаро-византийских отношений X в.

- ¹⁶ Если считать, что болгарские посольства прибывали в Константинополь летом 965/66 г., тогда непонятно, как датировать этот упомянутый Львом Диакном поход: ведь весной 966 г. Никифор отправился войной в Сирию. Мало вероятно, чтобы он мог за одну весну провести два военных кампании в противоположных концах империи. Скорее, встреча Никифора с болгарами произошла зимой 966/67 г., и поход в Болгарию случается тогда одновременно с той знаменитой победой в июне 967 г., о которой пишет Склиаца (276—277): по его версии, император, проезжая вдоль болгарской границы, послал письмо царю Петру, требуя, чтобы тот перестал пропускать через болгарскую территорию арабов, грабителей византийские владения. Посольству Петр уклонился от ответа, Никифор по возвращении в Константинополь отправил, как об этом сообщает и Лев Диакон, патрирхию Калокира на Русь. О войне — см. слово. Большинство исследователей пытались совместить рассказ Склиацы с вариантом Льва, но эти попытки остались неудачными. Мы полагаем, что заслуживает доверия версия лишь одного из источников и что предпочтительнее следует опираться на Склиаца. Судя из того, что ромейской державной горластия было нанесено явным исламским оскорбление со стороны болгар и что Никифор сам позор кровью, могли распространяться в 961 г. и из официальных источников: таким способом император, возможно, рассчитывал восстановить свой пошатнувшийся авторитет среди подданных (Наумов, 1981).

¹⁸ Цитата из Гомера (Ил. XVI, 110—111).

¹⁹ Гем — совр. Стара-Пазаника, Родопы — горы в Болгарии.

²¹ Не странно ли, что Никифор узнал о характере местности Болгарии только во время похода? Да и мог ли он, всю жизнь воевавший в горах, так оплестись из? Мотивы внезапного прекращения войны, приведенные Львом, столь же необоснованны, как и мотивы ее начала (Наумов, 1981).

²² Очевидно, речь идет о разгроме византийского войска болгарями при Никифоре I в 811 г. (см. выше: VI, 9).

²³ По Склиаце (277), Калокир был сыном протевона (видного представителя городской верхушки) Херсона. Род Калокиров, очевидно, принадлежал к знати: Лев Диакон упоминает Калокира Дельфина (X, 9); сохранилось письмо 997 г., в котором молодой Калокир фигурирует как дурьер дипломатической миссии к Оттону III (Шрамм, 1925, 98, 100).

Посольство Калокира было отправлено на Русь, по-видимому, в 967 г. (Энцикл. 1907, 213—258; Карышковский, 1952, 138).

²⁴ Имя «тарроскифы» впервые встречается у Птолемея (III, 5, 11), помещающего этот народ в низовьях Днепра. Там же помещают тарроскифов (называемых иногда скифотаврами) эпитоматор Страбона и Юлий Квинтиан. Большинство же авторов считают, что это племя жило в Крыму; Паваний Старший, Страбон, Арриан, Юлий Солон, Псевдо-Арриан, Симеонид, Зиноидий, Амвросий, Евстахий Солунский, Иоанн Цец и др. Наименование «тарроскифы» не несет сомнения: оно фигурирует и в надписках, в частности в титуле боспорских царей. Видимо, под названием «тарроскифы» имелась в виду тавры горного Крыма, подвергавшиеся сильному влиянию скифской державы, расцвет которой падает на I—II вв. н. э. Тарроскифы представлялись реальным народом еще Прокопию (Постр. III, 7, 10), но в «Житии Иоанна Готского» (IX в.) и «Житии херсонских мучеников» (X в.) упоминавшие этого народа — уже явная архаизация в духе псевдаэпичной традиции (Соломонов, 1962).

Лев Диакон первым использовал данное этническое наименование применительно к русским. Видимо, его выбор определяло то, что они принадлежали и византийским владениям с севера. Существует, впрочем, и такая точка зрения (Галис, 1974, 90—99), что здесь отражалось воспоминание о том времени, когда в Крыму действительно жили русские.

В «Историях» русские названы скифами — 63 раза, росами — 24, тарроскифами — 21 и таврами — 9 раз. В то же время Склиаца, использовавший

обидей с Львом источник, говорит лишь о скифах и росах. Таким образом, «тарроскифы» — нововведение Льва Диакона (Карышковский, 1960, 43—44), после которого этот этноним прочно утвердился на русском: им пользовались и Песла, и Атталагит, и Анка Комнина, и Никита Хониат, и др.

²⁵ В Византии были широко распространены представления о скором конце света. Часто цитировалось библейское пророчество Иезекииля о «Готе и Магоге князи Рус» (см. примеч. 39, кн. IX). Связующее со словом «Рус» слово «рос» стало преобладающим и повлившееся в середине IX в. на исторический облик нового народа. В это время патриарх Фотий, говоря о русских как о неизреченном дотоле народе, называет его «русини» («русини», намекая на то, что народ Русь и есть «русини» — «Рус» Иезекииля (Сюндюков, 1940, 121—123). Лев Диакон, разумеется, был осведомлен об этом толковании, см. ниже: IX, 6.

²⁶ 15 сентября составлено около 455 кт. Впрочем, реально содержание ментарии могло сильно меняться (см.: Дятлов, Морриссон, 1975, 148—152). Если учесть, что согласно Константину Багрянородному, русский наемник получал ежегодно 30 номисм, то окажется, что сумма рассчитана на 3600 человек. Такой армии было бы явно недостаточно для завоевания Болгарии. Но киевский князь Святослав не был неизменно: военная помощь исходила в условиях договора Руса с Византией от 944 г. (ПВА, 37—38). Таким образом, передалекие через Калокира деньги были лишь подспорьем. Его миссия благоприятствовала дружественные в то время отношения между Византией и Русью: Ануфриад (190) сообщает, что в бегле Константинополь он видел 20 июля 968 г. два русских корабля. Навероятно против неприятеля соседнюю дружественную страну было обычным приемом византийской дипломатии.

²⁷ Из слов Льва можно заключить, что император предлагал русским полностью овладеть страной. Но у Склиацы (272) сказано иначе: «выступить в поход против болгар». Тут, видимо, отражалась неясность самого договора, который Святослав пошел в том смысле, который передал Львом и который соответствовал его лаякам (см.: Галис, 1953, 328 и сл.; Лещенко, 1956, 254, и сл.), тогда как Никифор хотел получить только помощь от русских.

²⁸ Инцидент на ипподроме, согласно Склиаце (275), произошел вскоре после паша 967 г. (31 марта), т. е. в начале апреля. Эпизод известен Львом крайне сбивчиво, видимо, по собственным детским воспоминаниям. Истинную логику событий можно восстановить из Склиацы: на пашту произошла серьезная попойка среди населения столиц, где что зияла Склиаца даже пострадала от толпы; Никифор, пишет далее Склиаца (275—276), хотел устроить горожан демонстрацией военной силы на ипподроме, а народ пошел это как замесил возмездия за беспорядки, и началась та паника, о которой рассказывает Лев.

²⁹ Случившаяся в 968 г. засуха вызвала голод, на котором наживались члены императорской семьи. Сам факт, что они наживались хлебными спекуляциями, показывает, что в условиях развитого товарного хозяйства представители провинциальной феодальной знати стремились казавать доходы теми же методами, что и купцы и ростовщики. Между тем, закон запрещал зватьным людям заниматься торговлей (Василики, 56, I, 21; Код. Юст. IV, 63, 3; Книга законов, VI, 10; XVI, 4).

³⁰ Стремясь увеличить доходы казны, Никифор притеснял церковью (см. примеч. 18, кн. VI), ануфриадом льготой уменьшил налоги для чашной синклита. Особенно возмущало народ едкое повышение цен на хлеб (Склиаца, 277—278; Зюварь, XVI, 28, 88; Ануфриад, 193).

Склиаца (275) и Зюварь (XVI, 25, 83) резко осуждают Никифора за те называемый «четвертерон»: был введен двойной курс номисмы (названной денежной единицы), причем от нововведенной более требовалась многократная монета, а назва расплачиваться более легкой. Вопрос о «четвертерон» вызвал острую полемику в научной литературе: полетны денежной реформы Никифора, видимо, не имели серьезных последствий (см.:

Книга эпарха. 194—198; Дальер. 1961, 339; Арвейзер. 1963, 2, 7—8; Хендл. 1972, 57, и сл.).

Согласно Зонаре (XVI, 25, 82), вследствие провала чиновников при Никифоре были «сичуть не лучше владетельского имущества». В трактате «О сшибках с неприятелями» (XIX) высказан энергичный протест против хозяйничанья сборщиков налогов, которые наживают много талантов золота, грабя стражинов, проливающих кровь за государя. Особенно ярко описывается тяжесть повинностей арабской истории Ибн-Халуаль (Робен. 278—279). По его словам, Никифор удавалось организовать крупные военные походы, не тратя денег казны, а прибегая лишь к налогам. «Взятие этих денег... и было причиной, почему христиане его неопавдали, преклоняли его царствование, гневаясь на его продолжительность и боялись повторения им походов на земли мусульманские». Последовавший дворцовый переворот может быть объяснен в первую очередь желанием военной верхушки набить карманов назревшего восстания.

¹¹ Официальная церковь запрещала занятия астрологией, но тем не менее она процветала, в том числе и при императорском дворе. Как видно, для Льва, хотя он и был духовным лицом, мудрость астролога не уступает провидению эскета.

¹² В V в. в восточной части Константинополя был выстроен небольшой дворец, от которого к самой воде спускался мраморная лестница, увенчанная скульптурой льва, терзающего быка. По этой скульптуре дворец и получил название Вулкано. Никифор путь западнее и дальше от берега построил новый дворец, ставший его излюбленной резиденцией. Дворец был укреплен стеной, внутри которой располагались казармы, пекарни, конюшни (Гийяк. 1949; 1950; 1951; 1952). Император готовил его на случай осады.

¹³ Праздник Вознесения в 967 г. приходился на 9 мая.

¹⁴ Пиги (совр. Балыклар) — пригород Константинополя за западной стеной. Это слово означает «источник»: возле дворца и церкви в этом районе действительно был родник, считавшийся чудотворным (Жюмен. 1950, 140—141).

¹⁵ Арабские извещения составляли столичный гарнизон. По словам Скьямца, бесспорно были начаты родственники тех, кто погиб во время ливии на плоскогорье (ср. примеч. 28).

¹⁶ Лев Диакон либо употребляет слово «претор» вместо термина «наρχ», либо имеет в виду лофгаста претория, управляющего тюремным ведомством (Книга церемоний. 717). Преторий — помещение ведомства эпарха и тюрем.

¹⁷ «Простей» значит пригород. Но в таком городе, как Константинополь, имени, возникнув как провинция, разрастались и превращались в районы, которые называли простейными лишь по традиции.

¹⁸ Анкара — пригород Константинополя на азиатском берегу Босфора между совр. Бейлербеєм и Анатольсаром (Жюмен. 1950, 442—443). Известно, что наиболее важные преступления сжигали обычно на площади Быка в особой мистической полой статуе, имевшей форму быка (Жюмен. 1950, 74). Однако Никифор на этот раз не осмелился произвести казнь в центре города, видимо, опасаясь мятежа.

¹⁹ Согласно одним источникам, возраст $\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\sigma\tau\alpha\varsigma$ — строгий, не мог превышать 18 лет, согласно другим — 20 (Тондакис. 1972/1973, 14—15). Только это фразе Льва и дает возможность примерно определить время его рождения — около 950 г.

²⁰ Школы в Константинополе были центром системного образования. Выпускник мог рассчитывать на получение должности при дворе и в рядах чиновной бюрократии. Рагларствительности такого образования среди византийской знати придавало ей особый блеск.

²¹ Силасию Склианде (276), Никифор, был в поиске и левя спелся от арабского народа.

²² Праздновалась день Вознесения, а в Византии обычно церковными торжествами сопровождалась дрифтствами. Пьянство в Константинополе было широко распространено. Эти порки приписывали и Константию VII, и Симеон-

хно (VI, 3), и Иоанну Куркусу (IX, 5). Гибель полководца Пастина (I, 4) Лев объясняет тем, что воины были совершенно пьяны. Китайский путешественник, побывавший в Константинополе в VIII в., с удивлением писал, что его жители работают 6 дней, а седьмой день пьют до глубокой ночи (Бичурин. II, 331).

²³ Лев Диакон путается в хронологии: описанный им ниже поход вычисляет 24 октября 964 г. (Шрайбер. 1973, 338) и закончился на исходе 965 г., а он переходит к нему от событий 967 г.

Имеется в виду экспедиция против сицилийских арабов: из негои разорил южную Италию, где византийцы восстание удержали свое положение, организован дему Агулардио и Калаврию. Весь X в. продолжалась упорная борьба с экспансией за освобождение Сицилии (Шюмбергер. 1890, 435—471; Га. 1904, 290—291). Сохранился список Симеона Магистра, в котором он признает почетное Оапыла молвится «за наш богоспасенный флот, восставший в Калаврию» (Дэррасс. 1960, 149) — речь идет об экспедиции Никиты.

²⁴ Согласно Скьямце, патрикий Никита был дружен флота. В Ликтис Никитора Малетского он назван «стратом всех сил» (Фалькенберг. 1967, 126). До нас дошел автограф этого человека на одной из рукописей, перепиской которых он занимался в пазу: «Никита протоспафарий... брат патрикия-преводита и веста Михаила, который был протоспафарием Никифора, христианейшего императора» (Гийяк. 1973, 62—63). См. о нем также примеч. 3, кн. V.

²⁵ Патрикий Мануил Фоя был сыном Льва Фоки, дядя Никифора II (Гийяк. 1973, 63). О Лове см. ниже VII, 7.

²⁶ Гимера лежала у совр. Буварфоргалло.

²⁷ Таорминий (совр. Таормина) — город на восточном побережье Сицилии, был захвачен арабами в 902 г., но в 912—913 гг. возвращен, вновь подал к ним в 962 г. (Фалькенберг. 1967, 26).

²⁸ Леонтий (совр. Леонтия) — местечко и северу от Сиракуз.

²⁹ Принято неудачи сицилийского похода Лев видит опять-таки не в плохой организации, а лишь в действиях коварной Тиды — судбы. Разгром византийцев описан в арабских и в латинских источниках (Ахутран. 195; Лув Протоспафарий. V, 52—63).

³⁰ Имеется в виду фатимидский правитель Египта имр Ааль-Муаз.

³¹ В изложении Льва битва была адля, но на самом деле их было две: сухопутная — у Раметты и известнейшая морская бой в Мессинском проливе (Жюмф. 1966, 349—351). Этот разгром произошел в конце 965 г. Византийский флот понес такие потери, что новый стратег Никифор Эскамоний был вынужден потребовать от италийского населения, чтобы оно само строило корабли для новой экспедиции на Сицилию (Житие св. Пилаа Нового. 105 А).

³² Имеется в виду поход 966 г., который давался с равной весью до декабря (Скьямца, 270—271). Яхья (105—108) утверждает, что в итоге состоялась обмен пленными с Сефф-ад-Даудом, однако вскоре военные действия возобновились. 7 октября Никифор оаля Мембидж (см. ниже примеч. 69), а затем еще ряд городов. В течение недели его войска стояли под стенами Антиохии, но потом осада была снята. Лев Диакон не сообщает об этом походе никаких подробностей.

³³ Зался как бы заканчивается сделанное Львом хронологическое отступление, и он, чересчурная через первую половину 967 г., переходит сразу ко второй его половине. Землетрясение произошло 2 сентября 967 г. (Скьямца, 277).

³⁴ Каламполи — совр. Блуу. Город относился не в Галатии, а в Говоркеле (Релли. 1890, 451). Лев путает его с Неопалидисомом.

³⁵ Вопрос о причинах землетрясения был одним из популярнейших у византийских интеллигентов, но из всех существовавших в античности объяснений Византия запомнила лишь Аристотелево, иногда соглашавшись с ним в той или иной форме (как Фотий, Аталласт), иногда отвергая его в угоду

«божественному» (Флаосторгий, Косма Идипколов, Иовия Анд и т. д.). Последним было несравненно больше. Предпринималось также и попытка скомбинировать обе версии (Симеон Сиф, Евстратий Никейский), встречались и случаи комбинированной (Пела, Никита Хоният). Позиция историков (Амвзия Марселиана, Агафия, Феофилакта Симокатты) в этом вопросе также была двойственной, но в целом они склонялись к сверхъестественным объяснениям в ущерб научным. Данным пассаж: Альва Диакон извлек соответствующими размышлениями Агафия (II, 14), однако он отказывается от двусмысленного морализаторства этого историка и прямо обращается к Библии (2 Царств. XXII, 8; Иерем. X, 10) и особенно к псалмам (XVII, 8), авторство которых приписывалось царю Давиду. Подробнее см.: Крайх, 1981; Давров, 1984.

- ²⁰ Период с 22 июня по 22 июля.
- ²¹ Этот необычный дождь, вызвавший у византийцев опасение, не называется ни какой всемирной потоп, выпал 5 июня 968 г. (Луутпранд, 176). Очевидно, Лев вспоминает здесь собственные впечатления.
- ²² В Библии сказано, что после прекращения потопа между Богом и людьми был заключен завет: «Я полагаю радуу Мою в облаке, чтобы она была знаменем завета...» (Бытие, IX, 13).
- ²³ Выбор слов в этом месте навеян Библией (Исход, IX, 8). Лев явно описывает последствия вулканического извержения. И действительно, в 968 г. произошло извержение Везувия (Альфаро, 1924, 30—31). До сих пор «История» не использовалась для определения спорной датировки этого извержения.
- ²⁴ Антиохия (совр. Антакья) — знаменитый город, основанный в 300 г. до н. э. у реки Оронт. Местопребывание антиохийского патриарха. Арабм захватили Антиохию в 637 г. Под их владычеством город потерял свое былое значение, хотя и оставался крупным торговым и военным центром.
- ²⁵ Язын (116—117) пишет, что осела Антиохия Никифором продолжалась три дня (19—22 октября 968 г.).
- ²⁶ Ф. Лоретто (69) вспоминает «быть так» — образцовым строем своего войска» как «блеском своего оружия».
- ²⁷ Христианская география представляла центром земля Иерусалим (именно поэтому Арка ли правильно переводить «антиохию» — «сердцею немал» как «тысяч, Лоретто, 69). Характеризуя Палестину, Лев цитирует Библию (Исход, III, 8; 17; XIII, 5; XXXIII, 3; Числа, XIII, 28; Второзачание, VIII, 7—10; и т. д.). На самом деле Никифор не доходил до Палестины, а упоминающие о ней свидетельства могут быть, в стремлении придать походам религиозную окраску (Лоретто, 173). И хотя в целом идея крестных походов не получила в Византии распространения, именно Никифор был им очень привержен — задолго до западных крестовосцев (Кларк, 1936).
- ²⁸ Эдесса — древняя Бамбико-Урда в Месопотамии на реке Тигр. Город считался христианами реальшим — «портретом» Христа и его святым в Ассирии (Букс, 1954, 192), в 639 г. был завоеван арабами и переименован в Урдай, Урфа (Хончичен, 1935, 96, и сл.).
- ²⁹ Тохар — полузависимый князек в пограничной с империей области (Келавин, 298—306, 405).
- ³⁰ Рассказ Альва расходится с подробным и обстоятельным сообщением Язын (107), который относит свадение святой легендарного Аггара и 966 г. Эдесса не входила в Палестину, и сообщения о ней Альва (Лончичен, 1887, 46—48) следует считать ошибочной, так как название пустища Эдессы назван Эмес, где византийцы овладели другой реальней — головой Иоанна Крестителя (Хончичен, 1935, 96).
- ³¹ Античный словом «впаде» Лев Диакон называет экзотичный «мандианей». Последней была захвачена византийцами в 944 г. действительно в Эдессе это, видимо, и вело к заблуждению Альва Диакона. Приводимая им легенда зародилась в III—IV вв., но мифы «чуждой» иконы» появились лишь в конце VI в.; впервые встречали его у Евагрия. В VII—VIII вв. пре-

- дальше несколько видовымидания: место иконы панна «плат». Особую популярность эта легенда приобрела в период борьбы с иконоборчеством (ср. X, 5, примеч. 32). Часто «мандианей» отождествляют со знаменитой «Туринской плащаницей», но для этого нет никаких оснований, поскольку все источники согласны, что на нем было изображено только лицо Иисуса (Кэлерон, 1980).
- Приводимая Альво легенда о черепке имеет параллель как в греческой, так и в латинской средневековой литературе, хотя его рассказ обладает рядом ямиде не повторяющихся особенностей (Добшюц, 1899, 50*, 51*, 147*, 173).
- ³² Имеется в виду церковь в Фаре, из территории Большого дворца (Женен, 1950, 117).
- ³³ Мемлетте (совр. Мембидж) — город, с сарацинами VII в. занятый арабами. По Язын (107), Никифор Фона не штурмовал его, а удовольствовался передачей ему сватыми: черепки с изображением Христа. Одновременно это в 966, а не в 968 г. Лев, несомненно, перенес на Эдессу рассказ, традиционно относимый к Мемлетте: ведь, согласно легенде, Фалдег нес свою реликвию в Эдессу — так зачем же ему было поехать под стены этого города и куда отправляться дальше?
- ³⁴ Трипол — старинный город на Средиземном море. Завоеван арабами в 636 г. Согласно Язын (116—119), мимо Триполи Никифор прошел 5 ноября 968 г.
- ³⁵ Арка — соседний с Триполем город в Финикии. Был разграблен византийцами 7 ноября 968 г. (Язын, 119).
- ³⁶ Согласно Сивлаце (279), это было не в четвертом, а в третьем часу дня, 22 декабря 968 г. Видела его и возвращающийся из Константинополя Луутпранд (211—212). Лев Диакон отмечает, что затмение было полным, и это подтверждается астрономическим расчетом (Грюндел, 1958, 464). Лев сравнивает данное затмение с тем, которое, согласно Евангелиям, случилось при распятии Христа (Матф., XXVII, 45).
- ³⁷ Таким образом, обучение Льва продолжалось не менее полутора лет (ср. выше, IV, 7).
- ³⁸ Со времен поздней античности первым городом считался Константинополь, вторым — давно потерянный византийцами Александрия.
- ³⁹ Видимо, имеется в виду какая-то неизвестная ныне античная басня.
- ⁴⁰ Согласно Язын (118; см.: Репс, 76), Никифор поручил Аль-Бурджи, т. в. Микалам Вурце, крупному представителю византийской феодальной знати, издательство над постройкой ограда Антиохии крепостью. Эту крепость Язын (119) называет Баграс. По Сивлаце (272), Никифор оставил вместо себя Вурцу, почтив его своим патриком и назначив начальником охраны города Мафра. Микала в дальнейшем играл важную роль в падении Никифора в в сарацинских войдах.
- ⁴¹ Никифор провёл в столице зиму 968/69 г.

КНИГА ПЯТАЯ

- ¹ «Стать добычей миски» — старинная поговорка, означает «подвергнуться опустошению огнем и мечом» (ср. Демосфен, 18, 72; Аристотель, Риторика, 1372 я, 33). В X в. иль ядуде приобрела актуальность, так как болгары, насильявше страну древних миски, совершили многочисленные походы против Византии. Выражение «добыча миски» широко распространено у историков X—XII вв.
- ² Под правителями каррагенями подразумевается зипр Египта — здесь Лев Диакон тоже прибегает к архаизму, называя арабов именем древнего царя. Об этом же см. — «историкоме арабов» см. примеч. 50, кн. IV.
- ³ По словам Луутпранда (186), Никита был выпущен за сумку, много болашу, чем он стоил.

⁴ Приказание перед Никифором характерно и для многих других византийских авторов: блестящие победы императора как бы оправдывали все отрицательное стороны его правления. Восторженным приложением Никифора была полн. Иване Геометр, посвященный ему ряд стихотворений (Иванн Геометр. 901 С-902 С; 910 А-911 А; 920 А-В; 927 А; 932 А-В; 934 А; 941 В).

⁵ Титул «архонт» являлся официальным титулом киевского князя в Византии, значение его было определено ничем. Термин же «катархонт», используемый Львом, еще более расплывчат: так он называет и иноксов (А, I, IV, 8; VI, 6), и действительных военных (I, 3; II, 1; III, 1; VII, 8) и гражданских (III, 3; 6; V, 6).

⁶ Это общее суждение о «варягах» широко распространено уже в позднейшей литературе: так писав о них и Прокс, и Прокопий. Оно основывалось на том, что константинопольскому двору действительно удавалось, одаривая вождей «варягов», отпугивать их от набегов на империю и направлять воинственный пах шаемки, переживающих стадио военной атмосферы, на их соседей. Почти слепой в слове го Львом поучает сына Константин Багрянородный: «Итак, дай, что все северные племена по природе своия жадны до денег, атаким и совершенно неясныи. Их варяги поэтому всего жаждет и до всего пожелает, и не положены пределье не великим; всегда он хочете большего, и на малой добыче они нежелат излуче большие выгоды» (Конст. Багр. Адм. I, 66, 14—19).

⁷ Знавшие миссии Калокира в событиях, связанных с походом Святослава на Валакию, остаются до много неясныи. Вряд ли можно сомневаться, что часть изследия Древил Русь еще видел в плане выгодной торговли. Отдельно во внешнеполитической деятельности русских князей очевидно выступило вполне конкретные государственные задачи. Волевыми Святослава и независимо от миссии Калокира мог после удачных войн с варягами стремиться к распространению своего государства на Валакии. Наконец, весьма вероятно, что по договорам с Константинополем, сокращавшим в то время свои силы, Древил Русь являлась союзником империи (ср. примеч. 26, кн. IV). Тот факт, что для столь важной миссии была выбран Калокир, отрезает давление связи Древил Русь с Хорезмом.

⁸ Вряд ли прав Лев Диакон, утверждал, что Калокир сразу стал признавать Святослава к войне против империи. Согласно Смиаце (288), эти случавшиеся походы, уже при Цимисхи, что более правдоподобно. И в самом деле, Лев в своем повествовании обосновал два похода Святослава в один шаг, что, помимо прочих недоразумений, произошло смешение двух вполне одной и последующей деятельности Калокира. Очень возможно, что лишь тогда, когда Калокир получил сообщение об убийстве Никифора, он решил при помощи на Святослава поднять мятеж и захватить власть. Это тем более вероятно, что Калокир, возведенный Никифором в сан патриция, считался его приверженцем и не мог задержать на успех своей воле при Цимисхи, убийде Никифора. Более убедительным представляется, что версия о начальном этапе действий Калокира, плановая Левом, основана на официальных кругах правительства Иония Цимисхи. Реальныи историей Калокира следует считать некую в подпольной военной организации по волеу распоряж над Никифором и попытке во время его убийде: также необходимо сопоставить активность Калокира с деятельностью Феод. приспешником как раз в это время.

⁹ Транскрипция этого имени в форме «Свентославос» позволила заключить что в то время в славянском языке идиенталась начоние русины.

¹⁰ Сообщение Льва о численности русского войска некоторые исследователи признают превращением (Лещинко, 1956, 259—260) трудно себе представить, как Святослав мог перевести такое войско на долхал-однобережия и проворить его во время следования через горадскую причерноморскую степь.

Отметим туттажно на этот счет в английской историографии в «История I Болгарского царства» С. Рансимена (1930, 201) скважно, что войско

Святослава состояло из 16 тыс. От него эта ошибка перековалась к другим исследователям (см. напр.: Броними, 1975, 71; Лев, 1976, 67).

Следует, однако, иметь в виду, что уходящие в 971 г. на Болгарию русское войско, после многочисленных боев и пережитой в Доростове голада, насчитывал все еще более 20 тыс. воинов.

¹¹ Попробуем было знакомо калокирскому праву и юридической практике в Византии (см.: Бек, 1950, 62), но подобный сомы с чужестранцем рассматривался как измена (Шкимм, 1941, 40—41).

¹² Смиаца (277) отнесит начало похода Святослава на Болгарию к августу 11 января, т. е. к концу лета 968 г. (см.: Карачиовски, 1932, 127, и сл.). Время года было удобно для выхода: тропы в Болгарию была уже собраны, и Святослав мог быть уверен, что войско будет обеспечено продовольствием.

¹³ Доростова, Дористла, Дристра (сово Смиастра) — древн. вранкийский город на Дунае, был основан военнии близой Святослава во время его кампании на Балканах.

¹⁴ Петр Болгарский, сын Симеона, правив с 927 г. В отличие от своего воинственного отца он в течение всего царствования сохранил дружественные отношения с Византией. Лев Диакон выражает Петру вполне сочувствие, что, впрочем, не мешает ему признать царя «тир» — предводителем, хотя официально титул «царства болгар» был придан на имя в Константинополь (ср. примеч. 23). Вскоре после кончины Петр был канонизирован болгарской церковью. Дата его смерти — 30 января — устанавливается по сохранившимся антурогическим текстам, что касается года, то он точно неизвестен (Насипа, 1970, 383—385). Большинство ученых ныне признает 970 г., а не 969.

¹⁵ Лев Диакон описывает один поход, между тем их было два: первый — в августе 968 г., второй годом позже (Смиаца, 277; ПВА, 47—50). В применении Святослав вынужден был вернуться на Русь, поскольку печенги осадили Киев — видимо, не без участия Константинополя, стремившегося убрать из Болгарии оварого союзника. Однако в 469 г. русские снова появились на Дунае, на этот раз уже явно вопреки византийским интересам. Описавшие Львом Диаконим приговорами Никифора относятся ко второму походу: император готовился не только к наступательной войне, но и к обороне горады со стороны моря.

¹⁶ Это, естественно, так называемые катархонты. С новоявленн титловозмуженной инициативы катархонтов в среэ-стратогос фактически означалась: волею содательная прилежна, властности союзишавших с императором, а возможно, и давшая властью этой инициативе инициативы знатия и империи (Олдриссский, 1971, 11, см. также: Левин, 1955, 264, и сл.).

¹⁷ Инициатива в эту цель, претерпевшая вход не в Восточной Европе, а в бутту Золотого рога: бывши Континиарий включавше в составленнейшей части Константинополя, у подножия Акрополя, а бывши Калокиром — за противонавтомном берегу Золотого Рога, в Галаце (Левин, 1955, 108—120; Жамин, 1950, 275, 420).

¹⁸ На основании этого факта Лев не исключался предположением, что войско при Никифоре существовало еще между Святославом и Константинополем, восточной частью Византии (Насипа, т. 1931, 77—94; Карачиовски, 1931, 101—103). Однако на данный момент, относящего к оптическому (калостолому) населения, можно сделать вывод только о предвзятости Святослава и Никифора, который, увеличивая болгарский поход, Святослава и тот факт, что царская власть Болгарии не потеряла своей власти и что войска Никифор потерял неудачу: он далек, что Святослава, разгромив Болгарию, вернулся с добычей в Киев, а тот прочно укрепился на севере Болгарии и подпал к своему длиннику, об объединении сил болгар и Руси против Византии уже при Никифоре мы не имеем сведений.

¹⁹ Никифор предочел вести переговоры с болгарями, потому что сошествие борьбы с ними против Святослава давал бы ему возможность укрепить влияние в Болгарии. Лев Диакон имеет в виду, что болгары были христианами: Болгарии принял христианство от Константинополя в 865 г.

¹ Семейство Эротиков было довольно известным в Византии. Прославляется с X до середины XI в. Из него вышла ряд крупных столичных чиновников (Кекавел, 1974, 123—126, 161).

² Епископ восточной Флаофии, очевидно, была опытным дипломатом: он неоднократно возглавляла различные миссии (III, 6—7; Смидаге 310). Ср. примеч. 28, кн. III.

Датировка посольства Флаофия и Никифора Эротика связана с известием о том, что болгарские послы прибыли на двору императора Никифора только незадолго до его убийства, т. е. приезд послов в Преславе можно датировать осенью 969 г. (Ср. Анастасиенко 1932, 51—60; Керемиковский, 1952, 136.) Вряд ли можно признать удачной попытку П. Мутафчиева (1931, 85, примеч. 25) и М. В. Левченко (1956, 262) отнести дату посольства к началу 968 г. Смысл этой попытки состоит в том, чтобы как-то объяснить дружеский прием, оказанный болгарскому послу в Константинополе в июне 968 г. (о чем нам известно от Аматрианда, 185—186). Действительно, если бы в 967 г. болгаро-византийские отношения были разорваны, а к июню 968 г. восстановлены, то необходимо замедление сторон датировать 967/68 г. Но это знание неясно над источником: во-первых, Лев Диакон связывает посольство Флаофия и Эротика с русским нападением на Болгарию, начавшимся лишь в августе 968 г., а во-вторых, и в соображении о династическом браке. Болгары могли замечаться с отпрыском принца в Константинополе, но не на полтора же года. Почести, с какими встречали при дворе в июне 968 г. болгарских послов, свидетельствуют лишь о том, что в 967 г. не было разрыва болгаро-византийских отношений.

³ Лев Диакон, духовное и придворное лицо, не мог не знать, что в Болгарии к тому времени было широко распространено христианское учение божественности. Видимо, оно еще не основательно в Византии как оплот для церкви и для власти: ни в одном византийском источнике X в. нет упоминаний о нем.

⁴ Лев Диакон упоминает «царский род», а чуть ниже — «царскую кровь» болгарских иаждетелей. Еще в 913 г. Симеон Болгарский силой принудил Византию признать за ним царский титул. Мирный договор 927 г. официально закрепил титул «βασιλεύς των βογαρίων» — «царь болгар» за сыном Симеона Петром, но византийские авторы упоминали об этом неохотно. Лев Диакон не составляет исключения: он предпочитает называть болгарского царя βασιλεύς — «вождь», «бегун» — князь, «στύχης» — «предводитель».

⁵ Сыновьями императора Романа II Василею — будущему императору Василею II Болгаробойце (976—1025) и Константину — будущему Константину VIII (1025—1028) было соответственно 13 и 10 лет. Что касается болгарских девушек, то степень их принадлежности к царскому дому неизвестно: возможно, это были дочери старшего брата Петра — Михаила.

Поскольку в международной политике государства, созданной Константинополем, византийскому императору не было равных, династические браки считались удивительными для империи. От них горячо предостерегал сына Константин VII (Конст. Бар. Алл. 70—76). Однако политическая конъюнктура довольно часто заставляла византийцев поступать державной гордостью: Константину V была жена из дочери, а Юстиниан II — на сестре хазарского хана; Петр женился на византийской принцессе Марии, внучке Романа I, а князь князь Владимир Святославич — на сестре Василия II и Константина VIII Азке.

⁶ Это свидетельствует о том, что столица Болгарии Преслава не была к тому времени занята войсками Святослава. Вряд ли Святослав, увидев Болгарию, мог повсюду оставлять свои гарнизоны. Скорее его власть простиралась только на некоторые дунайские города, а с царем Болгарии Борисом II был заключен мир.

⁷ Арабский писатель а-Бекри рассказывает о болгарях: «Цари их ездили на больших телегах. В уздах их четыре крепкие подпоры, и к ним привешены

крепкими цепями кузов, который обвивается шеями. И потому не трясется сидящий а нем так, как трясется телега» (Кунин, Розен, 1878, 57)

⁸ Мысль о непрочности человеческого благополучия была очень распространена в античной поэзии. В данном тексте Лев Диакон почти дословно воспроизводит знаменитые строки Овидия: «Все на земле как будто на тонкой илти повисло — Грнет лишь случай какой — счастье сменится бедой». Нет оснований полагать, что Лев Диакон знал латинский язык — просто Овидиева мысль могла проникнуть в широко известную и Византии сборнику разных изречений («Певания»).

⁹ Мысль древних о том, что богз заидуют человеческому счастью, странным образом соотвечала у Алыа с первой во всемогущество христианского бога. То образование, которое получил Лев, причудливо вплетало в христианскую догматическую мозаику.

¹⁰ Возгордившийся сынвья Алая (Иа, V, 386; Ол. XI, 305—320) Он и Эфеант сначала сковали бога Ареса, потом поборались на Олимпе, стрелы вил вползти на небо, но были сокрушены Аполлоном.

¹¹ О Навутолоносоре упоминают все византийские хроникеры (см. напр: Кекавел, I, 293, и сл.). Эти рассказы восходят к вавилонской книге пророка Даниила: в ней говорится об установлении Навутолоносора золотой статуи (III, 1) и о страшном падении вавилонянина царя (IV, 28—30). Нередко упоминают хроникеры и о горделивом Александре Македонском. Во время пребывания в Египте в 332 г. до н. э. Александр совершил пеломничество в оазис Сива, и орлаку бога Амона, который устаня ирцов объявлял его своим сыном (Арриан, VII, 3, 2; Диндор, XVII, 50; Курций Руф. IV, 7, 16 и т. д.). Царь признал это провозглашение, чем вызвал негодование соотечественников.

¹² В рассуждениях о превратности людских судеб отсылается к античному вавилонскому Алаю и Агафии (IV, 2).

¹³ Римская идеология провозглашала право Рима властвовать над другими народами. Как видим, традиции римского «империализма» не были забыты еще в X в.

¹⁴ Битва Антиохия — крупнейшая победа над арабами — датируется Язьеи (124—125) и Кекавел-дином 28 октября 969 г. — в ночь на 13 августа 968 г. ввдвры.

¹⁵ Согласно Смидаге (273) и Зонаре (XVI, 26, 85), Никифор приказал не предпринимать никаких военных операций против Антиохии, — может быть, император считал падение города неизбежным. Но Вурда (см. примеч. 38), возможно, в надежде на добычу при взятии города итурума, нарушил это приказание. Никифор разгневался, и согласно Язьеи (122), Вурда был наказан под предлогом жестокого обращения с жителями Антиохии.

¹⁶ Стратопедарх (начальник посылного лагеря) — древнее название, забытое в Византии, но поскрешено Никифором II в качестве обозначения должности, специально созданной для патрикия Петра, ср. примеч. 36 (Гайлн, 1967, 392, 498). Должность практически дублировала функции domestika, с той лишь разницей, что была доступна ввнуку. Возможно, ее введение имело причиной начавшуюся опалу domestika Цимисхия, о которой см. ниже (Иконоидис, 1972, 334—335).

¹⁷ Патрикий Петр — поначалу, успешно восставший против арабов и русских. Назначенный равнокомандующим против оставшего Вурда Смирла, был победителем и убит в битве при Анпаре в 977 г. Многие исследователи (Н. Адонс, А. Грегур, Г. Шаумберг, И. Джурич) считают Петра победителем сыном вуроплата Алыа Фелки и племянником Никифора II, хотя это мнение не бесспорно (Гайлн, 1967, I, 172, 446—447, 449; II, 367; Он же, 1973, 68).

¹⁸ Согласно трактату «О сшибках с репрезентатом» (III, 8), таксарх — начальник войсковой части в 1000 человек. В данном случае, однако, таксарх — командир, выполняющий особые поручения.

¹⁹ Михаил Вурда (у Язьеи — аль-Бурджи) — крупный военный и политический деятель, выходец из Малой Азии. Принимал участие в низвержении Ни-

нифора, сделал блестящую карьеру при Цимихии. При Васкии II был назначен дукой Антиохии, получил сан магистра. В гражданских войнах пылким необлагодетельствованную Виспаластину Вурду командовал византийской армией, действовавшей против арабов. В сентябре 994 г. потерял поражение от войск фатимидского халифа; в 995 г. Васкии II отправил Вурду в изгнание (Ролан, 33). У города Ориктос в Западной Фригии найден надгробный стел Михаилу Вурду. Можно полагать, что там находилось его имя, в котором он и умер (Кельдер, 1956, 75). Михаил — первый представитель известного еще в XII в. рода Вурд, давшего в XI в. пятерых покоевцев (Каждан, 1974, 126, 142, 201).

² Византия Никифор возманил под стенами Антиохии в 966 г., второй раз — в 968 г. Скиацца (272) пишет о существовании тогда веровер: император умрет всад за восток Антиохии. Никифор любил звать о нем в войскам не вела Вурду предпринимать активных действий против города. Но Вурду явля Антвонку и подвергся окая.

³ Праздник в честь сонма бесплотных свят отмечался 8 ноября — в день архистратига Михаила.

⁴ В дошедшей до нас заупокойной службе по Никифору так же говорится: «Из-за молитв ты повелева не на дождь, но на землю» (Панжанд, 406). Встречается этот мотив и в народной славянской «Повесть об убийстве Никифора Фоки»: «Егда когда починути имже в полде своей камене остро яко и ножеве, и из том почивающе, а поспода царяи стоише люди ради» (Турляку, 1976, 63).

⁵ Михаил Малая (ум. 961) — крупнейший малазийский землевладелец, дед Никифора Фоки по женской линии, в конце жизни монах, игумен Киликийской лагвы в Пафлагонии, приобретший особую славу за свои аскетические подвиги. Никифор считал, по-видимому, что мантия святого спасет его от ударов судьбы (см.: Лопарева, 1897, 358—363).

⁶ Главни, названная в честь Софии, имени Юстиниана II, находилась к западу от Вукоалоеского дворца, владениями Никифором. Теперь от местности называется Кадиргаалими (Жанс, 1950, 133—134, 223—224; 322—393).

⁷ Слово «архидиакон» не кат. «архидиакон» — означала и слово «монах» оставлены немцами переводчиком без перевода (Лоретто, 81).

⁸ Вступил в конфликт с братом Никифора Львом, Цимихий подвергает изгнанию в Халкедон. Именно с ним вошла в тайный союз императрица Феодора. Никифора подозревал в желании обеспечить трон своему роду ради этого же якобы возмерился ослепить сыновей Романа (Ролан, 140). Феодора решила избавиться от мужа (Скиацца, 279; Зонара, XVI, 28). Подробно обо всем этом см.: Сырку, 1883; Шлюмбергер, 1890, 745—756; Гийля, 1952.

⁹ Потеряв в Цимихию доверие, Никифор сместил его с должности домостика села Востока Утверждение Льва, что Иовин был отправлен в изгнание, более вероятно, чем сообщение Зонары, будто его назначил логофетом дрома (Гийля, 1973, 64).

¹⁰ К. Гале (Лев Диакон, 85) и Ф. Лоретто (82) толкуют это место в том смысле, что Цимихию было запрещено появляться во дворце. Так излагает события Скиацца, однако у Льва выражена другая мысль (Гийльснер, 1962, 332).

¹¹ Эти слова — аллюзия на Псалтырь (VII, 15).

¹² Род Пеллазий прославляется, хотя и галу, вплоть до XII в. Все его представители принадлежали к гражданской аристократии (Каждан, 1974, 125, 151).

¹³ О предупредительной записке упоминает и Скиацца (280), во при этом иначе рассказывает об отношении к ней Никифора.

¹⁴ Близик Михаил, брат патриарха Никиты, был патрирхом, преемником и протопостарием Никифора II (Гийля, 1973, 62; см. примеч. 44, к IV).

¹⁵ Целесты — те самые девушки царского рода, присланные из Болгарии для брака с Василием II и Константином VIII.

¹⁶ В другом предании тот же анекдот о роли, отведенной в газетере жев-

щам, мы узнаем от арабского историка Ибн-ал-Атира: «И пылала она к Ибн-ал-Шимску (Цимихию)... и услаивалась с ним, что он придет к ней в одежде женской, и с ней еще несколько человек, а она скажет своему мужу, что и ней пришла в гости несколько ее родственниц» (Ролан, 141). Вообще, романтический сюжет об убийстве Никифора послужил материалом не менее чем для пяти современных художественных переработок (Турляку, 1976, 34—55).

¹⁷ По догадке Р. Гийля (1952, 122—135), заговорщики лишь высиделись в Вукоалоес, а само убийство произошло в Блажном дворце.

¹⁸ Известна миниатюра из Мадридской рукописи хроник Симона (26—2), изображающая Феодору в момент, когда она опускает Цимихию в колодезь; миниатюры сопровождают такие слова: «Како же блаженство ты испытала во время злонства? Себя помяди — из-за своего преступления печальную долю нашла ты в воцелуях!» (Шевченко, 1969/70, 189). Подробно описаны убийство Никифора Скиацца (274—281) и Зонара (XVI, 28, 89), они называют участниками убийства Михаила Вурду, таксиса Льва Алаванта (Лев называет его Валлантом), земновоего Феодора Адипофедаля.

¹⁹ Последняя фраза отсутствует в немецком переводе (Лоретто, 84).

²⁰ С X по XII в. известны многие представители семьи Валлантов, которую арабский поэт Аб-Фирас (X в.) называет одной из знатнейших в Византии (Алон, Каппа, 1936, 454).

²¹ Любопытно, что обращения к богородице появляются из византийских монет именно с середины X в. (Григор, 1982, 194).

²² Это сравнение занесено в Илхад (IX, 644). Здесь содержится намек на то, что Никифор так же узнал Цимихия, как некогда Агамемнон — великого Ахилла.

²³ Слово «акуфия» появляется здесь единственный раз, больше в византийской литературе оно не встречается. Видимо, происходит от арабского названия «акуф» (Гротар, 1982, 45; Турляку, 1976, 96—97). Значительность слова подтверждает сам Лев, соотв мужским объяснит его и иррара для этого свой древитянский рассказ. Никто из авторов, описывавших это убийство, не упоминал об акуфии — однако сомнитель славянской «Повесть» знала это слово и даже пыталась перевести его, исходя из вульгарной греческой этимологии (Турляку, 1976, 97). Опять вероятно, что в основу славянской легенды так мал выкач лег текст «История» Льва Диакона.

²⁴ Дату убийства Никифора — в ночь с 10 на 11 декабря 969 г. — приводит и Скиацца (279), и Явля (131). Продолжительность его царствования Лев Диакон исчисляет от дня вступления Никифора в Константинополь, Зонара — от дня провозглашения его императором в лагере у Кесарии (XVI, 28).

²⁵ Христотриакон — «золотая палата», роскошный центральный зал в главном императорском дворце, где происходили торжественные приемы императором: имел форму восьмиугольника и венчался куполом с 16 окнами. Христотриакон постоянно упоминается в Книге церемоний. Подробнее его описание см.: Беллю, 1891, 11—44; 1893, 6—51; см. также: Явля, 1950, 114—117.

²⁶ В храме Святых апостолов в Константинополе находилась официальная усыпальница византийских императоров (Долин, 37—40).

²⁷ Константин I Великий — римский император в 306—337 г. С 325 г. — единодержавный правитель. В 330 г. перенес столицу империи в Константинополь, который и отстроил на месте древнего Византии. Он основал церковь Святых апостолов и первый был в ней похоронен.

²⁸ Архископ Епайк — от персидского *šāpāk*, означает «туфля». Слово *šāpāk* встречается нигде больше в византийской литературе не встречается, установлено в словаре Софроника (1900, 770) как «мелочек». В действительности же это другое армянское слово персидского происхождения, также означавшее туфельку — *šāpāk* (Ачарян, 1977, 629—630). В Константи-

ноколе ждал много армян, и ряд армянских слов был хорошо знаком византийцам. Существует, впрочем, гипотеза и о грузинском происхождении Цимисхия (*Газар-Церестели*, 1934).

КНИГА ШЕСТАЯ

¹ Это место — единственное у Льва Дяконя, где год от сотворения мира (969 г.) написан словами и указан месяц. Вероятно, там, где даты указаны неверно, следует видеть не Льва, а переписчика, слухавшего буквенное обозначения цифр (*Карышковский*, 1953, 40). Ср. также краткие хроники: Шрайнер, 1975, 158.

Иоанн, как и Никифор, считался императором вряду с законными багрянородными Васнаием и Константином. Поэтому формула провозглашения нового императора обязательно включала их имена. Однако правление юных василевсов было столь номинальным, что Цимисхий, согласно версии Миллеса Эдесского, удалял их в провинцию (*Миллс*, 1934, 367).

² С Цимисхием Васнаии связывали давние отношения; еще в 958 г. они вместе разгромил Сабр-ад-Даулу и взяли Самосату (*Брокхоф*, 1972, 214). О карьере Васнаии см. примеч. 40, кн. II. Фактически он был армянцем, ком уже при Цимисхии, а после его смерти в течение девяти лет до 985 г. единовластно правил делами государства. О его дальнейшей судьбе см. примеч. 56, кн. X.

³ Из этого замечания ясно, сколь ненавистны были Льву городские низы, сколь напряженной была социальная атмосфера Константинополя; гребенки и поджоги начинались очень быстро, как во время переворотов, так и при деспотических (*Ридинг*, 1917, 134—135).

⁴ Здесь очевидны симпатии Льва Дякона и Фокиа. Однако его тон по отношению к Цимисхиям очень скоро изменился: новый император своими благодеяниями как бы искупил жестокость совершаемого им убийства.

⁵ Другарий Флота командовал императорскими войсками Флотии (в отличие от провинциального флота морских фем) и был одним из высших военачальников в Византии (см.: *Кеявиев*, 628).

⁶ Другарий вигаи — начальник дворцовой охраны в Константинополе. Его должность появилась в 791 г. Люди другария вигаи, помимо дворца, несла стражу на ипподроме и в суде (*Иконоидис*, 1972, 331).

⁷ Хотя городской полиция подчинялась эпарху Константинополя, функция тайной полиции и охраны порядка в ночное время возлагалась на ведомство другария вигаи, которого поэтому и называли «ночным эпархом» (*Иконоидис* 1972, 319—320). Ф. Лорето, по всей видимости, считает другария и ночного эпарха разными людьми, отчего соединяет их сочинительным союзом (90).

⁸ Согласно Силлаце (284), вест Никифор был разлучен с отцом в ссылке на острове Имвро.

⁹ О товарище см. примеч. 65 и кн. IV. Однако в данном случае имеются в виду стражи провинций.

¹⁰ Амисия (совр. Амисья) — город в дельте Армянки, митрополия. Центр земельных богатств фамилии Фож (*Шульц*, 1913, 90—117).

¹¹ О дуках см. примеч. 8, кн. IV. Быстрый рост влияния дук началось как раз во второй половине X в. Однако в табели о рангах Феофана, относящейся к середине этого столетия, такая должность, как дук Халдии, поставлена значительно ниже стражи Халдии, возмещение дук в это время, следовательно, еще не началось (*Успенский* 1898, 112, 119). Халдия — одна из фем (образована, видимо, в 824 г.) на северо-востоке Малой Азии по стоам. дей в Трапезунде (*Хонигман*, 1935, 53—54).

¹² Слово «суг» — дуква — в рукописи Льва Дякона, мы восстановились его по тексту Силлаца (312), заместившего это описание у Льва, но пользовавшегося более исправной рукописью, чем та, что сохранилась

¹³ Имеется в виду Оластеей, победивший всех женихов Пенелопеи в *смеральбе* на лука (Од. XXI, 409—422).

¹⁴ *Адамзия* на Третью книгу Царств (XVII, 16), где, правда, речь идет не о «метафорическом», а о настоящем масле. Под пророком подразумевается Иава.

¹⁵ На этом примере особенно очевидна неоднозначность характеристики, данного Львом Дяконом своим героям. Видно, это было столь важно для византийского читателя, что данная глава оказалась извита из текста «История» и попала в одну из семи рукописей Силлаца (XXX, 312—313).

¹⁶ В Византии VII—IX вв. церковная корпорация не считалась абсолютной неприкосновенной. Первым в 602 г. в церкви был коронован Фока. Храм св. Софии использовался для этой цели с 641 г. (*Трейтнер*, 1956, 27—30).

Патриарх Полиевкт за постольное вмешательство в дела мирские трагически уже с императором Константином Багрянородным; Никифор также был недоволен самовольем патриарха в делах церкви. В данном абзаце упомянут изданный Никифором «томос», уменьшавший интересы церкви. Полиевкт (*Деятели Ревесты* № 772; *Острогорский*, 1963, 254), что речь идет об известной новелле XIX императора Никифора 964 г. (Ц.-Л. III, 292) о монастырях. Однако, судя по тексту Льва Дякона, это не так. В «томосе» скорее давался запрет: не принимать никаких от него было постановлений по делам церкви без санкции императора. В новелле же об этом нет ни слова, она лишь запрещает давать заключения на земли в пользу монастырей и церкви. Новелла XIX распространялась на всех граждан империи и монастыри, тогда как «томос» — только на синод. Полиевкт требовал от Цимисхия аннулировать «томоса», а не новеллы (ср. *Томас*, 1983, 286—287).

При Никифоре без его согласия сельская церковь не ревизовала доходы и расходы епископии и кофискалов, все, что им ввозилось каллистами (*Силлац*, 274). Епископ Левитий жаловался гостившему у него Луитранду, что из-за антиклерикальных законодательств Никифора аграрии совсем обеднели (*Луитранд*, 211). Вообще же возмущение каллистского класса вызвали меры Никифора, направленные против основания новых монастырей и обращения старых, а также его требование, чтобы церковь признавала святых неского викария, погибшего в бою.

¹⁷ Видно, здесь имеется в виду остров Проклид — самый большой из Проклидских островов недалеко от столицы (совр. Канали Ала). По сообщению Силлаца, императрица была сослана в Проклид (285). Безав оттуда в Константинополь, она нашла убежище в св. Софии. Однако паренхимом Васнаий приказал вывести ее оттуда (при этом она отбивалась и всецело поощряла Цимисхия и Васнаия) и на сей раз сослал в далекую фему Армянки, злончи в монастырь Дамалию. Судябы императрица не вызвала сочувствия подданных — до нашего времени сохранилась сатирическая несия, написанная престопрородным языком и изображающая издевательствами в адрес Феофана. По-видимому, около года спустя после того, как несия была сочинена, ее использовали на торжествах по случаю женитбы Цимисхия на Феодре (ср. примеч. 40, кн. VII). Текст песни и комментарий см. *Морган*, 1954.

Молодой Василий II осылався освободить мать из ссылки лишь после смерти Иоанна Цимисхия (Лях, 133). Она была покорена в церкви Святого востолова, рядом с двумя своими царственными супругами (*Донин* 37, 41).

¹⁸ *Острогорский* (1963, 243) называет это унижение Цимисхия перед Полиевктом «Каноссой», подобной унижению отлученного от церкви германского императора Генриха IV перед папой Григорием VII. *Острогорский* считает, что слова «верну к синоду грамоте» означают аннуляцию новеллы 964 г. обосновывая это тем, что одна из рукописей (Ц.-Л. III, 292) после текста новеллы XIX содержит надпись, вероятно, читателя: «Эта новелла отменена Цимисхием, потому что она была плоха!» Новелла XIX действительно была отменена, но в 988 г. это сделал Василий II в новелле XXVI

- (Ц.-Л. III, 303—304). Очевидно, читатель или писец спутал Цимисхий с Вальсамом. Каноник XII в Вальсамий также считал началом 988 г. отмену несправедливого закона Никифора. Попадимость вышла из Цимисхия (Жезлем, 1960, 74; Зворонко, 1964, 22, 29; Гоис, 1983). Предвект не добился только деповидия «томоса», а не новеллы. Второе требование — о наказании убийц — также не было выполнено до конца. Правда, согласно Скимиде (287), Цимисхий вернул на места епископов, посланных Никифором за отказ признавать его иновольствием.
- ¹¹ По словам Феодора Вальсамона, помазание на царство сыном с Цимисхий сморщенной трех убийства (Вальсамон, 1156). Коронование состоялось 23 декабря 969 г. (Скимиде 286).
- ¹² Цивота из книги Иова (1, 3).
- ¹³ Бальвица располагалась на северном берегу Золотого Рота, возле устья реки Барбос (ср. примеч. 5, кн. VIII). Она была построена императором Констанцием (Обио, 1975, 80—82, 96; 99—100).
- ¹⁴ Речь выплачивалась востарго на плату должностным лицам и широта в установленных особам. Поскольку неазиатские люди выплачивали от установленных налогов (примерно 97%), который выискала для получения титула (Лителлин, 1977, 181), смысла благодеяния состава именно в том, что Цимисхий усаживал роту его соответствующего улаживания взноса.
- ¹⁵ Из немецкого перевода получается, что убийц было несколько (Дерротт 94).
- ¹⁶ Христодор, урожденный Иса, родился в Агадиде; патриархом Антиохии стал в 949 г. Будучи ставленником Себид-Адаум (см. примеч. 2, кн. VI), сержант гми верности и бежал из Антиохии, когда там поднялся восстание против эмира. После его победил вновь занял патриарший престол. Христодор был убит 23 мая 967 г. в обстановке антиицистического угара. Его голова была сожжена, тело брошено в Сирию, а резиденция разграблена (Яхья, 109—111; Зайт, 1952).
- ¹⁷ Образ церкви как «вещи бога восходит и ветком завет». Ср. также: «Мужья, которые спали жен, как и Христос возлюбил церковь» (Еванг. 5, 25). Ср. еще 2 Коринф. II, 2.
- ¹⁸ Незнаком, из какой Колонии происходила Феодор, впадоноийский или армянской. Вероятнее, что он был армянским, как и Цимисхий (Жезлем, 1953, 366). Феодор I занимал патриарший престол с 23 января 970 г. до 29 мая 976 г. После смерти Христодора армянским мисрблосствителем был Филстратий. Арабизмичные антиохийские христиане — «мелкиты» — ашишались после византийского завоевания в свой автономии.
- ¹⁹ Помянут (см. примеч. 37, кн. II) умер 5 февраля 970 г. (Григорий 1958, 436). Впрочем, если исходить из указаний Скимиде (287), что патриарх прожил 35 дней после коронации, то получается 29 января. До нас дошла чувствительная автобиография эпископа на его смерть, написанная Иоанном Геометром (1948—1950).
- ²⁰ Впервые концепция священства и царства были сформулированы Юстинианом I (527—565). См.: Н.Шелам, VI, 1.
- ²¹ В Византии церковь находилась в зависимости от государства. В частности, выбор патриарха фактически определялся императором. Тем не менее Цимисхий счел нужным сослаться на положение Эвфратоса, византийского солада законов, о равноправии светской и духовной власти.
- ²² Олимп — город в Византии, недалеко от города Присы (Византия). Центр монашества, где в разное время пребывали Феодор Студит, Кирилл (Константин) и Мефодий, Микола Песла (Божю, 1959, 209; Метелю, 1935).
- ²³ Патриарший двор представлял собой комплекс зданий, включивший как резиденцию патриарха, так и его канцелярию. Располагался недалеко от храма св. Софии (Жезлем, 1950, 174; 372—373; Фойт, 1940, 86—88) 13 февраля. Имеется в виду Синод 843 г., восстановивший иконопочитание (Григорий, 1958, 454).
- ²⁴ Великий I Севастриан был Константинопольским патриархом до марта (?) 974 г. (Григорий, 1958, 436). «Велеским» патриарх Константинопольская стал назывался с ноября VI в

- ²⁵ Русская угроза явно видно упоминается уже в 1062 году, между великим Никифором: составленной в это время доклад «Филостро» упоминается о д.Феодор епископ (334—342). Цимисхий, впрочем, тогдашний Константинопольский патриарх с этого года и только утвердившийся на посту.
- ²⁶ Это был помин иновольствия сиа востарго на пост с Цимисхий (Скимиде, 187). По Яхья (142—145), патриархский указ Антиохии касался только 969 г.
- ²⁷ Патриарх Вальсамий послал для защиты Антиохии два свои иновольствия писки: «Святого Мелкитоса» (Жезлем, 287) и «Св. Николы» (Жезлем, 286). Никифор и Цимисхий, впрочем, дали разрешение в указе (Жезлем, 1974, 66).
- ²⁸ Цимисхий, по мнению автора, не мог быть должностным лицом, по тому, что старший востарго не мог быть должностным лицом.
- ²⁹ Таким образом, дело не только было первоначально земной и 15 антиохийский Цимисхий предвект Свтославу выплачивать земельные деньги в покое. По-видимому, пош. Никифор создал мирные отношения с русскими в июне 968 г., Свтослав также получал от него еще какие-то суммы: и в сел князя ту в Переяславце имел дань на землю — «обладает» (Лителлин, ПБА, 47).
- ³⁰ Эти слова дали многим историкам пищу для предположений о существовании приливской Руси. Но данная гипотеза является лишь на неточности перевода, или датировки — Гале, там и старого русского — Понев (Карышевский, 1960, 40—43). Однако Д. А. Талис считает, что Боспор востарго связывался с созданием Льва Диакона с Русью: ведь арабские писатели называли Боспор России, и это далеко не единственный топоним с корнем «рос» в Крыму. Тогда по-новому стала бы вопрос об употреблении применительно к русским этнонима «старославяне» (Талис, 1974). Впрочем, археологические свидетельства русского присутствия в Крыму до конца X в. нет (Галл, 1968, 65).
- ³¹ Итак, несмотря на то что дискуссия о приливской Руси ведется давно (Полов, 1961; Цимисхий-Петкова, 1970; Литварь, 1972, и т. д.), вопрос этот по-прежнему остается открытым (Удальцова, 1969, 129; Аллейдер, 1971).
- ³² В обмен на уступку Мисии ромей Цимисхий признавал право Древней Руси на владение Керченским проливом. Фактически он предлагал Свтославу продолжать завоевания в Северном Причерноморье, где и то время велись претензии Согласно русской летописи, и Ольга была недовольна походами Свтослава в Болгарию, усматривая главную опасность в кочевниках: такой взгляд налага впаде реалистичнее не только в ситуации того времени, но и для дальнейшей истории Древней Руси.
- ³³ В действительности все было наоборот: со второй четверти IX в. итерическая Македония (за исключением области Фессалионик) входила в состав иервого Болгарского царства. Для итерических славян, однако, северной границей Византии по-прежнему оставался Дунай, как и сотни лет назад. О расширительном «македонизме» термина «Македония» в Византии см.: Анонтос, 1924, 44.
- ³⁴ Катраги (кутригур) — тюркское племя, жившее у Азовского моря в V—VII вв. (Морочник, 1958, II, 165). По Феодору (336), это племя, основанное с болгарями. См.: Анонтос, 1954, 352; Цимисхий-Петкова, 1954.
- ³⁵ В рукописи Льва Диакона — «харария», но зато латинские. Разные известия о харагах относятся к IV в. Кое-где и Западно-Прикаспийской степи. В течение нескольких столетий Хазарский каганат был важной державой Восточной Европы. В 965 г. хазары были разгромлены Свтославом (Денлоп, 1954; Гумилев, 1966).
- ³⁶ Народ хазаров упоминается также у Псевдо-Каллисфена (792): кроме того, по многим источникам фигурирует эпикопство Хунария на западе Балкан. В «Слове о полку Игореве» встречается некое «кивова» (см.: Салдария-Спирочичи, 1984, 120—122). Видимо, все это разные названия этнонима

- слова павия с таким названием образовало восточную часть (Полонцев *Добруджанов* 1978, 103; 125). Ср. *Морочкин*, 1958, II, 347.
- ⁶ Константин IV Погонат был византийским императором в 668—681 гг. Болгария возникла на Дунае в 70х годах VII в.
- ⁷ Имя Булгара, якобы родоначальника болгарского народа, впервые встречается в латинском переводе Феофана Анастасием Библиотезавром, на основании чего издатель К. де Боор произвел конъектуру греческого текста (*Морачкин*, 1958, II, 98). См. Ангелова, 1971, 346. Упоминание о Булгаре встречается и у Исаифа Гевтепа (85—86). Кроме того, в рукописи, опубликованной Сп. Ламбросом (1917, 112) и представляющей собой род краткого справочника, есть фраза, буквально соответствующая тексту Льва Диакона. История мог пользоваться одним из таких справочников, или же, наоборот, автор справочника Ламброса мог списать фразу с Льва. Наиболее близ Булгару известно Мизахлу Сирийцу (Мизаха, 116).
- ⁸ Это — единственное место, где Лев называет Болгарию ее собственным именем. Данный экскурс неясен, кроме упоминания о котрогах, но явно имеет знаменитый экскурс Феофана (368—369; 372—375); источник сведений Диакон неизвестен.
- ⁹ Леонтий совершил переворот против Юстиниана II в конце 695 г. и был свергнут сам в результате поставки на трон в 698 г. Он был также лешен волос и сосал.
- ¹⁰ Юстиниан II вошел на престол в 683 г. Свергнутый в 695 г. и сосланный в Херсон, он бежал оттуда с войском и ваварам, а затем к болгарам. В 703 г. Юстиниан во главе болгарского войска подошел к Константинополю и сверг Тиверия III. Убит в 711 г.
- ¹¹ Херсон, древний Херсонес, Корсунь русских летописей — центр византийских владений в Крыму.
- ¹² Меогида — древнее название Азовского моря.
- ¹³ Первое упоминание о протоболгарах относится к IV в. Тогда они кочевали в Приазовье. Во второй половине VI в. протоболгары разделились: часть их ушла на Запад, в Паннонию (это, очевидно, и имеет в виду Лев, говоря об их «блуждании» по Европе), а часть осталась в Приазовье, известная под названием кутигуров («котрогов» — у Льва). В последней трети VII в. произошло второе разделение протоболгар: под давлением кавказ часть их ушла на Среднюю Волгу, а часть — во главе с ханом Аспарухом — дошла до Дуная и поселилась в Южном Поднепровье, в так называемом Сигле. В 680 г. Константин IV предпринял неудачный поход против них, после чего болгары утвердились в Мисии и Добрудже вплоть до Варны.
- ¹⁴ Лев Диакон ошибается в определении территории, обещанной болгарам Юстинианом II: к 705 г. болгары уже четверть века жили и югу от Дуная, после же покорения Юстинианом II им была уступлена область Згары (район совр. Славска). Данный пассаж обнаруживает незнание Льва с трудами как Феофана, так и Константина Багрянородного.
- ¹⁵ Уже в 708 г. византийцы предприняли неудачное нападение на болгар; с 712 г. болгарский хан Тервел в свою очередь начал опустошать византийскую Фракию.
- ¹⁶ Никифор I (Лев называет его «дядиной» — в честь родственности Никифору Фове) пришел к власти в 802 г. в результате переворота, когда была свергнута императрица Ирина. Внешняя политика Никифора была неудачной: при нем вновь перешел в наступление арабы и болгары. В 811 г. император предпринял поход против Болгарии и вынул ее столицу Плиска. Но на обратном пути 26 июля его войско было истребовано болгарами в горных проходах и целиком уничтожено; сам Никифор I при этом погиб.
- ¹⁷ Константин V, сын императора Льва III, вступил на престол в 741 г. Наследие его отца с несправно относилось к новому императору и дало ему прозвище «чужеродим-иноземный». Военные предпринятые Константином были успешны: он отразил нашествия арабов; совершал походы против болгар в 756, 763, 768, 773—774 гг.; замышала полностью подчинить Болгарию,

- и некоторые круги болгарской аристократии считывали его правым. Однако флот, посланный в 766 г. для разоружения болгаров, был рассеян бурей, а дальнейшие походы были безрезультатны. Умер Константин в 775 г.
- ¹⁸ Константин VI был внуком Константина V и сыном Льва IV. Со смертью последнего в 780 г. его вдова Ирина стала регентшей при малолетнем Константине VI. Внешнее положение Византии в тот период резко ухудшилось. В 789 г. болгары вторглись в Македонию, Константин VI выступил против них и был взорван Помпикта решаши, предпринятый им в 796 г., также оказался не вполне удачным. В 797 г. по приказу матери Константин VI был ослеплен.
- ¹⁹ Эти слова могли быть написаны лишь до решающей победы Василия II над болгарями. Но вопрос в том — какие победы Василия следует отнести к решающим? Так мы сможем определить дату, ранее которой написана «История» Лев Диакон, М. Я. Сюзюмов считал, что данный пассаж не мог быть написан после победы над болгарями в 991 г., когда был взят в плен царь Рокан (Сюзюмов 1916, 138; 1971, 128). По мнению же П. О. Карышковского, поражение Болгарии в 991 г. не было решающим: во-первых, болгары немедленно послали этого царя в наступление; во-вторых, Роман уже давно лишь номинально был правителем Болгарии — реальной властью обладал Самуил. Таким образом, отправкой датой становится 996 год — время Сперхейской битвы (*Карышковский*, 1953, 41, примеч. 5). Следует учитывать, однако, что Лев Диакон говорит о поражении болгар «на их собственной земле». В 991—994 гг. Василий II не решился вторгнуться во внутренние области Болгарии, в 996 г. Никифор Уран разгромил Самуила в середине Грдин, на реке Сперхей, идал от болгарской земли. Значит, данный пассаж мог быть написан в любое время до 1001 г.
- ²⁰ Видно, власть Святиослава все же не распространялась на западную часть Болгарии, которая в дальнейшем стала очагом болгарского сопротивления византийской экспансии.
- ²¹ Филиппополь — город во Фракии на реке Эвр (Марца), ныне Пловдив. Основная в IV в. до н. э. Филиппом Македонским на месте фракийского поселения Плулудея.
- ²² Цифра 20 тыс. — очевидно преувеличение, тем более, что, как известно из «Истории», это была даже не большая часть населения города. Но самый факт террора в Филиппополе достоверен по сообщению Скилицы (285). Цинцисий вскоре перебежал туда значительное число «манкиев» из Малой Азии — видимо, город совсем обезлюдил. На то же самое указывает в русской летописи: «И поиди Святиослав во град, воица и грады разбивая, пшш стоит и до аждешого дня мучени» (ПВЛ, 30). О разгроме Филиппополя пишет и Анна Комнина (394—395). Разруша во Филиппополе свидетельствует, что не только среди болгар не было единства в отношении к Святиославу, но и политик самого Святиослава в Болгарии была неоднозначной. Филиппополь находился недалеко от византийской границы, и промышленные строения явно были там сильнее, чем в северной Болгарии.
- ²³ В ряде западных словес Святиослава могло отразиться влияние послышание о тех временах, когда славление в VII в. данкин практически весь Балканский полуостров (*Литварин*, 1986, 378).
- ²⁴ Исходя из виду мирные договоры Византии с Русью 907, 911 и 944 гг. Смысла на более посредничество содержится во всех трех договорах, 907 г. — «...целоваше сами яред, а Олега вдова и мужей его по роту по русскому закону»; 911 г. — «...честным крестом с Святио единственною тронною единого истинного Бога името, ... мы же кланиса на царю вашему, иже от Бога гуще, яко Божия дание, по закону и по року выжеки името не преступати на нем, не вложу от строки нашей от уставления бога кира и абула»; 944 г. «Аще кто преступит се... да будет камент о саа и от Перуна».

- ¹⁰ Скилица утверждает (290), что *иоанн* в засаду и погибли одни печенги, в значимое после этого между *иоанн* и *посланником* галинне *иоанн*. По словам *иоанн* Лео Диакон, исход битвы был долго *иоанн*, которому принадлежали им *иоанн* *иоанн* административные.
- ¹¹ Сражение под Аркадиополем (совр. Аюч-Сувайз) весной 970 г., описанное Леоном, часто отождествляется с битвой, в которой проигрывает русская экспедиция, предпринятая даже *иоанн* *иоанн* в правдивости рассказов Лео Диакон (см. напр. Белос. 1873, 172—173; Дробиц. 1876, 469—470). Однако нельзя усматривать в обобщенном изложении летописи (ЛВА 50) указание на какое-либо конкретное сражение.
- ¹² Это сообщение Лео Диакон трудно объяснить: ведь малоазийские войска, находившиеся под командованием Варда Скаира, были переправлены в Европу перед Аркадиопольской битвой (Скилица, 288) и немедленно вернулись в Азию для подавления всплывшего там восстания Фоки. Это известие и самому Лео Диакону (VII, 3). Попытка Ф. Лоретто объяснить это место путем добавления при переводе фразы слов некие дополнительные войска (Лоретто, 104) — ничего не дает. Видно, Лео поставил данный пассаж не на свое место, и он должен быть отнесен к концу следующей VII книги (Сюзюмов. 1916, 160).
- ¹³ Если выказанное только что предположение верно, то имеется в виду весна 971 г. Эти же слова читаем в восьмой главе VII книги (см. примеч. 37, кн. VII).

КНИГА СЕДЬМАЯ

Парсакута — местечко в феме Армениаки, где, по-видимому, убил галатийцы князь Фок и куда на жительство были посланы родичи Никифора Фоки после его убийства. Местоположение Парсакуты не установлено (Шлихтер, 1896, 61, примеч. 1).

Братия не принадлежал впоследствии и востасиям (мятежам против правительства) времени Василия II. Напротив, Варда разбил при Андоце флот мятежника Скаира, а Никифор переманил при слабе посланных сторонников Скаира во Фракийской феме в 980 г. (Гийль. 1973, 67). Малоазийский род Парсакутинцев угас уже при Василии II.

К Фоке принуждали лица из *иоанн* — свонки, т. е. уже традиционно связанные политически и экономически с семейством Фок.

¹⁴ Лев здесь почти буквально повторяет мысль Агафия (III, 11).

Апокалипсис обосновывалась всеобщим образом государства «плохого» самодержца «хорошего», который, конечно же, обещал улучшить положение народа — эти обещания входили в традицию массового восстания и всегда переплетались с крестьянскими движениями.

¹⁵ Ампапа могла считаться руководителем крестьянского восстания, принужденным к власти Фоки. Поскольку Скилица (291—292) называет Ампапу патрикием, следует думать, что он сумел выдвинуться после перехода на сторону правительства. Газе (467) приводит сведения, согласно которым Ампапа стал впоследствии патроном монастыря Никифора Милетского.

Лев — македонцами — Лев подразумевает стратигот европейской фемы Македонии (см. примеч. 32, кн. III).

¹⁶ Дьякстрия — учреждение светского суда в Константинополе. Характерно, что в данном случае епископа предельно судили светские судьи, и только потом дело было передано церковной инстанции — синоду епископов, что противоречило каноническому праву.

¹⁷ Версия об оселепении оживлена. Как выясняется из дальнейшего рассказа Лео (IX, 3), Цимисхий отменил этот приказ. Точнее об этом у Скилицы (294). Тот факт, что Лев не исправил ошибку, свидетельствует о неаккуратности «Истории».

¹⁸ До описываемого времени титул «стратигот» не был сокращенным. С тех пор как в 970 г. он был дан Скайру, источники начинают упоминать некую «галму стратиготов». В XI в. появляются стратиготы Востока и Запада.

на четкие звания «кринна» определить трудно (Исторический. 1972, 332). Дриарей (совр. Эски-Мезир) — город во Фригии (Рамс. 1890, 204; 473). — знала София.

¹⁹ У Скилицы (292) текст почти не приводится, *иоанн* и *иоанн* о посланнике Скаира и мятежнику. Можно предположить, что Лев Диакон имел в виду, что *иоанн* с этими письмами, содержащими план текста, который он передал, *иоанн* *иоанн* Агафия (Газе, 470).

²⁰ Сведения о полете *иоанн* совета расселим у многих античных авторов: Геродот (VII, 16), Софранка (Антигона, 1031—1032), Ксенофонт (Анабасис, VI, 4) и т. д.

²¹ По Скилице (292), войска Скаира от Дорнара двинулись на *иоанн* *иоанн* к Кесарии Каппадокийской: возможно, там, у реки Галис, и находилось селение Дипотам.

²² Следовательно, в войске мятежника было много *иоанн*, из которых *иоанн* не хотел отделиться (Кожан. 1952, 92).

²³ Патрикий Диосен Андрасет (Скилица называет его Андрасет) — видимо, потомок того Андраса, который был при Ромеке I домашним скотом (Гийль. 1974, 59). Согласно Скилице (292), к Скайру перебежали *иоанн* Парсакутиним.

²⁴ С уходом Ампапы Варда Фока фактически остался без войска. Следовательно, Ампапа была не одионок-замеником — вместе с ним отошел от мятежа и широкий масс. Более четко об этом сказано у Скилицы (292—293).

²⁵ Псалтырь. XXXIV, 1.

²⁶ Этот эпизод почти дословно приводит и Скилица (293), использование общего источника здесь очевидно (у Скилицы есть некоторые подробности, которых нет у Лео).

²⁷ Крепость Тиропол лежала на пути от Гераклеи (Эгроски) к Аддан (Хомитин, 1935, 46, примеч. 1). Впрочем, Гроуар (1935) предлагает здесь конъектуру — вместо «Тиропол» читать «Тилки» (старинный город-крепость южнее Кесарии в Каппадокии). Рамс (1891, 146—141, 355—356) предлагает другую конъектуру — Тиранион (совр. Иалки). У Скилицы крепость названа Тиропол (293). Что касается названия Андоце, то оно есть в арабских источниках: это местечко юго-западне Кесарии, у совр. Тосил (Васильев, 1903, 93, примеч. 4).

²⁸ Вардартта — дословно «образование Варды». Демонстрировать этот топоним не представляется возможным (Грейер. 1935, 252). Рамс (1891, 140) считает, что это Месопотамия юго-восточнее Дипотам; другие названия этого места было «Варетта» (совр. Лев-Шехер-Гюле) — это-то Лев и гиперосмеливает в духе «народной этимологии».

²⁹ Тирасонврия — «платина селения».

³⁰ Лев Фока, сын Никифора Фоки Старшего, был родным братом кесаря Варды, дядя того Варды, о котором здесь упоминает Лев Диакон.

³¹ Дословно «гора Аппа». Это место упоминается и в других источниках, Скилица (211) приводит первый вариант названия, Продолактель Феофана (396) — второй. Может быть, это совр. Голалта в Галатии (Грейер. 1936, 538—539).

³² Лев VI Мухрый — византийский император в 856—912 гг.

³³ Александр правил с 11 мая 912 г. до 6 июня 913 г.

³⁴ Константину VII Вагриборродому было тогда 8 лет.

³⁵ Зоя Карбонопиде — четвертая жена Лео VI, мать Константина.

³⁶ Болгарский царь Симеон (878—927) правил с 893 г. вел упорную борьбу с Византией. Он разбил ее войска в 894—896 гг., принудил к территориальным уступкам в 904 г. В 912 г. Симеон появился под стенами Константинополь, и патриарх Николай Мистик вынужден был короновать его как императора, и патриарх Николай Мистик вынужден был короновать его как императора (впрочем, это спорный вопрос в науке), а его дочь объявила невестой юного Константина VII. Византийцы, однако, вскоре отказались от этих уступок, и в 914 г. Симеон вновь начал военные действия, не прекращавшиеся вплоть до его смерти.

- ¹⁰ О «шестидесяти против него (Цимиския) под прикрытием своих щитов» упоминает и Асокич (128). В поэме «Исхакар-Нама» также говорится, что русские воевали «щитом прикасался к щиту». Продолговатые щиты эти сменяли на крутые во второй половине X в. (Курбанчиков, 1971, 33—37).
- ¹¹ В 970 г. русские припарка на помощь венгерскую и печенежскую конницу, но к 971 г. они остались без этих союзников. Хотя всадники Святослава и уступали византийцам, они не были столь беспомощны в сражении, как это трижды в разных местах подчеркивает Лев Диакон: археологические данные доказывают, что конница из Руси в X в. существовала (Курбанчиков, 1973, 5; 25).
- ¹² Скилица (296) называет ту же цитадель, но не погибшую, а участвовавшую в сражении русов.
- ¹³ Лев Диакон верно сообщает, что Святослава не было в Преславе, у Скилицы же (295—296) говорится, что Святослав был там и ободрил русских. Здесь Скилица явно ошибся: продолжал повествование, он сам пишет «Святослав, узнав о падении Преславы...» (298).
- ¹⁴ Салудший день — это 13 апреля 971 г. Четверо у византийцев считали лучшим днем недели первым было воскресенье. Д. Попов (83) ошибочно переводит «четверга» как «пятница» (то же см. Четков, 1843, 64; 196).
- ¹⁵ Среневац у Скилицы, 296 — Срагева, в некоторых рукописях — Срагелл) но скелеты имен историки отождествляли со Свенельдом русской летописи, который был наиболее близок к Святославу. Однако Среневац был убит, тогда как Свенельд пережил Святослава (см.: Геленов, 1876, 235—238).
- ¹⁶ Как повелел археологические раскопки, высота внешней стены Преславы составляла 3,35 м. По трезию ее шла платформа с частотолом (Амширов, 1974, 34—35).
- ¹⁷ Феодосий Месиник участвовал в 989 г. в битве Варды Фоки В 1040 г. участвовал за участие в заговоре (Скилица, 338, 412).
- ¹⁸ Ширина южных ворот (в юго-восточном углу стены), через которые византийцы проникли в город, — 3,5—4 м. С южной и западной стороны стена обходила холм Зыбути, с восточной шла по берегу реки Тичи, с северной представляла собой прямую линию. Общая площадь города составляла 3,5 км (Овчаров, 1982, 100—120).
- ¹⁹ Скилица (297) рассказывает, что ромен, дагачия бегущих скифов, бивали их, «а женщины и детей порабощали». Отсюда явствует, что массы защитников города были из местных жителей.
- ²⁰ Сынцель царь Петр Борис и Роман находились долгое время в Константинополе в качестве заложников; однако после смерти или погрома Петра они были отпущены в Болгарию — византийцам рассчитывали, что царевичи возглавят пронемецкую партию. Святослав также стремился привлечь Бориса на свою сторону: судя по тому, что молодой царь был заключен в цитадель, он пользовался свободой передвижения в занятом русскими Преславе, продолжал носить корону, имел казну (Мутафчиев, 1931, 78—80).
- ²¹ Употреблено странное сочетание «христыи цю Востърци» — «владика буатари». Это единственное место, где Лев называет болгар их собственными именами; можно предположить, что перед нами точная цитата из речи, с которой Цимиский обратился к Борису. Подробнее об этом: Исаков, 1982.
- ²² Цитадель стен преславской цитадели колебалась от 2 до 2,25 м. Ворота были расположены с северной и южной стороны (Амширов, 1974, 35). Видимо, среди верхушки болгарского общества существовали разные политические течения (см.: Тихомыров, 1947; Карышковский, 1951; 1952; 1953; 1955). Что же касается Святослава, то он вряд ли сознательно руководствовался стремлением помочь болгарскому народу в борьбе против славянского гнета: иначе его отношение к царю Борису было бы другим. Первым «стратигот Фракии и Иллинополы» был назначен протоспафарий Лев Саракинопул (Ворданов, 1982, 32).
- ²³ Христианство I Великий, легализованное христианство, стал героем многих христианских легенд. В частности, легендарный характер имеет и сообщение о постройке им Дористола (см. примеч. 13, кн. V). Впрочем, например,

- Псевдо-Кодия приписывает ему основание уже не только Дористола, но и Памиски и Прелазы (Кодия, 23). Отметим, что многие христианские мученики пострадали во времена сонной иконо в Дористоле, который, стало быть, существовал до Константины, и это не могло не быть известно придворному диакону Льву. Но жизнь светской истории ставила занятый анекдот выше сакрального предания.
- ²⁴ По преданию Константин увидел на небе крест с словами «сими победиши» — крест битам при Красных синах 27 октября 312 г., решившей исход гражданской войны, и это якобы сыграло главную роль в его обращении к христианству. Однако эта легенда имеет множество версий — крест появлялся в разное время, в том же разное годы, в разных местах. Лев Диакон сам того, видимо, не совлада, следует за греческой, армянской традицией в упоре официальной церковно-исторической традиции, шедшей от Евсевия. Армяне стремились в один ряд с Константином поставить его сына Константина, прокрестившего армяна, и приписали ему видение креста перед битвой с Магненцием, произошедшей при Мурсе, в Иллирии. Путьница в легендах об отце и сыне и дала гибридную версию (Грегур, Оржель, 1956, 132—133), которую мы находим у Льва. Версия местного значения — также армянская, она идет от Филосторгия (Биле, 1935, 408—409; 424; Грегур, Оржель, 1956, 145). Сочинения армянских писателей пользовались большей популярностью, чем Евсевий, и датский их отголосок у Льва Дьякона — лучшее тому подтверждение.
- ²⁵ Скорее всего, речь идет о вторжении готов на Балканы в 323 г. (Валла-порт, 1899, 110—112). В этом сообщении Лев Диакон опирается на агрографический заметник «Страсти св. Иоанна и Павла». Во-первых, Лев явно доклянцует победу Константина на берегу Дуная, между тем как в 323 г. готы были разбиты герарао ниже. — точно так же и автор «Страстей» (Грегур, Оржель, 1956, 136) путает события 323 г. с событиями 332 г., когда император совершил экспедицию на Дунай. Во-вторых, и Лев, и автор «Страстей» называют готов скифами (там же, 137; 146). Наконец, и «Страсти», и разбираемый пассаж Льва Дьякона лежат в русле армянской традиции.
- ²⁶ Памиска — мезвал Скилица Болгария, центр крупного строительства и ремесла с землевладельческо-скотоводческой оранной (Лисев, 1970, 27—31).
- ²⁷ Диния находилась между Преславой и Памиской. Это был многолюдный город, центр виноградарства. В настоящее время село Смякло (Лисев, 1970, 38) мал, что вероятнее, село Войвода в 8 км от Памиски (Милчев-Джандов, 1972).
- ²⁸ Скилица (301) также сообщает, что ряд городов направил к Цимискию послов с изъявлением покорности. Это показывает, что в болгарских городах влияние византийско-армянской знати имело некоторую опору в ремесленных и торговых кругах. Согласно Скилице (301), перешла на сторону Цимиския и город Констанция; Станеку (1971, 12) слышит, что это — Скилица на берегу Черного моря, Васильевский же (1910, 211) идентифицировал Констанция с одним из западных городов.
- ²⁹ По русской летописи, у Святослава был лишь 10 тыс., что более вероятно. Однако следует отметить, что приводимые здесь Львом Дьяконом цифры все же правдоподобнее как фантастических подсчетов Скилицы, так и собственных его выводов в начале «Истории».
- ³⁰ Римляне называли свои колонии *Coloniae*, византийцы транскрибировали его как *Colistola* (см. выше примеч. 13, кн. V), а славяне назвали его Драстра, отразившись от французского названия Драстра, сообщившего им местным населением (Романский, 1933, 657). Греческое название «*Colistola*» представляющее собой транскрипцию славянского «драстра» (форма родительного падежа), впервые встречается в эпоху Льва VI. Славянские имя города распространилось среди византийцев в период славянских войн, когда он играл большую стратегическую роль, и настолько утвердилось, что использование малагоничной номенклатуры требовало оговорок, что имя

и в конце у Лаву Диакону (Саватто, 1927, 112—113, Цанкво-Петков, 1970, 224—231).

⁶⁴ Железый в предместьях Доростола происходил, по Скилице (300), 23 апреля, когда праздновал день св. Георгия. Следовательно, от Пресавы, которую Цимисхий покинул после павла, до Доростола он бежал в пути около недели. Видимо, в конце ее с одной стороны росоа, на со стороны импер Цимисхий не встречал сопротивления, иначе он не смог бы пройти это расстояние столь быстро.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

¹ Слова «*μικροῦ τε καὶ ἰσχυροῦ*» — «мощным залом» поставлены в немецком переводе без внимания (Лоретто, 130).

² Копать ров для лагера, согласно стратегике Никифора, требовалось только в том случае если угрожала опасность нападения врагов, утомлять войско напрасной работой было не верно (см. Кулаковский, 1903). В *«Сильной»* Фабияна Лев опять следует Агапию (Газе, 462).

³ Толщина стен Доростола достигала 4,7 м (Аксенов, 1974, 37).

⁴ Вся эта вводная фраза пропущена в немецком переводе (Лоретто, 131).

⁵ О греческом огне см. помнет, 25, кн. I. Лев Диакон единственный, кто не знает его мидийским (Арсенер, 1966, 119), видимо, стремясь и армявизми.

⁶ Уместный похода Игоря на греков, предвзвешенным, видимо, производящий большое впечатление на мидийца, рассказано о действии «греческого огня». Явно преувеличивая его мощь, спутники Игоря стремились направить свой бегство (Шолов, 1972, 203, и сл.). Из византийских источников только Житие Василия Нового приписывает «греческому огню» решающую роль в победе над русскими, за Житием следует «Повесть временных лет», византийские же хроникеры отмечают это обстоятельство лишь попутно.

⁷ Лев здесь называет, своей одеждой русских *«ἰσχυροὶ λιανίρη»* — «ландиры, сделанные из белых зверьев». Он единственный из византийских авторов, кто дает довольно точные сведения о русском вооружении (Шабиев, 1981, 226).

⁸ Скилице ничего не сообщает о Феодоре Алакине. По-видимому, Лев включил в рассказ сведения о каком-то из своих знакомых или родственниках. Алакинов — род, существовавший с IX по XI в. и бывший в IX—X вв. глав крупным полководцем (Жданов, 1974, 125, 140).

⁹ Скилица (302) пишет еще об удачной вылазке русских из Доростола на деньгах продовольствия, которое они не успели завести до осады. Он считает, что это случилось 28 июня, Зонара — что 23.

¹⁰ Монастырь Панагия находится на азиатском берегу Босфора в провинции Пеллагония в окрестностях Халкидона (Скилица, 303; См.: Жданов, 1950, 459).

¹¹ Церковь св. Фокы в Константинополе была расположена с восточной стороны стены. Точное местонахождение не выяснено (Жданов, 1953, 513—514). О калитке не сообщает ни один источник, кроме Льва (Там же, 277).

¹² Сфоракий — район Константинополя (Жданов, 1950, 393) находился с северо-запада от храма св. Софии, прелее улицы Месем, простиравшейся до площади Константино (Шольде, 1913, 177, и сл.).

¹³ *«Σοφιστὴς»* — вообще ремесленная корпорация, здесь — одна из государственных мастерских, работники которых составляли особые объединения, изготовлявшие свою продукцию для двора.

¹⁴ Впоследствии другарий Лев был назначен протовестярием. Возглавлял против Василия II против итежника Склира в 977 г. рабрит и плевал им при Рага (Гуден, 1973, 63). Скилица добавляет (303), что заставит заговорщиков руководителем ректор Василия.

¹⁵ Калонин — остров в группе Пропондских островов. Скилица (303) четверга дает, что итежники были осаждены на острове Прота.

¹⁶ Языль (133) пишет, что Фока был оселеплен по приказу императрицы Флордорм.

¹⁷ Взаимности с князем Лев рассказал о заговоре Фок, заставляя предположить, что будущий историк сам находился в то время в Константинополе и тем самым может быть очевидцем войны с русскими.

¹⁸ Свидетельство о торговых византийцев в Болгарии позволяет заключить, что занятые ими болгарские города рассматривались как завоеванные. Впрочем, действия Куркуза, согласно закону, приравнивались к святотатству, за что он, по Лаву Диакону, и понес кару.

¹⁹ Ажмас (по гречески, видимо, Алах-Ну-Ман) — сын и соправитель эмира ирля Абд-эль-Азиза, вальты в плен Никифором Фокой в 961 г. (Скилица, 249—250; Прод. Феоф., 477). Не исключено, что от него пошел род Ажматов, известный до XII в. Арабская знать, таким образом, довольно быстро прорастала в византийскую.

²⁰ В Скилицына видна крестная монета чеканки 961 г. — одна из последних монет, вышедших Абд-эль-Ажмасом. Это дало лицу романической гинотее, будто Ажмас хрима ее как знак своего дарского происхождения, а после его гибели она досталась какому-то везирскому воину (Майла, 1970, 82—83). Византизм см.: Христидис, 1984, 119.

²¹ Оборот «*τοῦ δὲ περὶ τούτου*» — «когда он погиб» в немецком переводе выпущен (Лоретто, 136).

²² Это сражение, по Лаву Диакону, должно было произойти 23 июля, как дан ниже он указывает, что салдуший день приходился на пятницу 24 июля. Однако дата, приведенная Лавом, ошибочна, ибо 24 июля 971 г. было воскресеньем. На пятницу же этот день приходился в 974 г. (ср. Анастасевич, 1929, 1—20; 1931, 337, и сл.). Анастасевич старался доказать, что война при Цимисхий продолжалась три года, т. е. до 974 г. (возражения см.: Дельтер, 1932, 375 сл.; Грецер, 1937, 267, в сл.; Карачи-ковский, 1952, 136, и сл.). Согласно Скилице (304), предпоследняя битва (с участием Икмора) происходила 20 июля, тогда последняя битва должна быть отнесена к 21 июля, поспылку именно 21 июля 971 г. была пятница.

²³ Перелестичи рукописей часто путают буквенные обозначения цифр: замена α (1) на β (4) в рукописи XIV в. вполне возможна, так что скорее всего день июль. Лев Диакон назвал правящая, а число июля (24 вместо 21) — ошибочно. Таким образом, считем наиболее вероятным отнести решающую битву к 21 июля 971 г. (Сюсюмов, 1974).

²⁴ Это место требует особого внимания. Дело в том, что в 971 г. в ночь с 20 на 21 июля было почти новолуние и видеть что-либо издали не представлялось возможным. Отнести же битву к 970 г., когда действительно было полнолуние в ночь с 20 на 21 июля, тоже нельзя. Наиболее вероятно, что Лев Диакон допустил в этом месте ошибку, сообщая то, что ему передали очевидцы о каком-нибудь другом сражении в 970 г. Скилица (305) говорит об этой ночи только, что русские после неудачного сражения громко оплакивали погибших, но не упоминает при этом ни о полнолунии, ни о ритуалах. Видимо, Лев интересовался языческими обрядами, распространял о них очевидцев и дал выходящий драматизма объединя все имеющиеся у него сведения в рассказе о ночи перед решающей битвой. Сообщение о полнолунии добавило рассказу достоверности.

²⁵ Сожжение русскими своих пособников засвидетельствовано Ибн-Фадланом (143), Ал-Бекри, Истикри, Ибн-Халикан, Масуди и другими арабскими авторами (Кулик, Ровен, 1878, 62; Залозлер, 1967, 103—104).

²⁶ Обряд жертвоприношения пленным у славян отмечен и западными хронистами: Даутонем, Титмаром, Гельмольдом. Свидетельства о жертвоприношении на могиле убитого принадлежавших ему женщин носят массовый характер. В византийской литературе об этом применительно к славянам рассказывают Маврикий и Лев VI, а владыкой — Титмар и Бонифаций, в арабской — Ибн-Фадлан, Ал-Бекри и многие др.

²⁷ Именно такой способ ритуального убийства у славян засвидетельствован Ибн-Рустей, Исахаком Ибн-ал-Хусейном, Ибн-Фадланом и др. (Залозлер, 1967, 113).

¹⁰ Убийство славянами маадецев зафиксировано византийским автором VI в. Псевдо-Косариом. О том же обряде у прибалтийских и западных славян сообщает Герборд (П. 18, 33), Эрихгард (а. 1125).

¹¹ Обычай сжигать трупы пещерах в качестве жертвоприношения широко исследован в источниках (см.: Толстой, Толстая, 1981). Ср. сообщения Константина Багрянородного (Адм. 60, 73—78). В мифологии пещер связан со смертью (Гакк, 1934, 56; 94—105; 151). Это подтверждается как археологами (Авдеевич, 1963, 58), так и этнографами — у многих славянских народов и по сей день существует обряд приношения в жертву пещерах, как правило черного (Друбич, 1976, 33—34).

¹² Слово «салави» означало для византийцев одно — язычник. Именно это подразумевал Лев, рассуждая об эллинизации учености (IV, 9). Однако в данном контексте он употребляет слово даяжди, и кто не является таковым, во втором случае «эллинизация обрядами» несомненно, назван обрядом даяждисис, но в первом случае Лев явно намекнет на их древнегреческое происхождение. Тем самым славя «салави» историк придет его некоему владыке. Подобное новозрочество Ава — обобщенное с точки зрения его архангелствующего ства — не так уж и смело, если учесть сходные тенденции в языке Константина Багрянородного. См.: Лехнер 1954, 43—52. В древнерусских обряднических сочинениях тоже содержится высылка против поклоняющихся «Матери бесовства Афродите богине... и Артемиде проклятой», Дмяю (Зевсу), Диомею и даже «приходе Демфичестве», т. е. оркунду (Аничков, 1914, 109). Возведение русского язычества к греческому носит, несомненно, славяноязыческий характер.

¹³ Анахарсис — скиф-философ, сведения в котором относятся к 590 г. до н. э. Легенды о нем приводит Геродот (IV, 76—77). Анахарсис — иронич и очень почитаемая в греческой литературе фигура. Он воспринимался как образец древней добродетели, уже утраченной греческим миром. Некоторая извращенность «варварского» первоначального общества, для которого была влюблен характерны прямота и честность, долго оставалась основой представлений о морали «варваров». Непосредственность росов, чуждым коварства, представляется таким образом, отчаивающей идеалам Анахарсиса: поскольку росов называли «тавроскифиями», было естественным считать, что он их духовный наставник.

¹⁴ Зиноахисис — скиф-гет, жил в рабстве у Пифагора, позднее распространял у скифов его учение; стал впоследствии почитаться богом, был врагом вина и досок, проповедником вегетарианства (Страбон, VII, 3, 3; Геродот, IV, 94—96).

Почитание двух этих мудрецов христиане перекладывали на книжков, дав им системы представлений, которые «варварское» происхождение Анахарсиса и Зиноахисиса имело важное значение (Дружков, 1971, 124).

¹⁵ Флавий Арриан, плодотворный и разносторонний писатель, жил между 95 и 175 гг. н. э. «Павание вокруг Понта Евксинского» написано им в 131—132 гг. Лев Диакон, несомненно, имеет в виду это произведение, но приводимых историком данных там нет: Арриан писал лишь о куланте Аххала на Белосе острове. Вероятно, Лев почерпнул свою информацию у Псевдо-Арриана (V в. н. э.). Об этих сведениях имеются рассуждения в комментариях Евстафия Псаломнического (XII в.), который пишет о мифологических и о тавроскифиях, и о Зиноахисисе (Греческие географы, 270—271, 313).

Вероятно о том, что Аххала была скифского происхождения, восходит к эллинистическому времени. На северо-западном побережье Черного моря культ Аххала установился в результате микенской колонизации. О нем имеются сведения у Диона Христора и Арриана. Начиная такого культа в Сербии и в Причерноморье подтверждается и археологией (Авдеевич, 192). См.: Лисиц, 1981, 33—62. К тому же имя Аххала связывалось с легендами Хоммера. 1981, 33—62. К тому же имя Аххала связывалось с легендами Хоммера, которая стала жертвой тауро. Таким образом, связь Аххала с «тавроскифиями» с мифологической точки зрения выглядела вполне обоснованно.

¹⁶ Мирмикий — поселение в северу от современной Керчи; Страбон писал: «Далеко от Мирмикии на азиатской стороне против него лежит деревня, называемая Аххалием» (VII, 4, 3; ср. XI, 2, 6). В. Г. Васильевский (1909, 287) считал, что одного этого соседства уже достаточно для происхождения Ава от славянина. Но последнее способствовало также и то, что название Мирмикий происходило от слова «мирвай» — мурвай, в согласии греческому миру, племя мирмикидов, которым правил Аххала, произошло от мурвай. В свою очередь, византийские авторы объясняли это племя и с болгарями (Маала, 91), но с русскими (Атталат, 87). В древнерусской литературе не было попыток возвести происхождение русских к Аххалу, между тем как Иоанн изварх Болгарский предлагал такую генеалогию для болгар (Колмидеви, 1924, 180).

Можно предположить, что само название Мирмикий было на службу у Ава Диакона благодаря апорифическим «Деяниям апостола Андрея», в которых фигурирует этот город (Аничков, 1883, 603—606). Причем его название в некоторых вариантах передается как Мирмикия. Те же сведения могли способствовать и географической путанице с Аххалием, поскольку у них апостол Андрей странствовал, согласно одним изданиям, владя Понта, согласно другим — по Греции (Там же, 606—610).

¹⁷ Таким образом, Лев Диакон пытается принирить «италионский» миф о происхождении Аххала к классическим, выводящим его из Фессалии. Упоминание в сочинениях Аххала позволяет дополнить недосказанную часть мифа, сочиненного Ава: он дает понять, что после гибели Аххала под Троей его соратники вернулись на родину и привезли туда греческие мифы.

¹⁸ Если русские князья действительно носили давний плащ (корзю), застегивавшийся на плечо плече (Древний одежда, 1986, 45), то у Гомера Аххала нигде не повалится в плаще.

¹⁹ В действительности же все гомеровские герои сражаются пешими, а сифы, напротив, в античной литературе всегда — всадники. На этом примере особенно хорошо видно, как поминало отвлечь слово «скифия» если античной литературный голос принадлежал им и народам Востока, которые якобы всегда сражались верхом, то у Ава Диакона сифы — один из северных народов, а для них у греков существовал свой культ.

²⁰ Еще Ксенофан высказал гипотезу о связи между географической средой и внешностью обитающих в той или иной среде народов: ему первому принадлежит образ голубоглазых и белокурых северных «варваров» (Диал. 14). Вслед за тем Гекатей Милетский высказал мысль о зависимости от среды даже национального характера: на этом тезисе построена вся античная этнография. С особой последовательностью он проводился у стоиков и в распространявшейся в поздней античности «астрологической этнографии». У Ава Диакона здесь также наша отражение античной стереотип «северных варваров».

²¹ Маала 1, 177.

²² Разрешение споров путем послания было распространено среди «варварских» народов, но у нас нет данных, чтобы говорить об особой склонности к этому способу. Характерно, что, когда Цимский предлагает Свтославу закончить войну единоборством, тот с пренебрежением отклоняет его предложение (Сказка 307—308).

²³ В действительности цитата из пророчества Иезекииля звучит так: «Вот Я — на тебе, Гог, князь Роща, Мешех и Фувал» (Иез. XXXIX, 1, Ср.: F. т. XLVI, 21). В Библии слово «Роща» является ошибкой греческого переводчика (Кени, 1916, 92—96; Флоровский, 1925, 305—325), однако византийцы неизменно понимали его как название народа и начиная с V в. называли и различным «варварским» племенем, реально угрожающим империю. Когда в IX в. на исторической арене появились росы, «сбавляющие» своим сознанием византийцев немалое количество их с «сбавляющим» «Роща». Первым такое объяснение проложил патриарх Фотий, но затем Иезекииля непосредственно применен в русским в первый раз в житии Василия Но-

вого: «Варварский народ придет сюда на нас свирепо, называемый Рос и Ог и Мог» (Житие Василия Нового, 88—89). Здесь, так же как и у Льва Дьякона, библейский текст искажен. Именно это схоластическое отождествление и побудило византийцев называть Русь «Рос», тогда как латинские источники сохраняют правильное наименование Руси. Так и родилось слово «Россия» (см.: Божн, 1923; Сильменов, 1940; Васильев, 1946; Соколов, 1947; и др.).

Что же касается Гора и Марго, то они уже в Апокалипсисе названы народами (XX, 7—8). Начиная с Евсевия, из на протяжении всего средневековья отождествлялись с варяжскими племенами (Леворин, 1882). Наиболее распространено было представление о том, что это скифы (Карышковский, 1961, 49), отчего схоластическое сближение с Русью получало еще одно подтверждение.

⁴⁰ По Льву Дьякону, это было 23 июля, но согласно Скимиде (304) — 20. По поводу обозначения совета Святослава словом «комента» существует обширная литература. Все попытки найти корни этого слова в германских и славянских языках оказались тщетными. Не удалось объяснить его происхождение и с помощью тюркских языков (Моравчик, 1951, 225—231).

Термин восходит к латинскому совету, однако после VIII в. он перестал употребляться в значении совета; а в начале X в. слово имеет значение (см. Стюрлину—Варока, 1977/1978). Н. Икономидес (1987) считает, что параллельно с греческим термином в его исконном значении существовал в языке романовизантского населения Подунавья. По мнению ученого, именно от местных алутчиков роман узнали о совете у Святослава. Ср. Скимиде, 460.

⁴¹ В «Повести временных лет» (51) тоже говорится о совещании у Святослава и также приведено мнение сторонников заключения мира: «аще ли сотворим мира со царем, а увести царя яко мило нас есть пришедше остуять ны во граде А руска земля далече».

⁴² Важнейшие слова, встречаемые Дьяконом в уста Святослава, очень близки к его речи в изложении «Повести временных лет» (50): «Уже нам нѣзбои съ дѣти, нѣзбои и нѣзбои стати протѣпу; да не пограбимъ земля Рускѣя, но лѣзшии кости, мертвыи бо срака не живѣи. Аще ли побѣдѣи, срамъ имѣи. Не имѣи убивати, но станѣи крѣпко, аз же предъ вами приду! аще мой глаголю, то проишите собою». Эту речь, безусловно, следует связывать не с переславцами, как в летописи, а с дороссольской Битвой (Карышковский, 1954, 175, и сл.).

Сходство речи Святослава у Льва Дьякона и в «Повести» — важный аргумент теории А. А. Шахматова (121—130, 465—468) о болгарском источнике русской летописи.

⁴³ Как это ни странно, у Льва Дьякона янгда не сказала о крещении Русь. Видимо, вся его информация о русских относилась к предшествующему времени, а позднее он не возвращался к своему сочинению.

⁴⁴ Представление о рабстве в восточном мире можно усмотреть и в формуле договора Игоря с греками: «И аз будути раби въ дѣсь и въ въ в будущи» (ПВА, 35). Однако смерть от собственного оружия упоминается в текстах договоров как страшная кара не вероломство (там же, 52), так как утверждение Льва о самоубийстве у росов сомнительно.

Сходные представления были распространены у славян и венгров в средние века (Моравчик, 1955) — «Аер мог веренити на рускѣх то свидѣниа, которые получаю о верованихъ другихъ временныхъ ему народов».

⁴⁵ Как указывал выше (примеч. 21), сообщение Льва Дьякона явно повреждено переписчиками — нужно читать не 24, а 21 июля.

⁴⁶ Лев Дьякон использует архаические выражения Агофиди варисованно им картина боя малопривлекательна. Согласно Скимиде (308), Цимисхий предпочел обходной манерой, послал мастера Варду (мастера, патрикия Романа

и стратопедарха Петра в тма русским с целью отрезать их от Дористова. Этот манер удался. Именно зайдя с тма, Анемас бросила на Свето-слава, но была зарублена.

⁴⁷ Скимиде (308) утверждает, что это был день памяти великомученика. В действительности царская православная день Феодора Стратилата 17 февраля. Что же касается 21 июля, то это был день мучеников Феодора и Георгия (Скимиде, 1902, 834). Видимо, только после победы над Святославом этих мучеников превратили в святых воинов, которым впоследствии посвящались на этот день особые молебствия (Грегир, Орлеан, 1954, 141—142). Грегуар отмечает, что Феодор Стратилат считался в Византии защитником именно против русских (1936, 605; 1938, 279—282).

⁴⁸ Все это параллельное представление отожествляло без внимания как русских (Попов, 95), так и немцами нервославян (Лоретто, 141).

⁴⁹ В переводе Д. Попова ошибочно дана цифра 15 тыс. (96). Эта ошибка перекочевала в труды исследователей, изучавших «Историю» не в подлиннике (Черток, 1843, 90; Байлей, 1878, 21 и т. д.).

⁵⁰ Качество русских мечей высоко ценилось. В восточной литературе упоминания о них не исчисляют до XV в. Византийские же мечи, по мнению арабов, были недостаточно крепки (Кирьяничков, 1966, 46—47).

⁵¹ Лев Дьякон приводит те условия мира, которые предложили Святослав. Эта сведения дают представление о подлинной обстановке при окончании войны. У Скимиде (309) таких подробностей нет, есть только упоминание на несравнимые союзные отношения между Русью и Византией. Приведенное «Повести временных лет» (52) соглашение Святослава с Цимисхием (латификаном: июль июля, июль 14, год 6479, т. е. 971), наоборот, не включает условий прекращения военных действий, но plantea уже союзные договором, Главное в нем — обязательство Руси оказывать военную помощь Византии. (Анализ порядка включения соглашения о мире в его формулировку см.: Киситонов, 1972, 213—215.) Нет никаких оснований рассматривать договор как полную виртуализацию Святослава (см.: Карышковский, 1955, 29). Он лишь предвзвешивал перемирие в 970 г. переговоры, отказавшись только от требования дани.

⁵² В том виде, как соглашение изложено в русской летописи, там не указаны условия, касающиеся торговли, но заключенный договор фактически восстанавливал те льготы, которыми обладали русские до войны.

⁵³ «Се же самъи царь рад бысть» (ПВА, 51) Можно полагать, что Цимисхий и в самом деле хотел сделать русских союзниками, чтобы развязать себе руки для ведения войн в Азии. Уже в начале своего правления он мечтал о союзе с Русью (см.: VI, 6). Русские могли послужить Византии «противовесом» печенегам, оттонкам и вторично в тот период ухаживавшим.

⁵⁴ Такого запаса хватило бы примерно на 1,5 месяца; медицина — азиатско-сибирской моды — для этого времени была содержательна война, включавшая около 26 летр зерна (т. е. до 8—10 кг), 2 медина — примерно около 20 кг зерна. Впрочем, объем зерна (медина) в империи сильно колебался (см.: Шлябах, 1970, 96—100).

⁵⁵ В данном месте вряд ли можно подвергать особому сомнению данные Льва. Причиной во внимание, не обсуждая вопрос о количестве продовольствия, дал возвращенный русский не родной, шибко 22 тыс. можно принять за истинную. Что же касается пристрастия русских, то они, по всей вероятности, были значительными (см.: Скимиде, 309).

⁵⁶ Слово «ирабискиени» не переводит греческой «ἰραβισκίαι», так как Святослав и вернул его дружинам склади в лодке, хотя в тексте пишут «ирабискиени» — дружин». Оба эти слова произошли от византийского «ирабискиени», т. е. им предлагали концентру, которую предусматривал уже Газе.

⁵⁷ Греческое «ἰραβισκίαι» ученые переводят по-разному: некоторые — как «обещание» (Ронсидем, 1930, 213; Гале, 157; Лоретто, 143; Силистра, 1927, 152; и др.), другие — как «содом» (Олеини, 1814, 58; Леженко, 1956, 207; Энгельский, 1972, 533; Попов, 97; Геленов, 1876, I, 361; Терещенко, 1965,

земов и осмотрел город. Увидев, сколь искусен Аль-Птгкин в верховой езде, Цимисхий воскликнул: «император был всадником и любил всадников» (Жюмар, 1973, 294—295) — всоимим, что Лев Диакон в своей характеристике Цимисхия (VI, 3) также упоминает о его искусном вездеходстве. Дамаск был занят 29 мая 975 г.

²² Ворио (Варду) — сваяла крепость, славящаяся, согласно Ляке (161), Цимисхий без боя. Собр. Калат-Верде.

²³ Валевей — совр. Бамийас.

²⁴ Согласно письму Цимисхия, он из Дамаска отправился в Палестину, заняв множество городов и чуть не освободил Иерусалим (Кучук-Иоаннесов, 1903, 96—101), однако другие источники этого не подтверждают: они едины в том, что из Дамаска Цимисхий двинулся к Бейруту, а от него — к северу (Улаккер, 1977, 319—322). В любом случае маршрут, приводимый Ляком, вызывает незнакомство с географией этого района.

²⁵ Образ Василия, прозванного кошем, согласно письму Цимисхия к Ашоту, захватил не в Бейруте, а в Габоне; в письме приведена та же легенда, что и у Льва Диакона. Перед нами антиконтрорбеский памфлет, возникший в VIII в. Известен множество версий этой легенды (Афанасий, 795—824), отличающихся от рассказа Льва Диакона некоторыми деталями.

²⁶ В японском рассказе о перенесении в Константинополь черепицы с изображением лица Христа (ср. примеч. 4, кн. II) сказано и об этой реплике крови с водой, явившейся якобы из иконы Спасителя, была обретен Иерихонской Шокой в Мемфисе в 966 г. одновременно с черепицей (Альман, 1963, 254). Однако сама икона в этом документе не упоминается.

²⁷ Триполит — совр. Триполи. Осада была снята с города до оседания июня 975 г. (Улаккер, 1977, 322). У Скилицы (311—312) и Зоары (XVII, 4, 103) о походах Цимисхия 974—975 гг. почти ничего не говорится. Очевидно, поздние хронисты не считали нужным подробно сообщать о них, поскольку эти завоевания Цимисхия были эфемерными.

Походы Иоанна против арабов имели, помимо политического, и социальный смысл. Он хорошо понимал потребности укреплённой феодальной знати, которая тяготелась на данном этапе, а 70-х годах X в. и организации в военно-земельно-административное сплочение стратоты-всадники в это время превращались в мелких феодалов. Цимисхий писал Ашоту: «Все арабы, жившие там в огромном количестве, попались нам в плен и были розданы нашим всадникам...» (Кучук-Иоаннесов, 1903, 100). Всадники-отрафракты, безусловно, превращали пленных в зависимых земельных владений. Происходили значительные изменения в среде стратитов, на которых стала выделываться феодальная знать, группировавшаяся вокруг виднейших военных фамилий и совершенно не связанная с крестьянской общиной. Крупные военные кланы в условиях феодот строя все более делались не агентами императорского правительства в фемах, а центрами своих вассалов — фемный строй стал означать себя, не отпочка интересы феодализирующегося военного сословия. Фемные войско делались независимыми в глазах центрального правительства; на сцену выходили племенные и отряды из людей, записанных из феодальной знати. Начинаясь эра восточных, итжеб, завершавшаяся в 1061 г. переходом подданных в руки феодализирующихся магнатов по главе с Комнинами.

²⁸ Попавшие кометы, упоминаемой Ляком Диаконем и Скилицей (311), можно отнести к 3 августа 975 г. (Грюнвальд, 1958, 472).

²⁹ Магистр Симеон — очевидно, Симеон Метафраст — знаменитый составитель сборника житий (Васильевский, 1879, 379, 436; Марролик, 1958, I, 321—323). Стефан — провад, т. е. митрополит Никомидий, возведен в сан в 976 г. Был противником Симеона Нового Богослова труд и, во всей вероятности, автор сборника житий «Менологий Василия II» (Бекк, 1959, 501—502).

²⁷ О смерти Иоанна Цимисхия сказано в конце книги. Начиная с седьмой главы, Лев Диакон забегает вперед, чтобы показать, как отразилось полюдие кометы на судьбах Византии.

²⁸ Варда Скаир принадлежал к той знати, которая была исповедница антиземельно-административной волишки Василия II. Дорогостоящие войны Никифора Фоки и Цимисхия требовали от населения, задаваемого налогами и повинностями, чрезвычайного напряжения. Поэтому легко было привлечь к итжебу народную массу. Источники о итжебу Варды Скаира многочисленны. Кроме Скилицы (314—323) и Зоары (XVII, V и VII), откровенно подробно описывает события Михаила Пела (I, 4—7). Из восточных источников о востании Скаира особенно ценна по точности хронологии «История» Ляка Антиохийского (Розен, 2—4, 12—14). Поскольку в греческие войны в Византию вовлекались и вавасские народы, очень ценным армянским источником: Аристаркесте Астивертци (XI в.) (56—65) и Асохик (XI в.) (135, и сл.).

²⁹ Скилица (315) сообщает, что, вступив на престол, Василий II очень боялся итжебу честолюбивого Скаира, поэтому лишил его власти домашнего схова Востока, сослав в Месопотамия на должность стратига этой фемы, а его сообщника Михаила Вурду — в Антиохию. Но именно это и ускорило начало итжебу. Положение дел в среде византийской провинциальной знати, правда, в несколько более поздний период, но в такой же ситуации итжебу описывает Аристаркесте Астивертци: «Собрались множество ромейской знати, которых император по разным причинам лишил сана, и они рычали, подобно дьявам, попадаям в клетку!» (63). Согласно Ляке (Розен, I), как только Скаир пришел в отведенную ему местность Халки, он вилва на город Мелитину, захватил там епископа (царского налогового чиновника) с денегами и объявил себя императором. К нему немедленно присоединилось много народа из греков, армян и мусульман». Возможно (см. Скилица, 321), именно знати армянских мелких фем и проваила итжебу в итжебу Скаира. Восстание быстро распространилось на всю Малую Азию. Василий II послал против Скаира Михаила Вурду, но тот тоже перешел на сторону воставших (Розен, 2).

³⁰ Стратопедарх магистр Петр, согласно Ляке (Розен, 2, 90—91), участвовал во востан Антиохии византийскими войсками при Никифоре (ср. примеч. 36, V). Петр был стратопедархом императора, погом Василия II назначил его стратопедархом. По данным Скилицы (315), Петр — начальник войска восточных фем, т. е. домашнего Востока. Лев ошибочно относит его гибель к битве у Анкивал — в действительности он пал при Рагес в 977 г. (Розен, 2; Скилица, 322).

³¹ Скилица (319) называет эту местность Лихид (совр. Кюей-Ирсе) в Каландонии. Битва произошла осенью 976 г.

³² Император Василий решил простить Варду Фоку за его итжебу в 970 г. и послать для подавления востания Скаира. В марте 978 г. он назначил его домашним схова Востока. У семейства Фок не было больше владения в Халкии, где было много грузинского населения; опираясь на свои связи с грузинским правителем Тво, куропалатом Давидом, Фок мог выступить против Скаира и его армянских сторонников. Они пообещали Давиду уступить два пограничных местечка, если он поможет подавить итжебу Скаира. Давид действительно оказал помощь, отправив против Скаира «князя князей» Гогика и Торника, «и стали они опустошать греческую страну, полюдную тирану Скаиру» (Асохик, 135) (см. Меския, 1979, 100).

³³ Аморий — город во Фригии, центр фемы Азиатлики Пандидии — долина неподдалась от Амория, у реки Галик (Сенанд, 326). Совр. Хамиз-Халици (Рябис, 1891, 231).

³⁴ Согласно Ляку и Ляке, сражение при Пандидии окончилось поражением Варды Фоки, тогда как у Скилицы (326) — наоборот: он связывает с этой битвой решающую победу над Скаиром войска Василия II под начальством Фоки.

- ⁶⁴ **Накев** (совр. Изник) — старинный город, место проведения первого вселенского собора 325 г., митрополия (Бсж. 1959, 165). По Константину Битричородному (Фем. 25), это митрополия и центр четвертой феммы — Онсжий.
- ⁶⁵ **Атталья** (совр. Анталья) — старинный город в провинции Памфалия, центр морской феммы Кивирреоты (Араблер, 1966, 108).
- ⁶⁶ В непером переводе опускаем слово «есть» **Август** — византийский (Лоретто 154).
- ⁶⁷ **Скилица** (291) не упоминает Варду, говорит только о Феодоре и Никифоре. Может быть, Варда — второе имя Феодора. (О Парскутиках см. примеч. 2, кн. VII.) **Яхья** (Розен, 3) рассказывает, что первое поражение Скаяра произошло в Антиохии, где местные насельники, разочаровавшись в нем, провозгласили вновь царем Василан. Стронушки Скаяра из армии, пытавшиеся восстановить его власть, были разбиты местными жителями.
- ⁶⁸ Решающую помощь в наборе войск из феммы с грузинским населением оказал **Фоке Давид**, куропалат Тао (Скилица, 326; Астивертца, 64; см. *Алони*, 1938, 143—156; *Авельшвилл*, 1933, 177—202).
- ⁶⁹ **Лев Диакон** не называет места окончательного поражения Скаяра. **Скилица** (326) называет, но путает первую битву с последней. Скаяр, согласно **Яхье**, потерпел поражение 21 января 368 г. владжри (24 марта 979 г.). Он бежал в Диррбейн и просил помощи у эмира **Адж-а-Дауды** (Розен 12), который потребовал Скаяра в Багдад (Экбитанн по Лалу).
- ⁷⁰ **Лев** не дал описания императора. Высокого роста, энергичный, **Василан II** провозглашал скандинавские ценности — он не был похож на отца, дела на него падали не обидно, ни, главное, настойчивостью в делах. **Р. Дженкинс** (1966, 500, и сл.) предполагает даже, что императрица **Феофано** родила его от какого-то варяжского наемника. Есть также версия, что некоторые черты характера **Василан** унаследовала от прабабушки **Евдокии** Игерини — скандинавки. О характере **Василан** см.: *Антиоиды*, 1953—1953.
- ⁷¹ Речь идет о восстании болгар против византийского господства. Из-за противоречивых сведений источников до сих пор не решен вопрос, когда вспыхнуло восстание в Западной Болгарии, и была ли она вообще под властью Византии. Во всяком случае, после смерти **Цимисхия** ромей были изгнаны из всей Болгарии.
- ⁷² Объявил императором, находившегося у власти, в небагноразумии, **Лев** не мог рассуждать на то, что его труд увидит свет. Возможно, ношение **Василан** казалась ему пачечными, и он решил писать «Историю» в надежде опубликовать ее уже при другом императоре. Если бы **Василан** узнал, как его характеризует правдивый **Яхья**, даже духовный сам не смог бы **Лева** от распрости: **Василан** побил иерусалимского патриарха **Сергия**, приказав бросить в море с камнем на шею архиепископа **Илария**, у епископа **Захария** велел ирвать язык (*Антиоиды*, 1953—1955, 250; 257).
- ⁷³ **Сардикс**, римская колония **Ульфия** **Сердикс**, **Травлица** — совр. **София**. В начале IX в. покорена болгарами. Являлась крупным военно-политическим и экономическим центром Болгарии. **Лев** называет город **Травлица**.
- ⁷⁴ Именуется в виду события, описанные в **Илари** (IV, 75—76; 116—140).
- ⁷⁵ **Дом** **Василан**, так называемый **Дом** **Вардара**, находился в квартале **Аркандиан** (*Броквор*, 1972, 233). Из арабских источников можно заключить, что разногласия между вельможным свитой и молодым императором начались уже в 982 г. (Там же, 230—232). Предок **Василан** вошел в опалу в 985 г. (Розен, 20; 170—175). Он был сослан в Стенон, где умер в 989 г. Все **Хрисовал** изданные при нем, были аннулированы (*Гийн*, 1967, 183).
- ⁷⁶ **Лев** находился при войске в качестве императорского дьякона в 986 г., а не в 981, как утверждает **Гале** (XVIII) (см.: *Финшер*, 1886, 354). **Лев** **Диакону** тогда было около 35 лет. Никто из нас в историографии еще не делал вопрос, был ли он вообще придворным дьяконом? **Гале** (XVIII) первым усомнился в этом. *Финшер* (4886, 376), однако, показала, что положение **Гале** лишено аргументации. Опубликованные эпитафия **Лева** **Диакана** **Василан** II не оставляет сомнений, что именно этот император прибавил что-то доброе в качестве дьякона (Экбитанн, 19).

- ⁷⁷ **Лев Диакон** по памяти цитирует **Бабаян** (Псалтырь, XXII, 2), допуская поэтому неточности.
- ⁷⁸ Поражение византийцев чопне датировано у **Яхьи** — 17 августа 986 г. (Розен, 21).
- ⁷⁹ В датировке начала августа источник расходится; согласно **Скилице** (332), это случилось 15 августа 15 индикта, по **Яхье** (Розен, 23), который дает планую дату, — в среду, 14 сентября 987 г., в праздник Воздвижения креста. Дата привадева и по селенскому календарю, и по **Яхье**. За год до этого **Скаяр** выпустил на багдадской тюрьме, где он сидел с 979 г., и **Яхья** сообщает, что давние противники — **Варда** **Фока** и **Варда** **Скаяр** — двинулись после этого соглашения, по которому первому оставались — европейские феммы с Константинополем; второму — азиатские. Но **Варда** **Фока**, желая устроить соперника, вскоре заключил его в крепость, а сам провозгласил себя императором. Он опирался на фемные войско и флот и имел мощную оборонную гвардию из грузин. Этот мятеж оказался настолько грозным для **Василан**, что он решил просить помощи у киевского князя **Владимира**, обещав скрепить союз браком **Валандисы** с сестрой императора **Анной** и ставя условием крещение **Владимира** (Розен, 23; 200, 203; **Скилица**, 336; **Пелла**, 1926, 11; см. интереснейший текст **Абу-Шаджи** (391—395) об участии русских в этой войне).
- ⁸⁰ **Меласенин** — один из древнейших византийских родов, известный с VIII до рубежа XII—XIII вв. (*Кежаль*, 1974, 125, 146). **Лев** **Меласенин** находился под покровительством **Василан** II уже в 986 г. (*Скилица*, 331).
- ⁸¹ **Хрисовал** (совр. **Скутари**) — город на азиатском берегу против Константинополя (*Жюче*, 1950, 450—451).
- ⁸² **Никифор** **Фока**, иест и патриций, сын куропалата **Лева** **Фоки**, уже принимал участие в мятеже при **Цимисхия** (VII, 1—2). Поскольку он был ослеплен, то командование его являлось, видимо, лишь номинальным. Патриций **Дельфия**, реальный командующий — первый известный нам представитель этой фамилии. Возможно, именно он был в 982 г. капитаном византийской Италии (*Гийн*, 1970; *Кежаль*, 526). Нет никаких данных, чтобы отождествить этого человека с **Клоакиром**, участником заговора **Светослава**.
- ⁸³ О битве при **Хрисополе** **Скилица** (336) сообщает, что император «старидил ночью хоррабан и посидла на них русские (ведь он тогда прывал на их помощь как союзников, ариота из **Владимира** сделала свойственником, женив его на своей сестре **Анне**); переправившись с ними на другой берег, он неожиданно напал на врагов и легко победил их». Помощь со стороны **Владимира** была оказана в духе договора 974 г., но тем не менее **Василан** **Владимира** был скрепить союз предложением династического брака.
- ⁸⁴ Битва при **Авдосе** происходила, согласно **Яхье** (Розен, 25), в субботу, 5 мухаррама 379 г., т. е. 13 апреля 989 г.; подробно о ней см. у **Скилицы** (336—337) и у **Пеллы**. У **Варды** **Фоки** особенно интересно в битве грузинские воины, у императора — русская дружина. По **Скилице** (338), азиатцы в лагерь **Лев** **Меласенин** был поощрен императором.
- ⁸⁵ Нельзя не отметить крайне незначительное отношение **Лева** **Диакона** к личности **Василан** II. **Михаил** **Пелла** в своей «Хронография» так рисует картину гибели **Варды** **Фоки**: во время битвы он, размахивая мечом, помчался на **Василан** вперед своего войска, а тот также вылезал вперед, держа образ богематери. Неожиданно **Фока** рухнул с коня и умер. **Пелла** считает, что причиной этого явилась иконка богематери. Этот вопль у **Лева** опущен, хотя он так правдивый дьяком, конечно, знал эту версию. Сторее всего, **Фока** был отравлен своим слугой, которого подкупила **Василан**, как об этом пишет **Скилица** (337).
- ⁸⁶ По неизменной привычке **Лев** не упоминает в истории восстания **Скаяра**, о котором кратко сообщает **Скилица**, и о продолжении погоняния **Лева**, сына **Варды** **Фоки** (Розен, 26). **Варда** **Скаяр** находился в заключении в крепости под пристроном земей **Варды** **Фоки**, но был ею отпущен: он вновь выходя провозгласил себя императором и начал военные дей-

⁵⁴ Лоретто (110) оставляет без внимания слова «*ἐπιβουλή Βασίλειου τῆς ἀδικίας*».

⁵⁵ Эти слова немецкий переводчик понимает, как «за свои здорovia» (Лоретто, 160).

⁵⁶ Версия об отравлении Цимискии возникла в кругах, враждебно относившихся к всезнающему епископу Василию. Симптомы заблуждений, однако, говорят о том, что Цимиский забледал тифом (Остапковский, 1963, 247).

⁵⁷ В античности «священной болезнью» считалась полиомиелит, но христианские авторы часто казывают так проказу (Обвин, 1975, 87—88). Ср. например, 23, VI.

⁵⁸ Николай, митрополит Адрианопольский, является своими письмами. 1 апреля 979 г. по 16 декабря 991 г. он был патриархом Константинопольским (Николай II Хрисодор) (Скиада, 328).

⁵⁹ Ср. примеч. 38, V, 65, IX.

⁶⁰ Дата смерти Цимискии приписана Львом Диаконом неточно: видит правнуса, дата 10 января сирия, год 6485 персори; 10 индикт соответствовал 6484 г. (976 г.). Скиада (314) приводит дату начала правления Василия II, отнес ее к декабрю 4 индикта (975 г.) — видимо, Цимиский был в это время уже недееспособен. Точно и полове дата смерти Цимиский приписана у Язын (Ровен, 1) — вторник 11 января 1287 г. по славяноязычному календарю, т. е. 976 г. Рядом этот писатель привел дату и в лундере — 7 лунума 1, 365, что соответствует 12 января, среде. Поскольку хронологи редко ошибаются в днях недели, то дату по календарю славяноязычных — 11 января 976 г. — нужно признать правильной.

⁶¹ «Хронография» Михаила Пселла начинается следующими словами: «Вот так расстался с жизнью император Иоанн Цимиский». Крушецкий византийский писатель, таким образом, как бы подхватывает рассказ Льва Диакона, и в этом самая высокая похвала автору, труд которого мы анализируем выше.

ЭНКОМИИ, ИЛИ ЛЬВА ДИАКОНА К ИМПЕРАТОРУ ВАСИЛИЮ СЛОВО

¹ Энкомий — хвалебная речь, провозглашенная Львом Диаконом, вероятно, в качестве «заградного слова» — текста, сохранившегося в Бодлеянской библиотеке, рукопись 141, по письму — XIV век (Сикстус, 1933, 425—434). При изучении энкомия в первую очередь встает вопрос, к какому времени он относится. В зависимости от сказанного, какой Василий имеется в виду — I или II. Но этот вопрос можно прояснить содержанием энкомия. В абзацах 6 и 8 читаем, что Василий имел знаменитых предков, у Василия I их не было. Далее говорится, что он уже в ранней молодости стал императором, — это можно отнести только к Василию II.

Второй вопрос: можно ли этот энкомий приписать нашему историку, Льву Диакону? Трудно допустить, что при дворе императора Василия II одновременно были два диакона, оба Льва... Судя по мере письма, обращению и архаичным образам, энкомий вполне мог быть произнесен Анонимом-летописком. Невзирая на аргументы против этого допущения для нас, конечно, более того, если считать, что автором энкомия был наш Лев Диакон, содержание этой хвалебной речи делается понятным. Слово «История» здесь не означивала, но не исключено, что он доказывал ее другим, кто-то мог как-нибудь доложить о ней императору. Можно думать, что и энкомий Лев хотел предпринять эту возможность и объяснить, почему при обаянии субъекта, пришедшего при Василии II, он не говорит о какой-либо деятельности и заслугах императора. Лев Диакон не ставит себе задачей отстоять Василия, и эти слова можно считать объяснением в адрес Кирра. Кирра, конечно, прав — не только в то, что слово хвалебное, но и в том, что оно произнесено, переиначивая на сторону Василия слова энкомия.

критического к нему отношения, но и откровенно завистливы по отношению к «История».

Что касается общего впечатления от энкомия, то думать, что автор этой хвалебной речи хотел провалиться на служебной должности. Должность придворного диакона могла быть ступенью к более высоким должностям в духовной иерархии, тем более, что в то время люди провозглашались на речь (примерно в 994—996 гг.), в Византии не было патриарха (власть до 12 апреля 996 г.), а следовательно, всякое возведение в сам высший сан митрополита всецело зависело только от императора. Возможно, между Львом не осталось итуне, и он добился какого-нибудь высшего поста. В этом случае Лев самоуважительно оправдывается, что так долго не выступил с хвалебной речью.

² Ссылаю на Иаваду, VI, 265—271.

Завсу вино повалить шумной речью.

Я по дереву...

Использование широко известной цитаты из Гомера — оянки прием, с помощью которого Лев Диакон старается объяснить, почему в «Истории» он не вознес хвалу доблести Василия в его борьбе против мителликов.

³ Слово о военной славе, об удивительных трофеях не могли быть сказаны в начальный период правления Василия — тогда ему нечем было похвалиться. Они могли лишь послужить поводом для обвинения в неискренности над императором! Данный пассаж позволяет уточнить хронологию энкомия: вероятно, он был составлен после побед в Болгарии и Сирии (взятие в плен болгарского царя Романа в 991 г., отражение арабских войск и победы Василия в 995 г. в Сирии, укрепление Византии в Закавказье).

⁴ Лев признает свою вину в том, что так поздно выступил с энкомием.

⁵ Употребляя выражение «анормидный молчаливо», Лев объясняет свою пассивность при дворе скромностью. Но, как видно из «История» Льва, причиной молчаливости была его пессимистический взгляд на положение Византии в правление Василия.

⁶ Выражение «из прекрасных прекрасней» заимствовано у Платона (Менексен, 237a). Лев говорит о сравнении доблестей Василия с достижениями его предков. В своей «История» Лев не только не возвышал предков Василия, но, наоборот, восторженно относился к Никифору и Цимискию — «узурпаторам!» Здесь он как бы просят за это извинения.

⁷ Деревянная гирля — девятиглавое чудовище, у которого вместо каждой отрубленной головы вырастала два нома. Слово «дерна» означало белую. Так Лев характеризует первый период правления Василия, когда белая славяноязычная бедо. Энкомист старается показать, как трудно было Василию в такой обстановке сохранить самообладание.

⁸ У Платона (О заковах, 963a) есть рассуждение о четырех доблестях, причем первая — ум, вместе с собой три другие — доблесть судовождения, врачевания и военного дела. Эти три сестры следуют за старшей.

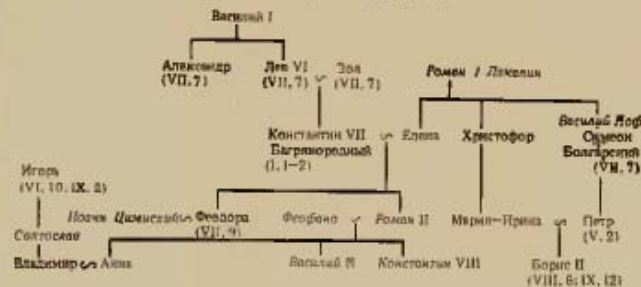
⁹ Нужно отметить, что хвалебные отзывы Льва об истинной твердости императора не являются чистой асэтикой: суровой воли, жестокий, но последовательный правитель. Василий отдал все силы принуждению моды Византии в интересах военно-бюрократической прослойки господствующего класса.

¹⁰ Амафрия — божественная нога, мифом которой кормили мэлэотку-Зевса. Рог Амафрия, случайно обломанный, стал «рогом изобилия». Этим сравнением Лев хочет сказать, что уже с самого начала правления Василия была счастье и для подданных.

¹¹ Под разрушением престола подразумевается желание понимать не только Никифора и Цимиския, но и вождя мителликов — Скаира и Фок, которые официально должны императору до тех пор, пока они не были вынуждены. Ратификация Никифора и Цимиския — это своего рода Убийство Льва, что император издается на краю гибели, зато демократическим и мителликовским — на работе над «История».

- ¹² Начиная с абзаца 9, Лев говорит о том этапе, когда Василий одержал окончательную победу над претендентами и укрепила свою власть.
- ¹⁴ Лев имеет в виду, что после страшных казней (Дельфина, например, посажен на кол) Василий не только простил Варду Скаира, причлинившего столько бед Византии, но и вернул ему все права и титул куропалата; несмотря на неоднократные замены, император и Митамас Вурду оставил на командных постах.
- ¹⁵ В абзаце 12 Лев говорит о внутренней политике Василия. Это место,毫无疑问, свидетельствует о борьбе Василия с мощной военно-земельно-дворянской знатью, чрезвычайно усилившейся за время правления представителей провинциальных династий, Никифора и Цимисхия, а также в период гражданских войн.
- Лев говорит о «ἐπιχειρήσει βαλεῖν» — в полном соответствии с текстом новеллы от 1 января 996 г. Трудно сказать, выступил ли Лев после ее издания или воспользовался теми выражениями, которые слышал от окружения Василия. Во всяком случае, Лев проявляет знакомый в период наиболее суровых мерований против династов.
- ¹⁶ «ἄτιμὸν κολλήματα» — как тимаза тискаа — ироническое выражение Сократа в его разговоре с Стрелсидом в комедии Аристофана «Облака» (237).
- ¹⁷ В «Истории» Лев пишет, что был дьяконом, но умалчивает, что непосредственно входил в императорскую свиту, — это подтверждают слова «приближая и себе». Банальность Льва по долгу звется нас несколько иными глазами взглянуть на него как на историка, поскольку он имел возможность пользоваться документами императорских канцелярий.
- ¹⁸ Помешавшие «отлачивать щедростью» должно быть истолковано не в абстрактном смысле как помощь ближним, а как конкретный совет: увеличивать денежные подарки и ризу представителям бюрократических и церковных кругов.

МАКЕДОНСКАЯ ДИНАСТИЯ

СЕМЕЙСТВО ФОК

На схемах даны имена лиц, фигурирующих только в «Истории» и примененных к ней. Курсивом выделены главные герои Льва Дьякона; возле имен лиц старостепенных в скобках указаны главы, в которых они упоминаются.

ИСТОЧНИКИ

Абу-Шаджа — Крымский А., Казма Н. Оповідання арабського історика Абу-Шаджи Рувдварського про те, як охрестився Русь // Збірка на пошану апад. Д. И. Бардана. Київ, 1947.

Агзай — Agathiae Historia. Вонапе, 1828.

Алакек — Halkin F. Inédits byzantins d'Ochrida, Candie et Moscou Bruxelles, 1963.

— Анна Комнина — Анна Комнина. Адаксивад. М., 1965

Анналы Аавтавейские — Annales Anabavales palotus // MGHS. 1912. Vol. 20.

Аристарх — Аристарх — Повествование аравето Аристарха Ластивертца / Пер. К. Н. Юзбашама. М., 1968.

Арриан — Arriani epistula ad Traianum (Adrianum) in qua Periplus Ponti Euxini // Geographi graeci minores. P., 1855. T. 1.

Асожик — Всеобщая история Севасноса Таронского Асолика на прованиею писателя XI столетия / Пер. Н. Зинина. М., 1864.

Аттанат — Michaelis Athanasiae Historia. Вонапе, 1853.

Афанасий — Athanasii De miraculo Bevythi editio // PG, 1857. Vol. 28.

Афанасий Афонит — Vita Athanasii Athonitae // Analecta Bollandiana, 1907. Vol. 25.

Бар-Эброй — Ex Gregorii Abulpharagii Scripturae zuzulo // Leo Diaconus (см. ниже).

Бичурин — Бичурин И. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: Л., 1950.

Броулинг — Browling R. The correspondence of a tenth century Byzantine Scholar // Byzantion, 1954. N 24.

Владисмон — Theodori Balsamon. In Canones XII concilii Acautani // PG. 1865. Vol. 137.

Византизм — Basiliscum libri LX / ad. G. E. Heinbachi // Lipsiae, 1833—1870.

Византизм Новей — Веселовский А. Видание Васыля Нового о потоде русские на Византию в 941 г. // ЗМНП. 1889. N 26.

Виталианский Аноним — Markopolos A. Le témoignage du Vaticanus Gr. 163 pour la période entre 945—963 // Byzantion, 1979. T. 3.

Газ — Примечания К. Газе // Leo Diaconus (см. ниже).

Генесий — Genesios Josephus. Basilica eis 4 biblia. Вонапе, 1834.

Греческие географы — Geographi graeci minores / Ed. C. Mullerus. P., 1855—1861. Vol. 1—2.

Георгий Монах — Георгии Амартол. Хроника // Учен. зап. Казан. ун-та. Им. АН. 1861. Т. 11.

Даргузес — Darгуzes J. Epistolae byzantiae saeculi X. P., 1960; Idem. Documenta inédita d'ecclésiologie byzantine // Archives de l'orient chrétien. P., 1966. T. 10.

Добнюцци — Dobnyütz E. von. Christusbilder. Untersuchungen zur christlichen Legende. Leipzig, 1899.

Доун — Downey G. The Tombs of the Byzantine Emperors // Journal of Hellenic Studies, 1959. Vol. 79.

Дронтосити — Patris Synaxariorum aepoleis / Scriptores originum constantinopolitanaum / Ed. Th. Prentiss. Lipsiae, 1907. Fasc. 2.

Жизнеописание Адриана — Vita Hadriani // Scriptores historiae augustae. Lipsiae, 1965. Vol. 1.

Зачудил В. Н. Каспийский язык сведений о Восточной Европ. М., 1967. Т. 2.

Зайит — Zayat H. Vie du patriarche melkite d'Antioche Christophe (967) par le protospathaire Ibrahim b. Iuhanna. Document inédite de X. // Proche Orient Chrétienne, 1952. Vol. 2.

Зонара — Iouanna Zouarae Epitome historiarum libri XIII—XVIII. Вонапе, 1897.

Иса-Фаддан — Ковалевский А. П. Книга Ахмада ибн-Фаддана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.

Иоанн Геометр — Iouannis Geometrae poemata // PC, 1863. Vol. 106.

Иоанн Камениата — Iouannis Cameniatae De expugnatione Thessalonicae // Theophrasti Continuatae. Вонапе, 1838.

Кедрий — Georgii Cedreni Synopsis historiarum. Вонапе, 1838. Vol. 1.

Кекавмен — Сопеты и рассказы Кекавмена / Пер. и коммент. Г. Г. Алаварина. М., 1972.

Келлер — Calder W. M. Monumenta Asiae Minoris antiqua. Monumenta from Eastern Phrygia. Manchester, 1956. Vol. 7.

Книга церемоний — De ceremoniis aulae Byzantinae libri II Constantini VII Porphyrogeniti. Вонапе, 1828—1830.

Книга эпарха — Соанмон М. Я. Византийская книга эпарха. М., 1962.

Коджи — Georgii Codici Excerpta / Ed. I. Bekkeri. Вонапе, 1843; Verreaux J. Pseudo-Kodinos, Traité des offices. P., 1966.

Конст. Багр. Адм. — Constantiae Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik; R. I. H. Jenkins. Budapest, 1949.

Конст. Багр. Фем. — Constantino Porphyrogenito. De thematibus. Introductione, testo critico. Città dei Vaticani, 1952. (Studi e testi, N 160).

Кулаковский Ю. Военный лагерь византийцев в X в. // ВВ. 1903. Т. 10.

Куник А., Розен Р. Известия Аа-Бекра и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878. Ч. 1.

Кучук-Иоаннисос Х. Письмо Цивилеви Амоту III // ВВ. 1903. Т. 10.

Ламперт Герцогский — Lamperit monachi Herzfeldensis Annales. В., 1957. (Abgeschulte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. 13).

Латинел В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ, 1948. N 4.

Лев Диакон — Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem / E. recensione C. В. Hatzii. Вонапе, 1828.

Лоретто — Nekerphoros Phokas «Der bleiche Tod der Sarazenen» und Johannes Tzimiskes. Die Zeit von 959 bis 976 in der Darstellung des Leo Diaconos / Ubers. von F. Loretto. Graz; Wien; Köln, 1961.

Луитпранд — Die Werke Luitprands von Cremona / Ed. J. Becker. Hannover, 1913.

Лупус Протоспатарий — Lupus Protospatarius Patensis Rerum in Regno Neapolitano gestarum chronicon breve sive Annales 855—1102 / Ed. L. Muratori // Rerum italicarum scriptores. Città di Castello, 1905. Vol. 5.

Малада — Iouannis Malatae Chronographia / Ed. L. Dindorf. Вонапе, 1831.

Миллер — Miller K. Itineraria Romana. Stuttgart, 1916.

Михаил Сирнег — Althem F., Stiehl R. Michael der Syrer über Bulgaren und Slavazen // Byzantion, 1958. Vol. 28.

Никифор Фома (О смужах) — Nicephori Phocae De uellatione bellica / Leo Diaconus (см. выше).

Новеллы Льва VI. — Nouille P.; Dain A. Les nouvelles de Leon VI le sage. P., 1944.

Обноу — Aubineas M. Notiae de Constantinopole // Analecta Bollandiana, 1975. Vol. 93.

Павла Латреский — Delebaye H. Vita Pauli Latresii // Analecta Bollandiana, 1891. Vol. 11.

Павлаидз — Petit L. Office inédit en l'honneur de Nicephore Phocas // BZ. 1909. Bd. 13.

ПВА — Повесть временных лет. Текст, перевод. М., 1950. Ч. 1.

Попов — История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийского писателя / Пер. А. Попова. СПб., 1820.

Прод. Феод. — Theophrasti Continuatae / Ed. V. Niebhahri. Вонапе, 1838.

- Прокров — *Imperatorum Basilii, Constantini et Leonis Prochoro*, Heidelberg, 1837.
- Псевдо-Калламахен — *Pseudo-Kallisthenes nach der Leidener Handschrift von H. Meusel*, Leipzig, 1871.
- Пседа — *Michele Psellos. Chronographie* / Ed. E. Renaud, P., 1926.
- Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Явни Антиохийского. СПб., 1863.
- Сафр — *Σαφρὸς ὑπόμνημα* // *Σύναξις Μεταφυσικῆς Βιβλιοθήκης*, Π., 1894, Т. 7.
- Сикуртис — *Σικουρτίης Γ. Δίκτυκος τοῦ Διάκονου Ἀντιόχειου ἐπιτύχιον εἰς Βασίλειον τοῦ Β* // *ΕΒΕΣ*, 1933, Т. 10.
- Симеон Магистр — *Συμεωνῆ Μαγιστρὸς Ἀναλῆς* / *Theopanes Continuatus*, Bonnæ, 1836.
- Синаксарь — *Συναξαρίον Ἐκκλησίας Ὀρθόδοξης τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἐκκλησίας τῆς Ἐκκλησίας* / Ed. H. Delehaye, Bruxelles, 1902.
- Скилица — *Iohannis Scylitzæ Synopsis Historiarum* / Re. I. Thurn, Berlin: Novi Eboraci, 1973.
- Слово Христово — Памятники древнерусской церковноучительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3.
- Стратегика Никифора — Стратегика императора Никифора. Изд. Ю. А. Куликовской // Учен. зап. Отд. ист.-фила. Имп. АН. 1908. Т. 8. № 9.
- Тактика Льва — *Leonis imperatoris Tactica* // PG. 1863. Vol. 107.
- Титмар Мерзебургский — *Thietmar von Merseburg Chronik*, В., 1956 (Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters, Bd. 9).
- Феодрит — *Theodoret Historia ecclesiastica* // PG. 1864. Vol. 87.
- Феллози — *Theodosii diaconi De Creta scripta* / Ed. H. Crisuolo, Leipzig, 1979.
- Феофан — *Theophanis Chronographia* / Ed. C. de Boor, Lipsiae, 1883.
- Феофилакт — *Theophylacti Simocatae Historia* / Ed. C. de Boor, Lipsiae, 1887.
- Цолакс — *Τοζάκξ Β' Η. Ζωμῆς εἰς τὴν ὑπόμνησιν τοῦ Ἰωάννου Σαυτοῦ* / *Βυζαντινὴ*, 1968.
- Ц. — А. III — *Zachariae a Lengenshal C. E. Jus graeco-romanicum*, Lipsiae, 1857.
- Шрайнер — *Schreiner P Die byzantinischen Kleinschriften*, Wien, 1975—1977. Vol. 1—2.
- Шрамм — *Schramm P. E. Neun Briefe des byzantinischen gesandten Leo von seiner Reise zu Otto III aus Jahren 997—998* // *BZ*, 1925. Bd. 25.
- Эклога — *Ecloga Leonis et Constantini, Epitaphia Basilii, Leonis et Alexandri*, Lipsiae, 1852.
- Яхья — *Histoire de Yahya-ibn-Saïd d'Antioche contemporain de Saïd ibn Bitrit* / Ed. et trad. en français par I. Kratchchikov, A. Vasilev // *Patrologia Orientalis*, 1924. Vol. 18.

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
- Анастасевич Д. Царский год в Византии // *СК*, 1940. Т. XI.
- Андреев Д. Обращение на Болгарската народност. София, 1971.
- Анчиков Е. В. Личество и древняя Русь. СПб., 1914.
- Артемонов М. И. Воевода Свенелда // *Культура Древней Руси*, М., 1966.
- Андрей Г. А. Этимологический коренной словарь армянского языка. Ереван, 1977. Т. III.
- Байбей Д. И. История Льва Дьяконо как источник для русской истории // *Изд. Киев. ун-та. Ист.-фила. отд-ние*, 1878.
- Белов Е. Борьба Святослава Игоревича с Иваном Цимисхием // *ЖМНП*, 1873. Дек.
- Белов Б. Ф. Обзор главных частей Большого Дворца византийских царей. СПб., 1891; Он же. Ежигдедневие и доискривие ардене византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX—X вв. СПб., 1893.

- Белов Б. Ф. К вопросу о толковании и этнической принадлежности древнегреческого этнонима *Ρηθινογραφοί* // *ВДИ*, 1964. № 3.
- Билтоев Н. Критический взгляд на известия на Льва Дьяно // *Македонски Преглед*, 1930. VI, № 1.
- Болдосев Н. М. О времени явтия Херсона князем Владимиром // *ВВ*, 1986. Т. 47.
- Божидар Нв. Към въпроса за византийското господство на Долия Дунав в края на X век // *Прочувания на случај II конгрес по балканистика*, София, 1970. Т. II.
- Брига А. Присоединение территории Русь России и Запад. Пг., 1923. Т. 1.
- Васильев А. А. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов во время Македонской династии. СПб., 1902.
- Васильевский В. Г. Византия и печенги // *ЖМНП*, 1872. Т. 164; Он же. Варяго-русские и варяго-английские дружины // *ЖМНП*, 1873. Т. 176, 177, 178. Он же. О жизни и трудах Симона Метафраста // *ЖМНП*, 1879. Т. 208. Он же. Материалы для истории византийского государства // *ЖМНП*, 1882. Т. 222; Он же. Русско-византийские отряды // *Труды*, СПб., 1908. Т. 1; Т. 2, вып. 1. Он же. Труды, М., 1930. Т. 4.
- Галло А. С. Проблема прихода Руси и современные археологические данные // *Вестн. АГУ История*, Яв. Лит. 1968. Вып. 3, № 14.
- Гадюков С. А. Варяги в Русь. СПб., 1876. Ч. 1.
- Греко Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
- Гумилев А. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.
- Гурьян И. Порожда Фоки // *ЭРВИ*, 1976. Т. 14.
- Добрылюбо И. Г. () — о варягах, этнически в древнегреческой литературе // *Тюркологический сборник*, 1975. М., 1978.
- Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986.
- Дружина М. Юлиан в Киеве // *Византизм в X в. М.*, 1876.
- Дружинин И. К вопросу о византизме восточнославянской и Древней Руси // *Культурное наследие Древней Руси*, М., 1976.
- Златарский В. История на Болгарската държава през средните векове. София, 1922.
- Знаменко Н. О византизме в Ките // *ИЗВВ*, 1977. № 4.
- Иванов П. Византизм в Киевской Руси // *Славян*, 1970.
- Иванов С. А. Византизм-Болгарские отношения в 966—929 гг. // *ВВ*, 1981. Т. 42; Он же. Критический взгляд на известия Цимисхию в Борде II в 971 г. // *Общественно-научное издание на Българската държава през средните векове*, 1982.
- Каждый А. П. К вопросу о византизме в Болгарии в X веке // *ВВ*, 1972. Т. VI. Он же. Државна и народна Византизм IX—X вв.: (Очерки по истории византийского феодализма). М., 1970. Он же. Из истории византийской хронологии X в. // *ВВ*, 1961. Т. XX; Он же. Социальный состав государственной власти Византии в XI—XII вв. М., 1974; Он же. Архитектура и состав государственной власти Византийской империи в XI—XII вв. Ереван, 1975.
- Калейко К. Исаия Эванди Болгарская. М., 1924.
- Карачицкий П. О Русско-византийских отношениях во время Баянских войн Святослава // *ВИ*, 1951. № 8. Он же. О хронологии русско-византийских войн при Святославе // *ВВ*, 1942. Т. V. Он же. К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава // *КСИЭ*, 1952. № 9; Он же. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // *ВР*, 1953. Т. 6; Он же. О византизме болгарских войскарей историч. смисл. доклад // *Труды Одес. ун-та*, 1954. Т. 144; Он же. К истории балканских походов Руси при Святославе // *КСИЭ*, 1955. № 14; Он же. Лев Дьяно и Тмутараканская Русь // *ВВ*, 1960. Т. 17.
- Каштанов С. М. О проблеме деления договоров между Византией и Русью в X в. // *Феодальная Россия во внешне-историческом развитии*, М., 1972.

- Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Л. 1966. Вып. 1; Он же. Древнерусское оружие. Л., 1971. Вып. 3; Он же. Спаржики и всадники и верхового коня на Руси IX—XIII вв. Л., 1973.
- Кулина И. В. Анахорет // ВДИ. 1971. № 3.
- Курма В. В. Командный состав и рядовые стратеги в феодальном войске Византии в конце IX—X в. // Византийские очерки. М., 1971. Т. 2; Он же. Византийские военные трактаты IV—X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. Т. 40.
- Лавченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
- Лисовский С. Крепости и защита сформировавшаяся на вратах болгарской державы // Годовичник на национален паметникски музей. София, 1974. Т. 34.
- Литовин Г. Г. Новые сведения о Северном Причерноморье // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972; Он же. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977; Он же. Византийцы и славяне — взаимные представления // The 17th International Byzantine Congress. Major Papers. New Rochelle. N. Y., 1986.
- Литке С. Прабългарското и българското народностно име в Европа около началото на V в. // Известия на института на българска история. 1954. Т. 5; Он же. Българският средновековен град. София, 1970.
- Ломоносов Н. Ю. К истории восстания Варды Склара // Труды Тбил. ун-та. 1957. № 67.
- Лопарев Хр. Описание некоторых греческих житий святых // ВВ. 1897. Т. IV.
- Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV—XV вв. М., 1976.
- Милев А., Демьянов С. Археологически раскопки на крестоносничата крепост при с. Войвода, Шуменски окръг // Известия на археологически институт. 1977. Т. 33.
- Мишудин А. В. Греческие палатки при осаде городов // ВДИ. 1940. № 3—4.
- Моравчик Д. Коментари — печенежское или русское слово // ААН. 1951. Т. 1.
- Мутафчиев П. Русско-болгарские отношения при Святославе // СК. 1931. Т. IV.
- Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1952.
- Нелсо С. Сравнение при река Ахело при 917 г. // Военисторически сборник. 1975. № 4.
- Овчаров Д. Византийски и български крепости V—X век. София, 1982.
- Оленин А. Облик или портрет вел. кн. Святослава Игоревича // Сия Отечества. 1814. № 2.
- Палавандов-Керемес А. И. К истории греческих этимологий // ЖМНП. 1908. № 9.
- Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. Т. 62.
- Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии // ВВ. 1961. Т. XVIII.
- Половий П. Чезирни райке реке // Глас Српска краљевска Академије. 1936. Т. 171. № 88.
- Поппе А. О поминках похода Владимира Святославича на Корсуна // Вести. МГУ. Сер. В. История. 1978. № 2.
- Равичев А. Восточные провинции Римской империи. М.: Л., 1949.
- Рапов О. М. Принятие христианства князем Владимиром и миссионарами // ВИ. 1984. № 6.
- Романски Ст. Имения на два крайдунавски града // Сборн. Минлетич. София, 1933.
- Рудков А. П. Очерки византийской культуры. М., 1917.
- Сазаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.
- Силанова и Добруджа. София, 1927.
- Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Л., 1984. Вып. 6.
- Словарь А. И. Византийское имя России // ВВ. 1957. Т. XII.

- Соловьев Е. И. Про значения термина «тавроскифи» // Археологични памјатки УРСР. 1962. Т. XI.
- Сырку П. Византийская повесть об убийстве кнзя Игоря Фокки. СПб., 1883.
- Славянов М. Я. Об источниках Ала Дюлкоя и Скианди // Византийское обозрение. 1916. Т. 2; Он же. К вопросу о происхождении слов «Рос, Россия» // ВДИ. 1940. № 2; Он же. О социальной сущности законодательства Василия // ВВ. 1953. Т. VI; Он же. Мирозрение Ала Дюлкоя // АДСВ. 1974. Т. VII; Он же. Дофеодалный период // АДСВ. 1972. Т. VIII; Он же. Вселенная в исторические науки и внутренняя критика источника при датировке событий // Всесоюзные исторические дисциплины. Свердловск, 1974.
- Талис А. А. Росы в Крыму // Сов. археология. 1974. № 3.
- Тихая-Черетель М. Г. К вопросу о племенном происхождении Ивана Цинкисля // Труды Института славяноведения АН СССР. 1934. Т. 2.
- Тихомиров М. Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. // Славянский сборник. М., 1947.
- Толстой Н. И., Толстая С. М. Заметки по славянскому язычеству // Русский флякдор. 1981. Т. 221.
- Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М.; Л., 1948.
- Тыпков-Земнов В. Князь Игоря през първото българско царство // ИП. 1958. Т. 1.
- Удальцова З. В. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969.
- Успенский П. История Афона. Киев, 1877. Т. III.
- Успенский Ф. П. Византийская табель о раях // ИРАИК. 1898. Т. III.
- Фалорский А. Князь Рот у пророка Исаккиал // Сборник в чест на В. М. Златарски. София, 1925.
- Хомель Х. Ахил-бог // ВДИ. 1981. № 1.
- Цанков-Петков Г. Бележия към началния период от историята на Българската държава // Известия на Института на българска история. 1954. Т. 5.
- Черток А. Д. Описание войны великого князя Святослава Игоревича. М., 1843.
- Шанди М. «Записка греческого топарха» как источник к войне русских на Балканах // Ист. журнал. 1941. № 9.
- Шалатов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
- Шестakov С. П. Ахоним Cod. Patz, Glas. 1412 в пределах хронографии Феофана // Учен. зап. Имп. Казан. ун-та. 1897. Т. 64. Май—июнь; Июль—август.
- Шопов Я. Н. Русская летопись о политических взаимоотношениях древней Руси и Византии // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972.
- Аваллиани — Avalichvili Z. La succession du curoplote David d'Iberie, du-naste de Tao // Byzantion. 1933. Vol. 8.
- Адоки — Adoniz N. Notes armeno-byzantines // Ibid. 1934. Vol. 9; Idem. Les Taronites en Arménie // ВЗ. 1935. Bd. 10; Idem. Torak le Melne // Byzantion. 1936. Vol. 12.
- Алми, Кемер — Adoniz N., Caonard M. Quelques noms de personnalités byzantines dans une piece du poete arabe Abn Firaz (X siècle) // Ibid. 1936. Vol. 11.
- Александр — Alexander P. J. The strength of Empire Capital as seen through Byzantine eyes // Speculum. 1962. Vol. 37. N 3; Idem. Historiens byzantines et croyances eschatologiques // Actes du XII congrès international d'études byzantines. Beograd, 1964.
- Алькин — Halkin F. Le régime de Constantin d'après la chronique inédite au Pseudo-Isidore // Byzantion 1959—1960. Vol. 29—31.
- Альфано — Alfano G. Le eruzioni del Vesuvio tra il 79 e il 131. Valle di Pompei, 1924.

- Анастасиуки — Anastasiév D. Die Zahl der Araberzüge des Trimisias // BZ, 1929—1930. Bd. 30; Idem. La chronologie de la guerre russe de Trimisias // Byzantion, 1931. Vol. 6.
- Антониадис-Бибику — Antoniadis-Bibicou H. Recherches sur les Douanes à Byzance. P., 1963.
- Арселлер — Ahrensler H. Byzance et le Mer. P., 1966. Les relations entre les byzantins et les russes au IXe // Eadem Byzance les pays et les territoires. L., 1970.
- Бекк — Beck H.-G. Kirche und Theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959; Idem. Staat und Volk von Konstantinopel. Probleme der byzantinischen Verfassungsgeschichte. München, 1966; Idem. Res publica Romana // Das byzantinische Herrscherbild. Darmstadt, 1975.
- Беркманн — Bernhardt G. Leon Diakonos // Berliner Jahrbuch für wissenschaftliche Kritik, 1832. Bd. 1.
- Бидэ — Bidez I. Fragments nouveaux de Philostorge sur la vie de Constance // BZ, 1935. Bd. 10.
- Болонья — Bologna G. Uno storico bizantino Leone Diacono. Milano, 1950.
- Бриш — Brière L. La marine de Byzance du VIIe au XIe siècle // Byzantion, 1949. Vol. 19.
- Брокман — Brokman W. Basil Lacaricus // Studia Byzantina et Neohellenica Neerlandica. Leiden, 1972.
- Брунинг — Browning R. Byzantium and Bulgaria. L., 1975.
- Бурас — Bouras L. The reliquary cross of Leo Domesticos tes Dyssas // Byzantium and the classical Tradition. Birmingham, 1981.
- Варенберг — Warneberg G. Das geschichtswerk des Leon Diaconos. BZ, 1897. Bd. 6. 106—111; Idem. Leon Diaconos und die Chronisten // Ibid. 265—317.
- Васильев — Vasiliev A. A. Medieval Ideas of the End of the World. West and East // Byzantion, 1942—1943. Vol. 16; Idem. The Russian attack on Constantinople in 860. Cambridge (Mass.), 1946; Idem. Byzance et les Arabes // Ed. M. Canard. Bruxelles, 1950. T. 2, Pt. 2; Idem. The second Russian Attack on Constantinople // DOP, 1951. № 6.
- Гак — Gajek I. Kogut w worzaniach ludowych. Lwow, 1934.
- Георгиевски — Georgievski A. Contribution à l'étude de la réception du «Nomos Georgikos» dans les principautés Danubiennes // Byzantina, 1969. T. 1.
- Гайя — Gaillon A. Notes sur la société dans le katepónai d'Italie au XIe siècle // Gaillon A. Studies on Byzantine Italy. L., 1970.
- Гишан — Guillard R. Le palais de Bukoleon // BS, 1949. Vol. 10; 1950. Vol. 11; 1951. Vol. 12; 1952. Vol. 13; Idem. Etudes sur Phipnodrome de Byzance // BS, 1962. Vol. 23; 1964. Vol. 25; 1965. Vol. 26; Idem. Recherches sur les institutions byzantines. B., 1967. Bd. 1—2.
- Глейхнер — Gleixner H. — Ред. на кн.: Лоретто (см. выше) // BZ, 1962. Vol. 55.
- Гоф — Gough M. Anastasius // Anatolian Studies, 1952. Vol. 2.
- Грегори — Gregoire H. Notes de Géographie byzantine // Byzantion, 1935. Vol. 10; Idem. Geofonta-Golanta // Ibid. 1936. Vol. 11; Idem. Miscellanea epica et etymologica // Ibid.; Idem. La dernière campagne de Jean Trimisias contre les russes // Ibid. 1937. Vol. 12; Idem. Théodore le Stratégète et les russes d'Igor // Ibid. 1938. Vol. 13; L'histoire et la légende d'Oleg, prince de Kiev // La nouvelle Klio, 1952. Vol. 4; Idem. La carrière du premier Nicéphore Phocas. Thessalonique, 1953; Idem. Les Bylines russes. Mictes d'épées // Bulletin de la classe des lettres, Académie royale de Belgique, 1962. Sér. 5. Vol. 48.
- Грегори. Орхелас — Grégoire H. Orgels P. Les invasions russes dans le Synexaire de Constantinople // Byzantion, 1954. Vol. 24; Idem. Gallicanus, Consul et Martyr dans la Passion des SS. Jean et Paul, et sa vision «constantiniennes» du Crucifié // Bulletin de la classe des lettres, Académie royale de Belgique, 1956. Sér. 5. Vol. 42.
- Григсон — Grierson Ph. Byzantium colos. L., 1982.

- Грумел — Grumel V. Les registres des actes du Patriarcat de Constantinople. P., 1947. Vol. III; Idem. La chronologie. P., 1958.
- Грёрер — Gröförer A. Fr. Byzantinische Geschichte. Graz, 1877. Vol. 3.
- Гэ — Gay J. L'Italie méridionale et l'empire Byzantin depuis l'avènement de Basil jusqu'à la prise de Bari par les normans. P., 1904.
- Дакрон — Dagron G. La romanité chrétienne en Orient. L., 1984.
- Дакрон, Морассон — Dagron G., Morisson C. Le Kénarion dans les sources byzantines // Revue numismatique, 1975. Vol. 17.
- Дамон — Duolop D. The History of the Jewish Khazars. Princeton, 1954.
- Делейс — Delehay H. Eschanta et la légende de saint Théodore // Anatolian Studies presented to Sir W. W. Ramsay. Manchester, 1923.
- Деллер — Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches. Regesten von 505—1025. München, 1924. Tl. 1; Idem. Die Chronologie der Grossen Feldzüge des Kaisers Johannes Trimisias gegen die Russen // BZ, 1932. Bd. 32; Idem. Das Kaiserjahr der Byzantiner // Sitzungsberichte der Bayer. Akad. d. Wissenschaft., Phil.-hist. Kl., 1949. Bd. 1. Idem. Finanzgeschichtliches aus der byzantinischen Kaiser-Kanzlei des XIe Jh. // Parastora, 1961.
- Дженкинс — Jenkins R. Byzantium. The Imperial Centuries A. D. 610—1071. L., 1966.
- Диакону — Diacono P. Une information de Skylitzes et Cefrenus à la lumière de l'archéologie // Revue des études sud-est européennes, 1969. Vol. 7.
- Диал — Diel Ch. De la signification du titre de epeodross à Byzance // Mélanges offerts à C. Schlumberger. P., 1924.
- Диттен — Ditten H. Zu Germanoi-Derevljane in Leon Diaconos Geschichtswerk. VI, 10 // BS, 1964. Vol. 45.
- Дэн — Dain A. Le partage de butin de guerre d'après les traités juridiques et militaires // Actes de VI Congrès international d'études byzantines. P., 1948. Vol. 1.
- Жанян — Janin R. Constantinople byzantine (développement urbain et répertoire topographique). P., 1950; Idem. La géographie ecclésiastique de l'empire byzantin. Les églises et monastères. P., 1953. Vol. 3.
- Зворонко — Zvonkov N. La synagoga major des Basiliques. P., 1964.
- Зейбл — Seibt W. Die Skleroi. Wien, 1976.
- Иконоидис — Ikononides N. Les listes de présence byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972; Idem. Le doublement de S. Théodore // RESEE, 1987. Vol. 25.
- Иорданов — Jordanov I. Etablissement administratif byzantin à Preslav aux X—XII s // Actes du XVI Internationalen Byzantinistenkongress. Wien, 1982. Bd. 2.
- Кенар — Canard M. La des des expéditions mésopotamiennes de Jean Trimisias // Mélanges H. Grégoire, Bruxelles, 1950; Idem. Histoire de la dynastie des H'andantes des Jazira et de Syrie. Alger, 1951; Idem. Les sources arabes de l'histoire byzantine aux confins des Xe et XIe siècles // Canard M. Byzantium et les musulmans du Proche Orient. L., 1973.
- Кабане — Kabane H. et R. Two Nautical Terms of Greek Origin // Etymologica. Tübingen, 1958.
- Кениг — König E. Zur Vorgesichte des Namens «Russen» // ZDMG, 1916. Bd. 70.
- Крок — Croke B. Two Early Byzantine Earthquakes and Their Liturgical Commemoration // Byzantion, 1961. Vol. 51.
- Крумбахер — Krumbacher K. Geschichte der Byzantinischen Literatur. B., 1897.
- Кувалис — Kowalis P. Vie et civilisation byzantines. Athènes, 1951. Vol. 4. 1952. Vol. 5.
- Камеран — Cameron Av. Agathias. L., 1970; Eadem. The Theotokos in VI century Constantinople // Journal of Theological Studies. Nov. ser. 1978. N. 29.
- Лампидис — Lampidis O. Ein unbekannter Kenstgriff des Nikephoros Phokas bei der Laudung auf Chandax // BZ, 1976. Bd. 69.
- Ланг — Lang D. The Bulgarians. L., 1976.
- Левчик — Lewicki T. Les rites funéraires païens des slaves occidentaux et des

- anciens Russes d'après les relations — remontant surtout aux IX—X siècles — des voyageurs et des écrivains arabes // *Folia Orientalia*, 1963, Vol. 5.
- Лемезю — Lemeris P. Le premier humanisme byzantin. Notes et remarques sur l'enseignement et la culture à Byzance des origines au Xe siècle. P., 1971.
- Ленорман — Lenormant F. *Magas // Le Muzéon*, 1886, Vol. 1.
- Леонхарт — Leonhardt K. Kaiser Nicephorus II Phocas und die Hamdaniden. Halle, 1887.
- Лорой-Молинген — Lroy-Molinghen A., Karlin-Hayter P. *Basileusator // Byzantinica*, 1968, Vol. 36.
- Лахвер — Lachner K. Hellean and Barbara. München, 1954.
- Липаус — Lipaus R. A. Die Apokryphen Apostelgeschichten und Apostellegenden. Braunschweig, 1883, Bd. 1.
- Люттих — Lütlich R. Die Ungarnzüge in Europa X. Jh. B., 1910.
- Майлс — Miles G. The Coinage of the Arab Amirs of Crete. N. Y., 1970.
- Маккартни — Macartney C. A. The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930.
- Менсон — Menton B. Une terre de légende: L'Olympe de Bithynie. P., 1935.
- Миллес — Milles G. Byzantium and the Arabs. Relations in Crete and the Aegean Area // *DOP*, 1964, Vol. 18.
- Миссью — Missou D. Institutionelle Rolle des byzantinischen Kaisers // *Akten des XVI Internationalen Byzantinistenkongress*. Wien, 1982, T. 2.
- Моравчик — Moravcik Gy. Les sources byzantines de l'histoire Hongroise // *Byzantinica*, 1934, Vol. 9; Idem. Zum Bericht des Leo Diaconus über die Glaubens- und die Dienstleistung im Jenseits // *Studia antiqua*. Praha, 1959; Idem. *Byzantinistica*. B., 1958, Vol. 1—2; Idem. *Byzantium and the Magyars*. L., 1970.
- Морган — Morgan G. A Byzantine satirical Song // *BZ*, 1954, Bd. 47.
- Острогорский — Ostrogorsky G. Geschichte der Byzantinischen Staates, 3. Aufl. München, 1963; Idem. Observation on the aristocracy in Byzantium // *DOP*, 1971, Vol. 25.
- Праебтер — Praeclter K. Die römische Kaisergeschichte bis auf Diokletian in lat. Paris, 1712 // *BZ*, 1895, Bd. 5.
- Рамбо — Rambaud A. L'Empire grec en X. a. P., 1870.
- Ранселман — Runciman St. History of the First Bulgarian Empire. L., 1930.
- Раррапорт — Rappaport B. Die Einfälle der Goten in das römische Reich bis auf Constantine. Leipzig, 1899.
- Рубин — Rubin B. Die Entstehung der Kataphrakten Reiter in Licht der schwärzlichen Ausgrabungen // *Historia*, 1955, Bd. 4.
- Рагжу — Raghu W. M. The Historical Geography of Asia Minor. L., 1890.
- Стамеску — Stănescu E. Byzance et les Pays Roumains aux IX—XV siècles // *XIV Congrès international des études byzantines*. Bucarest, 1971.
- Террес — Terras V. Leo Diaconus and the Ethnology of Kievan Rus // *Slavic Review*, 1965, Vol. 24.
- Томас — Thomas J. A. Disputed Novel of Basil II // *Greek, Roman and Byzantine Studies*, 1983, Vol. 24.
- Томашек — Tomaschek W. Zur historischen Topographie v. Kleinasien in Mittelalter // *Sitzungsberichte d. Kaiserl. Akad. d. Wissensch.*, Wien, 1891, Bd. CCXIV.
- Трейтлингер — Treitinger O. Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee. München, 1956.
- Турдана — Turdiana E. Le dit de l'empereur Nicephore II Phocas et son épouse Theophano. Thessalonique, 1976.
- Уолкер — Walker P. The «Crusades» of John Trimices in the light of New Arabic Evidence // *Byzantinica*, 1977, Vol. 47.
- Фалкенхаузен — Falkenhausen V. von. Untersuchungen über die byzantinische Hezschicht in Süditalien vom 9 bis ins 11 Jh. Wiesbaden, 1967.
- Фишер — Fischer W. Beiträge zur historischen Kritik des Leo Diaconus und Michael Psellus // *Mitteilungen des Institutes für österreichische Geschichtsforschung*, 1886, Bd. 7.
- Фелл — Fell A. Le palais patricial // *Echos d'Orient*, P., 1940.

- Хайсус — Haussig H. W. Kulturgeschichte von Byzanz. Stuttgart, 1939.
- Хед — Head C. Physical Description of the Emperors in the Historical Writings // *Byzantinica*, 1980, Vol. 50.
- Хенди — Hendy M. F. Light Weight Solidi, tetarteta, and the Book of the Prefect // *BZ*, 1972, Bd. 65.
- Хониман — Honigmann E. Die Ostgrenze des Byzantinischen Reiches von 1071 bis 1071. Bruxelles, 1935.
- Христиди — Christides V. The Conquest of Crete by the Arabs ca. 824. Athens, 1984.
- Хунгер — Hunger H. Reich der neuen Mitte. Graz; Köln, 1965.
- Цанкова-Петкова — Cankova-Petkova G. L'établissement des Slaves et Protobulgares en Bulgarie du Nord-Est actuel et le sort de certaines villes riveraines du Danube // *Etudes historiques*. Sofia, 1970.
- Цахарис-Лингенхел — Zacharis a Lingenhel K. E. Geschichte der griechisch-romischen Recht. B., 1894.
- Шевченко — Sevčenko I. Sviatoslav in Byzantine and Slavic Miniatures // *Slavic Review*, 1965, Vol. 24; Idem. Poems on the Deaths of Leo VI and Constantine VII in the Madrid Manuscript of Seyllites // *DOP*, 1970, Vol. 13—14.
- Шилбах — Schilbach E. Byzantinische Metrologie. München, 1970.
- Шлюмбергер — Schlumberger G. Un empereur byzantin au dixième siècle. Nicephore Phocas. P., 1890; Idem. L'épopée byzantine à la fin du Xe siècle. P., 1890—1900, Vol. 1—2.
- Шрайнер — Schreiner P. Zur Ausrüstung des Krieges in Byzanz im Kiewer Russland und in Nordeuropa nach biblischen und literarischen Quellen // *Les pays du Nord et Byzance*. Uppsala, 1981.
- Шультце — Schultze V. Altchristliche Städte und Landeschaften. Güterloch, 1913—1930, Bd. 1—2.
- Эбкел — Eckhoff E. Seekrieg und Seepolitik zwischen Islam und Abendland. B., 1966.
- Элиас — Eliason O. Der Senat im Oströmischen Reich. Göttingen, 1887.
- Эмерсон, Хайс — Emerson W., Nire R. H. Sophia. preliminary report of a examination of its structure // *AJA*, 1943, Vol. 48, N. 4.
- Авантис — Avantis K. Παράρτησις τινος εἰς τὴν Μεσαιωνικὴν γραμματικὴν // *ΕΚΒΣ*, 1924, T. 1.
- Антомили — 'Αντωνίλη Ε. ἄξιμα γὰρ τὴν θεοῦ ἀποκατάστασιν Βασιλείου τοῦ Μεγάλου. 1953/1955, T. 3.
- Анотолопулу — Ανοτολοπούλου Σ. Ἡ ἑλληνικὴ ἐκδοχολογία καὶ τῆς Τέχνης ἀπὸ Βυζαντίου καὶ ἀρβελικῆς ἀγρῆς // *Graeco-Arabica*, 1982, T. 1.
- Κορρανιπούλου — Κορρανιπούλου Τ. Αἱ παλαιαὶ τῆς Βυζαντινῆς ἱστορίας. Βασιλοῦσα, 1970.
- Μαριόπουλος — Μαριόπουλος Δ. Ἰατρικὴ Βυζαντίου — προσκεκολλημένα προλήματα καὶ ἱεολογικὰ ἀνάρτα // *Σύμμικτα*, 1981, T. 4; Idem. Νέα στοιχεία γὰρ τὴν ἱστορίαν τοῦ Νικητῆρος Φωκά τῆν Κρήτη // *Βυζαντινὰ*, 1985, T. 13, N 2.
- Παναγιωτῆς — Παναγιώτης Ν. Ἐπιτομὴ ὁ βυζαντινῶν καὶ το κείμενα αὐτῶν „Ἀπομνημονεύματα τῆς Κρήτης“. Ἡράκλειον, 1980; Idem. Ἄπομνημονεύματα. Α. Τὰ ἱερολογημένα. Β. Χρονολογικὴ καὶ βιβλιογ. Ἰστορία τῶν ἐκδόσεων. Ἡ ἐπιτομὴ τῶν ἐκδόσεων τῶν Παναγιωτῆ // *Δελτίν*, 1972, T. 1.
- Σπυριδίου-Ζαφρακά — Σπυριδίου-Ζαφρακά Δ. Ἡ ἐπιτομὴ τῆς ἱστορίας „Ἀπομνημονεύματα τῆς Κρήτης“ // *Σύμμικτα*, 1977—1978, T. 39.
- Τολμαδικῆς — Τολμαδικῆς Β. Φιλολογικὴ ἐπιτομὴ τῶν ἐκδόσεων // *Επιτομὴ τῆς ἱστορίας τῆς ἐκδοτικῆς τῆς Κρήτης τῶν Παναγιωτῆ* // *Δελτίν*, 1972/1973, T. 23.
- Χριστοφιλοπούλου — Χριστοφιλοπούλου Α. Ἡ ἀποκατάστασις εἰς τὸ βυζαντινὸν κράτος // *Ἐκδοτῆς τοῦ Ἀρχιεπισκόπου τῆς Κρήτης τοῦ Ἱεροσολύμων* // 1949, T. 23.

АДСВ	— Античная древность и средние века
Вас.	— Василрики
ВВ	— Византийский вестник
ВДИ	— Вестник древней истории
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЭРВИ	— Эборики родового антропологического института
ИРАИК	— Известия Российского археологического института в Константинополе
Ил.	— Гомер. Илиада
ИП	— Исторический преглед
Коа.	— Кодекс Юстиниана
Юст.	
КСИС	— Краткие сообщения Института славяноведения
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
Од.	— Гомер. Одиссея
ПВА	— Повесть временных лет
Прод. Феоф.	— Продолжатель Феофана
АААН	— Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae
BS	— Byzantinoslavica
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ	— Ἐπετηρὶς Ἐκπαιδευτικῆς Βουλῆς Ἑλλάδος
MGHS	— Monumenta Germaniae Historica. Scriptores
PG	— Patrologia Graeca
SK	— Semioerium Koedakovianum
ZDMG	— Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft

От редактора

5

ИСТОРИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ	7
КНИГА ВТОРАЯ	14
КНИГА ТРЕТЬЯ	23
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ	33
КНИГА ПЯТАЯ	43
КНИГА ШЕСТАЯ	51
КНИГА СЕДЬМАЯ	60
КНИГА ВОСЬМАЯ	68
КНИГА ДЕВЯТАЯ	75
КНИГА ДЕСЯТАЯ	84

ДОПОЛНЕНИЯ

Энокмий, или Льва Дякона к императору Василию слово (перевод М. Я. Сюзюмова)	95
Царствование Романа, сына Константина Багрянородного (перевод М. Я. Сюзюмова)	99
Ватиканский Аноним (перевод С. А. Иванова)	105
Провозглашение императором Никифора (Фоки), бывшего до того домашним ском Востока, христолюбивого и храбрейшего (перевод С. А. Иванова)	107
История захвата Никифором Фокой императорского престола (перевод М. Я. Сюзюмова)	110
Недостатки правления Никифора (перевод М. Я. Сюзюмова)	118
О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия (перевод С. А. Иванова)	121
Из Иоанна Геометра (перевод С. А. Иванова)	133
Повесть временных лет	135

ПРИЛОЖЕНИЯ

Лев Дякон и его время (М. Я. Сюзюмов)	137
Комментарий (М. Я. Сюзюмов, С. А. Иванов)	166
Генеалогические схемы	227
Библиография	228
Список сокращений	238